

ЛЕВ
ТОЛСТОЙ

1

ЛЕВ

ТОЛСТОЙ

Т О М

1

LEON TOLSTOÏ

O E U V R E S C O M P L È T E S

SOUS LA RÉDACTION GÉNÉRALE
de V. T C H E R T K O F F

AVEC LA COLLABORATION DU COMITÉ DE RÉDACTION:
A. TOLSTAÏA, A. GROUSINSKY, N. GOUSSEFF, N. PIKSANOFF,
P. SAKOULINE, M. TSIAYLOVSKY ET K. CHOKHOR-TROTSKY

SANCTIONNÉE PAR LA COMMISSION DE RÉDACTION D'ÉTAT:
A. LOUNATCHARSKY, V. BONTCH-BROUIÉVITCH,
M. POKROVSKY et I. STÉPANOFF-SKVORTZOFF

P R E M I È R E S É R I E
O E U V R E S

T O M E

1

É D I T I O N D' É T A T
M O S C O U - L É N I N G R A D
1 9 2 8

Л. Н. Т О Л С Т О Й

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

В. Г. ЧЕРТКОВА

ПРИ УЧАСТИИ РЕДАКТОРСКОГО КОМИТЕТА В СОСТАВЕ
А. Л. ТОЛСТОЙ, А. Е. ГРУЗИНСКОГО, Н. Н. ГУСЕВА, Н. К. ПИКСАНОВА,
Н. Н. САКУЛИНА, М. А. ЦЯВЛОВСКОГО и К. С. ШОХОР-ТРОЦКОГО

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ
В СОСТАВЕ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, В. Д. ВОНЧ-БРУЕВИЧА,
М. Н. ПОКРОВСКОГО и П. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА

СЕРИЯ ПЕРВАЯ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ТОМ
1

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

1928

Перепечатка разрешается безвозмездно.

Reproduction libre pour tous les pays.

ОТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ.

Приступая к изданию собрания сочинений Л. Н. Толстого, Советское правительство признало необходимым обеспечить совершенно полное и объективное издание этих сочинений, поручив непосредственную работу по редактированию тому другу покойного писателя, которого он сам выбрал для этой цели и который привлек к сотрудничеству с собой наиболее подходящие для этого дела научные силы. Государство считало себя, тем не менее, обязанным установить контроль, направленный именно к сохранению такой полноты и объективности.

Государственная редакционная комиссия не имеет ни намерения, ни полномочия что-нибудь скрывать или сокращать в наследстве Толстого.

Естественно, однако, что могут встретиться обстоятельства, препятствующие опубликованию тех или других документов, касающихся еще живых людей, или другие обстоятельства, заставляющие задуматься о включении в полное собрание сочинений какого-нибудь слова или фразы.

Редакция не может не иметь права делать такого рода пропуски. Однако, все такие случаи будут внимательнейшим образом рассматриваться Государственной редакционной комиссией, чтобы путем этих пропусков или каких-нибудь замечаний, комментариев и т. д., быть может, невольно для самой редакции, не произошло упрощения многогранной природы Л. Н. Толстого и тенденциозного включения его в какие-нибудь суженные рамки.

Наблюдая за всем ходом издания и содействуя ему, Государственная редакционная комиссия именно в вышеуказанном духе понимает свои функции.

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА.

Лев Николаевич Толстой лично просил меня пересмотреть после его смерти оставшиеся неизданными его рукописи и напечатать, как он выразился, «то, что этого заслуживает». Это же самое желание он затем подтвердил письменно в своем завещательном распоряжении от 31 июля 1910 г., прибавив некоторые указания относительно того, как он хотел бы, чтобы издавались его посмертные писания. В настоящем издании все эти его желания в точности соблюдены.

Лев Николаевич никак не предполагал, что будет опубликовано все, что он когда-либо написал. А между тем, благодаря установившемуся обычаю по отношению к умершим писателям, нам в настоящем издании приходится именно в таком полном виде воспроизводить решительно все, написанное Толстым.

Нельзя, конечно, отрицать того, что такое совершенно полное издание писаний автора имеет свои положительные стороны. Помимо того, что при этом устраняется возможность сколько-нибудь одностороннего выбора материала редакторами, — интересующиеся последовательным ходом внутреннего развития писателя получают, таким образом, возможность проследить это развитие с самых ранних лет не только по законченным литературным произведениям автора, но и по его частным письмам, дневникам, черновым наброскам, записям всякого рода и т. п. Но вместе с тем весь этот, оставшийся после Толстого, богатый и разнообразный материал местами содержит в себе идейные противоречия, вполне понятные при непрерывном развитии сознания Льва Николаевича на протяжении его долголетней жизни. В молодости он естественно придерживался обычного мировоззрения людей его круга. Поэтому в его писаниях первого периода можно найти

не мало мыслей, несогласных с его позднейшими взглядами (как напр., проекты изменения государственных законов, рассуждения узко патриотические, религиозные мысли, близкие к учению церкви, и пр.). Но уже в этих его писаниях даже первого периода, особенно в дневниках, видны зачатки того мировоззрения, которое он с окончательной ясностью и полнотой выражал после внутреннего переворота в своей жизни. А потому для составления себе верного представления о жизнепонимании Толстого в том виде, в каком оно сложилось, как результат его напряженной работы мысли и долгого жизненного опыта, необходимо помнить, что ко многому, высказанному им в первоначальный период своей писательской деятельности, он впоследствии относился отрицательно. Оговорка эта тем более необходима, что редакция настоящего издания, строго придерживаясь принципа полной объективности, не снабжает текст никакими примечаниями с разъяснением подобных идейных противоречий.

Одна из характерных особенностей нашего издания заключается в том, что оно пользуется всеми сохранившимися после Толстого его черновиками. Лев Николаевич имел обыкновение много раз исправлять, переделывать и обрабатывать свои писания. Эти черновые тексты заключают в себе изменения самого разнообразного рода, начиная от исключения или включения целых более или менее крупных отрывков и кончая обычными стилистическими исправлениями. Он иногда выключал некоторые части написанного им, находя, что места эти слишком перегружают данное произведение, хотя вместе с тем дорожил изложенными в них мыслями. В последний период он в этих случаях отмечал особым значком эти изъятые места для иного их использования. Иногда он вычеркивал целые отрывки, просто будучи ими недоволен и не желая их появления в печати. Что касается исправлений им своего изложения, то они также бывали самого различного характера: иногда совсем несущественные, не имеющие никакого интереса для читателя, иногда же, наоборот, представляющие несомненный интерес. При этом значительная часть таких поправок просто преследует цель большей полноты, или, напротив того, сжатости изложения — возможно большей его ясности и силы. Но встречаются также и такие поправки, которые имеют целью изменить в том или другом отношении характер высказанного, напр.,

смягчить прорвавшийся слишком резкий или недобрый тон, умерить слишком крайнее утверждение, воздержаться от преждевременного оформления мысли, недостаточно еще назревшей, и т. п.

По отношению к этой массе сохранившихся черновых задача нашей редакции крайне ответственна. Печатать всё целиком нет никакой ни возможности, ни надобности, так как это только увеличило бы в несколько раз объем издания, включив в него подавляющее количество более или менее повторного материала, не представляющего ни малейшего интереса и только обременяющего внимание читателя. Однако, необходимо было извлечь из этого громадного собрания черновых то крайне интересное и ценное, что в нем сохоронено. Для осуществления этого редакция поставила себе целью, не обременяя содержания томов никому ненужным черновым материалом, вместе с тем не упускать ничего такого, что представляет интерес с какой-либо стороны и притом — интерес не только положительный, но и отрицательный. Так напр., в наших выдержках из черновиков мы смело воспроизводим такие вычеркнутые места, которые Лев Николаевич собственноручно исключил несомненно потому, что, перечитав их, сам не мог одобрить их содержания. Поступаем мы так потому, что именно подобные места представляют особенный интерес при изучении писательских приемов всякого автора, а в особенности обладающего такой исключительной способностью самокритики, как Толстой. При этом, приводя эти вычеркнутые места в приложениях к соответствующим произведениям, мы не позволяем себе никакого субъективного выбора, но воспроизводим их совершенно независимо от характера их идейного содержания.

Такова, в общем, была наша задача. Насколько успешно нам удалось ее осуществить, всегда возможно проверить по подлинникам самих черновиков, хранящихся в музейных архивах.

Другую особенностью нашего издания является то, что оно выпускается в свет при точном и полном соблюдении своеобразного предсмертного завещательного указания Л. Н. Толстого о том, как он желал, чтобы издавались его писания. А именно — с обозначением на каждом выходящем томе, что перепечатка его разрешается безвозмездно. Другими словами, с появлением в печати каждого тома настоящего издания, он освобо-

ждается от государственной монополии, становится всеобщим достоянием, и по отношению к его содержанию отпадают всякие ограничительные права собственности. Так что впредь всё содержание этого издания может перепечатываться и на русском языке и в переводах без получения на то особых разрешений от каких-либо «литературных собственников» произведений Толстого.

Для того, чтобы это освобождение от литературной собственности могло распространяться на всё содержание издания, включая не только написанное Толстым, но и редакторами, они, со своей стороны, также отказались, для всех последующих воспроизведений этого издания, от прав собственности на свою работу, т. е. на свои примечания, объяснительные статьи и пр.

Толстой — первый в мире выдающийся писатель, применивший отрицание собственности к своим литературным трудам. Явление это имеет выдающееся общественное значение, как один из признаков приближения новых отношений между людьми, основанных на взаимной солидарности и отсутствии всяких личных привилегий. Таким образом, настоящее издание полного собрания его произведений, помимо своего «юбилейного» значения, носит также и характер как бы международного памятника Льву Толстому в идейном отношении.

В. Чертков.

ОТ РЕДАКТОРСКОГО КОМИТЕТА.

В ознаменование наступающего 10 сентября 1928 г. столетия со дня рождения Льва Николаевича Толстого выпускается настоящее юбилейное издание первого полного собрания его произведений.

Подготовительные работы к осуществлению такого издания были начаты Владимиром Григорьевичем Чертковым еще с середины 80-х годов прошлого столетия, когда он поставил своей задачей собирание, хранение, систематизацию и изучение всех рукописей Толстого. В 1897 г. высланный из России В. Г. Чертков основал в Англии издательство «Свободное Слово», которое выпустило почти все произведения Толстого, в то время запрещенные в России. После кончины Л. Н. Толстого, под редакцией В. Г. Черткова, вышли три тома «Посмертных художественных произведений» Толстого (в издании А. Л. Толстой) и два тома его дневников. Что касается огромного рукописного материала, относящегося ко второму периоду творчества Толстого (1880 — 1910 гг.), переданного Толстым В. Г. Черткову, то в 1913 г. В. Г. Чертков все эти рукописи передал на хранение в Рукописное отделение Академии наук, откуда они были затем переведены в Московский Толстовский музей.

Другое большое собрание рукописей Л. Н. Толстого, которым владела С. А. Толстая, было передано ею сначала в Исторический, а затем в бывший Румянцовский музей и стало доступно для исследования с конца 1917 г. Для изучения и подготовки к печати этого материала, относящегося преимущественно к первому периоду творчества Л. Н. Толстого (до 1880 года), А. Л. Толстой было тогда же основано «Кооперативное товарищество по изучению и распространению произведений Л. Н. Толстого» под ее председательством.

За время работы «Кооперативного товарищества» членами его был подготовлен к печати ряд произведений Л. Н. Толстого первого периода. Со своей стороны В. Г. Чертков с группой своих сотрудников продолжал изучение и подготовку к печати произведений Л. Н. Толстого второго периода.

Работа обеих редакций в настоящее время объединена организованным В. Г. Чертковым, под его председательством, Редакторским комитетом, в состав которого вошли А. Л. Толстая, А. Е. Грузинский, Н. Н. Гусев, Н. К. Пиксанов, П. Н. Сакулин, М. А. Цявловский и К. С. Шохор-Троцкий.

Редакторская работа под наблюдением Комитета производится на основе изучения рукописного материала, заключающегося как в двух указанных основных рукописных фондах — Московском Толстовском музее и в архиве Л. Толстого, хранящемся в Библиотеке Союза ССР имени Ленина — так и в других хранилищах: в Библиотеке Союза ССР имени Ленина (кроме архива Л. Толстого), Публичной библиотеке РСФСР, Ленинградском Толстовском музее, Библиотеке Академии наук СССР и Российском историческом музее. Пользуясь богатыми первоисточниками, юбилейное издание стремится в наибольшей мере соблюсти два условия: полноту и точность воспроизведения текста. Оба эти условия не могли быть выполнены в достаточной степени в прежних изданиях Л. Н. Толстого, как по цензурным требованиям того времени, так и по ряду других причин.

С 1864 по 1880 г. Л. Н. Толстой сам принимал ближайшее участие в издании своих сочинений, включая в них лишь вполне законченные художественные произведения и педагогические статьи. С 1885 г. — собрания сочинений Л. Н. Толстого выпускались его женой, С. А. Толстой, но все эти издания, включая и посмертное издание 1911 г., разумеется, были далеко не полными, так как в них не могли войти произведения Л. Н. Толстого, запрещенные в России, а также его дневники, огромное большинство писем, варианты и черновые его произведения. То же следует сказать и об остальных изданиях сочинений Л. Н. Толстого: т-ва Сытина, под ред. П. И. Бирюкова, т-ва «Просвещение», под ред. А. М. Хирьякова, выпускаемое Госиздатом в качестве приложения к журналу «Огонек» 12-томное собрание художественных произведений Л. Н. Толстого и Ленинградское 15-томное издание Госиздата.

Все эти издания, не являясь полными собраниями произведений Л. Н. Толстого, в отношении точности воспроизведения текста оставляли желать очень многого, так как сверки текста с первоначальными текстами и с рукописями автора не производилось.

Настоящее юбилейное издание впервые дает полный, критически выверенный текст всех писаний Л. Н. Толстого, начиная с юношеских его произведений и кончая философскими статьями и дневниковыми записями последних лет его жизни.

Помимо общеизвестного текста его произведений, в издание входит богатый, впервые публикуемый материал, содержащий в себе отдельные произведения, наброски, отрывки, а также варианты и откинутые автором сцены к уже изданным произведениям. Изучение первоисточников дало этот исключительный по богатству и художественной ценности материал: оно открыло неизвестный до настоящего времени юношеский период творчества Толстого, предшествующий «Детству»; полосу его драматического творчества 1850—1860 гг. (семь произведений, из них одна большая, вполне законченная комедия), статьи и заметки Севастопольского периода, несколько «начал» романа из эпохи Петра I, начальные работы по нескольким другим историческим замыслам и мн. другое; дневники и записные книжки, охватывающие собой всю жизнь Толстого, с юношеских лет до последних дней, и представляющие неоценимый источник для уяснения его личности и творчества. Помимо этого обширного материала в настоящее издание войдет вся переписка Л. Н. Толстого, включающая свыше 7000 его писем к разным лицам по самым разнообразным вопросам, на разных европейских языках.

Соответственно этому материалу, все издание, заключающее в себе свыше 90 томов, распадается на три основных группы или серии:

1) произведения, как художественные, так и теоретические (педагогические, философско-религиозные, публицистические и сборники мыслей);

2) дневники и записные книжки;

3) письма.

Писания первой группы, произведения, составят первую серию в сорок три тома (в среднем по 25 печатных листов том). В эти томы входят, во-первых, окончательные редакции

произведений, в основу текста которых кладутся подлинные рукописи автора и наиболее авторитетные прижизненные издания произведений, печатавшихся или самим Толстым или по его поручению; во-вторых, кроме этого окончательного текста, печатаются, представляющие особый интерес, текстуальные отличия (варианты) предшествовавших ему публикаций; в-третьих, печатаются неизданные произведения, неоконченные или окончательно не отделанные; в-четвертых, — черновые (в огромном большинстве остающиеся до сих пор неопубликованными) варианты, представляющие интерес в художественном, биографическом или историческом отношениях.

Все произведения сопровождаются комментариями редакторов, в которых даются сведения о рукописях и краткая история творческой работы и печатания данного произведения. В комментариях к теоретическим произведениям, кроме этого, даются примечания биографического, исторического и т. п. характера.

Вторая серия, содержащая дневники и записные книжки с 1847 по 1910 г., составит тринадцать томов (в среднем от 25 до 35 печатных листов том), заключающих в себе до 200 печатных листов авторского текста, из которого до сих пор напечатано лишь 17 печатных листов дневников. Что касается записных книжек, то текст ни одной из них не был до сих пор напечатан.

Писания третьей серии — письма — составят около тридцати одного тома (в среднем до 30 печатных листов том), из которых до двух третей печатаются впервые.

К дневникам и письмам дается исчерпывающий информационный комментарий.

Указатели (произведений по алфавиту, произведений хронологически, писем по адресатам и общий ко всем томам собственных имен) и хронологическая канва биографии Л. Толстого составят три последних тома издания.

Все томы снабжены иллюстрациями (в количестве до 360-ти); сюда войдут: портреты Толстого, виды местностей и домов, где он жил, снимки с его рукописей, снимки с обложек изданий, представляющих библиографический интерес, и пр.; географические карты (Кавказа, Севастополя, Тульской и Орловской губ. и др.) и генеалогические таблицы.

В редактировании текстов Л. Н. Толстого принимают уча-

стие: Н. Н. Апостолов, П. И. Бирюков, Н. Л. Бродский, И. И. Горбунов-Посадов, Л. П. Гроссман, А. Е. Грузинский, Н. К. Гудвий, Л. Я. Гуревич, Н. Н. Гусев, Н. П. Киселев, Н. М. Мендельсон, М. В. Муратов, В. С. Нечаева, А. И. Никифоров, А. С. Петровский, Н. К. Пиксанов, В. Ф. Саводник, П. Н. Сакулин, В. И. Срезневский, М. А. Цявловский, В. Г. Чертков, К. С. Шохор-Троцкий, Б. М. Эйхенбаум и др.

Л. Н. ТОЛСТОЙ
1848 г.

Размер подлинника

ДЕТСТВО
ЮНОШЕСКИЕ
ОПЫТЫ

РЕДАКТОРЫ
А. Е. ГРУЗИНСКИЙ
М. А. ЦЯВЛОВСКИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ТОМУ.

Первую часть настоящего тома составляют тексты «Детства». Сюда входят, во-первых, окончательная (четвертая) редакция «Детства», печатаемая нами по изданию 1856 года; во-вторых, первая редакция романа «Четыре эпохи развития», из которого вышли «Детство», «Отрочество» и «Юность», впервые появляющаяся в печати, и, в-третьих, отрывки из второй и третьей редакций «Детства», в большей своей части также впервые публикуемые.

Вторая часть тома состоит из неизданных произведений, впервые печатающихся с подлинных рукописей. Сюда входит все, написанное Толстым до «Детства».

Этот материал вполне характеризуется заголовком *Юношеские опыты*. Действительно, это — или буквально первые «пробы пера» или, во всяком случае, разнородные упражнения, на которых пробуждающееся дарование проходило первую литературную школу, отражая в этих опытах серьезные умственные запросы (отрывки философского характера) и часто художественные стремления и литературные влияния (Стерн).

А. Е. Грузинский.

М. А. Цяловский.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Л. Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и с воспроизведением начертаний до-Гротовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Л. Толстого и лиц его круга (цаловать, скрыпеть).

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Л. Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила:

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, дополняются в прямых скобках.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это «ударение» не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся и это оговаривается в сноске.

На месте слов, не допустимых в печати, ставится в двойных прямых скобках цифра, обозначающая число невоспроизводимых слов: [[1]].

Неполно написанные конечные буквы (как напр., крючок вниз, вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к^{ми}», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый». «т[акъ] к[акъ]» лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или: [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске и ставятся в ломаных < > скобках, но в отдельных случаях допускается воспроизведение и зачеркнутых слов в ломаных < > скобках в тексте, а не в сноске.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом. Дважды подчеркнутое — курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении «многоочий» Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях — с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Обозначения: *, **, **, ** в оглавлении томов, на шмуц-титулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * — что печатается впервые, ** — что напечатано после смерти Л. Толстого, * — что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и ** — что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

ДЕТСТВО

ГЛАВА I.

УЧИТЕЛЬ КАРЛ ИВАНЫЧ.

12-го августа 18... ровно в третий день после дня моего рождения, в который мне минуло десять лет и в который я получил такие чудесные подарки, в 7 часов утра Карл Иваныч разбудил меня, ударив над самой моей головой хлопучкой — из сахарной бумаги на палке — по мухе. Он сделал это так неловко, что задел образок моего ангела, висевший на дубовой спинке кровати, и что убитая муха упала мне прямо на голову. Я высунул нос из-под одеяла, остановил рукою образок, который продолжал качаться, скинул убитую муху на пол и, хотя заспанными, но сердитыми глазами окинул Карла Иваныча. Он же, в пестром ваточном халате, подпоясанном поясом из той же материи, в красной вязаной ермолке с кисточкой и в мягких козловых сапогах, продолжал ходить около стен, прицеливаться и хлопать.

«Положим — думал я — я маленький, но зачем он тревожит меня? Отчего он не бьет мух около Володиной постели? вон их сколько! Нет, Володя старше меня; а я меньше всех: оттого он меня и мучит. Только о том и думает всю жизнь — прошептал я — как бы мне делать неприятности. Он очень хорошо видит, что разбудил и испугал меня, но выказывает, как будто не замечает.... противный человек! И халат, и шапочка, и кисточка — какие противные!».

В то время, как я таким образом мысленно выражал свою досаду на Карла Иваныча, он подошел к своей кровати, взглянул на часы, которые висели над нею в шитом бисерном башмачке, повесил хлопучку на гвоздик и, как заметно было, в самом приятном расположении духа, повернулся к нам.

— Auf, Kinder, auf!... s'ist Zeit. Die Mutter ist schon im Saal,¹ крикнул он добрым немецким голосом, потом подошел ко мне, сел у ног и достал из кармана табакерку. Я притворился, будто сплю. Карл Иваныч сначала понюхал, утер нос, щелкнул пальцами и тогда только принялся за меня. Он, посмеиваясь, начал щекотать мои пятки. — Nu, nun, Faulenzer!² говорил он.

Как я ни боялся щекотки, я не вскочил с постели и не отвечал ему, а только глубже запрятал голову под подушки, изо всех сил брыкал ногами и употреблял все старания удержаться от смеха.

— Какой он добрый и как нас любит, а я мог так дурно о нем думать!

Мне было досадно и на самого себя и на Карла Иваныча, хотелось смеяться и хотелось плакать: нервы были расстроены.

— Ach, lassen sie,³ Карл Иваныч! закричал я со слезами на глазах, высовывая голову из-под подушек.

Карл Иваныч удивился, оставил в покое мои подошвы и с беспокойством стал спрашивать меня: о чем я? не видел ли я чего дурного во сне?... Его доброе немецкое лицо, участие, с которым он старался угадать причину моих слез, заставляли их течь еще обильнее: мне было совестно, и я не понимал, как за минуту перед тем я мог не любить Карла Иваныча и находить противными его халат, шапочку и кисточку; теперь, напротив, все это казалось мне чрезвычайно милым, и даже кисточка казалась явным доказательством его доброты. Я сказал ему, что плачу оттого, что видел дурной сон, — будто татам умерла и ее несут хоронить. Все это я выдумал, потому что решительно не помнил, что мне снилось в эту ночь; но когда Карл Иваныч, тронутый моим рассказом, стал утешать и успокаивать меня, мне казалось, что я точно видел этот страшный сон, и слезы полились уже от другой причины.

Когда Карл Иваныч оставил меня, и я, приподнявшись на постели, стал натягивать чулки на свои маленькие ноги, слезы немного унялись, но мрачные мысли о выдуманном сне не оставляли меня. Вошел дядька Николай — маленький, чистенький человечек, всегда серьёзный, аккуратный, почтительный и большой приятель Карла Иваныча. Он нес наши платья и обувь:

¹ [Вставать, дети, вставать!... Пора. Мама уже в зале,]

² [Ну, ну, ленивец!]

³ [Ах, оставьте,]

Володе сапоги, а мне покуда еще несносные башмаки с бантиками. При нем мне было бы совестно плакать; притом утреннее солнышко весело светило в окна, а Володя, передразнивая Марью Ивановну (гувернантку сестры), так весело и звучно смеялся, стоя над умывальником, что даже серьезный Николай, с полотенцем на плече, с мылом в одной руке и с ручкой в другой, улыбаясь, говорил:

— Будет вам, Владимир Петрович, извольте умываться.

Я совсем развеселился.

— Sind sie bald fertig?¹ послышался из классной голос Карла Иваныча.

Голос его был строг и не имел уже того выражения доброты, которое тронуло меня до слез. В классной Карл Иваныч был совсем другой человек: он был наставник. Я живо оделся, умылся и еще с щеткой в руке, приглаживая мокрые волосы, явился на его зов.

Карл Иваныч, с очками на носу и книгой в руке, сидел на своем обычном месте, между дверью и окошком. Налево от двери были две полочки: одна — наша, детская, другая — Карла Иваныча, *собственная*. На нашей были всех сортов книги — учебные и не учебные: одни стояли, другие лежали. Только два больших тома Histoire des voyages,² в красных переплетах, чинно упирались в стену; а потом и пошли, длинные, толстые, большие и маленькие книги, — корочки без книг и книги без корочек; все туда же, бывало, нажмешь и всунешь, когда прикажут, перед рекреацией, привести в порядок библиотеку, как громко называл Карл Иваныч эту полочку. Коллекция книг на *собственной*, если не была так велика, как на нашей, то была еще разнообразнее. Я помню из них три: немецкую брошюру об уваживании огородов под капусту — без переплета, один том истории семилетней войны — в пергаменте, прожженном с одного угла, и полный курс гидростатики. Карл Иваныч большую часть своего времени проводил за чтением, даже испортил им свое зрение; но кроме этих книг и «Северной Пчелы» он ничего не читал.

В числе предметов, лежавших на полочке Карла Иваныча, был один, который больше всего мне его напоминает. Это — кружок из картона, вставленный в деревянную ножку, в ко-

¹ [Скоро вы готовы?]

² [История путешествий,]

торой кружок этот подвигался посредством шпенок. На кружке была наклеена картинка, представляющая карриатуры какой-то барыни и парикмахера. Карл Иваныч очень хорошо клеил и кружок этот сам изобрел и сделал для того, чтобы защищать свои слабые глаза от яркого света.

Как теперь вижу я перед собой длинную фигуру в ваточном халате и в красной шапочке, из-под которой виднеются редкие седые волосы. Он сидит подле столика, на котором стоит кружок съ парикмахером, бросавшим тень на его лицо; в одной руке он держит книгу, другая покоится на ручке кресел; подле него лежат часы с нарисованным егерем на циферблате, клетчатый платок, черная круглая табакерка; зеленый футляр для очков, щипцы на лоточке. Все это так чинно, аккуратно лежит на своем месте, что по одному этому порядку можно заключить, что у Карла Иваныча совесть чиста и душа покойна.

Бывало, как досыта набегаясь внизу по залу, на цыпочках прокрадешься наверх, в классную, смотришь — Карл Иваныч сидит себе один на своем кресле и с спокойно-величавым выражением читает какую-нибудь из своих любимых книг. Иногда я заставал его и в такие минуты, когда он не читал: очки спускались ниже на большом орлином носу, голубые, полузакрытые глаза смотрели с каким-то особенным выражением, а губы грустно улыбались. В комнате тихо; только слышно его равномерное дыхание и бой часов с егерем.

Бывало он меня не замечает, а я стою у двери и думаю: бедный, бедный старик! Нас много, мы играем, нам весело, а он — один-одинешенек, и никто-то его не приласкает. Правду он говорит, что он сирота. И история его жизни какая ужасная! я помню, как он рассказывал ее Николаю — ужасно быть в его положении! И так жалко станет, что бывало подойдешь к нему, возьмешь за руку и скажешь: «Lieber¹ Карл Иваныч!» Он любил, когда я ему говорил так; всегда приласкает и видно, что растроган.

На другой стене висели ландкарты, все почти изорванные, но искусно подклеенные рукою Карла Иваныча. На третьей стене, в середине которой была дверь вниз, с одной стороны висели две линейки: одна — изрезанная, наша, другая — новенькая, *собственная*, употребляемая им более для поощрения,

¹ [Милый]

чем для линейвания; с другой — черная доска, на которой кружками отмечались наши большие проступки и крестиками — маленькие. Налево от доски был угол, в который нас ставили на колени.

Как мне памятен этот угол! Помню заслонку в печи, отдушник в этой заслонке и шум, который он производил, когда его поворачивали. Бывало, стоишь, стоишь в углу, так что колени и спина заболят, и думаешь: забыл про меня Карл Иванович: ему, должно быть, покойно сидеть на мягком кресле и читать свою гидростатику, — а каково мне? и начнешь, чтобы напомнить о себе, потихоньку отворять и затворять заслонку или ковырять штукатурку со стены; но если вдруг упадет с шумом слишком большой кусок на землю, право, один страх хуже всякого наказания. Оглянешься на Карла Ивановича, — а он сидит себе с книгой в руке и как будто ничего не замечает.

В середине комнаты стоял стол, покрытый оборванной черной клеенкой, из-под которой во многих местах виднелись края, изрезанные перочинными ножами. Кругом стола было несколько некрашенных, но от долгого употребления залакированных, табуретов. Последняя стена была занята тремя окошками. Вот какой был вид из них: прямо под окнами дорога, на которой каждая выбоина, каждый камешек, каждая колея давно знакомы и милы мне; за дорогой — стриженная липовая аллея, из-за которой кое-где виднеется плетеный частокол; через аллею виден луг, с одной стороны которого гумно, а напротив лес; далеко в лесу видна избушка сторожа. Из окна направо видна часть террасы, на которой сиживали обыкновенно большие до обеда. Бывало, покуда поправляет Карл Иванович лист с диктовкой, выглянешь в ту сторону, видишь черную головку матушки, чью-нибудь спину и смутно слышишь оттуда говор и смех; так делается досадно, что нельзя там быть, и думаешь: «когда же я буду большой, перестану учиться и всегда буду сидеть не за диалогами, а с теми, кого я люблю?» Досада перейдет в грусть и, Бог знает отчего и о чем, так задумаешься, что и не слышишь, как Карл Иванович сердится за ошибки.

Карл Иванович снял халат, надел синий фрак с возвышениями и сборками на плечах, оправил перед зеркалом свой галстух и повел нас вниз — здороваться с матушкой.

ГЛАВА II.

МАМАН.

Матушка сидела в гостиной и разливала чай; одной рукой она придерживала чайник, другою — кран самовара, из которого вода текла через верх чайника на поднос. Но хотя она смотрела пристально, она не замечала этого, не замечала и того, что мы вошли.

Так много возникает воспоминаний прошедшего, когда стараешься воскресить в воображении черты любимого существа, что сквозь эти воспоминания, как сквозь слезы, смутно видишь их. Это слезы воображения. Когда я стараюсь вспомнить матушку такую, какою она была в это время, мне представляются только ее карие глаза, выражающие всегда одинаковую доброту и любовь, родинка на шее, немного ниже того места, где вьются маленькие волосики, шитый белый воротничок, нежная сухая рука, которая так часто меня ласкала и которую я так часто цаловал; но общее выражение ускользает от меня.

Налево от дивана стоял старый английский рояль; перед роялем сидела черномазенькая моя сестрица Любочка и розовенькими, только что вымытыми холодной водой пальчиками с заметным напряжением разыгрывала этюды Clementi. Ей было одиннадцать лет; она ходила в коротеньком холстинковом платьице, в беленьких обшитых кружевом панталончиках и октавы могла брать только *agreggio*.¹ Подле нее вполоборот сидела Марья Ивановна в чепце с розовыми лентами, в голубой кацавейке и с красным сердитым лицом, которое приняло еще более строгое выражение, как только вошел Карл Иванович. Она грозно посмотрела на него и, не отвечая на его поклон, продолжала, топая ногой, считать: *un, deux, trois, un, deux, trois*² еще громче и повелительнее, чем прежде.

Карл Иванович, не обращая на это ровно никакого внимания, по своему обыкновению, с немецким приветствием подошел прямо к ручке матушки. Она опомнилась, тряхнула головкой, как будто желая этим движением отогнать грустные мысли, подала руку Карлу Ивановичу и поцаловала его в морщинистый висок, в то время как он цаловал ее руку:

¹ [Арпеджо — звуки аккорда, следующие один за другим.]

² [раз, два, три, раз, два, три]

— Ich danke, lieber¹ Карл Иванович, — и, продолжая говорить по-немецки, она спросила:

— Хорошо ли спали дети?

Карл Иванович был глух на одно ухо, а теперь от шума за роялем вовсе ничего не слышал. Он нагнулся ближе к дивану, оперся одной рукой о стол, стоя на одной ноге, и с улыбкой, которая тогда мне казалась верхом утонченности, приподнял шапочку над головой и сказал:

— Вы меня извините, Наталья Николаевна?

Карл Иванович, чтобы не простудить своей голой головы, никогда не снимал красной шапочки, но всякий раз, входя в гостиную, спрашивал на это позволения.

— Наденьте, Карл Иванович.... Я вас спрашиваю, хорошо ли спали дети? — сказала татап, подвинувшись к нему и довольно громко.

Но он опять ничего не слышал, прикрыл лысину красной шапочкой и еще милее улыбался.

— Пойдите на минутку, Мими, — сказала татап Марье Ивановне с улыбкой: — ничего не слышно.

Когда матушка улыбалась, как ни хорошо было ее лицо, оно делалось несравненно лучше, и кругом все как будто веселело. Если бы в тяжелые минуты жизни я хоть мельком мог видеть эту улыбку, я бы не знал, что такое горе. Мне кажется, что в одной улыбке состоит то, что называют красотой лица: если улыбка прибавляет прелести лицу, то лицо прекрасно; если она не изменяет его, то оно обыкновенно; если она портит его, то оно дурно.

Поздоровавшись со мною, татап взяла обеими руками мою голову и откинула ее назад, потом посмотрела пристально на меня и сказала:

— Ты плакал сегодня?

Я не отвечал. Она поцаловала меня в глаза и по-немецки спросила:

— О чем ты плакал?

Когда она разговаривала с нами дружески, она всегда говорила на этом языке, который знала в совершенстве.

— Это я во сне плакал, татап, — сказал я, припоминая со всеми подробностями выдуманный сон и невольно содрогаясь при этой мысли.

¹ [Благодарю, милый]

Карл Иванович подтвердил мои слова, но умолчал о сне. Поговорив еще о погоде,—разговор, в котором приняла участие и Мими,—ташап положила на поднос шесть кусочков сахару для некоторых почетных слуг, встала и подошла к пьедесталам, которые стояли у окна.

— Ну, ступайте теперь к папа, дети, да скажите ему, чтобы он непременно ко мне зашел, прежде чем пойдет на гумно.

Музыка, считанье и грозные взгляды опять начались, а мы пошли к папа. Пройдя комнату, удержавшую еще от времен дедушки название *официантской*, мы вошли в кабинет.

ГЛАВА III.

ПАПА.

Он стоял подле письменного стола и, указывая на какие-то конверты, бумаги и кучки денег, горячился и с жаром толковал что-то приказчику Якову Михайлову, который, стоя на своем обычном месте, между дверью и барометром, заложив руки за спину, очень быстро и в разных направлениях шевелил пальцами.

Чем больше горячился папа, тем быстрее двигались пальцы, и наоборот: когда папа замолкал, и пальцы останавливались; но когда Яков сам начинал говорить, пальцы приходили в сильнейшее беспокойство и отчаянно прыгали в разные стороны. По их движениям, мне кажется, можно бы было угадывать тайные мысли Якова; лицо же его всегда было спокойно — выражало сознание своего достоинства и, вместе с тем подвластности, то есть: я прав, а, впрочем, воля ваша!

Увидев нас, папа только сказал:

— Погодите, сейчас.

И показал движением головы дверь, чтобы кто-нибудь из нас затворил ее.

— Ах, Боже мой милостивый! что с тобой нынче, Яков?— продолжал он к приказчику, подергивая плечом (у него была эта привычка). — Этот конверт со вложением 800 рублей....

Яков подвинул счеты, кинул 800 и устремил взоры на неопределенную точку, ожидая, что будет дальше.

— для расходов по экономии в моем отсутствии. Понимаешь? За мельницу ты должен получить 1.000 рублей.... так или нет? Залогов из казны ты должен получить обратно 8.000;

за сено, которого, по твоему же расчету, можно продать 7.000 пудов — кладу по 45 копеек — ты получишь 3.000; следовательно всех денег у тебя будет сколько? 12.000.... так или нет?

— Так точно-с, — сказал Яков.

Но по быстроте движений пальцами я заметил, что он хотел возразить; папа перебил его:

— Ну, из этих-то денег ты и пошлешь 10.000 в Совет за Петровское. — Теперь деньги, которые находятся в конторе, — продолжал папа (Яков смешал прежние 12.000 и кинул 21.000), — ты принесешь мне и нынешним же числом покажешь в расходе. (Яков смешал счета и перевернул их, показывая, должно быть, этим, что и деньги 21.000 пропадут так же.) Этот же конверт с деньгами ты передашь от меня по адресу.

Я близко стоял от стола и взглянул на надпись. Было написано: «Карлу Ивановичу Мауеру».

Должно быть, заметив, что я прочел то, чего мне знать не нужно, папа положил мне руку на плечо и легким движением показал направление прочь от стола. Я не понял, ласка ли это или замечание, на всякий же случай поцаловал большую жилистую руку, которая лежала на моем плече.

— Слушаю-с, — сказал Яков. — А какое приказание будет насчет хабаровских денег?

Хабаровка была деревня шамап.

— Оставить в конторе и отнюдь никуда не употреблять без моего приказания.

Яков помолчал несколько секунд; потом вдруг пальцы его завертелись с усиленной быстротой, и он, переменив выражение послушного тупоумия, с которым слушал господские приказания, на свойственное ему выражение плутоватой сметливости, подвинул к себе счета и начал говорить:

— Позвольте вам доложить, Петр Александрыч, что, как вам будет угодно, а в Совет к сроку заплатить нельзя. — Вы изволите говорить, — продолжал он с расстановкой, — что должны получиться деньги с залогов, с мельницы и с сена... (Высчитывая эти статьи, он кинул их на кости.) Так я боюсь, как бы нам не ошибиться в расчетах, — прибавил он, помолчав немного и глубокомысленно взглянув на папа.

— Отчего?

— А вот изволите видеть: насчет мельницы, так мельник уже два раза приходил ко мне отсрочки просить и Христом

Богом божился, что денег у него нет.... да он и теперь здесь: так не угодно ли вам будет самим с ним поговорить?

— Что же он говорит? спросил папа, делая головою знак, что не хочет говорить с мельником.

— Да известно что? говорит, что помолу совсем не было, что какие деньжонки были, так все в плотину посадил. Что ж, коли нам его снять, *судьрь*, так опять-таки найдем ли тут расчет? — Насчет залогов изволили говорить, так я уже, кажется, вам докладывал, что наши денежки там сели и скоро их получить не придется. Я намерен посылал в город к Иван Афанасьичу воз муки и записку об этом деле: так они опять-таки отвечают, что и рад бы стараться для Петра Александрыча, но дело не в моих руках, а что как по всему видно, так вряд ли и через два месяца получится ваша квитанция. — Насчет сена изволили говорить, положим, что и продается на 3.000....

Он кинул на счета 3.000 и с минуту молчал, поглядывая то на счета, то в глаза папа, с таким выражением:

«Вы сами видите, как это мало! Да и на сене опять-таки торгуем, коли его теперь продавать, вы сами изволите знать...»

Видно было, что у него еще большой запас доводов; должно быть, поэтому папа перебил его.

— Я распоряжений своих не переменю, сказал он: — но если в получении этих денег действительно будет задержка, то, нечего делать, возьмешь из хабаровских, сколько нужно будет.

— Слушаю-с.

По выражению лица и пальцев Якова заметно было, что последнее приказание доставило ему большое удовольствие.

Яков был крепостной, весьма усердный и преданный человек; он, как и все хорошие приказчики, был до крайности скуп за своего господина и имел о выгодах господских самые странные понятия. Он вечно заботился о приращении собственности своего господина насчет собственности госпожи, стараясь доказывать, что необходимо употреблять все доходы с ее имений на Петровское (село, в котором мы жили). В настоящую минуту он торжествовал, потому что совершенно успел в этом.

Поздоровавшись, папа сказал, что будет нам в деревне баклуши бить, что мы перестали быть маленькими, и что пора нам серьезно учиться.

— Вы уже знаете, я думаю, что я нынче в ночь еду в Москву и беру вас с собою, сказал он. — Вы будете жить у бабушки, а

папан с девочками остается здесь. И вы это знайте, что одно для нее будет утешение — слышать, что вы учитесь хорошо и что вами довольны.

Хотя по приготовлениям, которые за несколько дней заметны были, мы уже ожидали чего-то необыкновенного, однако, новость эта поразила нас ужасно. Володя покраснел и дрожащим голосом передал поручение матушки.

— Так вот что предвещал мне мой сон! подумал я: — дай Бог только, чтобы не было чего-нибудь еще хуже.

Мне очень, очень жалко стало матушку и вместе с тем мысль, что мы точно стали большие, радовала меня.

«Ежели мы нынче едем, то, верно, классов не будет: это славно! думал я. — Однако, жалко Карла Иваныча. Его верно отпустят, потому что иначе не приготовили бы для него конверта.... Уж лучше бы век учиться да не уезжать, не расставаться с матушкой и не обижать бедного Карла Иваныча. Он и так очень несчастлив!»

Мысли эти мелькали в моей голове; я не трогался с места и пристально смотрел на черные бантики своих башмаков.

Сказав с Карлом Иванычем еще несколько слов о понижении барометра и приказав Якову не кормить собак, с тем, чтобы на прощаньи выехать после обеда послушать молодых гончих, папа, против моего ожидания, послал нас учиться, утешив, однако, обещанием взять на охоту.

По дороге наверх я забежал на террасу. У дверей, на солнышке, зажмурившись, лежала любимая борзая собака отца — Милка.

— Милочка, говорил я, лаская ее и цалуя в морду: — мы нынче едем; прощай! никогда больше не увидимся.

Я расчувствовался и заплакал.

ГЛАВА IV.

КЛАССЫ.

Карл Иваныч был очень не в духе. Это было заметно по его сдвинутым бровям и по тому, как он швырнул свой сюртук в комод и как сердито подпоясался, и как сильно черкнул ногтем по книге диалогов, чтобы означить то место, до которого мы должны были вытвердить. Володя учился порядочно; я же так был расстроен, что решительно ничего не мог делать. Долго

бессмысленно смотрел я в книгу диалогов, но от слез, набравшихся мне в глаза при мысли о предстоящей разлуке, не мог читать; когда же пришло время говорить их Карлу Иванычу, который, зажмурившись, слушал меня (это был дурной признак), именно на том месте: где один говорит: *Wo kommen sie her?*¹ а другой отвечает: *ich komme vom Kaffe-Hause,*² я не мог более удерживать слез и от рыданий не мог произнести: *Haben sie die Zeitung nicht gelesen?*³ Когда дошло дело до чистописания, я от слез, падавших на бумагу, наделал таких клякс, как будто писал водой на оберточной бумаге.

Карл Иваныч рассердился, поставил меня на колени, твердил, что это упрямство, кукольная комедия (это было любимое его слово), угрожал линейкой и требовал, чтобы я просил прощенья, тогда как я от слез не мог слова вымолвить; наконец, должно быть, чувствуя свою несправедливость, он ушел в комнату Николая и хлопнул дверью.

Из классной слышен был разговор в комнате дядьки.

— Ты слышал, Николай, что дети едут в Москву? сказал Карл Иваныч, входя в комнату.

— Как же-с, слышал.

Должно быть, Николай хотел встать, потому что Карл Иваныч сказал: «сиди, Николай!» и вслед за этим затворил дверь. Я вышел из угла и подошел к двери подслушивать.

— Сколько ни делай добра людям, как ни будь привязан, видно, благодарности нельзя ожидать, Николай? говорил Карл Иваныч с чувством.

Николай, сидя у окна, за сапожной работой, утвердительно кивнул головой.

— Я двенадцать лет живу в этом доме и могу сказать перед Богом, Николай, продолжал Карл Иваныч, поднимая глаза и табакерку к потолку:—что я их любил и занимался ими больше, чем ежели бы это были мои собственные дети. Ты помнишь, Николай, когда у Володеньки была горячка, помнишь, как я девять дней, не смыкая глаз, сидел у его постели. Да! тогда я был добрый, милый Карл Иваныч, тогда я был нужен; а теперь, прибавил он, иронически улыбаясь: — теперь *дети*

¹ [Куда вы идете?]

² [я иду из кафе,]

³ [Вы не читали газеты?]

большие стали: им надо серьезно учиться. Точно они здесь не учатся, Николай?

— Как же еще учиться, кажется, сказал Николай, положив шило и протягивая обеими руками дратвы.

— Да, теперь я не нужен стал, меня и надо прогнать; а где обещания? где благодарность? — Наталью Николаевну я уважаю и люблю, Николай, сказал он, прикладывая руку к груди: — да что она?... ее воля в этом доме все равно, что вот это; при этом он с выразительным жестом кинул на пол обрезок кожи. — Я знаю, чьи это штуки и отчего я стал ненужен: оттого, что я не льщу и не потакаю во всем, как *иные люди*. Я привык всегда и перед всеми говорить правду, сказал он гордо. — Бог с ними! Оттого, что меня не будет, они не разбогатеют, а я, Бог милостив, найду себе кусок хлеба.... не так ли, Николай?

Николай поднял голову и посмотрел на Карла Иваныча так, как будто желая удостовериться, действительно ли может он найти кусок хлеба, — но ничего не сказал.

Много и долго говорил в этом духе Карл Иваныч: говорил о том, как лучше умели ценить его заслуги у какого-то генерала, где он прежде жил (мне очень больно было это слышать), говорил о Саксонии, о своих родителях, о друге своем портном Schönheit и т. д. и т. д.

Я сочувствовал его горю, и мне больно было, что отец и Карл Иваныч, которых я почти одинаково любил, не поняли друг друга; я опять отправился в угол, сел на пятки и рассуждал о том, как бы восстановить между ними согласие.

Вернувшись в классную, Карл Иваныч велел мне встать и приготовить тетрадь для писания под диктовку. Когда всё было готово, он величественно опустил в свое кресло и голосом, который, казалось, выходил из какой-то глубины, начал диктовать следующее: «Von al-len Lei-den-schaf-ten die grau-samste ist.... haben sie geschrieben?»¹ Здесь он остановился, медленно понюхал табак и продолжал с новой силой: «die grausamste ist die Un-dank-bar-keit.... Ein grosses U.»² В ожидании продолжения, написав последнее слово, я посмотрел на него.

¹ [Из всех пороков самый тяжкий.... написали?]

² [самый тяжкий есть Неблагодарность... Большое Н.]

— Punctum,¹ сказал он с едва заметной улыбкой и сделал знак, чтобы мы подали ему тетради.

Несколько раз, с различными интонациями и с выражением величайшего удовольствия, прочел он это изречение, выражавшее его задушевную мысль; потом задал нам урок из истории и сел у окна. Лицо его не было угрюмо, как прежде; оно выражало довольство человека, достойно отмстившего за нанесенную ему обиду.

Было без четверти час; но Карл Иваныч, казалось, и не думал о том, чтобы отпустить нас: он то-и-дело задавал новые уроки. Скука и аппетит увеличивались в одинаковой мере. Я с сильным нетерпением следил за всеми признаками, доказывавшими близость обеда. Вот дворовая женщина с мочалкой идет мыть тарелки, вот слышно, как шумят посудой в буфете, раздвигают стол и ставят стулья, вот и Мими с Любочкой и Катенькой (Катенька — двенадцатилетняя дочь Мими) идут из сада; но не видать Фоки — дворецкого Фоки, который всегда приходит и объявляет, что кушать готово. Тогда только можно будет бросить книги и, не обращая внимания на Карла Иваныча, бежать вниз.

Вот слышны шаги по лестнице; но это не Фока! Я изучил его походку и всегда узнаю скрип его сапогов. Дверь открылась, и в ней показалась фигура, мне совершенно незнакомая.

ГЛАВА V. ЮРОДИВЫЙ.

В комнату вошел человек лет пятидесяти, с бледным, изрытым оспою, продолговатым лицом, длинными седыми волосами и редкой рыжеватой бородкой. Он был такого большого роста, что для того, чтобы пройти в дверь, ему не только нужно было нагнуть голову, но и согнуться всем телом. На нем было надето что-то изорванное, похожее на кафтан и на подрясник; в руке он держал огромный посох. Войдя в комнату, он из всех сил стукнул им по полу и, скривив брови и чрезмерно раскрыв рот, захохотал самым страшным и неестественным образом. Он был крив на один глаз, и белый врачек этого глаза прыгал беспрестанно и придавал его и без того некрасивому лицу еще более отвратительное выражение.

¹ [Точка,]

— Ага! попались! закричал он, маленькими шажками подбегая к Володе, схватил его за голову и начал тщательно рассматривать его макушку, — потом с совершенно серьезным выражением отошел от него, подошел к столу и начал дуть под клеенку и крестить ее. — О-ох жалко! о-ох больно!... сердечные.... улетят, заговорил он потом дрожащим от слез голосом, с чувством всматриваясь в Володю, и стал утирать рукавом действительно падавшие слезы.

Голос его был груб и хрипл, движения торопливы и неровны, речь бессмысленна и несвязна (он никогда не употреблял местоимений), но ударения так трогательны, и желтое, уродливое лицо его принимало иногда такое откровенно-печальное выражение, что, слушая его, нельзя было удержаться от какого-то смешанного чувства сожаления, страха и грусти.

Это был юродивый и странник Гриша.

Откуда был он? кто были его родители? что побудило его избрать странническую жизнь, какую он вел? никто не знал этого. Знаю только то, что он с пятнадцатого года стал известен как юродивый, который зиму и лето ходит босиком, посещает монастыри, дарит образочки тем, кого полюбит, и говорит загадочные слова, которые некоторыми принимаются за предсказания, что никто никогда не знал его в другом виде, что он изредка хаживал к бабушке, и что одни говорили, будто он несчастный сын богатых родителей и чистая душа, а другие, что он просто мужик и лентяй.

Наконец явился давно желанный и пунктуальный Фока, и мы пошли вниз. Гриша, всхлипывая и продолжая говорить разную нелепицу, шел за нами и стучал костылем по ступенькам лестницы. Папа и татап ходили рука об руку по гостиной и о чем-то тихо разговаривали. Марья Ивановна чинно сидела на одном из кресел, симметрично под прямым углом, примыкавшим к дивану, и строгим, но сдержанным голосом давала наставления сидевшим подле нее девочкам. Как только Карл Иваныч вошел в комнату, она взглянула на него, тотчас же отвернулась, и лицо ее приняло выражение, которое можно передать так: я вас не замечаю, Карл Иваныч. По глазам девочек заметно было, что они очень хотели поскорее передать нам какое-то очень важное известие; но вскочить с своих мест и подойти к нам было бы нарушением правил Мими. Мы сначала должны были

подойти к ней, сказать: «*bonjour, Mimi!*», шаркнуть ногой, а потом уже позволялось вступать в разговоры.

Что за несносная особа была эта Мими! При ней, бывало, ни о чем нельзя было говорить: она всё находила неприличным. Сверх того, она беспрестанно приставала: *parlez donc français*,¹ а тут-то, как на зло, так и хочется болтать по-русски; или за обедом — только что войдешь во вкус какого-нибудь кушанья и желаешь, чтобы никто не мешал, уж она непременно — *manquez donc avec du pain*, или *comment ce que vous tenez votre fourchette?*² «И какое ей до нас дело! — подумает. Пускай она учит своих девочек, а у нас есть на это Карл Иванович». Я вполне разделял его ненависть к *иным людям*.

— Попроси мамашу, чтобы нас взяли на охоту, сказала Катенька шопотом, останавливая меня за курточку, когда большие прошли вперед в столовую.

— Хорошо; постараемся.

Гриша обедал в столовой, но за особенным столиком; он не поднимал глаз с своей тарелки, изредка вздыхал, делал страшные гримасы и говорил, как будто сам с собою: жалко!... улетела.... улетит голубь в небо.... ох, на могиле камень!... и т. п.

Мамаша с утра была расстроена; присутствие, слова и поступки Гриши заметно усиливали в ней это расположение.

— Ах да, я было и забыла попросить тебя об одной вещи, сказала она, подавая отцу тарелку с супом.

— Что такое?

— Вели пожалуста запирать своих страшных собак; а то они чуть не закусали бедного Гришу, когда он проходил по двору. Они этак и на детей могут броситься.

Услышав, что речь идет о нем, Гриша повернулся к столу, стал показывать изорванные полы своей одежды и, пережевывая, приговаривать:

— Хотел, чтобы загрызли... Бог не попустил. Грех собаками травить! большой грех! Не бей *большак*,³ что бить? Бог простит.... дни не такие

— Что это он говорит? спросил папа, пристально и строго рассматривая его. — Я ничего не понимаю.

— А я понимаю, отвечала мамаша: — он мне рассказывал,

¹ [говорите же по-французски,]

² [ешьте же с хлебом, или как вы держите вилку?]

³ Так он безразлично называл всех мужчин.

что какой-то охотник нарочно на него пускал собак, так он и говорит: «хотел, чтобы загрызли, но Бог не попустил, и просит тебя, чтобы ты за это не наказывал его».

— А! вот что! сказал папа. — Почему же он знает, что я хочу наказывать этого охотника? — Ты знаешь, я вообще не большой охотник до этих господ, продолжал он по-французски: — но этот особенно мне не нравится и должен быть....

— Ах, не говори этого, мой друг, прервала его мама, как будто испугавшись чего-нибудь: — почему ты знаешь?

— Кажется, я имел случай изучить эту породу людей — их столько к тебе ходит — все на один покрой. Вечно одна и та же история....

Видно было, что матушка на этот счет была совершенно другого мнения и не хотела спорить.

— Передай мне пожалуйста пирожок, сказала она. — Что, хороши ли они нынче?

— Нет, меня сердит, продолжал папа, взяв в руку пирожок, но держа его на таком расстоянии, чтобы мама не могла достать его: — нет, меня сердит, когда я вижу, что люди умные и образованные впадают в обман.

И он ударил вилкой по столу.

— Я тебя просила передать мне пирожок, повторила она, протягивая руку.

— И прекрасно делают, продолжал папа, отодвигая руку: — что таких людей сажают в полицию. Они приносят только ту пользу, что расстраивают и без того слабые нервы некоторых особ, прибавил он с улыбкой, заметив, что этот разговор очень не нравился матушке, и подал ей пирожок.

— Я на это тебе только одно скажу: трудно поверить, чтобы человек, который, несмотря на свои шестьдесят лет, вimu и лето ходит босой и не снимая носит под платьем вериги в два пуда весом, и который не раз отказывался от предложений жить спокойно и на всем готовом, — трудно поверить, чтобы такой человек все это делал только из лени.

— Насчет предсказаний, прибавила она со вздохом и помолчав немного: — *je suis ravée roug у sçoïre*;¹ я тебе рассказывала, кажется, как Кириуша день в день, час в час предсказал покойнику папеньке его кончину.

¹ [я заплатила за то, чтобы им верить;]

— Ах, что ты со мной сделала! сказал папа, улыбаясь и приставив руку ко рту с той стороны, с которой сидела Мими. (Когда он это делал, я всегда слушал с напряженным вниманием, ожидая чего-нибудь смешного.) — Зачем ты мне напомнила об его ногах? я посмотрел и теперь ничего есть не буду.

Обед клонился к концу. Любочка и Катенька беспрестанно подмигивали нам, вертелись на своих стульях и вообще извъяляли сильное беспокойство. Подмигивание это значило: «что же вы не просите, чтобы нас взяли на охоту?» Я толкнул локтем Володю, Володя толкнул меня и наконец решился: сначала робким голосом, потом довольно твердо и громко, он объяснил, что так как мы нынче должны ехать, то желали бы, чтобы девочки вместе с нами поехали на охоту, в линейке. После небольшого совещания между большими, вопрос этот решен был в нашу пользу, и — что было еще приятнее — татап сказала, что она сама поедет с нами.

ГЛАВА VI.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ОХОТЕ.

Во время пирожного был позван Яков, и отданы приказания насчет линейки, собак и верховых лошадей — всё с величайшею подробностью, называя каждую лошадь по имени. Володина лошадь хромала; папа велел оседлать для него охотничью. Это слово: «охотничья лошадь», как-то странно звучало в ушах татап: ей казалось, что охотничья лошадь должна быть что-то в роде бешеного зверя, и что она непременно понесет и убьет Володю. Несмотря на увещания папа и Володи, который с удивительным молодечеством говорил, что это ничего и что он очень любит, когда лошадь несет, бедняжка татап продолжала твердить, что она всё гулянье будет мучиться.

Обед кончился; большие пошли в кабинет пить кофе, а мы побежали в сад шаркать ногами по дорожкам, покрытым упавшими, желтыми листьями, и разговаривать. Начались разговоры о том, что Володя поедет на охотничьей лошади, о том, как стыдно, что Любочка тише бегаёт, чем Катенька, о том, что интересно было бы посмотреть вериги Гриши, и т. д.; о том же, что мы расстаемся, ни слова не было сказано. Разговор наш был прерван стуком подъезжавшей линейки, на которой

у каждой рессоры сидело по дворовому мальчику. За линейкой ехали охотники с собаками, за охотниками — кучер Игнат, на назначенной Володе лошади, и вел в поводу моего старинного клепера. Сначала мы все бросились к забору, от которого видны были все эти интересные вещи, а потом с визгом и топотом побежали наверх одеваться, и одеваться так, чтобы как можно более походить на охотников. Одно из главных к тому средств было всучивание панталон в сапоги. Нимало не медля, мы принялись за это дело, торопясь скорее кончить его и бежать на крыльцо наслаждаться видом собак, лошадей и разговором с охотниками.

День был жаркий. Белые, причудливых форм тучки с утра показались на горизонте; потом все ближе и ближе стал сгонять их маленький ветерок, так что изредка они закрывали солнце. Сколько ни ходили и ни чернели тучи, видно не суждено им было собраться в грозу и в последний раз помешать нашему удовольствию. К вечеру они опять стали расходиться: одни побледнели, подлиннели и бежали на горизонт; другие, над самой головой, превратились в белую прозрачную чешую; одна только черная большая туча остановилась на востоке. Карл Иванович всегда знал, куда какая туча пойдет; он объявил, что эта туча пойдет к Масловке, что дождя не будет, и погода будет превосходная.

Фока, несмотря на свои преклонные лета, сбегал с лестницы очень ловко и скоро, крикнул: «подавай!» и, раздвинув ноги, твердо стал по середине подъезда, между тем местом, куда должен был подкатить линейку кучер, и порогом, в позиции человека, которому не нужно напоминать о его обязанности. Барыни сошли и после небольшого прения о том, кому на какой стороне сидеть и за кого держаться (хотя, мне кажется, совсем не нужно было держаться), уселись, раскрыли зонтики и поехали. Когда линейка тронулась, тапан, указывая на «охотничью лошадь», спросила дрожащим голосом у кучера:

— Эта для Владимира Петровича лошадь?

И когда кучер отвечал утвердительно, она махнула рукой и отвернулась. Я был в сильном нетерпении: взлез на свою лошадку, смотрел ей между ушей и делал по двору разные эволюции.

— Собак не извольте раздавить, сказал мне какой-то охотник.

— Будь покоен: мне не в первый раз, отвечал я гордо.

Володя сел на «охотничью лошадь», несмотря на твердость своего характера, не без некоторого содрогания, и, оглаживая ее, несколько раз спросил:

— Смирна ли она?

На лошади же он был очень хорош — точно большой.. Обтянутые ляжки его лежали на седле так хорошо, что мне было завидно, — особенно потому, что, сколько я мог судить по тени, я далеко не имел такого прекрасного вида.

Вот слышались шаги папа на лестнице; выжлятник подогнал отрыскавших гончих; охотники с борзьями подозвали своих и стали садиться. Стремянный подвел лошадь к крыльцу; собаки своры папа, которые прежде лежали в разных живописных позах около нее, бросились к нему. Вслед за ним, в бисерном ошейнике, побрякивая железкой, весело выбежала Милка. Она, выходя, всегда здоровалась с псарными собаками: с одними поиграет, с другими понюхается и порычит, а у некоторых поищет блох.

Папа сел на лошадь, и мы поехали.

ГЛАВА VII.

ОХОТА.

Доезжачий, прозывавшийся Турка, на голубой, горбоносой лошади, в мохнатой шапке, с огромным рогом за плечами и ножом на поясе, ехал впереди всех. По мрачной и свирепой наружности этого человека скорее можно было подумать, что он едет на смертный бой, чем на охоту. Около задних ног его лошади, пестрым, волнующимся клубком, бежали сомкнутые гончие. Жалко было видеть, какая участь постигала ту несчастную, которой вздумывалось отстать. Ей надо было с большими усилиями перетянуть свою подругу, и когда она достигала этого, один из выжлятников, ехавших сзади, непременно хлопал по ней арапником, приговаривая: «в кучу!» Выехав за ворота, папа велел охотникам и нам ехать по дороге, а сам повернул в ржаное поле.

Хлебная уборка была во всем разгаре. Необозримое, блестяще-желтое поле замыкалось только с одной стороны высоким, синеющим лесом, который тогда казался мне самым отдаленным, таинственным местом, за которым или кончается

свет, или начинаются необитаемые страны. Все поле было покрыто копнами и народом. В высокой, густой ржи виднелись кой-где, на выжатой полосе, согнутая спина жницы, взмах колосьев, когда она перекладывала их между пальцев, женщина, в тени, нагнувшаяся над люлькой, и разбросанные снопы по усеянному васильками жнивью. В другой стороне мужики в одних рубахах, стоя на телегах, накладывали копны и пылили по сухому, раскаленному полю. Староста, в сапогах и армяке в накидку, с бирками в руке, издалека заметив папа, снял свою поярковую шляпу, утирал рыжую голову и бороду полотенцем и покрикивал на баб. Рыженькая лошадка, на которой ехал папа, шла легкой, игривой ходой, изредка опуская голову к груди, вытягивая поводья и смахивая густым хвостом оводов и мух, которые жадно лепились на нее. Две борзые собаки, напряженно загнув хвост серпом и высоко поднимая ноги, грациозно перепрыгивали по высокому жнивью, за ногами лошади; Милка бежала впереди и, загнув голову, ожидала прикормки. Говор народа, топот лошадей и телег, веселый свист перепелов, жужжание насекомых, которые неподвижными стаями вились в воздухе, запах полыни, соломы и лошадиного пота, тысячи различных цветов и теней, которые разливало палящее солнце по светло-желтому жнивью, синей дали леса и белололовым облакам, белые паутины, которые носились в воздухе или ложились по жнивью, — всё это я видел, слышал и чувствовал.

Подъехав к Калиновому лесу, мы нашли линейку уже там и, сверх всякого ожидания, еще телегу в одну лошадь, на середине которой сидел буфетчик. Из-под сена виднелись: самовар, кадка с мороженой формой и еще кой-какие привлекательные узелки и коробочки. Нельзя было ошибиться: это был чай на чистом воздухе, мороженое и фрукты. При виде телеги, мы изъявили шумную радость, потому что пить чай в лесу на траве и вообще на таком месте, на котором никто и никогда не пивал чаю, считалось большим наслаждением.

Турка подъехал к острову, остановился, внимательно выслушал от папа подробное наставление, как равняться и куда выходить (впрочем, он никогда не соображался с этим наставлением, а делал по своему), разомкнул собак, не спеша вторичил смычки, сел на лошадь и, посвистывая, скрылся за молодыми березками. Разомкнутые гончие прежде всего маханиями хво-

стов выразили свое удовольствие, встряхнулись, оправились и потом уже маленькой рысцой, принюхиваясь и махая хвостами, побежали в разные стороны.

— Есть у тебя платок? спросил папа.

Я вынул из кармана и показал ему.

— Ну, так возьми на платок эту серую собаку...

— Жирана? сказал я, с видом знатока.

— Да; и беги по дороге. Когда придет полянка, остановись и смотри: ко мне без зайца не приходите!

Я обмотал платком мохнатую шею Жирана и опрометью бросился бежать к назначенному месту. Папа смеялся и кричал мне вслед:

— Скорей, скорей, а то опоздаешь.

Жиран беспрестанно останавливался, поднимая уши, и прислушивался к порсканью охотников. У меня не доставало сил стащить его с места, и я начинал кричать: «ату! ату!» Тогда Жиран рвался так сильно, что я насилу мог удерживать его, и не раз упал, покуда добрался до места. Избрав у корня высокого дуба тенистое и ровное место, я лег на траву, усадил подле себя Жирана и начал ожидать. Воображение мое, как всегда бывает в подобных случаях, ушло далеко вперед действительности: я воображал себе, что травлю уже третьего зайца, в то время, как отозвалась в лесу первая гончая. Голос Турки громче и одушевленное раздался по лесу; гончая взвизгивала, и голос ее слышался чаще и чаще; к нему присоединился другой, басистый голос, потом третий, четвертый... Голоса эти то замолкали, то перебивали друг друга. Звуки постепенно становились сильнее и непрерывнее и наконец слились в один звонкий, залиvistый гул. *Остров был голосистый и гончие варили варом.*

Услыхав это, я замер на своем месте. Вперив глаза в опушку, я бессмысленно улыбался; пот катился с меня градом, и хотя капли его, сбегаая по подбородку, щекотали меня, я не вытирал их. Мне казалось, что не может быть решительнее этой минуты. Положение этой напряженности было слишком неестественно, чтобы продолжаться долго. Гончие то заливались около самой опушки, то постепенно отдалялись от меня; зайца не было. Я стал смотреть по сторонам. С Жираном было то же самое: сначала он рвался и взвизгивал, потом лег подле меня, положил морду мне на колени и успокоился.

Около оголившихся корней того дуба, под которым я сидел, по серой, сухой земле, между сухими дубовыми листьями, жолудьми, пересохшими, обомшальными хворостинками, желто-зеленым мхом и изредка пробивавшимися, тонкими, зелеными травками, кишмя кишели муравьи. Они, один за другим, торопились, по пробитым ими торным дорожкам: некоторые с тяжестями, другие перожняком. Я взял в руки хворостину и загородил ею дорогу. Надо было видеть, как одни, презирая опасность, подлезали под нее, другие перелезали через; а некоторые, особенно те, которые были с тяжестями, совершенно терялись и не знали, что делать: останавливались, искали обхода, или ворочались назад, или по хворостинке добирались до моей руки и, кажется, намеревались забраться под рукав моей курточки. От этих интересных наблюдений я был отвлечен бабочкой, с желтыми крылышками, которая чрезвычайно заманчиво вилась передо мною. Как только я обратил на нее внимание, она отлетела от меня шага на два, повилась над почти увядшим белым цветком дикого клевера и села на него. Не знаю, солнышко ли ее пригрело, или она брала сок из этой травки — только видно было, что ей очень хорошо. Она изредка взмахивала крылышками и прижималась к цветку, наконец совсем замерла. Я положил голову на обе руки и с удовольствием смотрел на нее.

Вдруг Жиран завыл и рванулся с такой силой, что я чуть было не упал. Я оглянулся. На опушке леса, приложив одно ухо и приподняв другое, перепрыгивал заяц. Кровь ударила мне в голову и я всё забыл в эту минуту: закричал что-то неистовым голосом, пустил собаку и бросился бежать. Но не успел я этого сделать, как уже стал раскаиваться: заяц присел, сделал прыжок, и больше я его не видал.

Но каков был мой стыд, когда вслед за гончими, которые в голос вывели на опушку, из-за кустов показался Турка! Он видел мою ошибку (которая состояла в том, что я не *выдержал*) и, презрительно взглянув на меня, сказал только: «эх, барин!» Но надо знать, как это было сказано! Мне было бы легче, ежели бы он меня, как зайца, повесил на седло.

Долго стоял я в сильном отчаянии на том же месте, не звал собаки и только твердил, ударяя себя по ляжкам.

— Боже мой, что я наделал!

Я слышал, как гончие погнались дальше, как застучали на другой стороне острова, отбили зайца, и как Турка в свой огромный рог вызывал собак, — но всё не трогался с места....

ГЛАВА VIII.

ИГРЫ.

Охота кончилась. В тени молодых березок был разостлан ковер и на ковре кружком сидело всё общество. Буфетчик Гаврило, примяв около себя зеленую сочную траву, перетирал тарелки и доставал из коробочки завернутые в листья сливы и персики. Сквозь зеленые ветви молодых берез просвечивало солнце и бросало на узоры ковра, на мои ноги и даже на плешивую, вспотевшую голову Гаврилы круглые, колеблющиеся просветы. Легкий ветерок, пробегая по листьям деревьев, по моим волосам и вспотевшему лицу, чрезвычайно освежал меня.

Когда нас оделили мороженым и фруктами, делать на ковре было нечего, и мы, несмотря на косые, палящие лучи солнца, встали и отправились играть.

— Ну, во что? сказала Любочка, щурясь от солнца и прыгивая по траве. — Давайте в Робинзона.

— Нет.... скучно, сказал Володя, лениво повалившись на траву и пережевывая листья: — вечно Робинзон! Ежели непременно хотите, так давайте лучше беседочку строить.

Володя заметно важничал: должно быть, он гордился тем, что приехал на охотничьей лошади, и притворялся, что очень устал. Может быть, и то, что у него уже было слишком много здравого смысла и слишком мало силы воображения, чтобы вполне наслаждаться игрою в Робинзона. Игра эта состояла в представлении сцен из «Robinson Suisse»,¹ которого мы читали не задолго пред этим.

— Ну, пожалуста.... отчего ты не хочешь сделать нам этого удовольствия? приставали к нему девочки. — Ты будешь Charles или Ernest, или отец — как хочешь? говорила Катенька, стараясь за рукав курточки приподнять его с земли.

— Право не хочется — скучно! сказал Володя, потягиваясь и вместе с тем самодовольно улыбаясь.

— Так лучше бы дома сидеть, коли никто не хочет играть, сквозь слезы выговорила Любочка.

¹ [Швейцарский Робинзон.]

Она была страшная плакса.

— Ну, пойдёмте; только не плачь пожалуста: терпеть не могу!

Снисхождение Володи доставило нам очень мало удовольствия; напротив, его ленивый и скучный вид разрушал всё очарование игры. Когда мы сели на землю и, воображая, что плывем на рыбную ловлю, изо всех сил начали грести, Володя сидел сложа руки и в позе, неимеющей ничего схожего с позой рыбака. Я заметил ему это; но он отвечал, что от того, что мы будем больше или меньше махать руками, мы ничего не выиграем и не проиграем и всё же далеко не уедем. Я невольно согласился с ним. Когда, воображая, что я иду на охоту, с палкой на плече, я отправился в лес, Володя лег на спину, закинул руки под голову и сказал мне, что будто бы и он ходил. Такие поступки и слова, охлаждая нас к игре, были крайне неприятны, тем более, что нельзя было в душе не согласиться, что Володя поступает благообразно.

Я сам знаю, что из палки не только что убить птицу, да и выстрелить никак нельзя. Это игра. Коли так рассуждать, то и на стульях ездить нельзя; а Володя, я думаю, сам помнит, как в долгие зимние вечера мы накрывали кресло платками, делали из него коляску, один садился кучером, другой лакеем, девочки в середину, три стула были тройка лошадей, — и мы отправлялись в дорогу. И какие разные приключения случались в этой дороге! и как весело и скоро проходили зимние вечера!... Ежели судить по настоящему, то игры никакой не будет. А игры не будет, что ж тогда остается?...

ГЛАВА IX.

ЧТО-ТО В РОДЕ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ.

Представляя, что она рвет с дерева какие-то американские фрукты, Любочка сорвала на одном листке огромной величины червяка, с ужасом бросила его на землю, подняла руки кверху и отскочила, как будто боясь, чтобы из него не брызнуло чего-нибудь. Игра прекратилась; мы все, головами вместе, припали к земле — смотреть эту редкость.

Я смотрел через плечо Катеньки, которая старалась поднять червяка на листочке, подставляя ему его на дороге.

Я заметил, что многие девочки имеют привычку подергивать плечами, стараясь этим движением привести спустившееся

платье с открытой шеей на настоящее место. Еще помню, что Мими всегда сердилась за это движение и говорила: *c'est un geste de femme de chambre*.¹ Нагнувшись над червяком, Катенька сделала это самое движение, и в то же время ветер поднял косыночку с ее беленькой шейки. Плечико во время этого движения было на два пальца от моих губ. Я смотрел уже не на червяка, смотрел-смотрел и изо всех сил поцаловал плечо Катеньки. Она не обернулась, но я заметил, что шейка ее и уши покраснели. Володя, не поднимая головы, презрительно сказал:

— Чтó за нежности?

У меня же были слезы на глазах.

Я не спускал глаз с Катеньки. Я давно уже привык к ее свеженькому, белокуренькому личику и всегда любил его; но теперь я внимательнее стал всматриваться в него и полюбил еще больше. Когда мы подошли к большим, папа, к великой нашей радости, объявил, что, по просьбе матушки, поездка отложена до завтрашнего утра.

Мы поехали назад вместе с линейкой. Володя и я, желая превзойти один другого искусством ездить верхом и молодецеством, гарцовали около нее. Тень моя была длиннее, чем прежде, и, судя по ней, я предполагал, что имею вид довольно красивого всадника; но чувство самодовольства, которое я испытывал, было скоро разрушено следующим обстоятельством. Желая окончательно прельстить всех сидевших в линейке, я отстал немного, потом, с помощью хлыста и ног, разогнал свою лошадку, принял непринужденно-грациозное положение и хотел вихрем пронестись мимо их, с той стороны, с которой сидела Катенька. Я не знал только, чтó лучше: молча ли проскакать, или крикнуть? Но несносная лошадка, поровнявшись с упряжными, несмотря на все мои усилия, остановилась так неожиданно, что я перескочил с седла на шею и чуть-чуть не полетел.

ГЛАВА X.

ЧТÓ ЗА ЧЕЛОВЕК БЫЛ МОЙ ОТЕЦ?

Он был человек прошлого века и имел общий молодежи того века неуловимый характер рыцарства, предприимчивости, самоуверенности, любезности и разгула. На людей нынешнего века

¹ [это жест горничной.]

он смотрел презрительно, и взгляд этот происходил столько же от врожденной гордости, сколько от тайной досады за то, что в наш век он не мог иметь ни того влияния, ни тех успехов, которые имел в свой. Две главные страсти его в жизни были карты и женщины; он выиграл в продолжение своей жизни несколько миллионов и имел связи с бесчисленным числом женщин всех сословий.

Большой, статный рост, странная, маленькими шажками походка, привычка подергивать плечом, маленькие, всегда улыбающиеся глазки, большой орлиный нос, неправильные губы, которые как-то неловко, но приятно складывались, недостаток в произношении — пришептывание, и большая во всю голову лысина: вот наружность моего отца, с тех пор, как я его запомню, — наружность, с которою он умел не только прослыть и быть человеком *à bonnes fortunes*,¹ но нравиться всем без исключения — людям всех сословий и состояний, в особенности же тем, которым хотел нравиться.

Он умел взять верх в отношениях со всяким. Не быв никогда человеком *очень большого света*, он всегда водился с людьми этого круга, и так, что был уважаем. Он знал ту крайнюю меру гордости и самонадеянности, которая, не оскорбляя других, возвышала его в мнении света. Он был оригинален, но не всегда, а употреблял оригинальность как средство, заменяющее в иных случаях светскость или богатство. Ничто на свете не могло возбудить в нем чувства удивления: в каком бы он ни был блестящем положении, казалось, он для него был рожден. Он так хорошо умел скрывать от других и удалять от себя известную всем темную, наполненную мелкими досадами и огорчениями, сторону жизни, что нельзя было не завидовать ему. Он был знаток всех вещей, доставляющих удобства и наслаждения, и умел пользоваться ими. Конек его был блестящие связи, которые он имел частью по родству моей матери, частью по своим товарищам молодости, на которых он в душе сердился за то, что они далеко ушли в чинах, а он навсегда остался отставным поручиком гвардии. Он, как и все бывшие военные, не умел одеваться по модному; но зато он одевался оригинально и изящно. Всегда очень широкое и легкое платье, прекрасное белье, большие отвороченные манжеты и воротнички.... Впрочем, все шло к его

¹ [удачливым,]

большому росту, сильному сложению, лысой голове и спокойным, самоуверенным движениям. Он был чувствителен и даже слезлив. Часто, читая вслух, когда он доходил до патетического места, голос его начинал дрожать, слезы показывались, и он с досадой оставлял книгу. Он любил музыку, певал, акомпанируя себе на фортепьяно, романсы приятеля своего А...., цыганские песни и некоторые мотивы из опер; но ученой музыки не любил и, не обращая внимания на общее мнение, откровенно говорил, что сонаты Бетховена нагоняют на него сон и скуку, и что он не знает лучше ничего, как «Не будите меня молодую», как ее певала Семенова, и «Не одна», как певала цыганка Татьяна. Его натура была одна из тех, которым для хорошего дела необходима публика. И то только он считал хорошим, что называла хорошим публика. Бог знает, были ли у него какие-нибудь нравственные убеждения? Жизнь его была так полна увлечениями всякого рода, что ему некогда было составлять себе их, да он и был так счастлив в жизни, что не видел в том необходимости.

В старости у него образовался постоянный взгляд на вещи и неизменные правила, — но единственно на основании практическом: те поступки и образ жизни, которые доставляли ему счастье или удовольствия, он считал хорошими и находил, что так всегда и всем поступать должно. Он говорил очень увлекательно, и эта способность, мне кажется, усиливала гибкость его правил: он в состоянии был тот же поступок рассказать как самую милую шалость и как низкую подлость.

ГЛАВА XI.

ЗАНЯТИЯ В КАБИНЕТЕ И ГОСТИНОЙ.

Уже смеркалось, когда мы приехали домой. Матан села за рояль, а мы, дети, принесли бумаги, карандаши, краски и расположились рисовать около круглого стола. У меня была только синяя краска; но, несмотря на это, я затеял нарисовать охоту. Очень живо изобразив синего мальчика верхом на синей лошади, и синих собак, я не знал наверное, можно ли нарисовать синего зайца, и побежал к папа в кабинет посоветоваться об этом. Папа читал что-то и на вопрос мой: «бывают ли синие зайцы?» не поднимая головы, отвечал: «бывают, мой друг, бывают». Возвратившись к круглому столу, я изобразил синего

зайца, потом нашел нужным переделать из синего зайца куст. Куст тоже мне не понравился: я сделал из него дерево, из дерева — скирд, из скирда — облако и наконец так испачкал всю бумагу синей краской, что с досады разорвал ее и пошел дремать на вольтеровское кресло.

Мамап играла второй концерт Фильда — своего учителя. Я дремал, и в моем воображении возникали какие-то легкие, светлые и прозрачные воспоминания. Она заиграла патетическую сонату Бетховена, и я вспоминал что-то грустное, тяжелое и мрачное. Мамап часто играла эти две пьесы; поэтому я очень хорошо помню чувство, которое они во мне возбуждали. Чувство это было похоже на воспоминания; но воспоминания чего? казалось, что вспоминаешь то, чего никогда не было.

Против меня была дверь в кабинет, и я видел, как туда вошли Яков и еще какие-то люди в кафтанах и с бородами. Дверь тотчас затворилась за ними. «Ну, начались занятия!» подумал я. Мне казалось, что важнее тех дел, которые делались в кабинете, ничего в мире быть не могло; в этой мысли подтверждало меня еще то, что к дверям кабинета все подходили обыкновенно перешептываясь и на цыпочках; оттуда же был слышен громкий голос папа и запах сигары, который всегда, не знаю почему, меня очень привлекал. В просонках меня вдруг поразил очень знакомый скрип сапогов в официантской. Карл Иваныч, на цыпочках, но с лицом мрачным и решительным, с какими-то записками в руке, подошел к двери и слегка постучался. Его впустили, и дверь опять захлопнулась.

«Как бы не случилось какого-нибудь несчастья — подумал я — Карл Иваныч рассержен: он на всё готов....»

Я опять задремал.

Однако, несчастья никакого не случилось; через час времени меня разбудил тот же скрип сапогов. Карл Иваныч, утирая платком слезы, которые я заметил на его щеках, вышел из двери и, бормоча что-то себе под нос, пошел вверх. Вслед за ним вышел папа и вошел в гостиную.

— Знаешь, что я сейчас решил? сказал он веселым голосом, положив руку на плечо мамап.

— Что, мой друг?

— Я беру Карла Иваныча с детьми. Место в бричке есть. Они к нему привыкли, и он к ним, кажется, точно привязан;

а 700 рублей в год никакого счета не делают, et puis au fond c'est un très bon diable.¹

Я никак не мог постигнуть, зачем папа бранит Карла Иваныча.

— Я очень рада, сказала мама: — за детей, за него: он славный старик.

— Если бы ты видела, как он был тронут, когда я ему сказал, чтобы он оставил эти 500 рублей в виде подарка... но что забавнее всего — это счет, который он принес мне. Это сто́ит посмотреть, прибавил он с улыбкой, подавая ей записку, написанную рукою Карла Иваныча: — прелесть!

Вот содержание этой записки:

«Для детей два удочка — 70 копек.

«Цветной бумага, золотой коемочка, клеистир и болван для коробочка, в подарках — 6 р. 55 к.

«Книга и лук, подарка детям — 8 р. 16 к.

«Панталон Николаю — 4 рубли.

«Обещаны Петром Александровичь из Москву в 18.. году золотые часы в 140 рублей.

«Итого следует получить Карлу Мауеру кроме жалованию — 159 рублей 79 копек».

Прочтя эту записку, в которой Карл Иваныч требует, чтобы ему заплатили все деньги, издержанные им на подарки, и даже заплатили бы за обещанный подарок, всякий подумает, что Карл Иваныч больше ничего, как бесчувственный и корыстолюбивый себялюбец, — и всякий ошибется.

Войдя в кабинет с записками в руке и с приготовленной речью в голове, он намеревался красноречиво изложить перед папа все несправедливости, претерпённые им в нашем доме; но когда он начал говорить тем же трогательным голосом и с теми же чувствительными интонациями, с которыми он обыкновенно диктовал нам, его красноречие подействовало сильнее всего на него самого; так-что, дойдя до того места, в котором он говорил: «как ни грустно мне будет расстаться с детьми», он совсем сбился, голос его задрожал и он принужден был достать из кармана клетчатый платок.

— Да, Петр Александрыч, сказал он сквозь слезы (этого места совсем не было в приготовленной речи): — я так привык

¹ [и потом, в сущности, он славный малый, чорт его подери.]

к детям, что не знаю, что́ буду делать без них. Лучше я без жалованья буду служить вам, прибавил он, одной рукой утирая слезы, а другой подавая счет.

Что Карл Иванович в эту минуту говорил искренно, это я утвердительно могу сказать, потому что знаю его доброе сердце; но каким образом согласовался счет с его словами, остается для меня тайной.

— Если вам грустно, то мне было бы еще грустнее расстаться с вами, сказал папа, потрепав его по плечу:—я теперь раздумал.

Не задолго перед ужином в комнату вошел Гриша. Он с самого того времени, как вошел в наш дом, не переставал вздыхать и плакать, что, по мнению тех, которые верили в его способность предсказывать, предвещало какую нибудь беду нашему дому. Он стал прощаться и сказал, что завтра утром пойдет дальше. Я подмигнул Володе и вышел в дверь.

— Что́?

— Если хотите посмотреть гришины вериги, то пойдемте сейчас на мужской верх — Гриша спит во второй комнате — в чулане прекрасно можно сидеть, и мы всё увидим.

— Отлично! Подожди здесь: я позову девочек.

Девочки выбежали, и мы отправились наверх. Не без спору решив, кому первому войти в темный чулан, мы уселись и стали ждать.

ГЛАВА XII.

ГРИША.

Нам всем было жутко в темноте; мы жались один к другому и ничего не говорили. Почти вслед за нами тихими шагами вошел Гриша. В одной руке он держал свой посох, в другой — сальную свечу в медном подсвечнике. Мы не переводили дыхания.

— Господи Иисусе Христе! Мати Пресвятая Богородица! Отцу и Сыну и Святому Духу.... вдыхая в себя воздух, твердил он, с различными интонациями и сокращениями, свойственными только тем, которые часто повторяют эти слова.

С молитвой поставив свой посох в угол и осмотрев постель, он стал раздеваться. Распоясав свой старенький черный кушак, он медленно снял изорванный нанковый zipун, тщательно сложил его и повесил на спинку стула. Лицо его теперь не выражало, как обыкновенно, торопливости и тупоумия; напротив,

он был спокоен, задумчив и даже величав. Движения его были медленны и обдуманно.

Оставшись в одном белье, он тихо опустился на кровать, окрестил ее со всех сторон, и, как видно было, с усилием — потому что он поморщился — поправил под рубашкой вериги. Посидев немного и заботливо осмотрев прорванное в некоторых местах белье, он встал, с молитвой поднял свечу в уровень с кивотом, в котором стояло несколько образов, перекрестился на них и перевернул свечу огнем вниз. Она с треском потухла.

В окна, обращенные на лес, ударяла почти полная луна. Длинная белая фигура юродивого с одной стороны была освещена бледными, серебристыми лучами месяца, с другой — черной тенью; вместе с стенами от рам, падала на пол, стены и доставала до потолка. На дворе караульщик стучал в чугунную доску.

Сложив свои огромные руки на груди, опустив голову и беспрестанно тяжело вздыхая, Гриша молча стоял перед иконами, потом с трудом опустился на колени и стал молиться.

Сначала он тихо говорил известные молитвы, ударяя только на некоторые слова, потом повторил их, но громче и с большим одушевлением. Он начал говорить свои слова, с заметным усилием стараясь выражаться по-славянски. Слова его были нескладны, но трогательны. Он молился о всех благодетелях своих (так он называл тех, которые принимали его), в том числе о матушке, о нас, молился о себе, просил, чтобы Бог простил ему его тяжкие грехи, твердил: «Боже, прости врагам моим!» крихтя поднимался и, повторяя еще и еще те же слова, припадал к земле и опять поднимался, несмотря на тяжесть вериг, которые издавали сухой, резкий звук, ударяясь о землю.

Володя ущипнул меня очень больно за ногу; но я даже не оглянулся: потер только рукой то место и продолжал, с чувством детского удивления, жалости и благоговения, следить за всеми движениями и словами Гриши.

Вместо веселия и смеха, на которые я рассчитывал, входя в чулан, я чувствовал дрожь и замирание сердца.

Долго находился Гриша в этом положении религиозного восторга и импровизировал молитвы. То твердил он несколько раз сряду: *Господи помилуй*, но каждый раз с новой силой и выражением; то говорил он: *прости мя, Господи, научи мя что творить... научи мя что творити, Господи!* с таким выражением, как будто ожидал сейчас же ответа на свои слова; то

слышны были одни жалобные рыдания... Он приподнялся на колени, сложил руки на груди и замолк.

Я потихоньку высунул голову из двери и не переводил дыхания. Гриша не шевелился; из груди его вырывались тяжелые вздохи; в мутном зрачке его кривого глаза, освещенного луною, остановилась слеза.

— Да будет воля Твоя! вскричал он вдруг с неподражаемым выражением, упал лбом на землю и зарыдал как ребенок.

Много воды утекло с тех пор, много воспоминаний о былом потеряли для меня значение и стали смутными мечтами, даже и странник Гриша давно окончил свое последнее странствование; но впечатление, которое он произвел на меня, и чувство, которое возбудил, никогда не умрут в моей памяти.

О, великий христианин Гриша! Твоя вера была так сильна, что ты чувствовал близость Бога, твоя любовь так велика, что слова сами собою лились из уст твоих — ты их не поверял рассудком.... И какую высокую хвалу ты принес Его величию, когда, не находя слов, в слезах повалился на землю!...

Чувство умиления, с которым я слушал Гришу, не могло долго продолжаться, во-первых потому, что любопытство мое было насыщено, а во-вторых потому, что я отсидел себе ноги, сидя на одном месте, и мне хотелось присоединиться к общему шептанью и возне, которые слышались сзади меня в темном чулане. Кто-то взял меня за руку и шопотом сказал: чья это рука? В чулане было совершенно темно; но по одному прикосновению и голосу, который шептал мне, над самым ухом, я тотчас узнал Катеньку.

Совершенно бессознательно я схватил ее руку в коротеньких рукавчиках за локоть и припал к ней губами. Катенька верно удивилась этому поступку и отдернула руку: этим движеньем она толкнула сломанный стул, стоявший в чулане. Гриша поднял голову, тихо оглянулся и, читая молитвы, стал крестить все углы. Мы с шумом и шопотом выбежали из чулана.

ГЛАВА XIII.

НАТАЛЬЯ САВИШНА.

В половине прошлого столетия, по дворам села Хабаровки бегала, в затрапезном платье, босоногая, но веселая, толстая и краснощекая девка *Наташка*. По заслугам и просьбе отца ее,

кларнетиста Саввы, дед мой взял ее *вверх* — находиться в числе женской прислуги бабушки. Горничная *Наташка* отличилась в этой должности кротостью нрава и усердием. Когда родилась матушка и понадобилась няня, эту обязанность возложили на *Наташку*. И на этом новом поприще она заслужила похвалы и награды за свою деятельность, верность и привязанность к молодой госпоже. Но напудренная голова и чулки с пряжками молодого бойкого официанта Фоки, имевшего по службе частые сношения с Натальей, пленили ее грубое, но любящее сердце. Она даже сама решилась идти к дедушке просить позволения выйти за Фоку замуж. Дедушка принял ее желание за неблагодарность, прогневался и сослал бедную Наталью за наказание на скотный двор в степную деревню. Через 6 месяцев однако, так как никто не мог заменить Наталью, она была возвращена в двор и в прежнюю должность. Возвратившись в затрапезке из изгнания, она явилась к дедушке, упала ему в ноги и просила возвратить ей милость, ласку и забыть ту дурь, которая на нее нашла было и которая, она клялась, уже больше не возвратится. И действительно, она сдержала свое слово.

С тех пор *Наташка* сделалась Натальей Савишной и надела чепец; весь запас любви, который в ней хранился, она перенесла на барышню свою.

Когда подле матушки заменила ее гувернантка, она получила ключи от кладовой, и ей на руки сданы были белье и вся провизия. Новые обязанности эти она исполняла с тем же усердием и любовью. Она вся жила в барском добре, во всем видела трату, порчу, расхищение и всеми средствами старалась противодействовать.

Когда *тамап* вышла замуж, желая чем-нибудь отблагодарить Наталью Савишну за ее двадцатилетние труды и привязанность, она позвала ее к себе и, выразив в самых лестных словах всю свою к ней признательность и любовь, вручила ей лист гербовой бумаги, на котором была написана вольная Наталье Савишне, и сказала, что, несмотря на то, будет ли она, или нет продолжать служить в нашем доме, она всегда будет получать ежегодную пенсию в 300 рублей. Наталья Савишна молча выслушала все это, потом, взяв в руки документ, злобно взглянула на него, пробормотала что-то сквозь зубы и выбежала из комнаты, хлопнув дверь. Не понимая причины такого странного поступка, *тамап*, немного погодя, вошла в комнату На-

талья Савишны. Она сидела с заплаканными глазами на сундуке, перебирая пальцами носовой платок, и пристально смотрела на валявшиеся на полу перед ней клочки изорванной вольной.

— Что с вами, голубушка Наталья Савишна? спросила папан, взяв ее за руку.

— Ничего, матушка, отвечала она: — должно быть, я вам чем-нибудь противна, что вы меня со двора гоните.... Что ж, я пойду.

Она вырвала свою руку и, едва удерживаясь от слез, хотела уйти из комнаты. Мапан удержала ее, обняла, и они обе заплакались.

С тех пор, как я себя помню, помню я и Наталью Савишну, ее любовь и ласки; но теперь только умею ценить их, — тогда же мне и в голову не приходило, какое редкое, чудесное создание была эта старушка. Она не только никогда не говорила, но и не думала, кажется, о себе: вся жизнь ее была любовь и самопожертвование. Я так привык к ее бескорыстной, нежной любви к нам, что и не воображал, чтобы это могло быть иначе, нисколько не был благодарен ей и никогда не задавал себе вопросов: а что, счастлива ли она? довольна ли?

Бывало, под предлогом необходимой надобности, прибежишь от урока в ее комнатку, усядешься и начинаешь мечтать вслух, нисколько не стесняясь ее присутствием. Всегда она бывала чем-нибудь занята: или вязала чулок, или рылась в сундуках, которыми была наполнена ее комната, или записывала белге и, слушая всякий вздор, который я говорил, «как, когда я буду генералом, я женюсь на чудесной красавице; куплю себе рыжую лошадь, построю стеклянный дом и выпишу родных Карла Иваныча из Саксонии», и т. д., она приговаривала: «да, мой батюшка, да». Обыкновенно, когда я вставал и собирался уходить, она отворяла голубой сундук, на крышке которого снутри — как теперь помню — были наклеены: крашеное изображение какого-то гусара, картинка с помадной баночки и рисунок Володи, — вынимала из этого сундука куренье, зажигала его и, помахивая, говаривала:

— Это, батюшка, еще очаковское куренье. Когда ваш покойник дедушка — царство небесное — под турку ходили, так оттуда еще привезли. Вот уж последний кусочек остался, прибавляла она со вздохом.

В сундуках, которыми была наполнена ее комната, было решительно всё. Что бы ни понадобилось, обыкновенно говорили: «надо спросить у Натальи Савишны», и, действительно, порывшись немного, она находила требуемый предмет и говорила: «вот и хорошо, что припрятала». В сундуках этих были тысячи таких предметов, о которых никто в доме, кроме ее, не знал и не заботился.

Один раз я на нее рассердился. Вот как это было. За обедом, наливая себе квасу, я уронил графин и облил скатерть.

— Позовите-ка Наталью Савишну, чтобы она порадовалась на своего любимчика, сказала папаша.

Наталья Савишна вошла и, увидав лужу, которую я сделал, покачала головой; потом папаша сказала ей что-то на ухо, и она, погрозившись на меня, вышла.

После обеда я, в самом веселом расположении духа, припрыгивая, отправился в залу, как вдруг из-за двери выскочила Наталья Савишна, с скатертью в руке, поймала меня и, несмотря на отчаянное сопротивление с моей стороны, начала тереть меня мокрым по лицу, приговаривая: «не пачкай скатертей, не пачкай скатертей!» Меня так это обидело, что я разревелся от злости.

«Как! — говорил я сам себе, прохаживаясь по зале и захлебываясь от слез — Наталья Савишна, просто *Наталья*, говорит *мне ты*, и еще бьет меня по лицу мокрой скатертью, как дворового мальчишку. Нет, это ужасно!»

Когда Наталья Савишна увидела, что я распустил слюни, она тотчас же убежала, а я, продолжая прохаживаться, рассуждал о том, как бы отплатить дерзкой *Наталье* за нанесенное мне оскорбление.

Через несколько минут Наталья Савишна вернулась, робко подошла ко мне и начала увещевать.

— Полноте, мой батюшка, не плачьте.... простите меня дуру.... я виновата.... уж вы меня простите, мой голубчик.... вот вам.

Она вынула из-под платка корнет, сделанный из красной бумаги, в котором были две карамельки и одна винная ягода, и дрожащей рукой подала его мне. У меня не доставало сил взглянуть в лицо доброй старушке; я, отвернувшись, принял подарок, и слезы потекли еще обильнее, но уже не от злости, а от любви и стыда.

ГЛАВА XIV.

РАЗЛУКА.

На другой день после описанных мною происшествий, в двенадцатом часу утра, коляска и бричка стояли у подъезда. Николай был одет по дорожному, то есть штаны были всунуты в сапоги и старый сюртук туго-на-туго подпоясан кушаком. Он стоял в бричке и укладывал шинели и подушки под сиденье; когда оно ему казалось высоко, он садился на подушки и, прыгивая, обминал их.

— Сделайте божескую милость, Николай Дмитрич, нельзя ли к вам будет баринову щикатулку положить, сказал запыхавшийся камердинер папа, высовываясь из коляски: — она маленькая....

— Вы бы прежде говорили, Михей Иваныч, отвечал Николай скороговоркой и с досадой, изо всех сил бросая какой-то узелок на дно брички. — Ей Богу, голова и так кругом идет, а тут еще вы с вашими щикатулками, прибавил он, приподняв фуражку и утирая с загорелого лба крупные капли пота.

Дворовые мужчины, в сюртуках, кафтанах, рубашках, без шапок, женщины, в затрапевах, полосатых платках, с детьми на руках, и босоногие ребятишки стояли около крыльца, поглядывали на экипажи и разговаривали между собой. Один из ямщиков — сгорбленный старик в зимней шапке и армяке — держал в руке дышло коляски, потрогивал его и глубоко-мысленно поглядывал на ход; другой — видный молодой парень, в одной белой рубахе с красными кумачевыми ластовицами, в черной поярковой шляпе черепеником, которую он, почесывая свои белокурые кудри, сбивал то на одно, то на другое ухо — положил свой армяк на козлы, закинул туда же вожжи и, постегивая плетеным кнутиком, поглядывал то на свои сапоги, то на кучеров, которые мазали бричку. Один из них, натужившись, держал подъем; другой, нагнувшись над колесом, тщательно мазал ось и втулку, — даже, чтобы не пропалдал остальной на помазке деготь, мазнул им снизу по кругу. Почтовые, разномастные, разбитые лошади стояли у решетки и отмахивались от мух хвостами. Одни из них, выставя свои косматые, оплывшие ноги, жмурились глаза и дремали; другие, от скуки, чесали друг друга или щипали листья и стебли жесткого

темнозеленого папортника, который рос подле крыльца. Несколько борзых собак — одни тяжело дышали, лежа на солнце, другие в тени ходили под коляской и бричкой и вылизывали сало около осей. Во всем воздухе была какая-то пыльная мгла, горизонт был серо-лилового цвета; но ни одной тучки не было на небе. Сильный западный ветер поднимал столбами пыль с дорог и полей, гнул макушки высоких лип и берез сада и далеко относил падавшие, желтые листья. Я сидел у окна и с нетерпением ожидал окончания всех приготовлений.

Когда все собрались в гостиной около круглого стола, чтобы в последний раз провести несколько минут вместе, мне и в голову не приходило, какая грустная минута предстоит нам. Самые пустые мысли бродили в моей голове. Я задавал себе вопросы: какой ямщик поедет в бричке и какой в коляске? кто поедет с папа, кто с Карлом Иванычем? и для чего непременно хотят меня укутать в шарф и ваточную чуйку?

«Что я за неженка? авось не замерзну. Хоть бы поскорей это все кончилось: сесть бы и ехать».

— Кому прикажете записку о детском белье отдать? сказала вошедшая, с заплаканными глазами и с запиской в руке, Наталья Савишна, обращаясь к папа.

— Николаю отдайте, да приходите же после с детьми проститься.

Старушка хотела что-то сказать, но вдруг остановилась, закрыла лицо платком и, махнув рукою, вышла из комнаты. У меня немного защемило в сердце, когда я увидел это движение; но нетерпение ехать было сильнее этого чувства, и я продолжал совершенно равнодушно слушать разговор отца с матушкой. Они говорили о вещах, которые заметно не интересовали ни того, ни другого: что нужно купить для дома? что сказать княжне Sophie и Madame Julie? и хороша ли будет дорога?

Вошел Фока и точно тем же голосом, которым он докладывал «кушать готово», остановившись у притолки, сказал «лошади готовы». Я заметил, что папа вдрогнула и побледнела при этом известии, как будто оно было для нее неожиданно.

Фоке приказано было затворить все двери в комнате. Меня это очень забавляло, «как будто все спрятались от кого-нибудь».

Когда все сели, Фока тоже присел на кончике стула; но только что он это сделал, дверь скрипнула и все оглянулись. В комнату торопливо вошла Наталья Савишна и, не поднимая глаз, при-

ютилась около двери на одном стуле с Фокой. Как теперь вижу я плешистую голову, морщинистое неподвижное лицо Фоки и сгорбленную, добрую фигурку в чепце, из-под которого виднеются седые волосы. Они жмутся на одном стуле, и им обоим неловко.

Я продолжал быть беззаботен и нетерпелив. Десять секунд, которые просидели с закрытыми дверьми, показались мне за целый час. Наконец все встали, перекрестились и стали прощаться. Папа обнял маман и несколько раз поцаловал ее.

— Полно, мой дружок, сказал папа: — ведь не на век расстаемся.

— Все-таки грустно! сказала маман дрожащим от слез голосом.

Когда я услышал этот голос, увидел ее дрожащие губы и глаза, полные слез, я забыл про всё и мне так стало грустно, больно и страшно, что хотелось бы лучше убежать, чем простаться с нею. Я понял в эту минуту, что, обнимая отца, она уже прощалась с нами.

Она столько раз принималась целовать и крестить Володю, что — полагая, что она теперь обратится ко мне — я совался вперед; но она еще и еще благословляла его и прижимала к груди. Наконец, я обнял ее и, прильнув к ней, плакал, плакал, ни о чем не думая, кроме своего горя.

Когда мы пошли садиться, в передней приступила прощаться докучная дворня. Их «пожалуйте ручку-с», звучные поцалун в плечико и запах сала от их голов возбудили во мне чувство, самое близкое к огорчению у людей раздражительных. Под влиянием этого чувства я чрезвычайно холодно поцаловал в чепец Наталью Савишну, когда она вся в слезах прощалась со мною.

Странно то, что я как теперь вижу все лица дворовых и мог бы нарисовать их со всеми мельчайшими подробностями; но лицо и положение маман решительно ускользают из моего воображения: может быть оттого, что во все это время я ни разу не мог собраться с духом взглянуть на нее. Мне казалось, что если бы я это сделал, ее и моя горечь должны бы были дойти до невозможных пределов.

Я бросился прежде всех в коляску и уселся на заднем месте. За поднятым верхом я ничего не мог видеть, но какой-то инстинкт говорил мне, что маман еще здесь.

«Посмотреть ли на нее еще, или нет?... Ну в последний раз!» скавал я сам себе и высунулся из коляски к крыльцу. В это время татап, с тою же мыслью, подошла с противоположной стороны коляски и повзала меня по имени. Услышав ее голос свади себя, я повернулся к ней, но так быстро, что мы стукнулись головами; она грустно улыбнулась и крепко, крепко поцаловала меня в последний раз.

Когда мы отъехали несколько сажень, я решился взглянуть на нее. Ветер поднимал голубенькую косыночку, которою была повязана ее голова; опустив голову и закрыв лицо руками, она медленно всходила на крыльцо. Фока поддерживал ее.

Папа сидел со мной рядом и ничего не говорил; я же захлебывался от слез, и что-то так давило мне в горле, что я боялся задохнуться..... Выехав на большую дорогу, мы увидели белый платок, которым кто-то махал с балкона. Я стал махать своим, и это движение немного успокоило меня. Я продолжал плакать, и мысль, что слезы мои доказывают мою чувствительность, доставляла мне удовольствие и отраду.

Отъехав с версту, я уселся попокойнее и с упорным вниманием стал смотреть на ближайший предмет перед глазами — заднюю часть пристяжной, которая бежала с моей стороны. Смотрел я, как махала хвостом эта пегая пристяжная, как забивала она одну ногу о другую, как доставал по ней плетеный кнут ямщика и ноги начинали прыгать вместе; смотрел, как прыгала на ней шлея и на шлее кольца, и смотрел до тех пор, покуда эта шлея покрылась около хвоста мылом. Я стал смотреть кругом: на волнующиеся поля спелой ржи, на темный пар, на котором кое-где виднелись соха, мужик, лошадь с жеребенком, на верстовые столбы, заглянул даже на козлы, чтобы узнать, какой ямщик с нами едет; и еще лицо мое не просохло от слез, как мысли мои были далеко от матери, с которой я расстался, может быть, навсегда. Но всякое воспоминание наводило меня на мысль о ней. Я вспомнил о грибе, который нашел накануне в березовой аллее, вспомнил о том, как Любочка с Катенькой поспорили — кому сорвать его, вспомнил о том, как они плакали, прощаясь с нами.

Жалко их! и Наталью Савишну жалко, и березовую аллею, и Фоку жалко! Даже злую Мими — и ту жалко. Всё, всё жалко! А бедная татап? И слезы опять навертывались на глаза; но не надолго.

ГЛАВА XV. ДЕТСТВО.

Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений.

Набегавшись досыта, сидишь, бывало, за чайным столом, на своем высоком креслице; уже поздно, давно выпил свою чашку молока с сахаром, сон смыкает глаза, но не трогаешься с места, сидишь и слушаешь. И как не слушать? Мамап говорит с кем-нибудь, и звуки голоса ее так сладки, так приветливы. Одни звуки эти так много говорят моему сердцу! Отуманенными дремотой глазами я пристально смотрю на ее лицо, и вдруг, она сделалась вся маленькая, маленькая — лицо ее не больше пуговицы; но оно мне все так же ясно видно: вижу, как она взглянула на меня и как улыбнулась. Мне нравится видеть ее такой крошечной. Я прищуриваю глаза еще больше, и она делается не больше тех мальчиков, которые бывают в зрачках; но я пошевелился — и очарование разрушилось; я суживаю глаза, поворачиваюсь, всячески стараюсь возобновить его, но напрасно.

Я встаю, с ногами забираюсь и уютно укладываюсь на кресло.

— Ты опять заснешь, Николенька, говорит мне мамап: — ты бы лучше шел наверх.

— Я не хочу спать, мамаша, ответишь ей, и неясные, но сладкие грёзы наполняют воображение, здоровый детский сон смыкает веки, и через минуту забудешься и спишь до тех пор, пока не разбудят. Чувствуешь, бывало, в просонках, что чья-то нежная рука трогает тебя; по одному прикосновению узнаешь ее и еще во сне невольно схватишь эту руку и крепко, крепко прижмешь ее к губам.

Все уже разошлись; одна свеча горит в гостиной; мамап сказала, что она сама разбудит меня; это она присела на кресло, на котором я сплю, своей чудесной нежной ручкой провела по моим волосам, и над ухом моим звучит милый знакомый голос:

— Вставай, моя душечка: пора итти спать.

Ничьи равнодушные взоры не стесняют ее: она не боится излить на меня всю свою нежность и любовь. Я не шевелюсь, но еще крепче цалую ее руку.

— Вставай же, мой ангел.

Она другой рукой берет меня за шею, и пальчики ее быстро шевелятся и щекотят меня. В комнате тихо, полу-темно: нервы мои возбуждены щекоткой и пробуждением; мамаша сидит подле самого меня; она трогает меня; я слышу ее запах и голос. Все это заставляет меня вскочить, обвить руками ее шею, прижать голову к ее груди и, задыхаясь, сказать:

— Ах, милая, милая мамаша, как я тебя люблю!

Она улыбается своей грустной, очаровательной улыбкой, берет обеими руками мою голову, целует меня в лоб и кладет к себе на колени.

— Так ты меня очень любишь? Она молчит с минуту, потом говорит: — смотри, всегда люби меня, никогда не забывай. Если не будет твоей мамашы, ты не забудешь ее? не забудешь, Николенька?

Она еще нежнее целует меня.

— Полно! и не говори этого, голубчик мой, душечка моя! вскрикиваю я, целуя ее колени, и слезы ручьями льются из моих глаз, — слезы любви и восторга.

После этого, как, бывало, придешь наверх и станешь перед иконами, в своем ваточном халатце, какое чудесное чувство испытываешь, говоря: спаси, Господи, папеньку и маменьку. Повторяя молитвы, которые в первый раз лепетали детские уста мои за любимой матерью, любовь к ней и любовь к Богу как-то странно сливались в одно чувство.

После молитвы завернешься, бывало, в одеяльце; на душе легко, светло и отрадно; одни мечты гонят другие, — но о чем они? Они неуловимы, но исполнены чистой любовью и надеждами на светлое счастье. Вспомнишь, бывало, о Карле Иваныче и его горькой участи — единственном человеке, которого я знал несчастливым — и так жалко станет, так полюбишь его, что слезы потекут из глаз, и думаешь: «дай Бог ему счастья, дай мне возможность помочь ему, облегчить его горе; я всем готов для него пожертвовать». — Потом любимую фарфоровую игрушку — зайчика или собачку — уткнешь в угол пуховой подушки и любишь, как хорошо, тепло и уютно ей там лежать. Еще помолитесь о том, чтобы дал Бог счастья всем, чтобы все были довольны, и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья, повернешься на другой бок, мысли и мечты перепутаются, смешаются, и уснешь тихо, спокойно, еще с мокрым от слез лицом.

Вернутся ли когда-нибудь та свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры, которыми обладаешь в детстве? Какое время может быть лучше того, когда две лучшие добродетели — невинная веселость и беспредельная потребность любви были единственными побуждениями в жизни?

Где те горячие молитвы? где лучший дар — те чистые слезы умиления? Прилетал Ангел-утешитель, с улыбкой утирал слезы эти и навевал сладкие грёзы неиспорченному детскому воображению.

Неужели жизнь оставила такие тяжелые следы в моем сердце, что навеки отошли от меня слезы и восторги эти? Неужели остались одни воспоминания?

ГЛАВА XVI.

СТИХИ.

Почти месяц после того, как мы переехали в Москву, я сидел наверху бабушкиного дома, за большим столом и писал; напротив меня сидел рисовальный учитель и окончательно поправлял нарисованную черным карандашом головку какого-то турка в чалме. Володя, вытянув шею, стоял сзади учителя и смотрел ему через плечо. Головка эта была первое произведение Володи черным карандашом и нынче же, в день ангела бабушки, должна была быть поднесена ей.

— А сюда вы не положите еще тени? сказал Володя учителю, приподнимаясь на цыпочки и указывая на шею турка.

— Нет, не нужно, сказал учитель, укладывая карандаши и рейсфедер в задвижной ящичек: — теперь прекрасно, и вы больше не прикасайтесь. Ну, а вы, Николенька, прибавил он, вставая и продолжая искоса смотреть на турка: — откройте, наконец, нам ваш секрет, что вы поднесете бабушке? Право, лучше было бы тоже головку. Прощайте, господа, сказал он, взяв шляпу, билетик и вышел.

В эту минуту я тоже думал, что лучше бы было головку, чем то, над чем я трудился. Когда нам объявили, что скоро будут именины бабушки и что нам должно приготовить к этому дню подарки, мне пришлось в голову написать ей стихи на этот случай, и я тотчас же прибрал два стиха с рифмами, надеясь также скоро прибрать остальные. Я решительно не помню, каким образом вошла мне в голову такая странная для ребенка мысль,

но помню, что она мне очень нравилась, и что на все вопросы об этом предмете я отвечал, что непременно поднесу бабушке подарок, но никому не скажу, в чем он будет состоять.

Против моего ожидания, оказалось, что кроме двух стихов, придуманных мною сгоряча, я, несмотря на все усилия, ничего дальше не мог сочинить. Я стал читать стихи, которые были в наших книгах; но ни Дмитриев, ни Державин не помогли мне; напротив, они еще более убедили меня в моей неспособности. Зная, что Карл Иванович любил списывать стишки, я стал потихоньку рыться в его бумагах и в числе немецких стихотворений нашел одно, русское, принадлежащее, должно быть, собственно его перу.

Г-же Л. Петровской, 1828, 3 июня.

Помните близко,
Помните далеко,
Помните моего
Еще отныне и до всегда
Помните еще до моего гроба
Как верен я любить имею.

Карл Мауер.

Стихотворение это, написанное красивым, круглым почерком, на тонком почтовом листе, понравилось мне по трогательному чувству, которым оно проникнуто; я тотчас же выучил его наизусть и решился взять за образец. Дело пошло гораздо легче. В день именин поздравление из 12 стихов было готово, и, сидя за столом, в классной, я переписывал его на веленевую бумагу.

Уже два листа бумаги были испорчены... не потому, чтобы я думал что-нибудь переменить в них: стихи мне казались превосходными; но с третьей линейки концы их начинали загибаться кверху всё больше и больше, так что даже издали видно было, что это написано криво и никуда не годится.

Третий лист был так же крив, как и прежние; но я решился не переписывать больше. В стихотворении своем я поздравлял бабушку, желал ей много лет здравствовать и заключал так:

Стараться будем утешать
И любим как родную мать.

Кажется, было бы очень недурно, но последний стих как-то странно оскорблял мой слух.

— И лю-бим, как родну-ю-мать, твердил я себе под нос. — Какую бы рифму вместо *мать*? играть? кровать?... Э, сойдет! все лучше карл-иванычевых!

И я написал последний стих. Потом в спальне я прочел вслух все свое сочинение, с чувством и жестами. Были стихи совершенно без размера, но я не останавливался на них; последний же еще сильнее и неприятнее поразил меня. Я сел на кровать и задумался....

«Зачем я написал: *как родную мать*? ее ведь здесь нет, так не нужно было и помянуть ее; правда, я бабушку люблю, уважаю, но все она не то.... зачем я написал это, зачем я солгал? Положим, это стихи, да все-таки не нужно было».

В это самое время вошел портной и принес новые полуфракчи.

— Ну, так и быть! сказал я в сильном нетерпении, с досадой сунул стихи под подушку и побежал примеривать московское платье.

Московское платье оказалось превосходно: коричневые полуфракчи с бронзовыми пуговками были сшиты в обтяжку — не так, как в деревне нам шивали, на рост — черные брючки, тоже узенькие, чудо как хорошо обозначали мускулы и лежали на сапогах.

«Наконец-то и у меня панталоны со штрипками, настоящие!» мечтал я, вне себя от радости, осматривая со всех сторон свои ноги. — Хотя мне было очень узко и неловко в новом платье, я скрыл это от всех, сказал, что напротив, мне очень покойно, и что ежели есть недостаток в этом платье, так только тот, что оно немножко просторно. После этого я очень долго, стоя перед зеркалом, причесывал свою обильно напозаправленную голову; но сколько ни старался, я никак не мог пригладить вихры на макушке: как только я, желая испытать их послушание, переставал прижимать их щеткой, они поднимались и торчали в разные стороны, придавая моему лицу самое смешное выражение.

Карл Иваныч одевался в другой комнате, и через классную пронесли к нему синий фрак и еще какие-то белые принадлежности. У двери, которая вела вниз, послышался голос одной из горничных бабушки; я вышел, чтобы узнать, что ей нужно. Она держала на руке туго накрахмаленную манишку и сказала мне, что она принесла ее для Карла Иваныча, и что ночь не спала для того, чтобы успеть вымыть ее ко времени. Я взялся передеть манишку и спросил, встала ли бабушка.

— Как же-с! уж кофе откушали и протопоп пришел. — Каким вы молодчиком! прибавила она, с улыбкой, оглядывая мое новое платье.

Замечание это заставило меня покраснеть; я перевернулся на одной ножке, щелкнул пальцами и припрыгнул, желая ей этим дать почувствовать, что она еще не знает хорошенько, какой я действительно молодчик.

Когда я принес манишку Карлу Иванычу, она уже была не нужна ему: он надел другую и, перегнувшись перед маленьким зеркальцем, которое стояло на столе, держался обеими руками за пышный бант своего галстука и пробовал, свободно ли входит в него, и обратно, его гладко выбритый подбородок. Обдернув со всех сторон наши платья и попросив Николая сделать для него то же самое, он повел нас к бабушке. Мне смешно вспомнить, как сильно пахло от нас троих помадой, в то время, как мы стали спускаться по лестнице.

У Карла Иваныча в руках была коробочка своего изделия, у Володи — рисунок, у меня — стихи; у каждого на языке было приветствие, с которым он поднесет свой подарок. В ту минуту, как Карл Иваныч отворил дверь зало, священник надевал ризу, и раздались первые звуки молебна.

Бабушка была уже в зале: сгорбившись и опершись на спинку стула, она стояла у стенки и набожно молилась; подле нее стоял папа. Он обернулся к нам и улыбнулся, заметив, как мы, заторопившись, прятали за спины приготовленные подарки и, стараясь быть незамеченными, остановились у самой двери. Весь эффект неожиданности, на который мы рассчитывали, был потерян.

Когда стали подходить к кресту, я вдруг почувствовал, что нахожусь под тяжелым влиянием непреодолимой, одуревающей застенчивости, и, чувствуя, что у меня никогда неостанется духу поднести свой подарок, я спрятался за спину Карла Иваныча, который, в самых отборных выражениях, поздравив бабушку, переложил коробочку из правой руки в левую, вручил ее именинице и отошел несколько шагов, чтобы дать место Володе. Бабушка, казалось, была в восхищении от коробочки, оклеенной золотыми каемками, и самой ласковой улыбкой выразила свою благодарность. Заметно, однако, было, что она не знала, куда поставить эту коробочку, и, должно быть, поэтому предложила папа посмотреть, как удивительно искусно она сделана.

Удовлетворив своему любопытству, папа передал ее протопопу, которому вещь эта, казалось, чрезвычайно понравилась: он покачивал головой и с любопытством поглядывал то на коробочку, то на мастера, который мог сделать такую пре-

красную штучку. Володя поднес своего турка и тоже заслужил самые лестные похвалы со всех сторон. Настал и мой черед: бабушка с одобрительной улыбкой обратилась ко мне.

Те, которые испытали застенчивость, знают, что чувство это увеличивается в прямом отношении времени, а решительность уменьшается в обратном отношении, то есть: чем больше продолжается это состояние, тем делается оно непреодолимее и тем менее остается решительности.

Последняя смелость и решительность оставили меня в то время, когда Карл Иваныч и Володя подносили свои подарки, и застенчивость моя дошла до последних пределов: я чувствовал, как кровь от сердца беспрестанно прилиwała мне в голову, как одна краска на лице сменялась другою и как на лбу и на носу выступали крупные капли пота. Уши горели, по всему телу я чувствовал дрожь и испарину, переминался с ноги на ногу и не трогался с места.

— Ну, покажи же, Николенька, что у тебя — коробочка или рисованье? сказал мне папа. — Делать было нечего: дрожащей рукой подал я измятый, роковой сверток; но голос совершенно отказался служить мне, и я молча остановился перед бабушкой. Я не мог прийти в себя от мысли, что, вместо ожидаемого рисунка, при всех прочтут мои, никуда негодные стихи и слова: *как родную мать*, которые ясно докажут, что я никогда не любил и забыл ее. Как передать мои страдания в то время, когда бабушка начала читать вслух мое стихотворение и когда, не разбирая, она останавливалась на середине стиха, чтобы с улыбкой, которая тогда мне казалась насмешливою, взглянуть на папа, когда она произносила не так, как мне хотелось, и когда, по слабости зрения, не дочтя до конца, она передала бумагу папа и попросила его прочесть ей все сначала? Мне казалось, что она это сделала потому, что ей надоело читать такие дурные и криво написанные стихи, и для того, чтобы папа мог сам прочесть последний стих, столь явно доказывающий мою бесчувственность. Я ожидал того, что он щелкнет меня по носу этими стихами и скажет: «дрянной мальчишка, не забывай мать.... вот тебе за это!», но ничего такого не случилось; напротив, когда все было прочтено, бабушка сказала: *charmant!*¹ и поцаловала меня в лоб.

¹ [очаровательно!]

Коробочка, рисунок и стихи были положены рядом с двумя батистовыми платками и табакеркой с портретом *тапан*, на выдвижной столик вольтеровского кресла, в котором всегда сживала бабушка.

— Княгиня Варвара Ильинична, доложил один из двух огромных лакеев, ездивших за каретой бабушки.

Бабушка, задумавшись, смотрела на портрет, вделанный в черепаховую табакерку, и ничего не отвечала.

— Прикажете просить, ваше сиятельство? повторил лакей.

ГЛАВА XVII.

КНЯГИНЯ КОРНАКОВА.

— Проси, сказала бабушка, усаживаясь глубже в кресло.

Княгиня была женщина лет сорока-пяти, маленькая, тщедушная, сухая и желчная, с серо-зелеными, неприятными глазками, выражение которых явно противоречило неестественно-умильно сложенному роту. Из-под бархатной шляпки с страусовым пером виднелись светло-рыжеватые волосы; брови и ресницы казались еще светлее и рыжеватее на нездоровом цвете ее лица. Несмотря на это, благодаря ее непринужденным движениям, крошечным рукам и особенной сухости во всех чертах, общий вид ее имел что-то благородное и энергическое.

Княгиня очень много говорила и, по своей речивости, принадлежала к тому разряду людей, которые всегда говорят так, как будто им противоречат, хотя бы никто не говорил ни слова: она то возвышала голос, то, постепенно понижая его, вдруг с новой живостью начинала говорить и оглядывалась на присутствующих, но не принимающих участия в разговоре особ, как будто стараясь подкрепить себя этим взглядом.

Несмотря на то, что княгиня поцаловала руку бабушки, беспрестанно называла ее *ma bonne tante*,¹ я заметил, что бабушка была ею недовольна: она как-то особенно поднимала брови, слушая ее рассказ о том, почему князь Михайло никак не мог сам приехать поздравить бабушку, несмотря на сильнейшее желание; и, отвечая по-русски на французскую речь княгини, она сказала, особенно растягивая свои слова:

— Очень вам благодарна, моя милая, за вашу внимательность: — а что князь Михайло не приехал, так что ж про то и

¹ [моя добрая тетушка.]

говорить ... у него всегда дел пропасть; да и то сказать, что ему за удовольствие с старухой сидеть?

И, не давая княгине времени опровергнуть ее слова, она продолжала:

— Что, как ваши детки, моя милая?

— Да, слава Богу, *ma tante*,¹ растут, учатся, шалят... особенно Этьен — старший, такой повеса становится, что ладу никакого нет; зато и умен — *un garçon, qui promet*.² — Можете себе представить, *mon cousin*, продолжала она, обращаясь исключительно к папа, потому что бабушка, нисколько не интересуясь детьми княгини, а желая похвастаться своими внуками, с тщательностью достала мои стихи из-под коробочки и стала их развертывать: — можете себе представить, *mon cousin*, что он сделал на днях....

И княгиня, наклонившись к папа, начала ему рассказывать что-то с большим одушевлением. Окончив рассказ, которого я не слышал, она тотчас засмеялась и, вопросительно глядя в лицо папа, сказала:

— Каков мальчик, *mon cousin*? Он стоил, чтобы его высечь; но выдумка эта так умна и забавна, что я его простила, *mon cousin*.

И княгиня, устремив взоры на бабушку, ничего не говоря, продолжала улыбаться.

— Разве вы *бьете* своих детей, моя милая? спросила бабушка, значительно поднимая брови и делая особенное ударение на слове *бьете*.

— Ах, *ma bonne tante*,³ кинув быстрый взгляд на папа, добреньким голоском, отвечала княгиня; — я знаю, какого вы мнения на этот счет; но позвольте мне в этом одном с вами не согласиться: сколько я ни думала, сколько ни читала, ни советовалась об этом предмете, все-таки опыт привел меня к тому, что я убедилась в необходимости действовать на детей страхом. — Чтобы что-нибудь сделать из ребенка, нужен страх.... не так ли, *mon cousin*? а чего, *je vous demande un peu*,⁴ дети боятся больше, чем розги?

При этом она вопросительно взглянула на нас, и, признаюсь, мне сделалось как-то неловко в эту минуту.

¹ [тетушка,]

² [мальчик обещающий.]

³ [моя добрая тетушка,]

⁴ [я вас спрашиваю,]

— Как ни говорите, а мальчик до 12-ти и даже до 14-ти лет все еще ребенок; вот девочка — другое дело.

«Какое счастье — подумал я — что я не ее сын».

— Да, это прекрасно, моя милая, сказала бабушка, свертывая мои стихи и укладывая их под коробочку, как будто не считая после этого княгиню достойною слышать такое произведение: — это очень хорошо, только скажите мне пожалуста, каких после этого вы можете требовать деликатных чувств от ваших детей?

И, считая этот аргумент неотразимым, бабушка прибавила, чтобы прекратить разговор:

— Впрочем, у каждого на этот счет может быть свое мнение.

Княгиня не отвечала, но только снисходительно улыбалась, выражая этим, что она извиняет эти странные предрассудки в особе, которую так много уважает.

— Ах, да познакомьте же меня с вашими молодыми людьми, сказала она, глядя на нас и приветливо улыбаясь.

Мы встали и, устремив глаза на лицо княгини, никак не знали: что же нужно сделать, чтобы доказать, что мы познакомимся.

— Поцалуйте же руку княгини, сказал папа.

— Прощу любить старую тетку, говорила она, цалуя Володю в волосы: — хотя я вам и дальняя, но я считаю по дружеским связям, а не по степеням родства, прибавила она, относясь преимущественно к бабушке; но бабушка продолжала быть недвольной ею и отвечала:

— Э! моя милая, разве нынче считается такое родство?

— Этот у меня будет светский молодой человек, сказал папа, указывая на Володю: — а этот поэт, прибавил он, в то время, как я, цалуя маленькую, сухую ручку княгини, с чрезвычайной ясностью воображал в этой руке розгу, под розгой — скамейку, и т. д. и т. д.

— Который? спросила княгиня, удерживая меня за руку.

— А этот, маленький, с вихрами, отвечал папа, весело улыбаясь.

«Что ему сделали мои вихры.... разве нет другого разговора?» подумал я и отошел в угол.

Я имел самые странные понятия о красоте — даже Карла Иваныча считал первым красавцем в мире; но очень хорошо знал, что я нехорош собою, и в этом нисколько не ошибался;

поэтому каждый намек на мою наружность больно оскорблял меня.

Я очень хорошо помню, как раз за обедом — мне было тогда шесть лет — говорили о моей наружности, как тамап старалась найти что-нибудь хорошее в моем лице: говорила, что у меня умные глаза, приятная улыбка, и наконец, уступая доводам отца и очевидности, принуждена была сознаться, что я дурен; и потом, когда я благодарил ее за обед, потрепала меня по щеке и сказала:

— Ты это знай, Николенька, что за твое лицо тебя никто не будет любить; поэтому ты должен стараться быть умным и добрым мальчиком.

Эти слова не только убедили меня в том, что я не красавец, но еще и в том, что я непременно буду добрым и умным мальчиком.

Несмотря на это, на меня часто находили минуты отчаяния: я воображал, что нет счастья на земле для человека с таким широким носом, толстыми губами и маленькими серыми глазами, как я; я просил Бога сделать чудо — превратить меня в красавца, и всё, что имел в настоящем, всё, что мог иметь в будущем, я всё отдал бы за красивое лицо.

ГЛАВА XVIII.

КНЯЗЬ ИВАН ИВАНЫЧ.

Когда княгиня выслушала стихи и осыпала сочинителя похвалами, бабушка смягчилась, стала говорить с ней по-французски, перестала называть ее *вы*, *моя милая*, и пригласила приехать к нам вечером со всеми детьми, на что княгиня согласилась и, посидев еще немного, уехала.

Гостей с поздравлениями приезжало так много в этот день, что на дворе, около подъезда, целое утро не переставало стоять по нескольку экипажей.

— Bonjour, chère cousine, сказал один из гостей, войдя в комнату и дала руку бабушки.

Это был человек лет семидесяти, высокого роста, в военном мундире, с большими эполетами, из-под воротника которого виден был большой белый крест, и с спокойным открытым выражением лица. Свобода и простота его движений поразили меня. Несмотря на то, что только на затылке его оставался

полукруг жидких волос и что положение верхней губы ясно доказывало недостаток зубов, лицо его было еще замечательной красоты.

Князь Иван Иванович, в конце прошлого столетия, благодаря своему благородному характеру, красивой наружности, замечательной храбрости, знатной и сильной родне и в особенности счастью, сделал, еще в очень молодых летах, блестящую карьеру. Он продолжал служить и очень скоро честолюбие его было так удовлетворено, что ему больше нечего было желать в этом отношении. С первой молодости он держал себя так, как будто готовился занять то блестящее место в свете, на которое впоследствии поставила его судьба; поэтому, хотя в его блестящей и несколько тщеславной жизни, как и во всех других, встречались неудачи, разочарования и огорчения, он ни разу не изменил ни своему всегда спокойному характеру, ни возвышенному образу мыслей, ни основным правилам религии и нравственности, и приобрел общее уважение не столько на основании своего блестящего положения, сколько на основании своей последовательности и твердости. Он был небольшого ума, но, благодаря такому положению, которое позволяло ему свысока смотреть на все тщеславные тревожения жизни, образ мыслей его был возвышенный. Он был добр и чувствителен, но холоден и несколько надменен в обращении. Это происходило оттого, что, быв поставлен в такое положение, в котором он мог быть полезен многим, своею холодностью он старался оградить себя от беспрестанных просьб и заискиваний людей, которые желали только воспользоваться его влиянием. Холодность эта смягчалась, однако, снисходительной вежливостью человека *очень большого света*. Он был хорошо образован и начитан; но образование его остановилось на том, что он приобрел в молодости, то есть в конце прошлого столетия. Он прочел все, что было написано во Франции замечательного по части философии и красноречия в XVIII веке, основательно знал все лучшие произведения французской литературы, так что мог и любил часто цитировать места из Расина, Корнеля, Боало, Мольера, Монтеня, Фенелона; имел блестящие познания в мифологии и с пользой изучал, во французских переводах, древние памятники эпической поэзии, имел достаточные познания в истории, почерпнутые им из Сегюра; но не имел никакого понятия ни о математике, дальше арифметики, ни о физике, ни о современной литера-

туре: он мог в разговоре прилично умолчать или сказать несколько общих фраз о Гёте, Шиллере и Байроне, но никогда не читал их. Несмотря на это французско-классическое образование, которого остается теперь уже так мало образчиков, разговор его был прост, и простота эта одинаково скрывала его незнание некоторых вещей и выказывала приятный тон и терпимость. Он был большой враг всякой оригинальности, говоря, что оригинальность есть уловка людей дурного тона. Общество было для него необходимо, где бы он ни жил; в Москве или за границей, он всегда жилав одинаково открыто и в известные дни принимал у себя весь город. Он был на такой ноге в городе, что приглашительный билет от него мог служить паспортом во все гостиные, что многие молоденькие и хорошенькие дамы охотно подставляли ему свои розовенькие щечки, которые он цаловал как будто с отеческим чувством, и что иные, повидимому, очень важные и порядочные люди были в неописанной радости, когда допускались к партии князя.

Уже мало оставалось для князя таких людей, как бабушка, которые были бы с ним одного круга, одинакого воспитания, взгляда на вещи и одних лет; поэтому он особенно дорожил своей старинной, дружеской связью с нею и оказывал ей всегда большое уважение.

Я не мог наглядеться на князя: уважение, которое ему все оказывали, большие эполеты, особенная радость, которую изъясвила бабушка, увидев его, и то, что он один, повидимому, не боялся ее, обращался с ней совершенно свободно и даже имел смелость называть ее *ma cousine*, внушили мне к нему уважение равное, если не большее, тому, которое я чувствовал к бабушке. Когда ему показали мои стихи, он подозвал меня к себе и сказал:

— Почем знать, *ma cousine*, может быть, это будет другой Державин.

При этом он так больно ущипнул меня за щеку, что если я не вскрикнул, так только потому, что догадался принять это за ласку.

Гости разъехались, папа и Володя вышли: в гостиной остались князь, бабушка и я.

— Отчего это наша милая Наталья Николаевна не приехала? спросил вдруг князь Иван Иваныч, после минутного молчания.

— Ah! mon cher,¹ отвечала бабушка, понизив голос и положив руку на рукав его мундира: — она верно бы приехала, если б была свободна делать, что хочет. Она пишет мне, что будто Риегге предлагал ей ехать, но что она сама отказалась, потому что доходов у них, будто бы, совсем не было нынешний год; и пишет: «притом, мне и не зачем переезжать нынешний год всем домом в Москву. Любочка еще слишком мала; а насчет мальчиков, которые будут жить у вас, я еще покойнее, чем ежели бы они были со мною». — Все это прекрасно! продолжала бабушка, таким тоном, который ясно доказывал, что она вовсе не находила, чтобы это было прекрасно: — мальчиков давно пора было прислать сюда, чтобы они могли чему-нибудь учиться и привыкать к свету; а то какое же им могли дать воспитание в деревне?... ведь старшему скоро тринадцать лет, а другому одиннадцать. Вы заметили, mon cousin, они здесь совершенно как дикие.... в комнату войти не умеют.

— Я, однако, не понимаю, отвечал князь: — отчего эти всегдашние жалобы на расстройство обстоятельств? У него очень хорошее состояние, а Наташину Хабаровку, в которой мы с вами, во время оно, игравали на театре, я знаю, как свои пять пальцев — чудесное именье! и всегда должно приносить прекрасный доход.

— Я вам скажу, как истинному другу, прервала его бабушка, с грустным выражением: — мне кажется, что все это отговорки, для того только, чтобы *ему* жить здесь одному, шлаться по клубам, по обедам и Бог знает что делать; а она ничего не подозревает. Вы знаете, какая это ангельская доброта — она *ему* во всем верит. Он уверил ее, что детей нужно везти в Москву, а ей одной, с глупой гувернанткой, оставаться в деревне — она поверила; скажи он ей, что детей нужно сечь, так же как сечет своих княгиня Варвара Ильинична, она и тут, кажется бы, согласилась, сказала бабушка, поворачиваясь в своем кресле, с видом совершенного презрения. — Да, мой друг, продолжала бабушка, после минутного молчания, взяв в руки один из двух платков, чтобы утереть показавшуюся слезу: — я часто думаю, что *он* не может ни ценить, ни понимать ее, и что, несмотря на всю ее доброту, любовь к нему и старание скрыть свое горе — я очень хорошо знаю это — она не может быть с ним счастлива; и помяните мое слово, если он не....

¹ [Ах! мой дорогой,]

Бабушка закрыла лицо платком.

— Eh! ma bonne amie,¹ сказал князь с упреком: — я вижу, вы несколько не стали благоразумнее — вечно сокрушаетесь и плачете о воображаемом горе. Ну, как вам не совестно? я *его* давно знаю и знаю за внимательного, доброго и прекрасного мужа и главное — за благороднейшего человека, un *raffait honnête homme*.²

Невольно подслушав разговор, которого мне не должно было слушать, я на цыпочках и в сильном волнении выбрался из комнаты.

ГЛАВА XIX.

ИВИНЫ.

— Володя! Володя! Ивины! закричал я, увидев в окно трех мальчиков, в синих бекешах с бобровыми воротниками, которые, следуя за молодым гувернёром-щеголем, переходили с противоположного тротуара к нашему дому.

Ивины приходились нам родственниками и были почти одних с нами лет; вскоре после приезда нашего в Москву, мы познакомились и сошлись с ними.

Второй Ивин — Сережа, был смуглый, курчавый мальчик, со вздернутым, твердым носиком, очень свежими, красными губами, которые редко совершенно закрывали немного выдавшийся верхний ряд белых зубов, темно-голубыми, прекрасными глазами и необыкновенно бойким выражением лица. Он никогда не улыбался, но или смотрел совершенно серьезно, или от души смеялся своим звонким, отчетливым и чрезвычайно увлекательным смехом. Его оригинальная красота поразила меня с первого взгляда. Я почувствовал к нему непреодолимое влечение. Видеть его было достаточно для моего счастья; и одно время все силы души моей были сосредоточены в этом желании: когда мне случалось провести дня три или четыре, не видав его, я начинал скучать, и мне становилось грустно до слез. Все мечты мои, во сне и на яву, были о нем: ложась спать, я желал, чтобы он мне приснился: закрывая глаза, я видел его перед собою и лелеял этот призрак, как лучшее наслаждение. Никому в мире я не решился бы поверить этого чувства, так много я дорожил

¹ [Э! мой добрый друг,]

² [совершенно порядочный человек.]

им. Может быть, потому, что ему надоедало чувствовать, беспрестанно устремленными на него, мои беспокойные глаза, или просто, не чувствуя ко мне никакой симпатии, он заметно больше любил играть и говорить с Володей, чем со мною; но я все-таки был доволен, ничего не желал, ничего не требовал и всем готов был для него пожертвовать. Кроме страстного влечения, которое он внушал мне, присутствие его возбуждало во мне, в не менее сильной степени, другое чувство — страх огорчить его, оскорбить чем-нибудь, не понравиться ему: может быть, потому, что лицо его имело надменное выражение, или потому, что, презирая свою наружность, я слишком много ценил в других преимущества красоты, или, что вернее всего, потому, что это есть непрменный признак любви, я чувствовал к нему столько же страху, сколько и любви. В первый раз, как Сережа заговорил со мной, я до того растерялся от такого неожиданного счастья, что побледнел, покраснел и ничего не мог отвечать ему. У него была дурная привычка, когда он задумывался, останавливать глаза на одной точке и беспрестанно мигать, подергивая при этом носом и бровями. Все находили, что эта привычка очень портит его, но я находил ее до того милою, что невольно привык делать то же самое, и чрез несколько дней после моего с ним знакомства бабушка спросила: не болят ли у меня глаза, что я ими хлопаю как филин. Между нами никогда не было сказано ни слова о любви; но он чувствовал свою власть надо мною и бессознательно, но тиранически употреблял ее в наших детских отношениях; я же, как ни желал высказать ему всё, что было у меня на душе, слишком боялся его, чтобы решиться на откровенность; старался казаться равнодушным и безропотно подчинялся ему. Иногда влияние его казалось мне тяжелым, несносным; но выйти из-под него было не в моей власти.

Мне грустно вспомнить об этом свежем, прекрасном чувстве бескорыстной и беспредельной любви, которое так и умерло не излившись и не найдя сочувствия.

Странно, отчего, когда я был ребенком, я старался быть похожим на большого, а с тех пор, как перестал быть им, часто желал быть похожим на него. Сколько раз это желание — не быть похожим на маленького, в моих отношениях с Сережей, останавливало чувство, готовое излиться, и заставляло лицемерить. Я не только не смел поцаловать его, чего мне иногда

очень хотелось, взять его за руку, сказать, как я рад его видеть, но не смел даже называть его Сережа, а непременно Сергей: так уж было заведено у нас. Каждое выражение чувствительности доказывало ребячество и то, что тот, кто позволял себе его, был еще *мальчишка*. Не пройдя еще через те горькие испытания, которые доводят взрослых до осторожности и холодности в отношениях, мы лишали себя чистых наслаждений нежной детской привязанности по одному только странному желанию подражать *большим*.

Еще в лакейской встретил я Ивиных, поздоровался с ними и опрометью пустился к бабушке: я объявил ей о том, что приехали Ивины, с таким выражением, как будто это известие должно было вполне осчастливить ее. Потом, не спуская глаз с Сережи, я последовал за ним в гостиную и следил за всеми его движениями. В то время, как бабушка сказала, что он очень вырос, и устремила на него свои пронизательные глаза, я испытывал то чувство страха и надежды, которое должен испытывать художник, ожидая приговора над своим произведением от уважаемого судьи.

Молодой гувернёр Ивиных Herr Frost, с позволения бабушки, сошел с нами в полисадник, сел на зеленую скамью, живописно сложил ноги, поставив между ними палку с бронзовым набалдашником, и с видом человека, очень довольного своими поступками, закурил сигару.

Herr Frost был немец, но немец совершенно не того покроя, как наш добрый Карл Иваныч: во-первых, он правильно говорил по-русски: с дурным выговором — по-французски, и пользовался вообще, в особенности между дамами, репутацией очень ученого человека; во-вторых, он носил рыжие усы, большую рубиновую булавку в черном атласном шарфе, концы которого были просунуты под помочи, и светло-голубые панталоны с отливом и со штрипками; в-третьих, он был молод, имел красивую, самодовольную наружность и необыкновенно видные, мускулистые ноги. Заметно было, что он особенно дорожил этим последним преимуществом: считал его действие неотразимым в отношении особ женского пола и, должно быть, с этою целью, старался выставлять свои ноги на самое видное место и, стоя или сидя на месте, всегда приводил в движение свои икры. Это был тип молодого, русского немца, который хочет быть молодцом и волокитой.

В палисаднике было очень весело. Игра в разбойники шла как нельзя лучше; но одно обстоятельство чуть-чуть не расстроило всего. Сережа был разбойник: погнавшись за проезжающими, он споткнулся и на всем бегу ударился коленом о дерево, так сильно, что я думал, он расшибется вдребезги. Несмотря на то, что я был жандарм и моя обязанность состояла в том, чтобы ловить его, я подошел и с участием стал спрашивать, больно ли ему. Сережа рассердился на меня: сжал кулаки, топнул ногой и голосом, который ясно доказывал, что он очень больно ушибся, закричал мне:

— Ну, что это? после этого игры никакой нет! Ну, что ж ты меня не ловишь? что ж ты меня не ловишь? повторял он несколько раз, искоса поглядывая на Володю и старшего Ивина, которые, представляя проезжающих, припрыгивая, бежали по дорожке, и вдруг взвизгнул и с громким смехом бросился ловить их.

Не могу передать, как поразил и пленил меня этот геройский поступок: несмотря на страшную боль, он не только не заплакал, но не показал и виду, что ему больно, и ни на минуту не забыл игры.

Вскоре после этого, когда к нашей компании присоединился еще Илинька Грап, и мы до обеда отправились наверх, Сережа имел случай еще более пленить и поразить меня своим удивительным мужеством и твердостью характера.

Илинька Грап был сын бедного иностранца, который когда-то жил у моего деда, был чем-то ему обязан и почитал теперь своим неперменным долгом присылать, очень часто, к нам своего сына. Если он полагал, что знакомство с нами может доставить его сыну какую-нибудь честь или удовольствие, то он совершенно ошибался в этом отношении, потому что мы не только не были дружны с Илинькой, но обращали на него внимание только тогда, когда хотели посмеяться над ним. Илинька Грап был мальчик лет тринадцати, худой, высокий, бледный, с птичьей рожицей и добродушно-покорным выражением. Он был очень бедно одет, но зато всегда напомажен так обильно, что мы уверяли, будто у Грапа, в солнечный день, помада тает на голове и течет под курточку. Когда я теперь вспоминаю его, я нахожу, что он был очень услужливый, тихий и добрый мальчик; тогда же он мне казался таким презренным существом, о котором не стоило ни жалеть, ни даже думать.

Когда игра в разбойники прекратилась, мы пошли на верх, начали *возиться* и щеголять друг перед другом разными гимнастическими штуками. Илинька с робкой улыбкой удивления поглядывал на нас, и когда ему предлагали попробовать то же, отказывался, говоря, что у него совсем нет силы. Сережа был удивительно мил; он снял курточку — лицо и глаза его разгорелись — он беспрестанно хохотал и затевал новые шалости: перепрыгивал через три стула, поставленные рядом, через всю комнату перекатывался колесом, становился кверху ногами на лексиконы Татищева, положенные им, в виде пьедестала, на середину комнаты, и при этом выделял ногами такие уморительные штуки, что невозможно было удержаться от смеха. После этой последней штуки он задумался, помигал глазами и вдруг, с совершенно серьезным лицом, подошел к Илиньке: «попробуйте сделать это; право это нетрудно». Грап, заметив, что общее внимание обращено на него, покраснел и чуть слышным голосом уверял, что он никак не может этого сделать.

— Да что ж в самом деле, отчего он ничего не хочет показать? Что он за девочка.... непременно надо, чтобы он стал на голову!

И Сережа взял его за руку.

— Непременно, непременно на голову! закричали мы все, обступив Илиньку, который в эту минуту заметно испугался и побледнел, схватили его за руку и повлекли к лексиконам.

— Пустите меня, я сам! курточку разорвете! кричала несчастная жертва. — Но эти крики отчаяния еще более воодушевляли нас; мы помирали со смеху; зеленая курточка трещала на всех швах.

Володя и старший Ивин нагнули ему голову и поставили ее на лексиконы; я и Сережа схватили бедного мальчика за тоненькие ноги, которыми он махал в разные стороны, засучили ему панталоны до колен и, с громким смехом, вскинули их кверху; младший Ивин поддерживал равновесие всего туловища.

- Случилось так, что после шумного смеха мы, вдруг, все замолчали и в комнате стало так тихо, что слышно было только тяжелое дыхание несчастного Грапа. В эту минуту я не совсем был убежден, что всё это очень смешно и весело.

— Вот теперь молодец, сказал Сережа, хлопнув его рукою.

Илинька молчал и, стараясь вырваться, кидал ногами в разные стороны. Одним из таких отчаянных движений он ударил

каблуком по глазу Сережу так больно, что Сережа тотчас же оставил его ноги, схватился за глаз, из которого потекли невольные слезы, и из всех сил толкнул Илиньку. Илинька, не будучи более поддерживаем нами, как что-то безжизненное грохнулся на землю и от слез мог только выговорить:

— За что вы меня тираните?

Плачевная фигура бедного Илиньки, с заплаканным лицом, взъерошенными волосами и засученными панталонами, из-под которых видны были нечищенные голенищи, поразила нас; мы все молчали и старались принужденно улыбаться.

Первый опомнился Сережа.

— Вот баба, нюня, сказал он, слегка трогая его ногою: с ним шутить нельзя.... Ну, полно, вставайте.

— Я вам сказал, что ты негодный мальчишка, злобно выговорил Илинька и, отвернувшись прочь, громко зарыдал.

— А-а! каблуками бить да еще браниться! закричал Сережа, схватив в руки лексикон и взмахнув над головою несчастного, который и не думал защищаться, а только закрывал руками голову.

— Вот тебе! вот тебе!... Бросим его, коли он шуток не понимает.... Пойдемте вниз, сказал Сережа, неестественно засмеявшись.

Я с участием посмотрел на бедняжку, который, лежа на полу и спрятав лицо в лексиконах, плакал так, что, казалось, еще немного, и он умрет от конвульсий, которые дергали все его тело.

— Э, Сережа! сказал я ему: — зачем ты это сделал?

— Вот хорошо!... я не заплакал, надеюсь, сегодня, как разбил себе ногу почти до кости.

«Да, это правда. — подумал я — Илинька больше ничего, как плакса, а вот Сережа — так это молодец... что это за молодец!...»

Я не сообразил того, что бедняжка плакал верно не столько от физической боли, сколько от той мысли, что пять мальчиков, которые, может быть, нравились ему, без всякой причины, все согласились ненавидеть и гнать его.

Я решительно не могу объяснить себе жестокости своего поступка. Как я не подошел к нему, не защитил и не утешил его? Куда девалось чувство сострадания, заставлявшее меня, бывало, плакать навзрыд при виде выброшенного из гнезда галченка,

или щенка, которого несут, чтобы кинуть за забор, или курицы, которую несет поваренок для супа?

Неужели это прекрасное чувство было заглушено во мне любовью к Сереже и желанием казаться перед ним таким же молодцом, как и он сам? Незавидные же были эти любовь и желание казаться молодцом! они произвели единственные темные пятна на страницах моих детских воспоминаний.

ГЛАВА XX.

СОБИРАЮТСЯ ГОСТИ.

Судя по особенной хлопотливости, заметной в буфете, по яркому освещению, придававшему какой-то новый, праздничный вид всем уже мне давно знакомым предметам в гостиной и зале, и, в особенности, судя потому, что не даром же прислал князь Иван Иванович свою музыку, ожидалось немалое количество гостей к вечеру.

При шуме каждого мимо ехавшего экипажа я подбегал к окну, приставлял ладони к вискам и стеклу и с нетерпеливым любопытством смотрел на улицу. Из мрака, который сперва скрывал все предметы в окне, показывались понемногу: напротив — давно знакомая лавочка, с фонарем, наискось — большой дом, с двумя внизу освещенными окнами, по середине улицы — какой-нибудь *Ванька*, с двумя седоками, или пустая коляска, шагом возвращающаяся домой; но вот к крыльцу подъехала карета, и я, в полной уверенности, что это Ивины, которые обещались приехать рано, бегу встречать их в переднюю. Вместо Ивиных, за ливрейной рукой, отворившей дверь, показались две особы женского пола: одна — большая в синем сапоге, с собольим воротником, другая — маленькая, вся закутанная в зеленую шаль, из-под которой виднелись только маленькие ножки в меховых ботинках. Не обращая на мое присутствие в передней никакого внимания, хотя я счел долгом, при появлении этих особ, поклониться им, маленькая молча подошла к большой и остановилась перед нею. Большая размотала платок, закрывавший всю голову маленькой, расстегнула на ней сапог, и когда ливрейный лакей получил эти вещи под сохранение и снял с нее меховые ботинки, из закутанной особы вышла чудесная двенадцатилетняя девочка, в коротеньком, открытом кисейном платье, белых панталончиках и крошеч-

ных черных башмачках. На беленькой шейке была черная бархатная ленточка; головка вся была в темно-русых кудрях, которые спереди так хорошо шли к ее прекрасному личику, а сзади — к голым плечикам, что никому, даже самому Карлу Иваницу, я не поверил бы, что они вьются так оттого, что с утра были завернуты в кусочки Московских Ведомостей, и что их прижигали горячими железными щипцами. Казалось, она так и родилась с этой курчавой головкой.

Поразительной чертой в ее лице была необыкновенная величина выпуклых, полузакрытых глаз, которые составляли странный, но приятный контраст с крошечным ротиком. Губки были сложены, а глаза смотрели так серьезно, что общее выражение ее лица было такое, от которого не ожидаешь улыбки, и улыбка которого бывает тем обворожительнее.

Стараясь быть незамеченным, я шмыгнул в дверь залы и почел нужным прохаживаться взад и вперед, притворившись, что нахожусь в задумчивости и совсем не знаю о том, что приехали гости. Когда гости вышли на половину залы, я как будто опомнился, расшаркался и объявил им, что бабушка в гостиной. Г-жа Валахина, лицо которой мне очень понравилось, в особенности потому, что я нашел в нем большое сходство с лицом ее дочери Сонечки, благосклонно кивнула мне головой.

Бабушка, казалось, была очень рада видеть Сонечку: подозвала ее ближе к себе, поправила на голове ее одну буклю, которая спадывала на лоб, и, пристально всматриваясь в ее лицо, сказала: «*quelle charmante enfant!*»¹ Сонечка улыбнулась, покраснела и сделалась так мила, что я тоже покраснел, глядя на нее.

— Надеюсь, ты не будешь скучать у меня, мой дружок, сказала бабушка, приподняв ее личико за подбородок: — прощу же веселиться и танцевать как можно больше. — Вот уж и есть одна дама и два кавалера, прибавила она, обращаясь к г-же Валахиной и дотрогиваясь до меня рукою.

Это сближение было мне так приятно, что заставило покраснеть еще раз.

Чувствуя, что застенчивость моя увеличивается, и услышав шум еще подъехавшего экипажа, я почел нужным удалиться. В передней нашел я княгиню Корнакову с сыном и невероят-

¹ [какой очаровательный ребенок!]

ным количеством дочерей. Дочери все были на одно лицо — похожи на княгиню и дурны; поэтому ни одна не останавливала внимания. Снимая салоны и хвосты, они все вдруг говорили тоненькими голосками, суетились и смеялись чему-то — должно быть, тому, что их было так много. Этьен был мальчик лет пятнадцати, высокий, мясистый, с испитой физиономией, впалыми, посинелыми внизу глазами и с огромными по летам руками и ногами; он был неуклюж, имел голос неприятный и неровный, но казался очень довольным собою и был точно таким, каким мог быть, по моим понятиям, мальчик, которого секут розгами.

Мы довольно долго стояли друг против друга и, не говоря ни слова, внимательно всматривались; потом, пододвинувшись поближе, кажется, хотели поцаловаться, но, посмотрев еще в глаза друг другу, почему-то раздумали. Когда платья всех сестер его прошумели мимо нас, чтобы чем-нибудь начать разговор, я спросил, не тесно ли им было в карете.

— Не знаю, отвечал он мне небрежно: — я ведь никогда не езжу в карете, потому что, как только я сяду, меня сейчас начинает тошнить, и маменька это знает. Когда мы едем куда-нибудь вечером, я всегда сажусь на козлы — гораздо веселей — все видно, Филипп дает мне править, иногда и кнут я беру. Этак проезжающих, знаете, иногда, прибавил он, с выразительным жестом: — прекрасно!

— Ваше сиятельство, сказал лакей, входя в переднюю: — Филипп спрашивает: куда вы кнут изволили деть?

— Как куда дел? да я ему отдал.

— Он говорит, что не отдавали.

— Ну, так на фонарь повесил.

— Филипп говорит, что и на фонаре нет, а вы скажите лучше, что взяли да потеряли, а Филипп будет из своих денежек отвечать за ваше баловство, продолжал, все более и более воодушевляясь, раздосадованный лакей.

Лакей, который с виду был человек почтенный и угрюмый, казалось, горячо принимал сторону Филиппа и был намерен, во что бы то ни стало, разъяснить это дело. По невольному чувству деликатности, как будто ничего не замечая, я отошел в сторону; но присутствующие лакеи поступили совсем иначе: они подступили ближе, с одобрением поглядывая на старого слугу.

— Ну, потерял, так потерял, сказал Этьен, уклоняясь от дальнейших объяснений: — что стоит ему кнут, так я и заплачу. — Вот уморительно! прибавил он, подходя ко мне и увлекая меня в гостиную.

— Нет, позвольте, барин, чем-то вы заплатите? знаю я, как вы платите: Марье Васильевне вот уж вы восьмой месяц двугривенный все платите, мне тоже уж, кажется, второй год, Петрушке....

— Замолчишь ли ты! крикнул молодой князь, побледнев от злости: — вот я все это скажу.

— Все скажу, все скажу! проговорил лакей. — Нехорошо, ваше сиятельство! прибавил он особенно выразительно в то время, как мы входили в залу, и пошел с салопами к ларю.

— Вот так, так! послышался за нами чей-то одобрительный голос в передней.

Бабушка имела особенный дар, прилагая с известным тоном и в известных случаях множественные и единственные местоимения второго лица, высказывать свое мнение о людях. Хотя она употребляла *вы* и *ты* наоборот общепринятому обычаю, в ее устах, эти оттенки принимали совсем другое значение. Когда молодой князь подошел к ней, она сказала ему несколько слов, называя его *вы*, и взглянула на него с выражением такого пренебрежения, что если бы я был на его месте, я растерялся бы совершенно; но Этьен был, как видно, мальчик не такого *сложения*: он не только не обратил никакого внимания на прием бабушки, но даже и на всю ее особу, а раскланялся всему обществу, если не ловко, то совершенно развязно. Сонечка занимала все мое внимание: я помню, что когда Володя, Этьен и я разговаривали в зале на таком месте, с которого видна была Сонечка и она могла видеть и слышать нас, я говорил с удовольствием; когда мне случалось сказать, по моим понятиям, смешное или молодецкое словцо, я произносил его громче и оглядывался на дверь в гостиную; когда же мы перешли на другое место, с которого нас нельзя было ни слышать, ни видеть из гостиной, я молчал и не находил больше никакого удовольствия в разговоре.

Гостиная и зала понемногу наполнялись гостями; в числе их, как и всегда бывает на детских вечерах, было несколько больших детей, которые не хотели пропустить случая повеселиться и потанцевать, как будто для того только, чтобы сделать удовольствие хозяйке дома.

Когда приехали Ивины, вместо удовольствия, которое я обыкновенно испытывал при встрече с Сережей, я почувствовал какую-то странную досаду на него за то, что он увидит Сонечку и покажется ей.

ГЛАВА XXI.

ДО МАЗУРКИ.

— Э! да у вас, видно, будут танцы, сказал Сережа, выходя из гостиной и доставая из кармана новую пару лайковых перчаток: — надо перчатки надевать.

«Как же быть? а у нас перчаток-то нет — подумал я — надо пойти наверх — поискать».

Но хотя я перерыл все комоды, я нашел только в одном — наши дорожные зеленые рукавицы, а в другом — одну лайковую перчатку, которая никак не могла годиться мне: во-первых, потому, что была чрезвычайно стара и грязна, во-вторых, потому, что была для меня слишком велика, а главное потому, что на ней недоставало среднего пальца, отрезанного, должно быть, еще очень давно, Карлом Иванычем, для больной руки. Я надел, однако, на руку этот остаток перчатки и пристально рассматривал то место среднего пальца, которое всегда было замазано чернилами.

— Вот если бы здесь была Наталья Савишна: у нее верно бы нашлись и перчатки. Вниз идти нельзя в таком виде, потому, что если меня спросят, отчего я не танцую, что мне сказать? и здесь оставаться тоже нельзя, потому, что меня непременно хватятся. Что мне делать? говорил я, размахивая руками.

— Что ты здесь делаешь? сказал вбежавший Володя: — иди ангажируй даму.... сейчас начнется.

— Володя, сказал я ему, показывая руку, с двумя просунутыми в грязную перчатку пальцами, голосом, выражавшим положение, близкое к отчаянию: — Володя, ты и не подумал об этом!

— О чем? сказал он с нетерпением. — А! о перчатках, прибавил он, совершенно равнодушно, заметив мою руку: — и точно нет; надо спросить у бабушки.... что она скажет? и, нимало не задумавшись, побежал вниз.

Хладнокровие, с которым он отзывался об обстоятельстве, казавшемся мне столь важным, успокоило меня, и я поспешил в гостиную, совершенно позабыв об уродливой перчатке, которая была надета на моей левой руке.

Осторожно подойдя к креслу бабушки и слегка дотрогиваясь до ее мантии, я попотом сказал ей:

— Бабушка! что́ нам делать? у нас перчаток нет!

— Что, мой друг?

— У нас перчаток нет, повторил я, подвигаясь ближе и ближе и положив обе руки на ручку кресел.

— А это что, сказала она, вдруг схватив меня за левую руку. *Vous, ma chère,*¹ продолжала она, обращаясь к г-же Валахиной: — *vous comme ce jeune homme s'est fait élégant pour danser avec votre fille.*²

Бабушка крепко держала меня за руку и серьезно, но просительно посматривала на присутствующих, до тех пор, пока любопытство всех гостей было удовлетворено, и смех сделался общим.

Я был бы очень огорчен, если бы Сережа видел меня в то время, как я, сморщившись от стыда, напрасно пытался вырвать свою руку, но перед Сонечкой, которая до того расхохоталась, что слезы навернулись ей на глаза и все кудряшки распрыгались около ее раскрасневшегося личика, мне нисколько не было известно. Я понял, что смех ее был слишком громок и естествен, чтоб быть насмешливым; напротив, то, что мы посмеялись вместе и глядя друг на друга, как будто сблизило меня с нею. Эпизод с перчаткой, хотя и мог кончиться дурно, принес мне ту пользу, что поставил меня на свободную ногу в кругу, который казался мне всегда самым страшным — в кругу гостиной; я не чувствовал уже ни малейшей застенчивости в зале.

Страдание людей застенчивых происходит от неизвестности о мнении, которое о них составили; как только мнение это ясно выражено — какое бы оно ни было — страдание прекращается.

Что это как мила была Сонечка Валахина, когда она против меня танцевала французскую кадрили с неуклюжим молодым князем! Как мило она улыбалась, когда в «chaîne»³ подавала мне ручку! как мило, в такт прыгали на головке ее русые кудри, и как наивно делала она «jeté-assemblé»³ своими крошечными ножками! В пятой фигуре, когда моя дама перебежала от меня на другую сторону и когда я, выжидая такт, пригото-

¹ [Посмотрите, моя дорогая,]

² [посмотрите, каким элегантно сделал себя этот молодой человек, чтобы танцевать с вашей дочерью.]

³ [Шэн, жетэ-ассамбле — фигуры в танце.]

влялся делать соло, Сонечка серьезно сложила губки и стала смотреть в сторону. Но напрасно она за меня боялась: я смело сделал *chassé en avant*, *chassé en arrière*, *glissade*¹ и, в то время, как подходил к ней, игривым движением показал ей перчатку с двумя торчавшими пальцами. Она расхохоталась ужасно и еще милее засеменила ножками по паркету. Еще помню я, как, когда мы делали круг и все взялись за руки, она нагнула головку и, не вынимая своей руки из моей, почесала носик о свою перчатку. Все это как теперь перед моими глазами, и еще слышится мне кадрили из «Девы Дуная», под звуки которой все это происходило.

Наступила и вторая кадрили, которую я танцевал с Сонечкой. Усевшись рядом с нею, я почувствовал чрезвычайную неловкость и решительно не знал, о чем с ней говорить. Когда молчание мое сделалось слишком продолжительным, я стал бояться, чтобы она не приняла меня за дурака, и решил, во что бы то ни стало, вывести ее из такого заблуждения на мой счет. «*Vous êtes une habitante de Moscou?*»² сказал я ей и после утвердительного ответа, продолжал: *et moi, je n'ai encore jamais fréquenté la capitale,*³ рассчитывая в особенности на эффект слова «*fréquenter*».⁴ Я чувствовал, однако, что, хотя это начало было очень блестяще и вполне доказывало мое высокое знание французского языка, продолжать разговор в таком духе я не в состоянии. Еще не скоро должен был прийти наш черед танцевать, а молчание возобновилось: я с беспокойством посматривал на нее, желая знать, какое произвел впечатление, и ожидая от нее помощи. «Где вы нашли такую уморительную перчатку?» спросила она меня вдруг; и этот вопрос доставил мне большое удовольствие и облегчение. Я объяснил, что перчатка принадлежала Карлу Иванычу, распространился, даже несколько иронически, о самой особе Карла Иваныча, о том, какой он бывает смешной, когда снимает красную шапочку, и о том, как он раз в зеленой бекеше упал с лошади — прямо в лужу, и т. п. Кадрили прошла незаметно. Все это было очень хорошо; но зачем я с насмешкой отзывался о Карле Иваныче? Неужели я потерял бы доброе мнение Сонечки, если бы я опи-

¹ [Шассэ-ан-аван, шассэ-ан-арьер, глисад — фигуры в танце.]

² [Вы постоянно живете в Москве?]

³ [а я еще никогда не посещал столицы,]

⁴ [посещать.]

сал ей его с теми любовью и уважением, которые я к нему чувствовал?

Когда кадрили кончилась, Сонечка сказала мне «merci» с таким милым выражением, как будто я действительно заслужил ее благодарность. Я был в восторге, не помнил себя от радости и сам не мог узнать себя: откуда взялись у меня смелость, уверенность и даже дерзость? «Нет вещи, которая бы могла меня сконфузить! — думал я, беззаботно разгуливая по зале — я готов на всё!»

Сережа предложил мне быть с ним *vis-à-vis*. «Хорошо, сказал я: — хотя у меня нет дамы, я найду». Окинув залу решительным взглядом, я заметил, что все дамы были взяты, исключая одной большой девицы, стоявшей у двери гостиной. К ней подходил высокий молодой человек, как я заключил, с целью пригласить ее; он был от нее в двух шагах, я же — на противоположном конце залы. В мгновение ока, грациозно скользя по паркету, пролетел я всё разделяющее меня от нее пространство и, шаркнув ногой, твердым голосом пригласил ее на контрданс. Большая девица, покровительственно улыбаясь, подала мне руку, а молодой человек остался без дамы.

Я имел такое сознание своей силы, что даже не обратил внимания на досаду молодого человека; но после узнал, что молодой человек этот спрашивал, кто тот взъерошенный мальчик, который проскочил мимо его и перед носом отнял даму.

ГЛАВА XXII.

МАЗУРКА.

Молодой человек, у которого я отбил даму, танцевал мазурку в первой паре. Он вскочил с своего места, держа даму за руку, и вместо того, чтобы делать «pas de Basques»,¹ которым нас учила Мими, просто побежал вперед; добежав до угла, приостановился, раздвинул ноги, стукнул каблуком, повернулся и, припрыгивая, побежал дальше.

Так как дамы на мазурку у меня не было, я сидел за высоким креслом бабушки и наблюдал.

«Что же он это делает? — рассуждал я сам с собою. — Ведь это вовсе не то, чему учила нас Мими: она уверяла, что мазурку

¹ [Па-де-баск — старинное па мазурки,]

все танцуют на цыпочках, плавно и кругообразно разводя ногами; а выходит, что танцуют совсем не так. Вон и Ивины, и Этьен, и все танцуют, а «pas de Basques» не делают; и Володя наш перенял новую манеру. Недурно!... А Сонечка-то какая милочка?! вон она пошла....» Мне было чрезвычайно весело.

Мазурка клонилась к концу: несколько пожилых мужчин и дам подходили прощаться с бабушкой и уезжали; лакеи, избегая танцующих, осторожно проносили приборы в задние комнаты; бабушка заметно устала, говорила как бы нехотя и очень протяжно; музыканты в тридцатый раз лениво начинали тот же мотив. Большая девица, с которой я танцевал, делая фигуру, заметила меня и, предательски улыбнувшись — должно быть, желая тем угодить бабушке — подвела ко мне Сонечку и одну из бесчисленных княжен. «Rose ou hortie?»¹ сказала она мне.

— А, ты здесь! сказала, поворачиваясь в своем кресле, бабушка: — иди же, мой дружок, иди.

Хотя мне в эту минуту больше хотелось спрятаться с головой под кресло бабушки, чем выходить из-за него, как было отказать? — я встал, сказал «rose»² и робко взглянул на Сонечку. Не успел я опомниться, как чья-то рука в белой перчатке очутилась в моей, и княжна с приятнейшей улыбкой пустилась вперед, нисколько не подозревая того, что я решительно не знал, что делать с своими ногами.

Я знал, что «pas de Basques» не уместны, неприличны и даже могут совершенно осрамить меня; но знакомые звуки мазурки, действуя на мой слух, сообщили известное направление акустическим нервам, которые, в свою очередь, передали это движение ногам; и эти последние, совершенно невольно и к удивлению всех зрителей, стали выделять фатальные, круглые и плавные па на цыпочках. Покуда мы шли прямо, дело еще шло кое-как, но на повороте я заметил, что если не приму своих мер, непременно уйду вперед. Во избежание такой неприятности, я приостановился, с намерением сделать то самое *коленцо*, которое так красиво делал молодой человек в первой паре. Но в ту самую минуту, как я раздвинул ноги и хотел уже припрыгнуть, княжна, торопливо обегая вокруг меня, с выражением тупого любопытства и удивления посмотрела на мои ноги. Этот взгляд убил меня. Я до того растерялся, что, вместо того, чтобы танцо-

¹ [Роза или крапива?]

² [роза]

вать, затоптал ногами на месте, самым странным, ни с тактом, ни с чем несообразным образом, и наконец совершенно остановился. Все смотрели на меня: кто с удивлением, кто с любопытством, кто с насмешкой, кто с состраданием; одна бабушка смотрела совершенно равнодушно.

— *Il ne fallait pas danser, si vous ne savez pas!*¹ сказал сердитый голос папа над моим ухом, и, слегка оттолкнув меня, он взял руку моей дамы, прошел с ней тур по старинному, при громком одобрении зрителей, и привел ее на место. Мазурка тотчас же кончилась.

— Господи! за что ты наказываешь меня так ужасно!

.

Все презирают меня и всегда будут презирать.... мне закрыта дорога ко всему: к дружбе, любви, почестям.... все пропало!! Зачем Володя делал мне знаки, которые все видели и которые не могли помочь мне? зачем эта противная княжна так посмотрела на мои ноги? зачем Сонечка.... она милочка; но зачем она улыбалась в это время? зачем папа покраснел и схватил меня за руку? Неужели даже ему было стыдно за меня? О, это ужасно! Вот будь тут мамаша, она не покраснела бы за своего Николеньку.... И мое воображение унеслось далеко за этим милым образом. Я вспоминал луг перед домом, высокие липы сада, чистый пруд, над которым вьются ласточки, синее небо, на котором остановились белые, прозрачные тучи, пахучие копны свежего сена, и еще много спокойных радужных воспоминаний носилось в моем расстроенном воображении.

ГЛАВА XXIII.

ПОСЛЕ МАЗУРКИ.

За ужином молодой человек, танцовавший в первой паре, сел за наш, детский, стол и обращал на меня особенное внимание, что немало польстило бы моему самолюбию, если бы я мог, после случившегося со мной несчастья, чувствовать что-нибудь. Но молодой человек, как кажется, хотел, во что бы то ни стало, развеселить меня: он заигрывал со мной, называл меня молодцом и, как только никто из больших не смотрел на нас, подливал мне в рюмку вина из разных бутылок и непременно заставлял выпивать. К концу ужина, когда дворецкий налил мне

¹ [Не нужно было танцевать, если не умеешь!]

только четверть бокальчика шампанского из завернутой в салфетку бутылки и когда молодой человек настоял на том, чтобы он налил мне полный, и заставил меня его выпить залпом, я почувствовал приятную теплоту по всему телу, особенную привязнь к моему веселому покровителю и чему-то очень расхотался.

Вдруг раздались из залы звуки гротфатера и стали вставать из-за стола. Дружба наша с молодым человеком тотчас же и кончилась: он ушел к большим, а я, не смея следовать за ним, подошел, с любопытством, прислушиваться к тому, что говорила Валахина с дочерью.

— Еще полчасика, убедительно говорила Сонечка.

— Право, нельзя, мой ангел.

— Ну для меня, пожалуйста, говорила она, ласкаясь.

— Ну разве тебе весело будет если я завтра буду больна? сказала г-жа Валахина и имела неосторожность улыбнуться.

— А, позволила! останемся? заговорила Сонечка, прыгая от радости.

— Что с тобой делать? Иди же, танцуй... вот тебе и кавалер, сказала она, указывая на меня.

Сонечка подала мне руку, и мы побежали в залу.

Выпитое вино, присутствие и веселость Сонечки заставили меня совершенно забыть несчастное приключение мазурки. Я выделял ногами самые забавные штуки: то подражая лошади бежал маленькой рысцой, гордо поднимая ноги, то топотал ими на месте, как баран, который сердится на собаку, при этом хохотал от души и нисколько не заботился о том, какое впечатление произвожу на зрителей. Сонечка тоже не переставала смеяться: она смеялась тому, что мы кружились, взявшись рука за руку, хохотала, глядя на какого-то старого барина, который, медленно поднимая ноги, перешагнул через платок, показывая вид, что ему было очень трудно это сделать, и помирала со смеху, когда я вспрыгивал чуть не до потолка, чтобы показать свою ловкость.

Проходя через бабушкин кабинет, я взглянул на себя в зеркало: лицо было в поту, волосы растрепаны, вихры торчали больше чем когда-нибудь; но общее выражение лица было такое веселое, доброе и здоровое, что я сам себе понравился.

«Если бы я был всегда такой, как теперь — подумал я — я бы еще мог понравиться».

Но когда я опять взглянул на прекрасное личико моей дамы, в нем было, кроме того выражения веселости, здоровья и беззаботности, которое понравилось мне в моем, столько изящной и нежной красоты, что мне сделалось досадно на самого себя, я понял, как глупо *мне* надеяться обратить на себя внимание такого чудесного создания.

Я не мог надеяться на взаимность, да и не думал о ней: душа моя и без того была преисполнена счастьем. Я не понимал, что за чувство любви, наполнявшее мою душу отрадой, можно было бы требовать еще большего счастья и желать чего-нибудь, кроме того, чтобы чувство это никогда не прекращалось. Мне и так было хорошо. Сердце билось как голубь, кровь беспрестанно прилиwała к нему, и хотелось плакать.

Когда мы проходили по коридору, мимо темного чулана под лестницей, я взглянул на него и подумал: что бы это было за счастье, если бы можно было весь век прожить с ней в этом темном чулане! и чтобы никто не знал, что мы там живем.

— Не правда ли, что нынче очень весело? сказал я тихим дрожащим голосом, и прибавил шагу, испугавшись не столько того, что сказал, сколько того, что намерен был сказать.

— Да.... очень! отвечала она, обратив ко мне головку, с таким откровенно-добрым выражением, что я перестал бояться.

— Особенно после ужина.... Но если бы вы знали, как мне жалко (я хотел сказать грустно, но не посмел), что вы скоро уедете и мы больше не увидимся.

— Отчего ж не увидимся? сказала она, пристально всматриваясь в кончики своих башмачков и проводя пальчиком по решетчатым ширмам, мимо которых мы проходили: — каждый вторник и пятницу мы с мамашей ездим на Тверской. Вы разве не ходите гулять?

— Непременно будем проситься во вторник, и если меня не пустят, я один убегу — без шапки. Я дорогу знаю.

— Знаете что? сказала вдруг Сонечка: — я с одними мальчиками, которые к нам ездят, всегда говорю *ты*; давайте и с вами говорить *ты*. Хочешь? прибавила она, встряхнув головой и взглянув мне прямо в глаза.

В это время мы входили в залу, и начиналась другая, живая часть гроуфатера. Давай....те, сказал я в то время, когда музыка и шум могли заглушить мои слова.

— Давай *ты*, а не давайте, поправила Сонечка и засмеялась.

Гроссфатер кончился, а я не успел сказать ни одной фразы с *ты*, хотя не переставал придумывать такие, в которых местоимение это повторялось бы несколько раз. У меня недоставало на это смелости. «Хочешь?» «давай-ты» звучало в моих ушах и производило какое-то опьянение: я ничего и никого не видал, кроме Сонечки. Видел я, как подобрали ее локоны, заложили их за уши и открыли части лба и висков, которых я не видал еще; видел я, как укутали ее в зеленую шаль, так плотно, что виднелся только кончик ее носика; заметил, что если бы она не сделала своими розовенькими пальчиками маленького отверстия около рта, то непременно бы задохнулась, и видел, как она, спускаясь с лестницы за своею матерью, быстро повернулась к нам, кивнула головкой и исчезла за дверью.

Володя, Ивины, молодой князь, я, мы все были влюблены в Сонечку и, стоя на лестнице, провожали ее глазами. Кому в особенности кивнула она головкой, я не знаю; но в ту минуту я твердо был убежден, что это сделано было для меня.

Прощаясь с Ивиными, я очень свободно, даже несколько холодно поговорил с Сереей и пожал ему руку. Если он понял, что с нынешнего дня потерял мою любовь и свою власть надо мною, он верно пожалел об этом, хотя и старался казаться совершенно равнодушным.

Я в первый раз в жизни изменил в любви и в первый раз испытал сладость этого чувства. Мне было отрадно переменить изношенное чувство привычной преданности на свежее чувство любви, исполненной таинственности и неизвестности. Сверх того, в одно и то же время разлюбить и полюбить значит полюбить вдвое сильнее, чем прежде.

ГЛАВА XXIV.

В ПОСТЕЛИ.

„Как мог я так страстно и так долго любить Сереей? — рассуждал я, лежа в постели. — Нет! он никогда не понимал, не умел ценить и не стоил моей любви... а Сонечка? что это за прелесть! «Хочешь?» «тебе начинать»“

Я вскочил на четвереньки, живо представляя себе ее личико, закрыл голову одеялом, подвернул его под себя со всех сторон и, когда нигде не осталось отверстий, улегся и, ощущая приятную теплоту, погрузился в сладкие мечты и воспоминания.

Устремив неподвижные взоры в подкладку стеганого одеяла, я видел ее так же ясно, как час тому назад; я мысленно разговаривал с нею, и разговор этот, хотя не имел ровно никакого смысла, доставлял мне неопишанное наслаждение, потому что *ты, тебе, с тобой, твои* встречались в нем беспрестанно.

Мечты эти были так ясны, что я не мог заснуть от сладостного волнения, и мне хотелось поделиться с кем-нибудь избытком своего счастья.

— Милочка! сказал я почти вслух, круто поворачиваясь на другой бок. — Володя! ты спишь?

— Нет, отвечал он мне сонным голосом: — а что?

— Я влюблен, Володя! решительно влюблен в Сонечку.

— Ну, так что ж? отвечал он мне потягиваясь.

— Ах, Володя! ты не можешь себе представить, что со мной делается... вот я сейчас лежал увернувшись под одеялом и так ясно, так ясно, видел ее, разговаривал с ней, что это просто удивительно. И еще знаешь ли что? когда я лежу и думаю о ней, Бог знает отчего, делается грустно и ужасно хочется плакать.

Володя пошевелился.

— Только одного я бы желал, продолжал я: — это — чтобы всегда с ней быть, всегда ее видеть, и больше ничего. А ты влюблен? признайся, по правде, Володя.

Странно, что мне хотелось, чтобы все были влюблены в Сонечку, и чтобы все рассказывали это.

— Тебе какое дело? сказал Володя, поворачиваясь ко мне лицом: — может быть.

— Ты не хочешь спать, ты притворялся! закричал я, заметив по его блестящим глазам, что он нисколько не думал о сне, и откинул одеяло. — Давай лучше толковать о ней. Не правда ли, что прелесть?... такая прелесть, что скажи она мне: «Николаша! выпрыгни в окно, или бросься в огонь», ну, вот, клянусь! сказал я: — сейчас прыгну, и с радостью. Ах, какая прелесть! прибавил я, живо воображая ее перед собою, и, чтобы вполне наслаждаться этим образом, порывисто перевернулся на другой бок и засунул голову под подушки. — Ужасно хочется плакать, Володя.

— Вот дурак! сказал он, улыбаясь и потом помолчав немного: — я так совсем не так, как ты: я думаю, что если бы можно было, я сначала хотел бы сидеть с ней рядом и разговаривать....

— А! так ты тоже влюблен? перебил я его.

— Потом, продолжал Володя, нежно улыбаясь: — потом расцаловал бы ее пальчики, глазки, губки, носик, ножки — всю бы расцаловал....

— Глупости! закричал я из-под подушек.

— Ты ничего не понимаешь, презрительно сказал Володя.

— Нет, я понимаю, а вот ты не понимаешь и говоришь глупости, сказал я сквозь слезы.

— Только плакать-то уж незачем. Настоящая девочка!

ГЛАВА XXV.

ПИСЬМО.

16 апреля, почти шесть месяцев после описанного мною дня, отец вошел к нам наверх, во время классов, и объявил, что нынче в ночь мы едем с ним в деревню. Что-то зацемило у меня в сердце при этом известии, и мысль моя тотчас же обратилась к матушке.

Причиною такого неожиданного отъезда было следующее письмо:

Петровское. 12 апреля.

«Сейчас только, в десять часов вечера, получила я твое доброе письмо, от 3 апреля, и, по моей всегдашней привычке, отвечаю тотчас же. Федор привез его еще вчера из города, но так как было поздно, он подал его Мими нынче утром. Мими же, под предлогом, что я была нездорова и расстроена, не давала мне его целый день. У меня точно был маленький жар и, признаться тебе по правде, вот уж четвертый день, что я не так-то здорова и не встаю с постели.

«Пожалуйста не пугайся, милый друг: я чувствую себя довольно хорошо, и если Иван Васильич позволит, завтра думаю встать.

«В пятницу на прошлой неделе, я поехала с детьми кататься; но подле самого выезда на большую дорогу, около того мостика, который всегда наводил на меня ужас, лошади завязли в грязи. День был прекрасный, и мне вадумалось пройтись пешком до большой дороги, покуда вытаскивали коляску. Дойдя до часовни, я очень устала и села отдохнуть, а так как, покуда собирались люди, чтоб вытащить экипаж, прошло около полу часа, мне стало холодно, особенно ногам, потому что на мне были ботинки на тонких подошвах, и я их промочила. После обеда

я почувствовала озноб и жар, но, по заведенному порядку, продолжала ходить, а после чаю села играть с Любочкой в четыре руки. (Ты не узнаешь ее: такие она сделала успехи!) Но представь себе мое удивление, когда я заметила, что не могу счесть такта. Несколько раз я принималась считать, но все в голове у меня решительно путалось, и я чувствовала странный шум в ушах. Я считала: раз, два, три, потом вдруг: восемь, пятнадцать, и главное — видела, что вру, и никак не могла поправиться. Наконец Мими пришла мне на помощь и почти насильно уложила в постель. Вот тебе, мой друг, подробный отчет в том, как я занемогла и как сама в том виновата. На другой день у меня был жар довольно сильный и приехал наш добрый, старый Иван Васильич, который до сих пор живет у нас и обещается скоро выпустить меня на свет Божий. Чудесный старик этот Иван Васильич! Когда у меня был жар и бред, он целую ночь, не смыкая глаз, просидел около моей постели, теперь же, так как знает, что я пишу, сидит с девочками в диванной, и мне слышно из спальни, как им рассказывает немецкие сказки, и как они, слушая его, помирают со смеху.

«*La belle Flamande*,¹ как ты называешь ее, гостит у меня уже вторую неделю, потому что мать ее уехала куда-то в гости, и своими попечениями доказывает самую искреннюю привязанность. Она поверяет мне все свои сердечные тайны. С ее прекрасным лицом, добрым сердцем и молодостью из нее могла бы выйти во всех отношениях прекрасная девушка, если б она была в хороших руках; но в том обществе, в котором она живет, судя по ее рассказам, она совершенно погибнет. Мне приходило в голову, что если бы у меня не было так много своих детей, я бы хорошее дело сделала, взяв ее.

«Любочка сама хотела писать тебе, но изорвала уже третий лист бумаги и говорит: «я знаю, какой папа насмешник: если сделать хоть одну ошибочку, он всем покажет». Катенька все также мила, Мими также добра и скучна.

«Теперь поговорим о серьезном: ты мне пишешь, что дела твои идут нехорошо эту зиму, и что тебе необходимо будет взять хабаровские деньги. Мне даже странно, что ты спрашиваешь на это моего согласия. Разве то, что принадлежит мне, не принадлежит столько же и тебе?»

¹ [Красавица фламандка,]

«Ты так добр, милый друг, что из страха огорчить меня скрываешь настоящее положение своих дел; но я догадываюсь, верно ты проиграл очень много, и нисколько, боюсь тебе, не огорчаюсь этим; поэтому, если только дело это можно поправить, пожалуйста много не думай о нем и не мучь себя напрасно. Я привыкла не только не рассчитывать для детей на твой выигрыш, но извини меня, даже и на все твоё состояние. Меня также мало радует твой выигрыш, как огорчает проигрыш; меня огорчает только твоя несчастная страсть к игре, которая отнимает у меня часть твоей нежной привязанности и заставляет говорить тебе такие горькие истины, как теперь, а Богу известно, как мне это больно! Я не перестаю молить Его об одном, чтобы Он избавил нас.... не от бедности (что бедность?), а от того ужасного положения, когда интересы детей, которые я должна буду защищать, придут в столкновение с нашими. До сих пор Господь исполнял мою молитву: ты не переходил одной черты, после которой мы должны будем или жертвовать состоянием, которое принадлежит уже не нам, а нашим детям, или.... и подумать страшно, а ужасное несчастье это всегда угрожает нам. Да, это тяжелый крест, который послал нам обоим Господь!

«Ты пишешь мне еще о детях и возвращаешься к нашему давнишнему спору: просишь меня согласиться на то, чтобы отдать их в учебное заведение. Ты знаешь мое предубеждение против такого воспитания....

«Не знаю, милый друг, согласишься ли ты со мною; но во всяком случае умоляю тебя, из любви ко мне, дать мне обещание, что покуда я жива и после моей смерти, если Богу угодно будет разлучить нас, этого никогда не будет.

«Ты мне пишешь, что тебе необходимо будет съездить в Петербург по нашим делам. Христос с тобой, мой дружок, поезжай и возвращайся поскорее. Нам всем без тебя так скучно! Весна чудо как хороша: балконную дверь уж выставили, дорожка к оранжерее, четыре дня тому назад, была совершенно суха, персики во всем цвету, кой-где только остался снег, ласточки прилетели, и нынче Любочка принесла мне первые весенние цветы. Доктор говорит, что дня через три я буду совсем здорова и мне можно будет подышать свежим воздухом и погреться на апрельском солнышке. Прощай же, милый друг, не беспокойся, пожалуйста, ни о моей болезни, ни о совсем про-

игрыше; кончай скорей дела и приезжай к нам с детьми на целое лето. Я делаю чудные планы о том, как мы проведем его, и недостает только тебя, чтобы им осуществиться».

Следующая часть письма была написана по-французски, связным и неровным почерком, на другом клочке бумаги. Я перевожу его слово в слово:

«Не верь тому, что я писала тебе о моей болезни; никто не подозревает, до какой степени она серьезна. Я одно знаю, что мне больше не вставать с постели. Не теряй ни одной минуты, приезжай сейчас же и привози детей. Может быть, я успею еще раз обнять тебя и благословить их: это мое одно последнее желание. Я знаю, какой ужасный удар наносу тебе; но все равно, рано или поздно, от меня или от других, ты получишь бы его; постарайся же с твердостью и надеждою на милосердие Божие перенести это несчастье. Покоримся воле Его.

«Не думай, чтобы то, что я пишу, было бредом больного воображения; напротив, мысли мои чрезвычайно ясны в эту минуту, и я совершенно спокойна. Не утешай же себя напрасно надеждою, что бы это были ложные, неясные предчувствия боязливой души. Нет, я чувствую, я знаю — и знаю потому, что Богу было угодно открыть мне это — мне осталось жить очень недолго.

«Кончится ли вместе с жизнью моя любовь к тебе и детям? Я поняла, что это невозможно. Я слишком сильно чувствую в эту минуту, чтобы думать, что то чувство, без которого я не могу понять существования, могло бы когда-нибудь уничтожиться. Душа моя не может существовать без любви к вам: а я знаю, что она будет существовать вечно, уже по одному тому, что такое чувство, как моя любовь, не могло бы возникнуть, если бы оно должно было когда-нибудь прекратиться.

«Меня не будет с вами; но я твердо уверена, что любовь моя никогда не оставит вас, и эта мысль так отрадна для моего сердца, что я спокойно и без страха ожидаю приближающейся смерти.

«Я спокойна, и Богу известно, что всегда смотрела и смотрю на смерть как на переход к жизни лучшей; но отчего ж слезы давят меня?... Зачем лишать детей любимой матери? Зачем наносить тебе такой тяжелый, неожиданный удар? Зачем *мне* умирать, когда ваша любовь делала для меня жизнь беспредельно счастливою?

«Да будет Его святая воля.

«Я не могу писать больше от слез. Может быть, я не увижу тебя. Благодарю же тебя, мой бесценный друг, за все счастье, которым ты окружил меня в этой жизни; я там буду просить Бога, чтобы Он наградил тебя. Прощай, милый друг; помни, что меня не будет, но любовь моя никогда и нигде не оставит тебя. Прощай, Володя, прощай, мой ангел, прощай, Веньямин — мой Николенька.

«Неужели они когда-нибудь забудут меня?!»

В этом письме была вложена французская записочка Мими, следующего содержания:

«Печальные предчувствия, о которых она говорит вам, слишком подтвердились словами доктора. Вчера ночью она велела отправить это письмо тотчас на почту. Думая, что она сказала это в бреду, я ждала до сегодняшнего утра, и решилась его распечатать. Только что я распечатала, как Наталья Николаевна спросила меня, что я сделала с письмом, и приказала мне сжечь его, если оно не отправлено. Она все говорит о нем и уверяет, что оно должно убить вас. Не откладывайте вашей поездки, если вы хотите видеть этого ангела, куда еще он не оставил нас. Извините это маранье. Я не спала три ночи. Вы знаете, как я люблю ее!»

Наталья Савишна, которая всю ночь 11 апреля провела в спальне матушки, рассказывала мне, что, написав первую часть письма, мама положила его подле себя на столик и започивала.

— Я сама, говорила Наталья Савишна: — признаюсь, задремала на кресле и чулок вывалился у меня из рук. Только слышу я сквозь сон — часу этак в первом — что она как будто разговаривает; я открыла глаза, смотрю: она, моя голубушка, сидит на постели, сложила вот этак ручки, а слезы в три ручья так и текут. «Так все кончено?» только она и сказала и закрыла лицо руками.

Я вскочила, стала спрашивать: что с вами?

— Ах, Наталья Савишна, если бы вы знали, кого я сейчас видела.

Сколько я ни спрашивала, больше она мне ничего не сказала, только приказала подать столик, пописала еще что-то, при себе приказала запечатать письмо и сейчас же отправить. После уж все пошло хуже да хуже.

ГЛАВА XXVI.

ЧТО ОЖИДАЛО НАС В ДЕРЕВНЕ.

18 апреля мы выходили из дорожной коляски, у крыльца Петровского дома. Выезжая из Москвы, папа был задумчив, и когда Володя спросил у него: не больна ли мама? он с грустью посмотрел на него и молча кивнул головой. Во время путешествия он заметно успокоился; но, по мере приближения к дому, лицо его все более и более принимало печальное выражение, и когда, выходя из коляски, он спросил у выбежавшего, запыхавшегося Фоки: «где Наталья Николаевна?» голос его был нетверд и в глазах были слезы. Добрый старик Фока, украдкой взглянув на нас, опустил глаза и, отвертя дверь в переднюю, отвернувшись, отвечал:

— Шестой день уж не изволят выходить из спальни.

Милка, которая, как я после узнал, с самого того дня, в который занемогла мама, не переставала жалобно выть, весело бросилась к отцу — прыгала на него, взвизгивала, лизала его руки; но он оттолкнул ее и прошел в гостиную, оттуда в диванную, из которой дверь вела прямо в спальню. Чем ближе подходил он к этой комнате, тем более, по всем телодвижениям, было заметно его беспокойство; войдя в диванную, он шел на цыпочках, едва переводил дыхание и перекрестился прежде, чем решился взяться за замок затворенной двери. В это время из коридора выбежала нечесаная, заплаканная Мими. «Ах! Петр Александрыч!» сказала она шопотом, с выражением истинного отчаяния, и потом, заметив, что папа поворачивает ручку замка, она прибавила чуть слышно: «здесь нельзя пройти — ход из девичьей».

О, как тяжело все это действовало на мое настроенное к горю страшным предчувствием детское воображение!

Мы пошли в девичью: в коридоре попался нам на дороге дурачек Аким, который всегда забавлял нас своими гримасами; но в эту минуту не только он мне не казался смешным, но ничто так больно не поразило меня, как вид его бессмысленно-равнодушного лица. В девичьей две девушки, которые сидели за какой-то работой, привстали, чтобы поклониться нам с таким печальным выражением, что мне сделалось страшно. Пройдя еще комнату Мими, папа отворил дверь спальни, и мы вошли. Направо от двери были два окна, завешенные платками; у од-

ного из них сидела Наталья Савишна, с очками на носу, и вязала чулок. Она не стала целовать нас, как то обыкновенно делывала, а только привстала, посмотрела на нас через очки, и слезы потекли у нее градом. Мне очень не понравилось, что все при первом взгляде на нас начинают плакать, тогда как прежде были совершенно спокойны.

Налево от двери стояли ширмы, за ширмами — кровать, столик, шкафчик, уставленный лекарствами, и большое кресло, на котором дремал доктор; подле кровати стояла молодая, очень белокурая, замечательной красоты девушка, в белом утреннем капоте, и, немного засучив рукава, прикладывала лед к голове татап, которую мне не было видно в эту минуту. Девушка эта была *la belle Flamande*,¹ про которую писала татап и которая, впоследствии, играла такую важную роль в жизни всего нашего семейства. Как только мы вошли, она отняла одну руку от головы татап и поправила на груди складки своего капота, потом шопотом сказала: «в забытьи».

Я был в сильном горе в эту минуту, но невольно замечал все мелочи. В комнате было почти темно, жарко и пахло вместе мятой, одколоном, ромашкой и гофманскими каплями. Запах этот так поразил меня, что не только когда я слышу его, но когда лишь вспоминаю о нем, воображение мгновенно переносит меня в эту мрачную, душную комнату и воспроизводит все мельчайшие подробности ужасной минуты.

Глава татап были открыты, но она ничего не видела.... О, никогда не забуду я этого страшного взгляда! В нем выражалось столько страдания!....

Нас увели.

Когда я потом спрашивал у Натальи Савишны о последних минутах матушки, вот что она мне сказала:

— Когда вас увели, она еще долго металась, моя голубушка, точно вот здесь ее давило что-то; потом спустила головку с подушек и задремала, так тихо, спокойно, точно ангел небесный. Только я вышла посмотреть, что питье не несут — прихожу, а уж она, моя сердечная, всё вокруг себя раскидала и всё манит к себе вашего папеньку; тот нагнется к ней, а уж сил, видно, недостает сказать что хотелось: только откроет губки и опять начнет охать. «Боже мой! Господи! Детей! детей!»

¹ [красавица фламандка.]

Я хотела было за вами бежать, да Иван Васильич остановил, говорит: это хуже встревожит ее, лучше не надо. После уж только поднимет ручку и опять опустит. И что она этим хотела, Бог ее знает. Я так думаю, что это она вас заочно благословляла; да видно не привел ее Господь (перед последним концом) взглянуть на своих деточек. Потом она приподнялась, моя голубушка, сделала вот так ручки и вдруг заговорила, да таким голосом, что я и вспомнить не могу — «Матерь Божия, не оставь их!...» Тут уж боль подступила ей под самое сердце, по главам видно было, что ужасно мучилась бедняжка; упала на подушки, ухватилась зубами за простыню; а слезы-то, мой батюшка, так и текут.

— Ну, а потом? спросил я.

Наталья Савишна не могла больше говорить: она отвернулась и горько заплакала.

Матан скончалась в ужасных страданиях.

ГЛАВА XXVII.

ГОРЕ.

На другой день, поздно вечером мне захотелось еще раз взглянуть на нее: преодолев невольное чувство страха, я тихо открыл дверь и на цыпочках вошел в залу.

По середине комнаты, на столе, стоял гроб, вокруг него нагоревшие свечи, в высоких, серебряных подсвечниках; в дальнем углу сидел дьячок и тихим, однообразным голосом читал Псалтырь.

Я остановился у двери и стал смотреть; но глаза мои были так заплаканы и нервы так расстроены, что я ничего не мог разобрать; все как-то странно сливалось вместе; свет, парча, бархат, большие подсвечники, розовая, обшитая кружевами подушка, венчик, чепчик с лентами и еще что-то прозрачное, воскового цвета. Я стал на стул, чтобы рассмотреть ее лицо; но на том месте, где оно находилось, мне опять представился тот же бледно-желтоватый, прозрачный предмет. Я не мог верить, чтобы это было ее лицо. Я стал вглядываться в него пристальнее и мало-по-малу стал узнавать в нем знакомые, милые черты. Я вздрогнул от ужаса, когда убедился, что это была она; но отчего закрытые глаза так впали? отчего эта страшная бледность и на одной щеке черноватое пятно под прозрачной кожей? от-

чего выражение всего лица так строго и холодно? отчего губы так бледны и склад их так прекрасен, так величествен и выражает такое неземное спокойствие, что холодная дрожь пробегает по моей спине и волосам, когда я вглядываюсь в него?....

Я смотрел и чувствовал, что какая-то непонятная, непреодолимая сила притягивает мои глаза к этому безжизненному лицу. Я не спускал с него глаз, а воображение рисовало мне картины, цветущие жизнью и счастьем. Я забывал, что мертвое тело, которое лежало предо мною и на которое я бессмысленно смотрел, как на предмет, не имеющий ничего общего с моими воспоминаниями, была *она*. Я воображал ее то в том, то в другом положении: живою, веселою, улыбающеюся; потом вдруг меня поражала какая-нибудь черта в бледном лице, на котором остановились мои глаза: я вспоминал ужасную действительность, содрогался, но не переставал смотреть. И снова мечты заменяли действительность, и снова сознание действительности разрушало мечты. Наконец, воображение устало, оно перестало обманывать меня; сознание действительности тоже исчезло, и я совершенно забылся. Не знаю, сколько времени пробыл я в этом положении, не знаю, в чем состояло оно; знаю только то, что на время я потерял сознание своего существования и испытывал какое-то высокое, неизъяснимо-приятное и грустное наслаждение.

Может быть, отлетая к миру лучшему, ее прекрасная душа с грустью оглянулась на тот, в котором она оставляла нас; она увидела мою печаль, сжалилась над нею и на крыльях любви, с небесною улыбкою сожаления, спустилась на землю, чтобы утешить и благословить меня.

Дверь скрипнула и в комнату вошел дьячок на смену. Этот шум разбудил меня, и первая мысль, которая пришла мне, была та, что так как я не плачу и стою на стуле в позе, не имеющей ничего трогательного, дьячок может принять меня за бесчувственного мальчика, который из жалости или любопытства забрался на стул: я перекрестился, поклонился и заплакал.

Вспоминая теперь свои впечатления, я нахожу, что только одна эта минута самозабвения была настоящим горем. Прежде и после погребения, я не переставал плакать и был грустен, но мне совестно вспомнить эту грусть, потому что к ней всегда примешивалось какое-нибудь самолюбивое чувство: то желание показать, что я огорчен больше всех, то заботы о действии,

которое я проивожу на других, то бесцельное любопытство, которое заставляло делать наблюдения над чепцом Мими и лицами присутствующих. Я презирал себя за то, что не испытываю исключительно одного чувства горести, и старался скрывать все другие; от этого печаль моя была неискренна и неестественна. Сверх того, я испытывал какое-то наслаждение, зная, что я несчастлив, старался возбуждать сознание несчастья, и это эгоистическое чувство больше других заглушало во мне истинную печаль.

Проспав эту ночь крепко и спокойно, как всегда бывает после сильного огорчения, я проснулся с высохшими слезами и успокоившимися нервами. В десять часов нас позвали к панихиде, которую служили перед выносом. Комната была наполнена дворовыми и крестьянами, которые, все в слезах, пришли проститься с своей барыней. Во время службы я прилично плакал, крестился и кланялся в землю, но не молился в душе и был довольно хладнокровен; заботился о том, что новый полуфрачек, который на меня надели, очень жал мне подмышками, думал о том, как бы не запачкать слишком панталон на коленях, и украдкой делал наблюдения над всеми присутствовавшими. Отец стоял у изголовья гроба, был бледен как платок и с заметным трудом удерживал слезы. Его высокая фигура, в черном фраке, бледное, выразительное лицо и, как всегда, грациозные и уверенные движения, когда он крестился, кланялся, доставая рукою землю, брал свечу из рук священника или подходил ко гробу, были чрезвычайно эффектны; но, не знаю почему, мне не нравилось в нем именно то, что он мог казаться таким эффектным в эту минуту. Мими стояла прислонившись к стене и, казалось, едва держалась на ногах; платье на ней было измято и в пуху, чепец сбит на сторону; опухшие глаза были красны, голова ее тряслась; она не переставала рыдать раздирающим душу голосом и беспрестанно закрывала лицо платком и руками. Мне казалось, что она это делала для того, чтобы, закрыв лицо от зрителей, на минуту отдохнуть от приторных рыданий. Я вспомнил, как накануне она говорила отцу, что смерть папап для нее такой ужасный удар, которого она никак не надеется перенести, что она лишила ее всего, что этот ангел (так она называла папап) перед самою смертью не забыл ее и изъявлял желание обеспечить навсегда будущность ее и Катеньки. Она проливала горькие слезы, рас-

сказывая это, и, может быть, чувство горести ее было истинно, но оно не было чисто и исключительно. Любочка, в черном платьице, обшитом плерезами, вся мокрая от слез, опустила головку, изредка взглядывала на гроб, и лицо ее выражало при этом только детский страх. Катенька стояла подле матери и, несмотря на ее вытянутое личико, была такая же ровенькая, как и всегда. Откровенная натура Володи была откровенна и в горести: он, то стоял задумавшись, уставив неподвижные взоры на какой-нибудь предмет, то рот его вдруг начинал кривиться, и он поспешно крестился и кланялся. Все посторонние, бывшие на похоронах, были мне несносны. Утешительные фразы, которые они говорили отцу — что ей там будет лучше, что она была не для этого мира — возбуждали во мне какую-то досаду.

Какое они имели право говорить и плакать о ней? Некоторые из них, говоря про нас, называли нас *сиротами*. Точно без них не знали, что детей, у которых нет матери, называют этим именем! Им верно нравилось, что они первые дают нам его, точно так же, как обыкновенно торопятся только что вышедшую замуж девушку в первый раз назвать *Madame*.

В дальнем углу залы, почти спрятавшись за отворенной дверью буфета, стояла на коленях сгорбленная, седая старушка. Соединив руки и подняв глаза к небу, она не плакала, но молилась. Душа ее стремилась к Богу, она просила Его соединить ее с тою, кого она любила больше всего на свете, и твердо надеялась, что это будет скоро.

«Вот кто истинно любил ее!» подумал я, и мне стало стыдно за самого себя.

Панихида кончилась; лицо покойницы было открыто, и все присутствующие, исключая нас, один за другим стали подходить к гробу и прикладываться.

Одна из последних подошла проститься с покойницей какая-то крестьянка, с хорошенькой пятилетней девочкой на руках, которую, Бог знает зачем, она принесла сюда. В это время я нечаянно уронил свой мокрый платок и хотел поднять его; но только что я нагнулся, меня поразил страшный пронзительный крик, исполненный такого ужаса, что, проживи я сто лет, я никогда его не забуду, и, когда вспомню, всегда пробежит холодная дрожь по моему телу. Я поднял голову — на табулете, подле гроба, стояла та же крестьянка и с трудом удержи-

вала в руках девочку, которая, отмахиваясь ручонками, откинув назад испуганное личико и уставив выпученные глаза на лицо покойной, кричала страшным, неистовым голосом. Я вскрикнул голосом, который, я думаю, был еще ужаснее того, который поразил меня, и выбежал из комнаты.

Только в эту минуту я понял, отчего происходил тот сильный, тяжелый запах, который, смешиваясь с запахом ладана, наполнял комнату; и мысль, что то лицо, которое за несколько дней было исполнено красоты и нежности, лицо той, которую я любил больше всего на свете, могло возбуждать ужас, как будто в первый раз открыла мне горькую истину и наполнила душу отчаянием.

ГЛАВА XXVIII.

ПОСЛЕДНИЕ ГРУСТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ.

Мама уже не было, а жизнь наша шла всё тем же чередом: мы ложились и вставали в те же часы и в тех же комнатах; утренний, вечерний чай, обед, ужин, — все было в обыкновенное время; столы, стулья стояли на тех же местах; ничего в доме и в нашем образе жизни не переменялось; только ее не было....

Мне казалось, что после такого несчастья всё должно бы было измениться; наш обыкновенный образ жизни казался мне оскорблением ее памяти и слишком живо напоминал ее отсутствие.

Накануне погребения, после обеда, мне захотелось спать, и я пошел в комнату Натальи Савишны, рассчитывая поместиться на ее постели, на мягком пуховике, под теплым стеганым одеялом. Когда я вошел, Наталья Савишна лежала на своей постели и, должно быть, спала; услышав шум моих шагов, она приподнялась, откинула шерстяной платок, которым от мух была покрыта ее голова, и, поправляя чепец, уселась на край кровати.

Так как еще прежде довольно часто случалось, что после обеда я приходил спать в ее комнату, она догадалась, зачем я пришел, и сказала мне, приподнимаясь с постели:

— Чтó? верно отдохнуть пришли, мой голубчик? ложитесь.

— Что вы, Наталья Савишна? сказал я, удерживая ее за руку: — я совсем не за этим.... я так пришел.... да вы и сами устали: лучше ложитесь вы.

— Нет, батюшка, я уж выпалась, сказала она мне (я знал, что она не спала трое суток). Да и не до сна теперь, прибавила она с глубоким вздохом.

Мне хотелось поговорить с Натальей Савишной о нашем несчастье; я знал ее искренность и любовь, и потому поплакать с нею было бы для меня отрадой.

— Наталья Савишна, сказал я, помолчав немного и усаживаясь на постель: — ожидали ли вы этого?

Старушка посмотрела на меня с недоумением и любопытством, должно быть, не понимая, для чего я спрашиваю у нее это.

— Кто мог ожидать этого? повторил я.

— Ах, мой батюшка, сказала она, кинув на меня взгляд самого нежного сострадания: — не то, чтобы ожидать, а я и теперь подумать-то не могу. Ну уж мне, старухе, давно бы пора сложить старые кости на покой; а то вот до чего довелось дожить: старого барина — вашего дедушку, вечная память, князя Николая Михайловича, двух братьев, сестру Аннушку, всех схоронила и все моложе меня были, мой батюшка, а вот теперь, видно, за грехи мои и ее пришлось пережить. Его святая воля! Он затем и взял ее, что она достойна была, а Ему добрых и там нужно.

Эта простая мысль отрадно поразила меня, и я ближе придвинулся к Наталье Савишне. Она сложила руки на груди и взглянула кверху; впалые влажные глаза ее выражали великую, но спокойную печаль. Она твердо надеялась, что Бог не надолго равлучил ее с тою, на которой столько лет была сосредоточена вся сила ее любви.

— Да, мой батюшка, давно ли, кажется, я ее еще нянчила, пеленала и она меня Нашей называла. Бывало, прибежит ко мне, обхватит ручонками и начнет целовать и приговаривать:

— Нашик мой, красавчик мой, индюшечка ты моя.

А я, бывало, пошучу — говорю:

— Неправда, магушка, вы меня не любите; вот дай только вырастите большие, выдете замуж и Нашу свою забудете. — Она, бывало, задумается. Нет, говорит, я лучше замуж не пойду, если нельзя Нашу с собой взять; я Нашу никогда не покину. А вот покинула же и не дождалась. И любила же она меня, покойница! Да кого она и не любила, правду сказать! Да, батюшка, вашу маменьку вам забывать нельзя; это не человек был, а ангел небесный. Когда ее душа будет в царствии

небесном, она и там будет вас любить и там будет на вас радоваться.

— Отчего же вы говорите, Наталья Савишна, когда будет в царствии небесном? спросил я: — ведь она, я думаю, и теперь уже там.

— Нет, батюшка, сказала Наталья Савишна, понизив голос и усаживаясь ближе ко мне на постели: — теперь ее душа здесь.

И она указывала вверх. Она говорила почти шопотом и с таким чувством и убеждением, что я невольно поднял глаза кверху, смотрел на карнизы и искал чего-то. «Прежде чем душа праведника в рай идет — она еще сорок мытарств проходит, мой батюшка, сорок дней и может еще в своем доме быть....»

Долго еще говорила она в том же роде и говорила с такою простотою и уверенностью, как будто рассказывала вещи самые обыкновенные, которые сама видала и насчет которых никому в голову не могло прийти ни малейшего сомнения. Я слушал ее, притаив дыхание, и, хотя не понимал хорошенько того, что она говорила, верил ей совершенно.

— Да, батюшка, теперь она здесь, смотрит на нас, слушает, может быть, что мы говорим, заключила Наталья Савишна.

И, опустив голову, замолчала. Ей понадобился платок, чтобы отереть падавшие слезы; она встала, взглянула мне прямо в лицо и сказала дрожащим от волнения голосом:

— На много ступеней подвинул меня этим к себе Господь. — Что мне теперь здесь осталось? для кого мне жить? кого любить?

— А нас разве вы не любите? сказал я, с упреком и едва удерживаясь от слез.

— Богу известно, как я вас люблю, моих голубчиков, но уж так любить, как я ее любила, никого не любила, да и не могу любить.

Она не могла больше говорить, отвернулась от меня и громко зарыдала.

Я не думал уже спать; мы молча сидели друг против друга и плакали.

В комнату вошел Фока; заметив наше положение и, должно быть, не желая тревожить нас, он, молча и робко поглядывая, остановился у дверей.

— Зачем ты, Фокаша? спросила Наталья Савишна, утираясь платком.

— Изюму полтора, сахару четыре фунта и сарачинского пшена три фунта для кутьи-с.

— Сейчас, сейчас, батюшка, сказала Наталья Савишна, торопливо понюхала табак и скорыми шажками пошла к сундуку. Последние следы печали, произведенной нашим разговором, исчезли, когда она принялась за свою обязанность, которую считала весьма важною.

— На что четыре фунта? говорила она ворчливо, доставая и отвешивая сахар на безмене: — и три с половиною довольно будет.

И она сняла с весков несколько кусочков.

— А это на что похоже, что вчера только восемь фунтов пшена отпустила, опять спрашивают: — ты как хочешь, Фока Демидыч, а я пшена не отпущу. Этот Ванька рад, что теперь суматоха в доме: он думает, авось не заметят. Нет, я потачки за барское добро не дам. Ну виданое ли это дело — восемь фунтов?

— Как же быть-с? он говорит, все вышло.

— Ну, на, вовьми, на! пусть возьмет!

Меня поразил тогда этот переход от трогательного чувства, с которым она со мной говорила, к ворчливости и мелочным расчетам. Рассуждая об этом впоследствии, я понял, что, несмотря на то, что у нее делалось в душе, у нее доставало довольно присутствия духа, чтобы заниматься своим делом, а сила привычки тянула ее к обыкновенным занятиям. Горе так сильно подействовало на нее, что она не находила нужным скрывать, что может заниматься посторонними предметами; она даже и не поняла бы, как может прийти такая мысль.

Тщеславие есть чувство самое несообразное с истинною горестью, и вместе с тем чувство это так крепко привито к натуре человека, что очень редко даже самое сильное горе изгоняет его. Тщеславие в горести выражается желанием казаться или огорченным, или несчастным, или твердым; и эти низкие желания, в которых мы не признаемся, но которые почти никогда — даже в самой сильной печали — не оставляют нас, лишают ее силы, достоинства и искренности. Наталья же Савишна была так глубоко поражена своим несчастьем, что в душе ее не оставалось ни одного желания, и она жила только по привычке.

Выдав Фоке требуемую провизию и напомнив ему о пироге, который надо было приготовить для угощения причта, она отпустила его, взяла чулок и опять села подле меня.

Разговор начался про то же, и мы еще раз поплакали и еще раз утерли слезы.

Беседы с Натальей Савишной повторялись каждый день; ее тихие слезы и спокойные набожные речи доставляли мне отраду и облегчение.

Но скоро нас разлучили: через три дня после похорон мы всем домом приехали в Москву, и мне суждено было никогда больше не видеть ее.

Бабушка получила ужасную весть только с нашим приездом, и горесть ее была необыкновенна. Нас не пускали к ней, потому что она целую неделю была в беспамятстве, доктора боялись за ее жизнь, тем более, что она не только не хотела принимать никакого лекарства, но ни с кем не говорила, не спала и не принимала никакой пищи. Иногда, сидя одна в комнате, на своем кресле, она вдруг начинала смеяться, потом рыдать без слез, с ней делались конвульсии, и она кричала неистовым голосом бессмысленные или ужасные слова. Это было первое сильное горе, которое поразило ее, и это горе привело ее в отчаяние. Ей нужно было обвинять кого-нибудь в своем несчастье, и она говорила страшные слова, грозила кому-то с необыкновенной силой, вскакивала с кресел, скорыми, большими шагами ходила по комнате и потом падала без чувств.

Один раз я вошел в ее комнату: она сидела, по обыкновению, на своем кресле и, казалось, была спокойна; но меня поразило ее взгляд. Глаза ее были очень открыты, но взор неопределен и туп: она смотрела прямо на меня, но, должно быть, не видала. Губы ее начали медленно улыбаться, и она заговорила трогательным, нежным голосом: «поди сюда, мой дружок, подойди, мой ангел». Я думал, что она обращается ко мне, и подошел ближе, но она смотрела не на меня. «Ах, коли бы ты знала, душа моя, как я мучилась и как теперь рада, что ты приехала....» Я понял, что она воображала видеть маман, и остановился. «А мне сказали, что тебя нет — продолжала она, нахмурившись — вот вздор! Разве ты можешь умереть прежде меня?» и она захохотала страшным истерическим хохотом.

Только люди, способные сильно любить, могут испытывать и сильные огорчения; но та же потребность любить служит для них противодействием горести и исцеляет их. От этого моральная природа человека еще живучее природы физической. Горе никогда не убивает.

Через неделю бабушка могла плакать, и ей стало лучше. Первою мыслию ее, когда она пришла в себя, были мы, и любовь ее к нам увеличилась. Мы не отходили от ее кресла; она тихо плакала, говорила про татап и нежно ласкала нас.

В голову никому не могло прийти, глядя на печаль бабушки, чтобы она преувеличивала ее, и выражения этой печали были сильны и трогательны; но не знаю почему, я больше сочувствовал Наталье Савишне, и до сих пор убежден, что никто так искренно и чисто не любил и не сожалел о татап, как это простодушное и любящее создание.

Со смертью матери окончилась для меня счастливая пора детства и началась новая эпоха — эпоха отрочества; но так как воспоминания о Наталье Савишне, которую я больше не видал, и которая имела такое сильное и благое влияние на мое направление и развитие чувствительности, принадлежит к первой эпохе, скажу еще несколько слов о ней и ее смерти.

После нашего отъезда, как мне потом рассказывали люди, остававшиеся в деревне, она очень скучала от безделья. Хотя все сундуки были еще на ее руках, и она не переставала рыться в них, перекладывать, развешивать, раскладывать; но ей недоставало шуму и суетливости барского, обитаемого господами, деревенского дома, к которым она с детства привыкла. Горе, перемена образа жизни и отсутствие хлопот скоро развили в ней старческую болезнь, к которой она имела склонность. Ровно через год после кончины матушки, у нее открылась водяная, и она слегла в постель.

Тяжело, я думаю, было Наталье Савишне жить и еще тяжелее умирать одной, в большом пустом Петровском доме, без родных, без друзей. Все в доме любили и уважали Наталью Савишну; но она ни с кем не имела дружбы и гордилась этим. Она полагала, что в ее положении — экономки, пользующейся доверенностью своих господ и имеющей на руках столько сундуков со всяким добром, дружба с кем-нибудь непременно повела бы ее к лицепритию и преступной снисходительности; поэтому, или, может быть, потому, что не имела ничего общего с другими слугами, она удалялась всех и говорила, что у нее в доме нет ни кумовьев, ни сватов, и что за барское добро она никому потачки не даст.

Поверяя Богу в теплой молитве свои чувства, она искала и находила утешение; но иногда в минуты слабости, которым мы

все подвержены, когда лучшее утешение для человека доставляют слезы и участие живого существа, она клала себе на постель свою собачонку моську (которая лизала ее руки, оставив на нее свои желтые глаза), говорила с ней и тихо плакала, лаская ее. Когда моська начинала жалобно выть, она старалась успокоить ее и говорила: «полно, я и без тебя знаю, что скоро умру».

За месяц до своей смерти она достала из своего сундука белого коленкору, белой кисеи и розовых лент; с помощью своей девушки сшила себе белое платье, чепчик и до малейших подробностей распорядилась всем, что нужно было для ее похорон. Она тоже разобрала барские сундуки и с величайшей отчетливостью, по описи, передала их приказчице: потом достала два шелковые платья, старинную шаль, подаренные ей когда-то бабушкой, дедушкин военный мундир, шитый золотом, тоже отданный ей в полную собственность. Благодаря ее заботливости, шитье и галуны на мундире были совершенно свежи, и сукно не тронуту молью.

Перед кончиной, она изъявила желание, чтобы одно из этих платий — розовое — было отдано Володе на халат или бешмет, другое — пюсовое, в клетках — мне, для того же употребления; а шаль — Любочке. Мундир она завещала тому из нас, кто прежде будет офицером. Всё остальное свое имущество и деньги, исключая сорока рублей, которые она отложила на погребенье и поминанье, она предоставила получить своему брату. Брат ее, еще давно отпущенный на волю, проживал в какой-то дальней губернии и вел жизнь самую распутную; поэтому при жизни своей она не имела с ним никаких сношений.

Когда брат Натальи Савишны явился для получения наследства, и всего имущества покойной оказалось на двадцать пять рублей ассигнациями, он не хотел верить этому и говорил, что не может быть, чтобы старуха, которая шестьдесят лет жила в богатом доме, всё на руках имела, весь свой век жила скупой и над всякой тряпкой тряслась, чтобы она ничего не оставила. Но это действительно было так.

Наталья Савишна два месяца страдала от своей болезни и переносила страдания с истинно-христианским терпением: не ворчала, не жаловалась, а только, по своей привычке, беспрестанно поминала Бога. За час перед смертью, она с тихой радостью исповедалась, причастилась и соборовалась маслом.

У всех домашних она просила прощения за обиды, которые могла причинить им, и просила духовника своего, отца Василья, передать всем нам, что не знает, как благодарить нас за наши милости, и просит нас простить ее, если по глупости своей огорчила кого-нибудь, «но воровкой никогда не была и могу сказать, что барской ниткой не поживилась». Это было одно качество, которое она ценила в себе.

Надев приготовленный капот и чепчик и облокотившись на подушки, она до самого конца не переставала разговаривать с священником, вспомнила, что ничего не оставила бедным, достала десять рублей и просила его раздать их в приходе; потом перекрестилась, легла и в последний раз вздохнула, с радостной улыбкой, произнося имя Божие.

Она оставляла жизнь без сожаления, не боялась смерти и приняла ее как благо. Часто это говорят, но как редко действительно бывает! Наталья Савишна могла не бояться смерти, потому что она умирала с непоколебимою верою и исполнив закон Евангелия. Вся жизнь ее была чистая, бескорыстная любовь и самоотвержение.

Чтож, ежели ее верования могли бы быть возвышеннее, ее жизнь направлена к более высокой цели; разве эта чистая душа от этого меньше достойна любви и удивления?

Она совершила лучшее и величайшее дело в этой жизни — умерла без сожаления и страха.

Ее похоронили, по ее желанию, недалеко от часовни, которая стоит на могиле матушки. Заросший крапивой и репейником бугорок, под которым она лежит, огорожен черною решеткою, и я никогда не забываю из часовни подойти к этой решетке и положить земной поклон.

Иногда я молча останавливаюсь между часовней и черной решеткой. В душе моей вдруг пробуждаются тяжелые воспоминания. Мне приходит мысль: неужели Провидение для того только соединило меня с этими двумя существами, чтобы вечно заставить сожалеть о них?...

ВАРИАНТЫ ТЕКСТА

«СОВРЕМЕННОМУ» 1852 г., № 9.

Стр. 3, строка 8 св.

Вместо: образок моего ангела, — портрет моей маменьки, .
Изменение по требованиям цензуры.

Стр. 8, строка 6 св.

В изд. 1856 г.: не замечала того, что мы вошли. — *вместо* «Совр.»: не замечала и того, что мы вошли. *Так же, как в* «Совр.», *и в рукописи III ред., почему нами и взят текст* «Совр.».

Стр. 26.

В «Совр.» к VIII главе имеется эпиграф:

Oh, rendez moi mon ignorance!
Follets, dansez, dansez, dansez.
Beranger.¹

Стр. 27, строка 14 св.

Вместо: Ежели судить по настоящему, — Ежели судить как по настоящему.

Стр. 29, строка 4 св.

Вместо конца первого абзаца X главы, начиная со слов: Две главные страсти — *в «Совр.»:* Он был человек с пылкими страстями.

Стр. 30, строка 12 св.

Вместо конца абзаца, начиная со слов: Его натура была одна — *в «Совр.»:* Его взгляд на вещи всегда был довольно гибок. Его натура была одна из тех, которым нужна публика. Его жизнь была так полна увлечениями всякого рода.

Стр. 35, строка 18 св.

Вместо: в слезах повалился на землю!... — в слезах пал на землю.

¹ [О, верните мне мое неведение!
Блуждающие огни, танцуйте, танцуйте, танцуйте. Беранже.]

Стр. 35.

Вместо начала последнего абзаца XII главы, кончая словами: в чулане. — в «Совр.»: Стараясь расположиться попокойнее, я зацепил ногою сломанный стул, стоявший в чулане, и произвел шум.

Стр. 35, строка 1 сн.

Вместо: девка *Наташка*. — девка Наталья.

Стр. 36, строка 2 св.

Вместо: Горничная *Наташка* — Горничная Наташа.

Стр. 36, строка 4 — 5 св.

Вместо: возложили на *Наташку*. — возложили на Наталью.

Стр. 36.

Вместо второй половины первого абзаца XIII главы, начиная со слов: Но напудренная голова — в «Совр.»: Она даже подавила в сердце своем любовь к молодому официанту Фоке.

Стр. 36, строка 21 сн.

Вместо: С тех пор *Наташка* — С тех пор Наташа.

Стр. 43, строка 19 сн.

Вместо: уютно укладываюсь — охотно укладываюсь.

Стр. 57.

В «Совр.» к XIX главе имеется эпиграф:

Honny soit qui mal у pense.¹

Стр. 62, строка 14 сн.

В изд. 1856 г.: — Э, Сергей! сказал я ему: — *вместо «Совр.»:* — Э, Сережа! сказал я ему: . *Так же, как в «Совр.», и в рукописи III ред., почему нами и взят текст «Совр.».*

Стр. 65 строка 13 св.

Вместо: внимательно всматривались; — внимательно рассматривались;.

Стр. 72, строка 22 св.

В изд. 1856 г.: Я вспомнил луг — *вместо «Совр.»:* Я вспоминал луг. *Так же, как в «Совр.», и в рукописи III ред., почему нами и взят текст «Совр.».*

Стр. 80, строка 11 св.

В изд. 1856 г.: обнять и благословить их: — *вместо «Совр.»:* обнять тебя и благословить их: . *Так же, как в «Совр.», и в рукописи III ред., почему нами и взят текст «Совр.».*

Стр. 81, строка 15 св.

Вместо: в бреду, — в горячности, .

¹ [Да будет стыдно тому, кто плохо об этом думает.]

Стр. 82, строка 13 — 12 сн.

В изд. 1856 г.: «здесь нельзя пройти — ход из дверей.» — вместо «Совр.»: «здесь нельзя пройти—ход из девичьей.» Так же, как в «Совр.», и в рукописи III ред., почему нами и взят текст «Совр.».

Стр. 90 строка 10 св.

Конец абзаца, начиная со слов: Прежде чем душа—в «Совр.» нет.

Стр. 91, строка 2 сн.

В изд. 1856 г.: надо бы приготовить — вместо «Совр.»: надо было приготовить. Так же, как в «Совр.», и в рукописи III ред., почему нами и взят текст «Совр.».

Стр. 94, строка 16 св.

В изд. 1856 г.: отданный в ее полную собственность. — вместо «Совр.»: отданный ей в полную собственность. Так же, как в «Совр.», и в рукописи III ред., почему нами и взят текст «Совр.».

**НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ, НЕОТДЕЛАННЫЕ
И НЕОКОНЧЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

* I

[ЧЕТЫРЕ ЭПОХИ РАЗВИТИЯ.]

[1]¹ <Вы, кажется, не на шутку сердитесь на меня за то, что я не прислалъ вамъ тотчасъ-же обѣщанныхъ записокъ. — Вы пишете мнѣ: «Неужели я не стою на столько довѣрія?» «Неужели любопытство мое оскорбляетъ васъ?» При этомъ вы пускаетесь въ разсужденія о любопытствѣ, говоря, что любопытство можетъ имѣть два противоположныя основанія: зависть — желаніе найти слабую (дурную) сторону, и любовь — желаніе видѣть хорошую сторону; и мало-ли еще какія тонкія разсужденія вы дѣлаете по этому случаю. Къ несчастію, для меня совершенно все равно, какого рода бы ни было любопытство ваше и всѣхъ тѣхъ, которымъ вы можете показать эти записки; я объ этомъ разсуждаю такъ, какъ тотъ невинно-приговоренный къ казни, который не просилъ оправданія; но просилъ только, чтобы выслушали его оправданіе. — Я несчастливъ и, ежели не совершенно невиненъ, то не болѣе виноватъ въ своемъ несчастіи, чѣмъ другіе, которые несчастливы. — Поэтому-то мнѣ пріятно всякое любопытство. Не прислалъ же я вамъ записокъ двѣ недѣли тому назадъ это потому, что вы ничего не разобрали бы, когда они были въ первобытномъ состояніи: надо было собрать, привести въ порядокъ, кое-что вычеркать и прибавить. Я писалъ ихъ для себя, никогда не думая, что мнѣ захочется когда нибудь дать ихъ читать кому нибудь. — Зачѣмъ писалъ я ихъ? Я вамъ вѣрнаго отчета дать не могу. Пріятно мнѣ было набросать картины, которыя такъ поэтически рисуютъ воспоминанія дѣтства. Интересно было мнѣ просмотрѣть свое развитіе, главное же хотѣлось мнѣ найти въ отпечаткѣ своей жизни одно какое нибудь начало — стремленіе, которое бы руководило меня, и вообразите, ничего не нашелъ ровно: случай. . . . судьба!

Впрочемъ, я такъ былъ откровененъ въ этихъ запискахъ во всѣхъ слабостяхъ своихъ, что я думаю, не рѣшился бы прямо бросить ихъ на сужденія толпы. — Хотя я убѣжденъ, что я не

¹ Цифры в прямых скобках — нумерация страниц рукописи.

хуже большей части людей; но я могу показаться самым ничтожнымъ человѣкомъ, потому что былъ откровененъ. Скрытность есть наклонность скрывать дурныя качества и выказывать хорошія, откровенность — наклонность выказывать дурныя и скрывать хорошія; скрывать хорошія качества есть скромность, [2] выказывать хорошія хвастовство, тщеславіе. — Будьте же мнѣ и исповѣдникомъ и судьей, повѣряюсь вамъ въ этихъ запискахъ. Лучше я не могъ выбрать, потому что нѣтъ человѣка, котораго бы я любилъ и уважалъ больше васъ.

Г. Л. Н.

Кажется, какъ выгодна скрытность и какъ невыгодна откровенность; но откровенность есть хорошая наклонность, которую нельзя скрыть, и эта наклонность такъ хороша, что она выкупаетъ, мнѣ кажется, всѣ дурныя.)¹

Вы не знали моей матери и истории ея. Она урожденная Княжна Б. . . ., дочь Князя Иванъ Андрѣича Б. и племянница Князя Семена и Петра, которыхъ кто не зналъ или по крайней мѣрѣ не слыхалъ о нихъ. Воспитаніе ея и положеніе въ свѣтѣ были самыя блестящія во всѣхъ отношеніяхъ. Она вышла замужъ за князя Д., человѣка глупаго, грубаго и необразованнаго. Не знаю, что было поводомъ къ этой сватѣбѣ; никто мнѣ не могъ объяснить этого. Я не зналъ и никогда не видалъ Князя Д., но знаю, что мама не любила его. Она прожила съ нимъ три мѣсяца и оставила его, или онъ оставилъ ее, не знаю, только знаю, что они разошлись.² Это было въ 1818 году. Въ 1819 году мама зиму жила въ К., гдѣ на балѣ встрѣтилась она съ отцемъ моимъ, тогда еще молодымъ и очень пріятнымъ человѣкомъ. Онъ былъ адъютантомъ Григорья Федор. О[рлова] и былъ тамъ въ отпуску. Какъ составилаь эта несчастная связь, не знаю; знаю только то, что съ 1819 года и до времени кончины матушки 1834 года она жила съ отцемъ моимъ, какъ съ мужемъ, то въ своей деревнѣ П. Губерніи, то въ Тульской Губерніи, въ дорогомъ воспоминаніяхъ сердцу моему Красномъ. Мы всѣ родились въ Красномъ — старшій Владиміръ, я и³ Васенька, одна Любочка родилась въ Москвѣ.⁴

[3] Матушка имѣла одно изъ тѣхъ лицъ, которыя не хороши, но чрезвычайно пріятны; особенно же замѣчательно было какъ ея лицо, такъ и талія аристократическимъ отпечаткомъ. — У нее были большія, черныя и всегда влажныя глаза, полузакрытыя вѣками и рѣсницами съ добрымъ и страстнымъ выраженіемъ. Глаза ея отличались тѣмъ, что пространство между ними было уже, чѣмъ того требуютъ правила живописи. Носъ былъ, хотя

¹ С начала до этого слова зачеркнуто поперекъ текста одной чертой.

² Зачеркнуто: Мама жила годъ одна въ своемъ имѣніи К. Губерніи и родила сына. Вы знали бѣднаго Пьера, который такъ несчастно кончилъ.

³ Зачеркнуто: Константъ

⁴ Зачеркнуто: Отчего каждый ребенокъ былъ и горе и радость для матушки.

довольно широко въ ноздряхъ, но чрезвычайно сухъ и, хотя въ общемъ контурѣ неправиленъ, но линіи, составлявшія его, всё были изящны. Губы довольно толстыя и влажныя носили отпечатокъ главной черты характера ея — воспріимчивости — они безпрестанно перемѣняли выраженіе: то улыбка веселія, то улыбка горести, но всегда была улыбка. — Что въ особенности составляло прелесть ея лица, это было всегда одинаковое выраженіе глазъ и рта. Зубы неправильныя, рѣдкія, но бѣлыя. Очеркъ лица неправильный, продолговатый въ особенности къ подбородку, но опять таки линіи, составлявшія его, имѣли особенную прелесть. Уши среднія, руки и ноги длинныя и сухія. Прибавьте къ этому прелестныя черныя волосы, средній женскій ростъ, маленькой пушокъ на верхней губѣ, и вотъ вамъ общій очеркъ наружности моей матушки, какою я ее зналъ, т. е., когда ей было лѣтъ около 30. Теперь я объясню, что можетъ быть вамъ неясно въ этомъ описаніи. Во-первыхъ, я сказалъ, что матушка была аристократически сложена. — Я нахожу, что то, что называютъ выраженіемъ, не столько замѣтно въ лицѣ, сколько въ сложеніи. Напримѣръ я всё называю аристократическимъ сложеніемъ, не нѣжность и сухость рукъ и ногъ, но всё: линіи рукъ, bras,¹ плечь, спины, шеи. Принято мнѣніе, не знаю почему, что порода узнается по оконечностямъ. Дѣйствительно, оконечности части самыя сложныя, но никакъ не самыя нѣжныя и красивыя. Притомъ же мало-ли, по какимъ причинамъ форма ихъ можетъ измѣниться, и судить по нимъ нельзя. Всѣ линіи, составляющія [4] очеркъ сложенія, нѣжны, потому что они линіи рѣзкія, и линіи, составляющія очеркъ спины, груди, шеи, гораздо красивѣе чѣмъ линіи рукъ, ногъ, лица. — Отступи природа на волосокъ отъ этой линіи, которая составляетъ красоту, — красота потеряна. — Въ душѣ каждаго человѣка вложенъ идеалъ красоты. Прикладывая всё дѣйствительныя типы къ этому, нельзя не замѣтить два главныхъ отступленія — типъ плебейскій, рѣзкость линій, и типъ аристократической, мягкость и нѣжность. Не только по сложенію я привыкъ отыскивать эти два типа, но я составилъ себѣ физиологію по тѣлосложенію. Жалѣю, что наука эта не идетъ впередъ. Эта наука полезна и возможна. Но мнѣ кажется, что не такъ за нее взялись, — не по формѣ головы, но по движенію лица должно заключать. Я отличаю по сложенію людей добрыхъ, злыхъ, хитрыхъ, откровенныхъ и особенно людей, понимающихъ и непонимающихъ вѣщи. Высокая грудь — человѣкъ добрый и энтузіастъ. Впалая и выдавшіяся спинныя позвонки — человѣкъ, склонный къ жестокости и скрытной. Впалый животъ и выдавшіяся лопатки человѣкъ непонимающій вѣщей, и наоборотъ, и мало ли еще у меня примѣтъ. (Вы не знаете, что я называю понимающими и непонимающими

¹ [bras — рука (от плеча до кисти).]

людьми. Объяснюсь послѣ.) Женщинъ гораздо труднѣ отличить по этой методѣ, потому что большая часть ихъ сложенія скрыта. Въ особенности тѣхъ, которыя одѣваются въ платья. Отъ этого то и утвердилось мнѣніе, что трудно узнать женщину. — Мода носить мало юбокъ есть только стремленіе къ откровенности. — Я сказалъ, что матушка имѣла улыбку горести. Надо объяснить вамъ. Красивое и пріятное движеніе губъ я называю улыбкой. — Надо вамъ сказать, что я красоту мѣряю по улыбкѣ. — Когда лицо хочетъ улыбаться и этимъ движеніемъ губъ дѣлается некрасивѣе, я называю дурнымъ; [5] то лицо, которое остается такимъ же, улыбаясь, я называю обыкновеннымъ. То лицо, которому улыбка прибавляетъ красоты и пере мѣняетъ, я называю красивымъ. — Верхъ красоты это то лицо, которое плачетъ и остается красивымъ. Такое лицо было у Маман. — Я сказалъ, что особенно замѣчательно было въ лицѣ матушки это всегдашнее вѣрное отношеніе выраженія глазъ и губъ. — Замѣьте, это-то отношеніе есть то, что называютъ пріятнымъ выраженіемъ. Есть люди, у которыхъ одни глаза смѣются — это люди хитрые и эгоисты. Есть люди, у которыхъ ротъ смѣется безъ глазъ, это люди слабые, нерѣшительные, и оба эти смѣха непріятны. Мнѣ кажется, что по движеніямъ лица и по отношенію движеній этихъ между собою, должна бы заключать фізіологія, а не по шишкамъ на головѣ. —

Не думайте, чтобы я былъ пристрастенъ. Дѣйствительно матушка была ангель. Впрочемъ, можетъ быть, я и пристрастенъ, но сколько бы я ни искалъ, я бы не могъ найти недостатковъ въ характерѣ ея и дурныхъ поступковъ въ жизни, исключая несчастной страсти ея къ отцу моему. На это, однако, я привыкъ смотрѣть такъ, какъ на несчастіе, которое постигло все наше семейство, и въ которомъ я не могу обвинять своей матери. Вы тоже въ молодыхъ лѣтахъ потеряли матушку, поэтому поймете это чувство страстной любви, обожанія и грустной привязанности къ памяти той, которой существованіе вы не умѣли обсуживать, а только чувствовали. Отецъ мой живъ, и ежели я его часто обвиняю, обсуживаю его дѣла и не чувствую къ нему десятой доли того чувства, которое питаю къ памяти матушки, то это оттого, что я не могу не судить его. — Какъ не больно, не тяжело мнѣ было по одной срывать съ него въ моихъ понятіяхъ завѣсы, которые закрывали мнѣ его пороки, я не могъ не сдѣлать этого. А какая можетъ быть любовь безъ уваженія? Ежели бы я не боялся обвиненія въ парадоксальности, я бы сказалъ, что великое зло, когда родители переживаютъ полное развитіе своихъ дѣтей [6] по крайней мѣрѣ при перепрешнемъ положеніи общества — это, хотя противуестественно, но справедливо. — Вы знаете отца моего, каковъ онъ теперь. Всѣ говорятъ, что онъ пріятный старикъ, мнѣ же онъ непріятенъ, или потому что я его слишкомъ хорошо знаю, или потому, что я зналъ его еще свѣжимъ и молодымъ мужчиной. — Большой статн[ый] ростъ,

смѣшная довольно походка, привычка дергаться, маленькія, сѣренькія, всегда смѣющіяся глазки, большой орлиной носъ; губы неправильныя, которыя, когда еще у него были зубы, какъ то неловко склабились, и недостатокъ въ произношеніи, пришепетываніе, кажется, ничего не могли имѣть пріятнаго, но очень нравились. Со всѣмъ этимъ онъ въ свое время и былъ, что называли *homme à bonnes fortunes*.¹ — Что онъ нравился женщинамъ, это еще можно объяснить страшнымъ сладострастіемъ этаго человѣка. — Страсть эта должно быть научила его тому, что нужно, чтобы нравиться имъ. Но главная черта его характера это то, что онъ нравился всѣмъ: старикамъ, людямъ должностнымъ, статскимъ, военнымъ, ученымъ и въ особенности тѣмъ, кому хотѣлъ нравиться. Онъ умѣлъ взять верхъ надъ тѣмъ, надъ кѣмъ хотѣлъ. Не бывши никогда человѣкомъ большаго свѣта, онъ водился съ людьми и высшаго круга и всѣхъ возможныхъ круговъ, ежели люди эти были ему нужны, и всегда такъ, что былъ уважаемъ. Онъ зналъ ту крайнюю мѣру самонадѣянности и увѣренности въ себѣ, которая возвышала его и не оскорбляла другихъ. — Онъ умѣлъ быть оригинальнымъ, но не до крайности; онъ употреблялъ оригинальность тогда, когда она нужна ему была, замѣняя свѣтскость или богатство. Онъ умѣлъ всегда показывать одну выгодную сторону своей жизни. Былъ скромнень тамъ, гдѣ нужна была ему скромность, надмѣненъ тамъ, гдѣ надмѣнность была полезна. Ничто не могло заставить показать его свое удивленіе, въ какомъ бы онъ ни былъ неожиданномъ блестящемъ положеніи; казалось, что онъ для этаго и рожденъ былъ. Однимъ словомъ, онъ былъ то, что по французски называютъ «un homme [?] de tact», а по Русски практической человѣкъ. Но съ такими способностями къ практической жизни я не встрѣчалъ ни въ одномъ человѣкѣ, кромѣ отца. Во всемъ онъ былъ чрезвычайно изященъ и зналъ въ вѣщахъ толкъ. До сихъ поръ не знаю, есть ли у него религія, и вѣрить ли онъ во что нибудь, такъ гибки его правила и взглядъ на вѣщи. — Къ старости у него образовался извѣстный взглядъ на вѣщи, но не на основаніи ни моральныхъ, ни религіозныхъ правилъ, но на основаніи тѣхъ случаевъ, которые были счастіемъ въ его жизни. — Вы знаете, какъ онъ увлекательно говоритъ. Эта способность содѣйствуетъ гибкости его правилъ. Онъ ту же вѣщь въ состояніи рассказать какъ милую и умную шутку и какъ низкую подлость. Вообще онъ человѣкъ страстный и любящій прекрасное, но не въ отвлеченномъ, а въ искусствахъ. — Главныя двѣ страсти его женщины и карты.² —

Какъ онъ умѣлъ обхитривать людей до послѣдней копейки и оставаться имъ пріятелемъ, я рѣшительно не понимаю. Онъ какъ будто дѣлалъ одолженіе людямъ, которыхъ обиралъ.

¹ [удачливый человек.]

² *Зачеркнуто*: Охота побочная страстишка.

Игралъ ли онъ чисто или нѣтъ, я объ этомъ не стану божиться. Знаю только то, что никогда во все время его игры никто ему не смѣлъ дѣлать никакого замѣчанія. Онъ во всю свою жизнь выигралъ больше 1½ милліона. — Своимъ обращеніемъ онъ очень гордится въ душѣ и въ провинціи дѣйствительно можетъ прослыть и прославалъ за человѣка высшаго круга. Я же терпѣть не могу этотъ *умъ* клубный — смѣсь офицерскаго, игорнаго, свѣтскаго и трактирнаго. — Но впрочемъ, зачѣмъ такъ подробно описывать его. Ежели вы прочтете до конца мои записки, то, хотя и знаете его, познакомитесь еще лучше съ его задушевною стороною. —

⟨У меня прежде еще были набросаны нѣкоторыя сцены изъ моей жизни и всѣ замѣчательные случаи въ моей жизни, т. е., такія случаи, въ которыхъ мнѣ передъ собою нужно было оправдаться. Вотъ изъ этихъ то отрывковъ и съ дополненіями собственно [8] для васъ написанными, и составились эти записки.⟩

12 Августа 1833. — Былъ хорошій день. — Иванъ Карловичъ разбудилъ насъ, какъ и обыкновенно, въ 7½ часовъ. — Дѣтскій верхъ раздѣлялся на двѣ половины площадкой, окруженной точеными, но некрашенными перильцами, на которыхъ лежали особыми кучками наши три курточки, панталончики и манишки; подъ каждой парой стояли у старшаго желанныя сапоги, у меньшаго презрѣнныя башмачки. Съ одной стороны площадки была наша спальня и класная. — Класная была комнатка въ три маленькихъ окна, обвѣшанная съ одной стороны старыми географическими картами, искусно подклеенными К[арломъ] И[ванычемъ], съ другой стороны были двѣ полочки — одна наша, дѣтская. На ней были всевозможныя учебныя книги въ переплетахъ и безъ, стоячи и лежа. Только¹ двѣ, не помню, какія то переплетенныя книги всегда чинно стояли с краю, а потомъ пойдутъ низенькія, большія; оборванные кусочки. Все туда же бывало нажмешь и всунешь, а то иначе не отпускались въ садъ, покуда не приведешь въ порядокъ *Die Bibliothek*. Другая полочка была занята вѣщами, для употребленія самаго Карла Иваныча. Были на ней 8 книгъ его собственныхъ и приобретенныхъ по случаю, частью во время его жительства у насъ, частью еще у Спазиныхъ, отъ которыхъ онъ перешелъ къ намъ 8 лѣтъ тому назадъ. Въ числѣ книгъ этихъ была Библія, которую онъ читалъ по воскресеньямъ. Географическій словарь, который онъ часто читалъ, и Анекдоты Фридриха Великаго, которые онъ рѣдко выпускалъ изъ рукъ. На этой же полочкѣ стоялъ глобусъ, хлопущка для мухъ изъ сахарной бумаги собственнаго издѣлія, à bas jour изъ наклеенной картинки моднаго журнала и еще нѣкоторыя вѣщи. На третьей стѣнѣ висѣли 2 линейки — одна изрѣзанная

¹ Зачеркнуто: исторія Карамзина.

для нашего употребленія, другая новинькая, *собственная* Карла Иваныча, которую онъ больше [9] употреблялъ не столько для линеванія, какъ для поощренія къ прилежанію. Рядомъ висѣла черная доска, на которой въ первомъ дѣтствѣ нашемъ Карлъ Иванычъ отмѣчалъ большими крестами невоздержаніе въ постелѣ — за большой и кружк[ами] за маленькой, а въ то время, о которомъ я пишу, отмѣчались очень дурныя поступки вообще крестами, а *шалостей* кружками. Подлѣ этой доски дверь въ спальню, надъ которой Карлъ Иванычъ меломъ писалъ обыкновенно свой календарь. Такимъ образомъ: М. Д. М.¹

и т. д. За дверью еще доска для чертежей, печка, а за печкой уже извѣстная стѣна съ картами. — Въ серединѣ комнаты столъ съ оборванной черной клеенкой, изъ подъ которой видны изрѣзанные края. Кругомъ жесткія деревянныя табуреты безъ спинокъ. — Въ этой комнатѣ происходило наше образованіе. Всего памятной мнѣ одинъ уголъ между печкой и доской, въ которой Карлъ Иванычъ имѣлъ дурную привычку ставить насъ на колѣни. Какъ помню я заслонку этой печки, всѣ ея качества и недостатки. Она неплотно затворялась; бывало, стоишь, стоишь, думаешь, Карлъ Иванычъ забылъ про меня, оглянись, а онъ сидитъ, читаетъ анекдоты Фридриха, и видно, что ему такъ покойно, что онъ думаетъ, что и мнѣ хорошо. Оглянешься, говорю, и начнешь потихоньку закрывать и открывать заслонку или ковырять штукатурку съ стѣны, но ежели по несчастію да отскочитъ (чего и [не] желаешь) большой кусокъ и съ шумомъ упадетъ, одинъ страхъ, право, хуже всякаго наказанія, оглянись, а Карлъ Иванычъ все также сидитъ и читаетъ Фридриха. Смотришь, вдругъ, о счастье, начинаешь подвигать табакерку и нюхать табакъ. Это хорошій признакъ. Обыкновенно передъ тѣмъ, какъ простить и прочесть нотацію, онъ нюхаетъ табакъ. — Видъ изъ оконъ спальни былъ чудесный: прямо подъ крайнимъ окномъ росла старая изогнутая рябина, за которой виднѣлась [10] соломенная крыша старой бани, потомъ акаціевыя, липовыя аллеи и рѣчка, которая течетъ за садомъ. Высунувшись изъ окна, видна была внизу направо терраса, на которой сиживали всѣ обыкновенно до обѣда. Бывало покуда поправляетъ Карлъ Иванычъ листъ съ диктовкой, выглянешь и видишь черную голову папан и чью-нибудь спину и слышишь внизу говоръ; такъ сдѣлается грустно, досадно. Когда, думаешь, перест[ану] я учиться, все бы сидѣлъ тамъ, слушалъ бы, и, Богъ знаетъ, отчего, станетъ такъ грустно, что и не замѣтишь, какъ Карлъ Иванычъ злится и дѣлаетъ строгія замѣчанія за ошибки. Изъ класной дверь вела въ спальню.²

¹ [Montag, Dienstag, Mittwoch — понедельник, вторник, среда.]

² *Зачеркнуто:* Въ этой комнатѣ стояли наши три кровати. Прежде они были съ пологамы, теперь только мѣста на ихъ углахъ для шестовъ, почернѣвшія отъ пыли.

Какъ можно забыть и не любить время дѣтства! Развѣ можетъ возвратиться когда-нибудь эта чистота души, эта невинная, естественная беззаботность и эта возвышенная религіозно-сентиментальная настроенность, которыми я, не зная ихъ цѣны, пользовался въ дѣтствѣ? — Дѣти идеаль совершенства, потому что они имѣютъ двѣ главныя добродѣтели: невинную веселость и безпредѣльную потребность любви. — Бывало какъ заставить насъ прочесть молитвы, уложить насъ въ чистенькія постели Карлъ Иванычъ, вспомнишь или о томъ, что мама тогда-то плакала, или про несчастную свою исторію, которую разсказывалъ Карлъ Иванычъ, станешь жалѣть и такъ полюбишь его, что увернешься въ одѣяльце и плачешь, плачешь. Господи, думаешь, дай ему счастье и позволь мнѣ показать ему свою любовь. — Гдѣ тѣ смѣлыя [?] молитвы, то чувство близости Богу. Гдѣ тѣ чистыя слезы умиленія? Онѣ не сохли на щекахъ моихъ. Прилѣталъ Ангелъ Хранитель, утиралъ ихъ и навѣвалъ сладкія мечты нетронутому дѣтскому воображенію. Неужели жизнь такъ испортила меня, что навѣки отошли отъ меня¹ [41] восторги и слезы эти? — Съ другой стороны площадки была первая комната нашего дядьки, въ которой жилъ онъ, дядька, и лежали всѣ наши вѣщи какъ шкапъ съ платьями, колодки, вакса, самоваръ, охотничій снарядъ. Ник[олай] Д. былъ охотникъ и поэтому былъ пріятелемъ съ Карломъ Иванычемъ, который любилъ охоту и ходилъ часто, но убивалъ рѣдко. Карла Иваныча была слѣдующая комната. Въ ней была высокая постель, покрытая узорчатымъ ваточнымъ одѣяломъ, комодъ, столъ съ вѣщами: чернильница, вышитой кружочекъ, кошелекъ, зеркало и другой столъ, рабочій, на которомъ Карлъ Иванычъ клеилъ коробочки (работа, которую онъ очень любилъ и гордился оной) и по именинамъ дарилъ въ нашемъ семействѣ. Надъ постелью висѣли двое часовъ на кружкахъ и образъ Спасителя, шитой бисеромъ, работы особы, которую Карлъ Иванычъ не называлъ, но про которую съ улыбкой умалчивалъ. — Въ 7¹/₂ вы встали, одѣлись и, по обыкновенію, пошли съ Карломъ Иванычемъ здороваться внизъ. Батюшка съ матушкой сидѣли за чаемъ. Матушка разливала чай, она была въ какомъ-то серомъ [?] капотѣ съ маленькимъ вышитымъ воротничкомъ и безъ чепца на головѣ; она не замѣтила насъ тотчасъ-же, видно было, что она чѣмъ-то очень озабочена; она пристально смотрѣла на кончикъ самовара и не поворачивала крана, изъ котораго текла въ чайникъ уже лишняя вода. Услышавъ громкое и обычное «съ добрымъ утромъ» Карла Иваныча она опомнилась и стала съ нами здороваться. У насъ въ семействѣ цѣловались² рука въ руку. Какъ хороши были всѣ движенія матушки, какъ она

¹ По написанному на 10 странице тексту рукой Л. Толстого написано: Когда объявятъ отъѣздъ.

² Написано: цѣловаться.

умѣла придавать цѣну всякому своему движенію. Поцѣловавши мою руку, она взяла меня за голову и откинула назадъ, посмотрѣла и поцѣловала еще разъ въ глаза. «Хорошо ли спали дѣти, Карлъ Иванычъ? Я у васъ поздно вечеромъ [?] слышала, кто-то ходилъ, однако я послала Машу, она мнѣ сказала, что никого нѣтъ, а я слышала шаги именно въ классной. — Это вы вѣрно Карлъ Иванычъ?»

[12] Бѣдный Карлъ Иванычъ, какъ онъ сконфузился! Я-же, о дѣтская невинность, стала рассказывать, какъ я видѣлъ во снѣ, что будто Карлъ Иванычъ съ Марфой ночью взошелъ въ класную, взялъ тамъ забытую ермолку, заглянулъ къ намъ и пошелъ съ ней въ свою спальню. Карлъ Иванычъ загорѣлся, готовъ уже былъ и признаться въ грѣхѣ, какъ мама, начавшая съ удовольствіемъ слушать рассказъ моего сна, вдругъ удержала улыбку и спросила такъ естественно и такъ мило: — «Что вы были у папа, дѣти? Володя, скажи папа, что, ежели онъ можетъ, чтобы зашелъ ко мнѣ, когда на гумно пойдетъ, да пошли ко мнѣ Никиту, ежели онъ тамъ». Въ то время, какъ мама это говорила съ видимымъ намѣреніемъ перебить Карла Иваныча рѣчь, онъ, бѣдный, сконфузился, а я неумолимо вопрошающимъ взглядомъ смотрѣлъ на него. Мама встала, подошла къ пальцамъ, позвонила, велѣла убирать со стола, расположилась шить и сказала Карлу Иванычу съ улыбкой: «нынче, хотя и суббота, (она знала, что въ табельные дни мы повторяли всѣ зады, что составляло страшную даже невозможную работу) но отпустите дѣтей пораньше». Карлъ Иванычъ изъявилъ мычаніемъ согласіе, оглянулся на насъ, и мы пошли къ папа.

Пройдя комнату, такъ называемую, *офиціанскую*, мы вошли въ кабинетъ Папа. Онъ стоялъ подлѣ письменнаго стола и, показывая на бумаги, запечатанные конверты, кучки денегъ, горячился и что-то толковалъ прикащику Никитѣ Петрову, который на обычно[мъ] своемъ мѣстѣ, подлѣ барометра, разставивъ ноги на приличное раз[стояніе], заложивъ руки назадъ и приводя за спиною пальцы въ движеніе тѣмъ быстрее, чѣмъ болѣе горячился [13] папа, спереди не выказывалъ ни малѣйшаго знака безпокойства, но, напротивъ, выраженіемъ лица выказывалъ совершенное сознаніе своей правоты и вмѣстѣ съ тѣмъ подвластности. Папа, не отвѣчая даже на «съ добрымъ утромъ» Карла Иваныча и не оглянувшись (что тогда мнѣ казалось необыкновенно дерзкимъ поступкомъ), сказалъ только, сдѣлавъ движеніе къ намъ рукою: «Сейчасъ, Карлъ Иванычъ, погодите дѣти» и продолжалъ къ Никитѣ: «Ахъ, Боже мой милостивой, что съ тобой нынче Никита», и папа дернулъ плечомъ по привычкѣ и слегка покраснѣлъ. «Этотъ конвертъ со вложеніемъ 800 рублей»... Никита подвинулъ счета, кинулъ 800 и сказалъ: «слушаю-съ». Папа продолжалъ: «для расходовъ по экономіи, понимаешь? Деньги, которыя получатся изъ Хабаровки, подашь Княгинѣ. Здѣшнія доходы: за мельницу ты

долженъ получить 400 рублей, такъ? Залоги должны поступить изъ казны 8,000, такъ?» Никита продолжалъ кидать на кости. «И вообще всё доходы съ Краснаго и съ Малаховки [?], за вычетомъ уплаты въ совѣтъ пришлешь ко мнѣ, теперь же въ конторѣ у насъ 21,000, такъ?» Никита смѣшалъ счеты и положилъ 21 тысячу. «Эти деньги, исключая 1000 р., которыя ты употребилъ на жалованье себѣ и дворовымъ людямъ, я возьму съ собою. Этотъ же конвертъ ты знаешь?» Я посмотрѣлъ на надпись пакета. На немъ было написано: «Карлу Ивановичу Келеру». — Папа, должно замѣтивъ, что я прочелъ то, чего мнѣ знать не нужно, взялъ меня за плечо и показавъ мнѣ направленіе прочь отъ стола, продолжая говорить. Я понялъ, что это и ласка и замѣчаніе, поцѣловалъ эту руку [14] и пошелъ къ дверямъ терасы, у которыхъ русачей повалкой, зажмуривъ глаза, на солнцѣ лежала любимая борзая сука Милка. Я весьма сконфуженной сталъ гладить ее, думая совѣмъ о другомъ. Отчего нынче мы были допущены присутствовать при занятіяхъ съ Никитою папа, на которые я смотрѣлъ тогда, какъ на что-то гораздо выше занятій дипломатическихъ кабинетовъ, какъ на занятія, недоступныя никому, кромѣ папа и Никиты. Потомъ что бы значилъ этотъ пакетъ К[арла] И[ваныча]? Папа сказалъ: «прислать ко мнѣ, стало быть онъ ѣдетъ. Куда? Надолго-ли? Совѣщаніе-же продолжалось. Со стороны папа съ видимымъ нетерпѣніемъ — онъ не любилъ говорить при чужихъ — онъ краснѣлъ и подергивался чаще и чаще. Никита же перемѣнилъ, наконецъ, выраженіе тупоумія, съ которымъ онъ считалъ нужнымъ слушать приказанія господина, какъ бы говоря: «Извольте говорить, языкъ безъ костей, но все это не такъ, а вотъ я вамъ скажу какъ», на выраженіе, обыкновенное Русскому человѣку, ума и смѣтливости и, смѣшавъ все на счетахъ, началъ: «Вы изволили говорить, въ совѣтъ заплатить съ мельницы залоговъ и доходовъ. Мельникъ приходилъ, говорить: «Ради Бога повремените, помола не было, денегъ нѣтъ, несчастнымъ человѣкомъ сдѣлаете, дайте поправиться, я, дескать, буду еще вамъ плательщикомъ». И въ самомъ дѣлѣ, сударь, ежели намъ его снять, найдется ли еще по той цѣнѣ. На счетъ залоговъ Секретарь Иванъ Аф[анасьевичъ] говорилъ мнѣ [15] въ среду, что дескать доложи А. М., покуда не получится квитанція въ доставкѣ, Журналъ составить нельзя. Я, хотя безъ вашего приказанія, приказалъ два воза муки насыпать въ городъ И[вану] А[фанасьевичу] свести воскресенья, да Бѣляева поблагодарить нужно. Богъ дастъ, черезъ мѣсяцъ и охлопочу, а въ Совѣтъ сами изволите знать, срокъ 14. Новыхъ доходовъ до установки цѣнъ трогать нельзя». Видно было, что у Никиты запасъ аргументовъ еще былъ большой, но Папа остановилъ его. «Я распоряженій своихъ не перемѣню, но ежели въ полученіи будетъ задержка, тогда возьмешь въ совѣтъ платить изъ Хабаровскихъ денегъ. Я Княгинѣ самъ скажу». — Никита

только сказалъ «слушаю-сь», но въ выраженіи голоса видно было торжество побѣды — ему только и нужно было. Хабаровка было одно изъ имѣній матушки, и Никита любилъ, когда, случалось, въ пользу своего имѣнія папа бралъ изъ ея денегъ взаймы. — Отецъ мой во всѣхъ случаяхъ жизни былъ человѣкъ нерѣшительной. — Онъ считалъ неблагороднымъ пользоваться деньгами женщины, которая его любила; братъ деньги даже взаймы ему нельзя было, потому что онъ былъ игрокъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ часто пользовался ими. Теперь, напримѣръ, предлагая этотъ расчетъ Никитѣ, онъ зналъ, что тотъ не найдетъ другаго способа устроить все, какъ взять изъ денегъ Княгини. — Ему нужно было, чтобы кто нибудь выказалъ необходимость сдѣлать это, и тогда уже совѣсть его была покойна. Займы-же эти совершались очень часто и, разумѣется, безъ платежа, потому что или отецъ [16] игралъ, или клалъ деньги на хозяйство, что онъ однако, надо отдать ему справедливость, всегда дѣлалъ очень дѣльно. — Окончивъ дѣла съ Никитой, Папа обратился къ намъ. «Ну, дѣти, въ послѣдній разъ вамъ нынче учиться у Карла Ивановича, — нынче въ ночь ѣдемъ въ Москву: уже вы большіе ребята стали, пора вамъ серьезно работать и утѣшать свою маман. Она теперь остается здѣсь, и одна для нея будетъ радость — это знать, что вы умны, учитесь хорошо, и вами довольны».

Хотя по приготовленіямъ, которыя мы недѣли за двѣ могли замѣтить, мы и догадывались, что должно случится что-нибудь особенное, но эта неожиданная новость ошеломила насъ. Володя, поцѣловавъ руку Папа и помолчавъ немного, опомнился и сдержаннымъ голосомъ, за которымъ слышны были слезы, передалъ порученіе маман. Вася разрѣвелся. Я не двигался съ мѣста, мнѣ стало очень, очень жалко оставить маман, вмѣстѣ съ тѣмъ мысль, что мы стали большіе, и что я могу утѣшить маман, пріятно пощекотала мое тщеславіе. «Ежели мы нынче ѣдемъ» — подумалъ я — «стало быть классовъ не будетъ, какъ я радъ; а впрочемъ лучше бы вѣкъ учиться, да не оставлять маман и не обижать бѣднаго Карла Ивановича — онъ и такъ очень несчастливъ».

Тысячи такого рода противорѣчащихъ мыслей мгновенно мелькали въ моей разстроенной головѣ, и я стоялъ, не двигаясь, съ большимъ вниманіемъ наблюдая быстрое движеніе пальцевъ Никиты... Сказавъ еще нѣсколько словъ съ Карломъ Ивановичемъ, о положеніи барометра и приказавъ Никитѣ не кормить собакъ, чтобы послѣ обѣда на прощаньи выѣхать послушать молодыхъ гончихъ, папа противъ моего ожиданія отослалъ насъ учиться, [17] утѣшивъ однако тѣмъ, что вечеромъ общался взять на охоту. — Грустные и разстроенные, пошли мы подъ предводительствомъ еще болѣе разстроеннаго Карла Ивановича, ожидавшаго отставки, учиться. — Ученье шло плохо. Одинъ Володя, который всегда былъ твердъ, хотя и не повѣсничалъ по обыкновенію и былъ блѣденъ, учился, какъ и всегда:

всѣ старые діалоги повторилъ прекрасно и подѣ диктовку сдѣлалъ только одну ошибку. Вася былъ такъ разстроенъ, что отъ слезъ, которыя безпрестанно набирались ему въ глаза, не могъ читать и отъ рыданій не могъ говорить, подѣ диктовку же отъ слезъ, которыя, падая на его тетрадь, мѣшались съ чернилами, надѣлалъ такихъ кляксъ, что ничего нельзя было разобрать, какъ будто онъ писалъ водою на оберточной бумагѣ. — Карлъ Иванычъ, находясь сильно не въ духѣ, поставилъ его въ уголь, твердилъ, что это упрямство, кукольная комедія, что надобно дать ему «шампанскую мушку» и требовалъ, что[бы] онъ просилъ прощенія, тогда какъ бѣдный мальчикъ отъ слезъ не могъ выговорить слова. —

Я, какъ и всегда, учился дурно, и поэтому не обратилъ на себя особаго вниманія Карла Иваныча, который безпрестанно ходилъ въ комнату дядьки, и мнѣ слышно было, какъ онъ повѣрялъ ему всѣ несправедливости нашего дома противъ него, и какъ не умѣли цѣнить его услугъ и привязанности. —

Я сочувствовалъ его горю, и мнѣ больно было, что два лица, которыхъ я люблю одинаково, — отецъ и Карлъ Иванычъ — не поняли другъ друга. Даже въ моихъ рукахъ вѣсы правосудія покачнулись бы на сторону Карла Иваныча. Въ кабинетѣ же, который былъ прямо подѣ нашими окошками, мнѣ слышны были голоса папа и тамапа, которые говорили громко, что [18] рѣдко случалось съ тамапа. Теперь-же она говорила съ большимъ воодушевленіемъ и, какъ я могъ замѣтить, про насъ. —

Впослѣдствіи я узналъ отъ Мими, Любочкиной гувернантки, въ чемъ состоялъ этотъ разговоръ. —

Случалось мнѣ слышать и читать, что по устройству дома, расположенію комнатъ какъ-то можно узнавать характеръ хозяина. Этого я не знаю и не умѣю, но что я всегда замѣчалъ, такъ это отношенія двухъ людей между собою по расположенію комнатъ, ежели они оба живутъ въ одномъ домѣ, въ особенности въ деревнѣ. —

Когда живутъ мужъ съ женою въ одномъ домѣ, можно замѣтить по расположенію дома, кто изъ нихъ первое лицо. По выраженію одного милаго остроумнаго французскаго писателя: *Dans l'amitié, comme dans l'amour, il y a deux côtés; l'un tend la joue et l'autre embrasse.*¹ Въ отношеніяхъ отца съ матерью первый подставлялъ щеку, а вторая цѣловала. — У кого на половинѣ было больше окошекъ, были веселѣе комнаты, изъ чьихъ окошекъ были лучше видѣ? чья прислуга была лучше помѣщена? къ кому входъ былъ красивѣе и покойнѣе? отъ чьей половины были ближе фортепiанная, бильярдная, выходъ

¹ [В дружбе, как и в любви, две стороны; один подставляет щеку, другой — целует.]

въ садъ? на чьей половинѣ больше сиживали? гдѣ принимались общіе гости? гдѣ былъ каминъ? на чью половину приносили кактусъ Грандифлору, когда старый садовникъ объявлялъ съ приличною спокойною важностью, что завтра будетъ въ цвѣту? къ чьимъ окошкамъ подводили мѣдвѣдя, и собирались дѣти и дворня? — Всѣ эти преимущества были на половинѣ папа. Я увѣренъ, что никогда ни папа и тѣмъ мнѣе татап, [19] въ голову не приходило подумать объ этой несправедливости, даже сама татап, которая всему умѣла дать изящный колоритъ, безпрестанно придумывала новыя улучшения на половинѣ папа и никогда не думала о своей. — Отецъ мой деликатенъ, вѣжливъ, когда того требуютъ приличія, но того внутренняго безсознательнаго чувства нѣжной деликатности, которая бы указала ему на это, онъ не имѣлъ. Съ другой женщиной онъ, бывши такимъ же, какимъ и былъ съ татап, могъ бы называться самымъ внимательнымъ и нѣжнымъ супругомъ, но съ Матап онъ былъ грубъ, напимѣръ Матап рѣдко звала его къ себѣ — она боялась, не помѣшать бы ему; онъ же всегда, когда ему было нужно видѣться и ему нельзя было идти самому. — Случалось, что онъ не сейчасъ приходилъ, когда татап звала его, и тогда она сама шла къ нему въ кабинетъ, боясь, не занятъ ли онъ или не огорченъ ли. Въ этотъ день случилось также — татап пришла сама къ нему, только что мы ушли.

Мнѣ кажется, что отецъ дѣлалъ это сознательно, испытывая свою власть и приучая ее къ ней. Матап была благородно горда, и поэтому не тщеславна, онъ же только тщеславенъ. Поэтому никогда ни въ чемъ онъ не задѣвалъ ея гордости, а, напротивъ, уступалъ ей. Тщеславія же его она вовсе не замѣчала, и они жили мирно.

— Что объявилъ ты дѣтямъ, mon cher? ¹ — спросила татап, уѣвшися на диванъ.

— Да, очень огорчены бѣдняжки — и, усаживаясь опять передъ столомъ, съ котораго Никита, наконецъ, понявши всѣ приказанія, взялъ конверты, бумаги и деньги и скромно вышелъ: «Ну теперь, слава Богу, все кончилъ, остается только самое трудное, уговорить тебя успокоиться и не грустить».

Матап только что хотѣла [20] отвѣчать съ грустнымъ выраженіемъ лица: «Послушай, Alexandre»... онъ перебилъ ее. — «Да, j'ai une prière à vous faire, ² можетъ деньги съ залоговъ получатся нескоро, такъ j'ai ordonné à Никита de s'adresser à vous, ³ пожалуйста, ты дай ему тогда для Совѣта, сколько нужно, изъ Хабаровскихъ денегъ. Dès qu'il recevra l'argent, dont je vous parle, il vous...» ⁴

¹ [мой дорогой?]

² [у меня к тебе просьба,]

³ [я приказал Никите обратиться к тебе,]

⁴ [Как только он получит деньги, о которых я тебе говорю, он тебе....]

— Ахъ пожалуйста перестань, это ей Богу смѣшно, я у тебя всегда беру, не спрашивая, — а ты безпрестанно говоришь о отдавать и взаймы. Развѣ я не знаю, сколько теперь будетъ стоить денегъ ѣхать въ Москву, опредѣлить дѣтей.

Папа имѣлъ дурную привычку перемѣшивать французскія слова, такія слова, которыя онъ очень хорошо могъ сказать по-Русски, съ Русскими, въ особенности, когда онъ говорилъ вѣщи трудныя. (Трудными словами я называю такія, которыя не говорятся тотчасъ, какъ приходятъ въ голову, а которыя знаешь, что долженъ сказать и передъ которыми, чтобы выговорить ихъ, происходитъ внутренняя борьба.)

Бѣдная Матап продолжала: «Мнѣ съ тобою нужно серьезно поговорить, Alexandre». «Нужно серьезно поговорить» всегда говаривала матап, когда ее бывало не слушаетъ отецъ и хочетъ заговорить ее, — закидать словами, когда она обдумала вѣщъ и не хочетъ спорить и разговаривать, и хочетъ ясно высказать свою мысль, но это «серьезно поговорить» она говорила такимъ тономъ, — который значилъ: «хоть разъ выслушай меня». Когда матап хотѣла, и дѣло шло о вѣщи близкой ея сердцу, она говорила такъ ясно, такъ логически и вмѣстѣ такъ женски краснорѣчиво, что невозможно было противустоять ей. Одно только было оружіе противъ ея доводовъ это нѣжность: надо было расчувствовать ее, а она была такъ воспримчива и пылка — такъ сильно любила отца, что это было ему нетрудно, — тутъ-же все [21] забывалось. Настаивать въ другой разъ у ней не достало бы силы. Отецъ безсознательно чувствовалъ свое преимущество и всегда употреблялъ его. —

«Хотя ты уже рѣшилъ и говоришь, что все кончено, выслушай меня пожалуйста въ послѣдній разъ. Я обязана передъ Богомъ думать о судьбѣ моихъ дѣтей. Твои планы насчетъ дѣтей — отдать ихъ въ комерческое училище, послать ихъ за границу, дать имъ капиталъ и сдѣлать ихъ комерціантами большой руки — такъ ли? — мнѣ не по душѣ, я откровенно скажу, я боюсь. Ты хочешь, чтобы они были тѣмъ, чего у насъ въ Россіи нѣтъ. Знаю, знаю, ты будешь мнѣ приводить примѣры молодыхъ людей, которыхъ я много видѣла за границей — тамъ это очень хорошо, и у насъ можетъ быть, но со временемъ только. И сколько можетъ быть имъ неудачъ на этой дорогѣ, неудачъ такихъ, отъ которыхъ имъ нельзя будетъ подняться. Не выдержи курса (матап такъ говорила), напали молодой человекъ, у котораго есть имя въ университетѣ, сколько у него есть дорогъ — военная служба, хозяйство, выборы, но тутъ — все пропало».

— Отчего-же все пропало, chère amie? ¹ Развѣ они не будутъ имѣть капитала, съ которымъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ все можно сдѣлать.

¹ [дорогой друг?]

— Постой, дай мнѣ тебѣ сказать. Ты говоришь: «капиталь». Развѣ онъ есть у нихъ?

— Все равно, что есть: онъ будетъ.

— Полно, Alexandre, меня заставляешь говорить вѣщи, о которыхъ грустно вспоминать. Ты самъ знаешь, что своимъ состояніемъ ты для нихъ располагать не можешь, я знаю, что ты для нихъ все готовъ сдѣлать. Я тоже — ихъ мать, и не могу имъ ничего оставить. Изъ доходовъ, ты говоришь, въ нѣсколько лѣтъ составитя небольшой капиталъ для нихъ, но что это за состояніе для 3 дѣтей, которыя не имѣютъ ни имени [?] ни родных [?]. Притомъ же развѣ можно отвѣчать, что я проживу такъ долго.

— Pourquoi parler de ces choses, chère amie, vous savez les raisons, pourquoi il est impossible de faire autrement.¹

Отецъ прошелся по комнатамъ и сѣлъ [22] опять на кресло. Нѣсколько минутъ они молчали. Маманъ опять продолжала: «Нѣтъ, я не вижу, отчего ты не возьмешь векселей отъ меня. Отецъ опять всталъ и, покраснѣвъ и подергиваясь: «Ne revenons pas sur ce sujet, ma chère. J'ai dit — онъ сдѣлалъ удареніемъ на этомъ словѣ — que c'est une chose, que je ne ferai jamais».²

Маманъ тоже встала и, взявъ его за руку, начала говорить съ сильнымъ жаромъ, что съ ней рѣдко бывало: видно было, что она рѣшилась. Я воображаю, какъ она была хороша въ эту минуту. Какъ покрылось легкой краской ее прекрасное лицо, какъ загорѣлись ее черные умные глаза. (Мими, которая подслушивала и подматривала въ щелку, говорила, что это одинъ разъ только она видѣла, что маманъ высказала все, что у нее было на сердце.)

— Я, 14 лѣтъ живя съ тобой, совершенно счастлива, я не раскаиваюсь въ томъ, что осудили бы другіе люди, потому что это суждено было Богомъ. Ежели бы мнѣ Богъ позволилъ избрать новую жизнь, я только просила бы прожить сначала эти 14 лѣтъ опять также безъ всякой переменъ. Ежели я пожертвовала, какъ говорятъ, для тебя общественнымъ мнѣніемъ, то эта жертва только усиливаетъ мою любовь и благодарность за твою любовь ко мнѣ³ — я жертвы этой не чувствую. Я была совершенно счастлива, говорю я, но участь дѣтей, за которую я боюсь, не знаю почему, тревожить меня. Я на дѣтяхъ ожидаю наказанія за свою любовь, страсть, и это наказаніе будетъ для меня ужасно! Я могла всѣмъ жертвовать для своего счастья, когда на мнѣ не лежала обязанность матери; но теперь я мать! —

Ты говоришь про причины, которыя не позволяютъ тебѣ

¹ [Зачемъ говорить обо всемъ этомъ, дорогой друг; ты знаешь основаніе, почему невозможно поступить иначе.]

² [Дорогая, не будемъ вновь возвращаться къ этому вопросу — я сказал, что я никогда этого не сделаю.]

³ *Написано:* къ тебѣ.

сдѣлать того, о чемъ я прошу тебя. Я знаю, что ты благороденъ, но ты дурно понимаешь [23] благородство. Это эгоистическое дурное чувство, то чувство, которое мѣшаетъ тебѣ взять отъ меня векселя. Ты и я мы должны сдѣлать это, иначе на насъ ляжетъ обвиненіе дѣтей и гнѣвъ Бога. Ты боишься молвы. Напрасно. Судьба дѣтей твоихъ такъ важна, что я бы на твою мѣстѣ забыла бы о молвѣ и о ложныхъ правилахъ чести, я бы всѣмъ прямо сказалъ, что я дѣлаю, и пускай обвиняютъ, не понимаютъ меня. Это дѣло такъ важно, такъ велико, что нельзя, я не понимаю, какъ думать объ осужденіи! —

— Успокойся, мой другъ, я сдѣлаю все, что ты хочешь, какъ ни больно мнѣ это будетъ.

— Сколько разъ просила я тебя просить Государя объ узаконеніи нашихъ дѣтей, или сдѣлать сдѣлку съ Княземъ. Ты не соглашаешься на это. Я знаю отъ чего. Опять отъ того, что ты благороденъ и деликатенъ, но ты не знаешь того чувства матери и того страху сдѣлать несчастіе дѣтей, который заставляетъ меня говорить вѣщи, о которыхъ больно вспоминать, о которыхъ я не думала, но чувствую, и о которыхъ ты никогда не думалъ. Я твоя жена передъ Богомъ, но тебѣ больно сказать передъ всѣми, что связь наша незаконная; ты боишься оскорбить меня, говоря и напоминая объ этомъ. Ты ошибаешься, твое благородство ввело тебя въ ошибку. Мнѣ легче слышать, когда ты говоришь прямо, откровенно обо мнѣ и моей страсти, чѣмъ когда ты говоришь такъ, что я вижу, ты боишься затронуть нѣкоторыя струны, какъ будто они постыдныя. Я давно уже дала себѣ и Богу отчетъ въ своемъ поступкѣ, [24] я ничего не боюсь! Проси Государя узаконить дѣтей, говори прямо обо мнѣ — мнѣ легче будетъ. — Да, Alexandre, теперь только, когда я начинаю предвидѣть участь моихъ дѣтей, я начинаю раскаиваться. —

И Мамап заплакала, ей больно было, что она увлеклась и невольно оскорбила отца. Онъ тоже былъ растроганъ, слезы были у него на глазахъ.

— Какъ можетъ раскаиваться ангелъ, прости меня. Приказывай мнѣ, и я буду исполнять. — Это были только слова. — Но мамап уже перешла отъ настроенности высокаго материнскаго чувства къ исключительному чувству любви къ одному человѣку. Отецъ просилъ простить его, ежели онъ виноватъ; обѣщавъ исполнить все, ежели будетъ возможно; увѣрялъ въ любви, просилъ забыть этотъ тяжелый для него разговоръ. Нарисовалъ ей блестящую картину нашей молодости въ его духѣ, говорилъ, что перемѣнить теперь этаго невозможно, но что, бывши въ Москвѣ, онъ будетъ хлопотать о узаконеніи насъ, возвратившись, возьметъ отъ нее вексель (онъ надѣялся выиграть довольно, чтобы отъ себя дать намъ достаточный капиталъ). Мамап не имѣла, какъ я говорилъ, силы возвратится къ прежнему разговору и ослабѣла подъ припадкомъ нѣжности. Судьба

наша осталась въ рукахъ отца, котораго рѣшеніе зависѣло отъ хорошей или дурной вены два вечера въ клу[бѣ].

Долго еще сидѣли мы наверху, долго бессмысленно [25] смотрѣлъ я въ книгу діалоговъ. Карлъ Иванычъ былъ такъ взвинченъ, что и рѣшительно, кажется, никогда не хотѣлъ кончить несноснаго класса. Онъ безпрестанно сердился, сморкался, бѣгалъ к Н[иколаю] Д. жаловаться на всѣхъ и на все и даже зажмуривалъ глаза, когда мы ему говорили наши уроки, что было всегда признакомъ очень дурнымъ для насъ.

Онъ даже сказалъ, что мы не дѣти, а медвѣди, и что такихъ дѣтей ни въ Саксоніи, гдѣ онъ жилъ у богатаго отца, который былъ арендаторомъ, ни у Енераль-Спазинъ, [у]кого онъ жилъ не такъ, какъ у насъ — не какъ учитель, а какъ другъ, въ доказательство чего онъ приводилъ то, что Генераль ничего не предпринималъ, не посовѣтовавшись съ нимъ. О причинахъ же, которыя заставили его оставить счастливую жизнь въ Саксоніи и у Спазина, онъ умалчивалъ. Впрочемъ, заключилъ онъ, когда совѣсть чиста, то нечего бояться, и что онъ не ожидалъ благодарности никогда и знаетъ очень хорошо, чьи это все штуки (Мими). Онъ желалъ счастья этимъ людямъ, ему же было все равно, и онъ полу-отчаяннымъ полу-грустнымъ жестомъ показывалъ, что онъ многое бы могъ сказать, но не стоитъ того.

Уже было безъ четверти часъ (а въ часъ ровно садились обѣдать). Карлъ Иванычъ не одѣвался, и не по чему рѣшительно нельзя было замѣтить, что онъ скоро намѣренъ кончить. Изъ буфета долеталъ уже до насъ стукъ тарелокъ. Я слышалъ, какъ папа велѣлъ давать одѣваться. Видѣлъ, какъ прошла дворовая женщина мыть тарелки. Слышалъ, какъ въ столовой [26] раздвигали столъ и уставляли стулья. Скоро, скоро позовутъ насъ. Одно только можетъ задержать. Я видѣлъ, какъ послѣ разговору въ кабинетѣ мама, Мими, Любочка и Юзинька пошли въ садъ и не ворочались. Но вотъ, кажется, виднѣются ихъ зонтики. Нѣтъ, это Мими съ дѣвочками. Ахъ! да вонъ и Мама идетъ. Какъ она тихо идетъ и какая грустная, голубушка. Зачѣмъ она не ѣдетъ съ нами? А что, ежели мнѣ сказать папа, что я не за что безъ нее не поѣду, обнять ее и сказать: «Умру, папа, а съ мамой не разлучусь». Вѣдь вѣрно онъ меня оставитъ, и тогда мы съ Мамой и съ Любочкой будемъ всегда, всегда вмѣстѣ жить, я дома, буду учиться, буду писать братьямъ, а потомъ, когда вырасту большой, дамъ Карлу Иванычу домикъ, онъ будетъ жить всегда въ Красномъ, а я поѣду служить и, когда буду генераломъ, женюсь на Юзинькѣ, привезу его родныхъ изъ Саксоніи, или нѣтъ, лучше я ему дамъ денегъ, и пускай онъ ѣдетъ. Много мечталъ я о генеральскомъ чинѣ, о Саксоніи и о любви. Мама, которая за то, что я съ ней останусь и буду генераломъ, будетъ любить больше всѣхъ братьевъ. Какое гадкое эгоистическое чувство! —

Ну сейчасъ позовутъ обѣдать. Вотъ дворецкій Фока съ салфет-

кой на рукѣ идетъ въ садъ искать Матап и докладывать, что кушанье готово. Какой онъ смѣшной [?] всегда въ черномъ суртукѣ, въ бѣломъ жилетѣ и плѣшивый. Какъ это онъ не видитъ матап, она на средней дорожкѣ идетъ, а онъ бѣжитъ къ оранжереѣ. Ну, наконецъ, [27] нашель, чуть чуть не упалъ. А вотъ и насъ идутъ звать. Слава Богу. — Я никакъ не могъ угадать однако, чьи были шаги, которые приближались по лѣстницѣ. Уже не говоря о братьяхъ, я по походкѣ могу узнавать всю прислугу. Мы всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на дверь, въ которой наконецъ показалась совершенно незнакомая намъ фигура. Это былъ человекъ огромнаго роста съ длинными, но рѣдкими, полусѣдыми волосами, съ широкимъ, изрытымъ оспою лицомъ, съ рѣдкой сѣдой бородой, кривой на одинъ глазъ и одѣтый въ платье, между подрясникомъ и кафтаномъ, съ палкой больше своего роста въ рукѣ. — И-ихъ, птички вы мои, птички!! Самка скучаетъ, груститъ, а птички выросли, въ поле летятъ. Не видать ей птенцовъ своихъ, велики, умны стали; а коршунъ ихъ заключетъ, бѣдняжекъ. На могилѣ камень, на сердце свинецъ. Жалко! Охъ больно, — и онъ сталъ плакать, утирая дѣйствительно падавшія слезы рукавомъ подрясника. — Голосъ его былъ грубъ и хриплъ, рѣчь бессмысленна и несвязна, но интонаціи были такъ трогательны, и безобразное лицо его принимало такое откровенно печальное выраженіе, что нельзя было смотрѣть на него и слушать безъ участія. Это былъ юродивой Гриша, который хаживалъ еще къ бабупцѣ (маменькиной матери) въ Петербургѣ и очень любилъ ее, когда она была еще малюткой и, отыскавъ ее здѣсь, пришелъ полюбоваться *птенцами* ея, такъ онъ поэтически называлъ насъ, дѣтей. «А ты дуракъ, вдругъ сказалъ онъ, обращаясь къ Карлу Иванычу, который въ это время одѣвался [28] и надѣвалъ помача, «хоть ты на себя ленты надѣвай, а все ты дуракъ — ты ихъ не любишь». Карлъ Иванычъ былъ въ скверномъ положеніи: сердиться на сумасшедшаго ему было совѣстно, сносить его глупыя слова ему тоже не хотѣлось.

— Das fehlte noch,¹ подите внизъ, я васъ не желаю видѣть, не ваше дѣло, любить ли, не любить. Онъ говаривалъ всегда вы и по Русски, когда сердился, и говорилъ очень дурно. Но я, приводя его рѣчь, не коверкаю словъ, какъ онъ коверкалъ, потому что такого рода коверканье ничего мнѣ не напоминаетъ, кромѣ плоскихъ разсказовъ про Нѣмцевъ, которые безпрестанно всѣ разсказыва[ютъ], и всѣ слушаютъ съ стыдомъ за тѣхъ, кто разсказываетъ. — Наконецъ, давно желанный и пунктуальный Фока пришелъ и къ намъ и объявилъ, что кушанье готово, и мы пошли. Гриша, стуча костылемъ и продолжая говорить разную нелѣпицу, пошелъ за нами. Въ столовой для него былъ накрытъ особой столъ, по его неопрятности, и потому что онъ ѣлъ пост-

¹ [Этого еще не доставало,]

ное — все это по иждивенію тамап. Всѣ уже собрались въ гостиной. Мамап съ папа ходили рука объ руку по гостиной. Мими важно сидѣла на одномъ изъ креселъ симметрично подѣ прямымъ угломъ, примыкавшимъ къ дивану, подлѣ нея съ одной стороны сидела Любочька, которая, какъ только мы взошли, бросилась цѣловаться съ нами, съ другой Юзинька, которой тоже очень хотѣлось вскочить и подбѣжать къ намъ, но это было несогласно съ этикетомъ Мими. Мы должны были подойти сначала къ Мими и сказать «bonjour, Mimi» и потомъ..... нѣтъ, рѣшительно не помню, какъ я здоровался съ Юзой, цѣловалъ или нѣтъ. Не помню. Помню только то, что я при Мими никогда отъ души не говорилъ съ этой чудесной, бѣлокуреннойкой, [29] бѣленькой, чистенькой дѣвочкой Юзой. Несносная Мими безпрестанно приставала, оглядываясь на папа. «Parlez donc Français». ¹ А тутъ-то какъ на зло такъ и хотѣлось болтать по Русски. Какъ ни говори, а родной языкъ всегда останется роднымъ. Когда хочешь говорить по душѣ, ни одного французскаго слова въ голову нейдетъ, а ежели хочешь блеснуть, тогда другое дѣло. Я тогда только выучился говорить хорошо, т. е. говорить какъ на природномъ языкѣ, а то вѣдь прежде только переводилъ Русскія мысли по Французски, когда понялъ, что это считается достоинствомъ хорошо говорить, а не смотрѣлъ на это, какъ на придирку злой Мими, какъ на фразу, которая попортила много дѣтской моей крови: «Mangez donc du pain» ² (за обѣдомъ), «опять хлѣба не ѣшь» и т. п. Отчего дѣвочки раньше лучше говорятъ? Оттого, что у нихъ раньше является тщеславіе. Пошли въ столовую, большіе впереди, такъ что мы, дѣти, оставшіеся сзади, успѣли перекинуть между собою, мальчики и дѣвочки, нѣсколько пріятныхъ словъ, пріятныхъ тѣмъ, что нельзя было ихъ сказать при есѣхъ: «Послѣ обѣда на охоту папа ѣдетъ». — «Васъ берутъ?» — «Да, — верхомъ, а васъ?» — «Не знаю. Попроси мамашу». — «Нельзя», «Постараемся».

За обѣдомъ между папа и тамап завязался очень интересной разговоръ насчетъ юродиваго Гриши, который изъ-за своего столика продолжалъ твердить: «Птички отъ матки летятъ, matka плачетъ, не видать ей больше птенцовъ. Лети голубь въ небо! На могилѣ камень, на сердце свинецъ» и т. д., прерывая свои слова всхлипываніями и рыданіями, которые, очень понятно, усиливали разстройство нервовъ тамап, которая уважала въ душѣ Гришу, да и вообще имѣла слабость къ странникамъ, юродивымъ [30] и, хотя не признавалась, вѣрила въ способность предсказывать нѣкоторыхъ. «Ахъ, да, я хотѣла пожаловаться тебѣ, Alexandre», сказала она, подавая ему тарелку съ супомъ (она сама разливала), «на твоего охотника... Ахъ,

¹ [Говорите же по-французски.]

² [Ешьте же хлеб]

Боже мой, какъ его зовутъ?... помнишь, про котораго я всегда говорила, что онъ страшный».

— «Прохора?»

— Да.

— «Что онъ сдѣлалъ? Ты такъ рѣдко бываешь недовольна людьми, что я знаю всѣ случаи, въ которые можетъ случиться, что ты жалуешься. Первое — или онъ подошелъ разговаривать къ дѣтямъ. Ты этаго не любишь, а они безъ памяти рады и горды съ охотникомъ говорить. Не правда ли, дѣти?» Мы улыбались. «Или жена его приходила жаловаться, или онъ при тебѣ ударилъ больно собаку. — Вотъ три главные случая. Не правда ли?» Матап съ улыбкой, которая употребляется тогда, когда смѣются надъ вашими добрыми качествами, отвѣчала, что нѣтъ, и рассказала отцу съ большимъ прискорбіемъ какъ бѣднаго Гришу чуть не съѣли собаки, когда онъ проходилъ по дворнѣ, и рѣшительно, ежели бы не его большая палка, его такъ таки и загрызли собаки. А все виноватъ этотъ злой Прохоръ, который нарочно притравливалъ ихъ. Гриша подтверждалъ эту рѣчь указаніями на изорванные полы подрясника и твердилъ отцу, «ты его больно не бей, онъ дуракъ, а то и совсѣмъ не бей, грѣхъ. Богъ проститъ. Дни не такіе». — Разговоръ начался слѣдующій и по Французски.

Папа. Я откровенно тебѣ говорю всегда и буду говорить, что я вообще этихъ Господъ не люблю. Ты можешь любить ихъ и вѣрить имъ, а по моему всѣ или большая часть лентяи, лицѣмеры, корыстолюбивы и, главное, никого не любятъ и никакой благодарности ни къ кому и ни за что. Что меня больше всего сердитъ, это ихъ смѣлость и самонадѣянность, которыя [31] они скрываютъ подъ личиной простоты и грубости. Всѣ они плуты.

Матап. Да почему это такъ думаешь? есть исключенія...

Папа. «Почему? Напримѣръ, сейчасъ, какъ онъ говорилъ ловко, просилъ меня, чтобы я не наказывалъ и не билъ бы больно, какъ онъ говорить, Прохора, какъ будто уже я намѣренъ былъ его наказывать. Я въ этомъ вижу только дерзкую хитрость — выставить себя добренькимъ. Другіе могутъ видѣть въ этомъ Христіанское милосердіе. Отчего въ этихъ людяхъ никогда не найдешь откровенности? Ни одинъ не расскажетъ тебѣ всей своей жизни, а они очень ловко умѣютъ какъ будто скрывать того, чего нѣтъ. — Напримѣръ М. П. (странница, которая жила у насъ) своими недоконченными фразами, намеками умѣла всѣхъ увѣрить, что она несчастный отростокъ очень знатнаго рода, тогда какъ онъ просто крестьянка и бывшая любовница какого-то Твер[ского] помѣщика. Они даже какъ будто не хотятъ показывать свой умъ и образованіе, которыхъ и нѣтъ, умѣютъ увѣрить, что они и умны и образованны. Хотя я и не стану ихъ травить собаками и побраню Прохора, но ей Богу они того стоятъ. (Папа ужасно разгорячился.) Матап

съ улыбкой попросила его передать горчицу. (Онъ взялъ ее въ руку и, не подавая ее маман, которая протянула уже руку, съ этимъ орудіемъ въ рукѣ продолжалъ.)

— Нѣтъ, меня сердить, когда я вижу, что люди умные вдаются имъ въ обманъ. Всѣ они имѣютъ претензію предсказывать, мелютъ вздоръ и такъ много, что съ добрымъ желаніемъ можно разобратъ во всей этой галиматьѣ что-нибудь и похожее на предсказаніе.

Маман, видно, не хотѣлось спорить какъ о предмѣтѣ, о которомъ [она имѣла] свое особенное твердое мнѣніе, и она съ улыбкой продолжала [32] просить горчицы, но папа и слышать не хотѣлъ. «Нѣтъ, сказалъ онъ, опять отодвигая руку съ горчицей. Нѣтъ, они только на то хороши, чтобы своими глупыми вздохами еще больше разстраивать женщинъ и безъ того съ слабыми нервами. Прекрасно дѣлаютъ, что полиція взялась за этихъ пророковъ — ихъ надо учить». Онъ наконецъ подалъ горчицу и замолчалъ, но маман не вытерпѣла. Она была совсѣмъ другого объ этомъ мнѣніи.

— Послушай, Alexandre, это люди, которыхъ клеветать грѣхъ. Эти люди всѣ преданы Богу и несчастны или по крайней мѣре выдаютъ себя за такихъ, какъ ты говоришь. Не спорю, во всемъ есть злоупотребленія. — Но ежели имъ дѣлаешь добро съ участиемъ, добро, которое намъ ничего не стоитъ, то зато они за насъ молятъ Бога, и пускай 9 изъ 10 обманщики, одного святаго челоуѣка молитва за насъ и то много можетъ искупить наши наказанія. Ты мнѣ говоришь примѣръ М. П. Что мнѣ за дѣло, что они были прежде, и всегда ли ихъ жизнь была такъ чиста, какою кажется теперь. Повѣрь, это званіе хородиваго не такъ привлекательно и выгодно, чтобы изъ честолюбія или денегъ челоуѣкъ бы рѣшилъ всю жизнь посвятить себя этой тяжелой жизни. Есть 3 причины, которыя могутъ заставлятъ ихъ выбрать эту карьеру: раскаяніе, несчастіе и призваніе, всѣ причины прекрасныя. Въ призваніе нельзя не вѣрить. Сколько есть изъ нихъ, которые съ дѣтства, сами не зная почему, выбрали эту тяжелую жизнь. Согласись тоже, что они просто жалки, какъ люди. Какъ не желать, сколько можешь, облегчить участь такихъ людей, которые вотъ какъ Гриша, 20 лѣтъ скитаются [33] безъ пристанища, питаются самой суровой пищею, зиму и лѣто въ одномъ этомъ подрясникѣ. И, сверхъ того, на немъ, сказала она, указавъ на Гришу, закованы вериги въ 1¹/₂ пуда. Я еще маленькая подслушала ночью, какъ онъ молился, и видѣла эти вериги, которыя и теперь на немъ. Другіе зимой ходятъ босикомъ въ трескучіе морозы, и мало ли есть такихъ добровольныхъ мучениковъ. Меня всегда они интересовали и интересуютъ. Хотя, правда, подъ этимъ видомъ есть обманщики, но я, слава Богу, никогда такихъ не встрѣчала.

Ты смѣешься надъ предсказаніями, но я сама видѣла примѣры

удивительные этаго вдохновенія, не дальше какъ на моемъ покойномъ отцѣ, которому странникъ Кирюша, день въ день, часъ въ часъ предсказалъ его смерть. Да не только его смерть, но и всю жизнь матушки. Я тебѣ рассказывала это?

— Да, я знаю. Но это ничего не доказываетъ, случай, — отвѣчала Папа.

— Какъ не вѣрить въ предсказанія, когда всѣ и всегда вѣрили въ это. Невольное чувство заставляетъ человѣка желать узнать будущее, и должна быть возможность удовлетворить этому чувству. Я сколько не слышала про Колліостро, про M-le Nogrand, которую сама видѣла въ Парижѣ, я не могу вѣрить въ силу этихъ предсказаній, но что есть этотъ даръ у этихъ людей, у юродивыхъ, сумасшедшихъ, которыхъ ты презираешь, это я очень не то что понимаю, а чувствую. Человѣкъ, который безпрестанно убиваетъ не только всѣ свои страсти, но даже простыя желанія, который весь преданъ Богу и изгоняетъ изъ души всѣ помышленія, которыя не достойны Его, который не думаетъ о тѣхъ мелочахъ жизни, которыя поглощаютъ наше существованіе, такъ очищаетъ свою душу и возвышаетъ, что въ ней [34] открывается съ ясностью этотъ даръ предвидѣнія, который мы всѣ имѣемъ, но не можемъ употреблять, потому что мы безпрестанно заняты чѣмъ-нибудь плотскимъ, что мѣшаетъ этой способности выразиться. Одинъ юродивой, который точно предсказывалъ, мнѣ рассказывалъ, что онъ никогда не могъ отвѣчать на вопросы, которые ему дѣлали, но что, когда онъ смотрѣлъ пристально на какое-нибудь лицо, ему вдругъ приходили слова, которыя онъ понималъ только тогда, когда самъ слышалъ ихъ, и онъ говорилъ, самъ не зная что и почему.

Мапап много спорила въ этомъ духѣ съ отцомъ, но онъ не поддался и окончилъ споръ какой-то шуточкой и принялся дѣлать салатъ. Разговоръ этотъ сначала занялъ меня. Я слушалъ и понималъ, но потомъ, замѣчая, что обѣдъ клонится къ концу, я пересталъ слушать, тѣмъ болѣе, что Юза безпрестанно мигала мнѣ, указывая на Мапап и Мими, что значило, что обѣдъ кончится, а такого удобнаго времени, чтобы всѣ были вмѣстѣ, нескоро найдешь, чтобы просить дѣвочекъ на охоту. —

Я толкнулъ Володю, и онъ рѣшился. — Всегда какъ кажется страшно просить, даже черезъ другого, не знаешь, на какой половинкѣ стула сидѣть, а какъ попросишь, и позволять, кажется, отчего давно не просилъ этого, а не позволять, но, ежели уже началъ, какая смѣлость и откуда возьмется, даже рѣшаешься спорить и доказывать, что можно и нужно позволить. Я въ этомъ отношеніи остался до сихъ поръ ребенкомъ. Да что я говорю «въ этомъ отношеніи», во всѣхъ отношеніяхъ слабости остались тѣ же, разница только въ томъ, что выказываются они [35] на другихъ желаніяхъ. — Во время пирожнаго былъ позванъ Никита, и отданы приказанія на счетъ собакъ, линейки для мапап съ дѣвочками и на счетъ верховыхъ лошадей для насъ, все съ вели-

чайшей подробностью, называя каждую лошадь по имени. Для Володи не было лошади его обыкновенной, и Папа велѣлъ осѣдлать охотничью. Но это слово «охотничья лошадь» какъ то особенно звучало въ ухахъ тамап, ей казалось, что охотничья лошадь должна непременно быть звѣремъ и бѣшено понести и убить Володю. Такъ, не смотря на увѣщаніи Папа и Володи, который съ удивительнымъ молодечествомъ говорилъ, что это ничего, и что онъ любитъ, когда лошадь несетъ, бѣдняжка тамап продолжала говорить, что она все гулянье не будетъ покойна. Наконецъ, обѣдъ кончился, большіе пошли пить кофей въ кабинетъ Папа, а мы, дѣти, побѣжали шаркать ногами по дорожкамъ, покрытымъ упавшими листьями, въ садъ. Тамъ начались разговоры о томъ, какъ стыдно, Васинька боится верхомъ ѣздить, какъ стыдно, что Любочка старше и тише бѣгаетъ, чѣмъ Юза, о томъ, что дѣлали и говорили большіе за столомъ, и какъ бы интересно посмотрѣть вериги Гриши, и какъ онъ молится. Ежели онъ рано уйдетъ спать на мужской верхъ, то рѣшено было передъ ужиномъ идти смотрѣть. Долго толковали мы и были только оторваны отъ этихъ занятій стукомъ подѣвжавшей линейки, на которой у всякой рессоры сидѣло по дворовому мальчику, крикомъ охотниковъ на собакъ, ихъ отрывистымъ взвизгиваньемъ и чудеснымъ видомъ кучера Парфена, который ѣхалъ на назначенной Володѣ лошади и велъ въ поводу нашихъ. Всѣ бросились къ забору, отъ котораго видны были всѣ эти прелести, [36] а оттуда одѣваться на верхъ и одѣваться такъ, чтобы, какъ можно болѣе, походить на охотниковъ. Одно изъ главныхъ къ этому средствъ было всучиваніе панталонъ въ сапоги, за что мы и принялись съ большимъ нетерпѣніемъ кончить и бѣжать наслаждаться у крыльца видомъ собакъ, запахомъ лошадей и разговоромъ съ охотниками.

За что охота съ собаками это изящное, завлекательное и невинное занятіе находится въ презрѣніи и посрамленіи какъ у городскихъ, такъ и у деревенскихъ жителей? — «Собакъ гонять», «зайцевъ гонять». — Да что же тутъ дурнаго? Кому это приноситъ вредъ? — Раззоряются, убиваются, портятъ людей. Все неправда. Охота стоитъ совсѣмъ не дорого и, ежели бы тѣ помѣщики, которые имѣютъ охоту, во все время, которое она продолжается, ѣздили бы жить въ столицы, чтобы не умереть отъ скуки, они прожили бы въ трое болѣе. — Хорошіе охотники никогда не скачутъ, какъ безумные, и не убиваются. На счетъ людей примѣръ наши люди — лучшіе люди во всѣхъ отношеніяхъ были охотники. На охотѣ, какъ и въ походахъ, люди формируются. А что же и хорошаго то въ охотѣ? А вотъ что.

День былъ жаркой, бѣлыя тучки съ утра показались на горизонтѣ, потомъ все ближе и ближе сталъ сгонять ихъ маленькой вѣтерокъ, кое-гдѣ видна была и черная тучка или сторона тучки. Около полдня безпрестанно закрывалось и опять открывалось солнце, и пахнетъ въ это время посвѣжее вѣтерокъ.

Славно. Къ вечеру сколько не ходили по небу тучи, не суждено видно имъ было собраться въ грозовую тучу и помѣшать въ послѣдній разъ нашему [37] удовольствію. Они, помучавъ насъ немного, опять стали разходиться. Одна только на востокѣ была большая длинная туча, другіе же на самомъ верху превратились въ бѣлую чешую, другіе подлиннѣли, побѣлѣли и всѣ бѣжали на горизонтъ.—

Дождя нечего было бояться. Даже Карлъ Иванычъ, который всегда зналъ, куда какая туча пойдетъ, объявилъ, что будетъ погода хорошая. Фока сбѣжалъ очень ловко и скоро, несмотря на преклонныя лѣта, крикнулъ «подавай» и сталъ твердо по серединѣ подѣзда, между тѣмъ мѣстомъ, куда долженъ былъ кучеръ Иванъ подкатить линѣйку, и порогомъ, въ позиціи человѣка, которому не нужно напоминать о его обязанности подсаживать. Барыни сошли и послѣ большего пренія о томъ, кому на какой сторонѣ сидѣть и за кого держаться, раскрыли зонтики и отправились. (Линѣйкѣ нуженъ былъ объѣздъ, а охота пойдетъ прямо.) Мы въ страшномъ нетерпѣніи попрыгали на лошадей и съ помощью хлыстовъ дѣлали по двору разныя эволюціи, объѣзжая лѣжащихъ по двору собакъ, чтобы избѣгнуть всегдашняго выговора охотниковъ: «Собаку, сударь, не извольте раздавить». — Володя влѣзъ на *охотничью* лошадь, несмотря на твердость своего характера, не безъ нѣкотораго содраганія. На лошади же онъ былъ очень хорошо: точно большой! Особенно обтянутые ляжки его лежали на сѣдлѣ такъ хорошо, что мнѣ было завидно, особенно завидно потому, что я на своемъ стриженномъ клеперѣ, сколько я могъ судить по тѣни, далеко не имѣлъ такого прекраснаго вида. Вотъ слышались на лѣстницѣ шаги папа. Выжлятникъ подогналъ отрыскавшихъ гончихъ. Борзятники подозвали своихъ и стали садиться. Стремянный подвелъ лошадь къ крыльцу. Собаки своры папа, [38] которыя прежде лежали и стояли въ разныхъ живописныхъ позахъ около его лошади, бросились къ нему. — Онъ вышелъ на крыльцо, за нимъ въ бисерномъ ошейникѣ весело выбѣжала Милка, которая, выходя, всегда здоровалась со всѣми собаками: на нѣкоторыхъ порычала, съ другими поиграла. Она точно барыня была передъ другими собаками.

— Какъ ты думаешь, Турокъ, спросилъ папа, садясь на лошадь, у доѣзжачаго — куда намъ нынче ѣхать?

Папа всякой разъ дѣлалъ этотъ вопросъ, отправляясь на охоту, и всякой разъ, какъ и теперь, получалъ тотъ же отвѣтъ: «Куда вамъ будетъ угодно». — «Нѣтъ, да ты какъ ты думаешь? Ежели намъ въ дубки ѣхать, такъ съ одной стороны тамъ еще хлѣбъ не снятъ, а за то ужъ вѣрно тамъ найдемъ. Въ Калиновомъ же Богъ знаетъ, будетъ ли чтонибудь».

— Въ Калиновымъ то оно такъ-съ, да вчера вечер[омъ] тамъ Ермолай лисицу видѣлъ, какъ въ лѣсъ за дровами ходилъ, говорить, матерая, какъ волкъ точно.

— Ну так поѣдемъ въ Калиновой, а оттуда дуброву и эти мелочи захватимъ.

— Какъ вамъ будетъ угодно-съ.

Рѣшено было въ Калиновой, и мы поѣхали. — Турокъ открывалъ шествіе, за нимъ пестрымъ кружкомъ бѣжали сомкнутыя гончія. Жалко было смотрѣть, какая участь постигала ту неосторожную, которой вздумывалось отстать: ей надо было за шею перетянуть свою подругу и, сверхъ того, одинъ изъ выжлятниковъ, исполняя свою обязанность, не пропускалъ этаго случая, чтобы ударить ее арапникомъ, крикнувъ «въ кучку».

Разровнялись. По сторонамъ ѣхали борзятники на славныхъ низовыхъ горбоносыхъ, съ хорошимъ ходомъ лошадахъ, — всѣ красивые люди, со всѣми охотничьими доспѣхами. Рѣдко можно [39] видѣть красивѣе группу, составленную изъ человѣка и животныхъ, какъ охотника на лошади, за которой рыщутъ борзые собаки, особенно, когда онъ имъ бросаетъ прикормку. Очень красиво!

Подѣхавъ къ Калиновому, мы нашли линейку уже тамъ и, сверхъ всякаго ожиданія, еще тележку въ одну лошадь, на серединѣ которой сидѣлъ буфетчикъ и держалъ что-то въ салфеткѣ между ногъ; съ одной стороны торчалъ самоваръ, и еще были кое какія привлекательные узелки. Нельзя было ошибиться — это былъ сюрпризъ: чай на чистомъ воздухѣ, мороженое и фрукты. Радость наша была неописанная. — Чай въ чайной не доставлялъ никакого удовольствія; изъ буфета — очень малое; на балконѣ было очень пріятно, но на воздухѣ, тамъ, гдѣ никогда не пьютъ чай, гдѣ-нибудь подъ березой, это было верхъ наслажденія. — Турокъ слѣзъ съ лошади и, выслушавъ подробное наставленіе съ величайшимъ вниманіемъ, какъ ровняться и куда выходить, наставленіе, которое, впрочемъ, ему было совсѣмъ не нужно — онъ всегда дѣлалъ по-своему — разомкнулъ собакъ, сѣлъ опять на лошадь и, потихоньку посвистывая, скрылся за молодыми березками. — Разомкнутые гончіе прежде всего выразили маханьями хвостовъ свое удовольствіе, потомъ встряхнулись, сдѣлали все это и еще больше того около, неизвѣстно почему избранныхъ ими, кустиковъ, что дѣлаютъ солдаты, когда имъ говорятъ «оправься», и принялись серьезно за дѣло. Намъ дали по собакѣ, которую мы должны были держать на платкѣ, слѣзли съ лошади и разослали по разнымъ мѣстамъ. Меня послали довольно далеко. Я бросился опротивею туда. То собака меня тащила, то упиралась, я торопился и дикимъ голосомъ кричалъ у... у... наконецъ, запыхавшись, добѣжалъ и усѣлся въ травѣ. Настала минута ожиданья. — Разумѣется, воображеніе мое ушло далеко впередъ дѣйствительности. Уже я пятаго зайца самъ затравливалъ и даже одну лисицу, какъ отозвалась одна гончая. [40] Тутъ рѣшительно я пришелъ въ неописанное волненіе. Глаза выкатились у меня изъ лбу, потъ катился градомъ, и капли его,

хотя и щекотали меня, сбѣгая по подбородку, я не вытиралъ ихъ, я не переводилъ дыханія и съ безмысленной улыбкой смотрѣлъ то на лѣсъ, то на собаку. Мнѣ казалось, что рѣшается моя участь, и что минуты рѣшительнѣе этой въ жизни быть не можетъ. Но положеніе это было слишкомъ неестественно, оно не могло продолжаться. Гончіе все гоняли; зайца не было, я сталъ смотрѣть по сторонамъ. Подлѣ самаго меня муравей тащилъ огромную соломину и, хотя она цѣплялась безпре- станно, онъ продолжалъ тащить, поворачиваясь съ боку на бокъ. Его постоянство и сила обратили мое особое вниманіе, тутъ же на бѣду мою прилѣтела бабочка. Въ ней ничего не было особеннаго, — желтая съ бѣ[лымъ] — но она такъ ми[ло] покру- жилась надъ длинн[ымъ] бѣлымъ цвѣточк[омъ], потомъ усѣлась и только изрѣдка взмахивала желтыми крылышками, наконецъ совсѣмъ замерла. Видно было, что ей пріятно, очень пріятно: солнушко ее пригрѣло. Въ это время Жиранъ рванулся. Не знаю, что сдѣлалось съ бабочкой, я оглянулся и увидѣлъ.... на опушкѣ, одно ухо приложилъ, другое поднялъ, перепрыгиваетъ заяцъ. Всѣ мои планы *выдержатъ* исчезли, я спустил собаку и закри- чалъ голосомъ, неистовое выраженіе котораго нельзя передать.

— Только что я сдѣлалъ это, въ ту же минуту я сталъ рас- каиваться. Заяцъ присѣлъ, сдѣлалъ прыжокъ, и ужъ больше я его не видалъ. — Но каковъ былъ мой стыдъ, когда за гон- чими, которыхъ въ голосъ вывели на опушку, выѣхалъ Турокъ. Онъ видѣлъ мое приключеніе и только сказалъ: «Ахъ, баринъ». Мнѣ бы было легче, ежели бы онъ мнѣ отрѣзалъ ноги, какъ зайцу, и повѣсилъ бы меня на сѣдло, чѣмъ выслушать только эти два слова. Но какъ они были сказаны.

(У меня есть тетушка, довольно дальняя, но я привыкъ ее звать тетушкой. У этой тетушки есть [41] братъ, у брата есть охота. Тетушка особа весьма степенная, пожилыхъ лѣтъ, у нее свой домъ, своя воспитанница, и кругъ ее знакомыхъ состоитъ изъ лицъ самыхъ почетныхъ въ Губерніи. Всѣ Архирей, которые были въ продолженіе 20 лѣтъ, что она живетъ въ го- родѣ, бывали у нее, и она пользовалась расположеніемъ Пре- освѣщенныхъ. Однимъ словомъ, тетушка особа. Уѣзжая изъ деревни брата своего, куда она приѣзжала на короткое время, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, братъ ея предложилъ ей проводить ее вер- хомъ нѣсколько верстъ. (Была пороша, самый Михайловъ день 8 ноября.) Только что выѣхали за околицу, братецъ ея замѣтилъ маликъ, который пошелъ къ гумнамъ. Онъ поѣхалъ доѣзжать, рассчитывая догнать сестрицу. Заяцъ вскопиль, охот- ники стали травить. Заяцъ покосилъ на дорогу. Около дороги были сугробы. Собаки проваливались, русакъ оттянулъ, вы- брался на дорожку и былъ таковъ. — Надо замѣтить, что это дѣло происходило возлѣ самаго возка тетушки. Но каково положеніе братца, когда онъ увидалъ слѣдующую картину. Тетушка, подобравъ салопа, была по колѣно въ снѣгу. Старый

лакей не могъ догнать ее, она падала отъ усталости. Ноги ее въ бѣлыхъ мохнатыхъ сапогахъ отказывались двигаться. Кучеръ смотрѣлъ на нее въ тупомъ изумленіи, но, что хуже всего, тетушка въ эту минуту (послѣ она раскаивалась) не чувствовала всей непристойности своего положенія, а продолжала твердить: «Что жь, братецъ, я бы рада, но силъ нѣтъ. Ушелъ?» спрашивала она. —

Второй случай. Въ нашемъ Губернскомъ городѣ жилъ купецъ Подъемщиковъ. Онъ всегда велъ дѣла съ отцомъ, и отецъ любилъ его за честность и акуратность. Объ охотѣ же онъ отзывался всегда съ презрѣніемъ. Уговорилъ его разъ отецъ [42] ѣхать на охоту. Послѣ нѣкоторыхъ безуспѣшныхъ отговорокъ онъ влѣзъ въ длиннополую купеческомъ кафтанѣ и [съ] сѣдьюной бородкой на охотничью лошадь и ѣздилъ все поле съ нами. Поле было неудачно. Ироническая и презрительная полуулыбка не сходила съ его лица. Пришлось, наконецъ, у самыхъ ногъ его лошади затравить бѣляка. (Травля бѣляка красивѣе травли русачей, хотя и не такъ [1 неразобр.] бѣлякъ безпрестанно увиливается). Я слѣдилъ за нимъ во время всей травли, желая знать, какое на него произведетъ впечатлѣніе. Онъ скакалъ какъ сумашедшій. Я безпрестанно ждалъ, что или упадетъ лошадь, или онъ раздавитъ собакъ. Самъ же онъ едва сидѣлъ на седлѣ. Упавъ на переднюю луку, онъ помиралъ со смѣху. Когда затравили бѣляка, онъ не слѣзъ, а свалился съ лошади и, упавъ на землю, продолжалъ смѣяться, такъ что уже не слышно было звуковъ, а по конвульсіямъ можно было заключить, что онъ смѣется. Насилу серьезные лица охотниковъ его успокоили.)

Долго стоялъ я въ нѣмомъ отчаяніи на томъ же мѣс[тѣ], не звалъ даже собаки и только твердилъ съ самыми выразительными жестами: «Ахъ, какая досада». Я слышалъ, какъ погнали дальше гончіе, какъ заотукали на другой сторонѣ лѣса, какъ отбили зайца, и какъ вызывалъ доѣзжачій собакъ, но я все не трогался съ мѣста.

Охота кончилась. На коврѣ, въ тѣни, сидѣли всѣ кружкомъ. Буфетчикъ Василій стоялъ на колѣняхъ и изъ коробки вынималъ завернутыя въ листья груши и персики. Такъ было жарко и хотѣлось ѣсть, что, кажется, проглотилъ бы весь коробокъ съ Василюемъ, а надо было дожидаться, пока Василій выложитъ все на тарелки, разставить эти тарелки симметрично на коврѣ, и когда послѣ большихъ раздадутъ намъ по одной штучкѣ. Какъ ни долго ждали, мы [43] этаго, однако дождались и тотчасъ побѣжали устраивать бѣседочку. Любочка нашла необыкновенной величины зеленого червяка. Всѣ мы припали, головами вмѣстѣ, къ листочку, на которомъ сорвала его она и съ ужасомъ бросила на землю. Юза рѣшилась поднять его, подставивъ ему сухую травку на дорогѣ, и, чтобы ловчѣе сдѣлать это, она сдѣлала движеніе плечомъ, за которое всегда сердилась

Мими говоря, que c'est un geste de femme de chambre.¹ Платье съ открытой шейей спускается ниже плеча, и, подымая и потомъ опуская какъ то плечо, я часто видалъ, что дѣвочки опять приводятъ платье на настоящее мѣсто. Юза, стоя на колѣнахъ и нагнувшись надъ червякомъ, сдѣлала это самое движеніе. Я смотрѣлъ ей черезъ плечо. Въ это самое время вѣтеръ поднялъ косыночку съ ея бѣленькой, какъ снѣгъ, шеи. Я посмотрѣлъ на это голое плечико, которое было отъ моихъ губъ на вершокъ и припалъ къ нему губами такъ сильно и долго, что, ежелибы Юза не отстранилась, я никогда бы не пересталъ. Юза покраснѣла и ничего не сказала. Володя презрительно сказалъ: «что за нѣжности» и продолжалъ заниматься пресмыкающимся. У меня были слезы на глазахъ. Это было первое проявленіе сладострастія.

Охота и гулянье больше ничѣмъ не были замѣчательны. Нѣчто тѣмъ, что тутъ тамап, найдя удобную веселую минуту, упросила папа отложить разставаніе до завтрашняго утра, послѣ ранняго завтрака. —

Назадъ мы поѣхали другимъ порядкомъ: не съ охотой, а съ линейкой. Мы одинъ передъ другимъ гарцовали около линѣйки. Я по тѣни казался довольно удовлетворительнымъ, но меня приводило въ смущеніе другое обстоятельство. Я хотѣлъ прельстить всѣхъ сидѣвшихъ въ линѣйкѣ своей ѣздой, пролетѣвъ мимо нихъ. Я сзади начиналъ хлыстомъ разгонять лошадь, поровнявшись съ линѣйкой, принималъ самое непринужденное и граціозное положеніе, поводя правой [44] рукой по поводьямъ отъ лѣвой руки до конца, какъ вдругъ, поровнявшись съ упряжными лошадьми, моя лошадь, несмотря на все мое старанье, останавливалась. И это нѣсколько разъ. Ужасно досадно. —

Приѣхали домой, пили чай, играли. Явился Гриша. Наконецъ, усѣлись всѣ съ тамап, чтобы провести послѣдній вечеръ съ ней — это была мысль старшаго, Володи. — Папа не было, его голосъ слышенъ былъ изъ кабинета — онъ занимался съ Никитой. Гриша продолжалъ говорить притчами. Очень легко было перевести его слова такъ, что онъ предсказывалъ тамап смерть и то, что она съ нами больше не увидится. Онъ плакалъ въ нашемъ домѣ. Это одно, по мнѣнію принимавшихъ его за пророка, значило, что нашему дому предстоитъ несчастіе. Онъ всталъ и сталъ прощаться. Мы переглянулись и вышли потихоньку, но только-что нашихъ шаговъ не могло быть слышно, мы опрометью бросились на верхъ и засѣли въ темный чуланъ, изъ котораго видно намъ будетъ, какъ будетъ молиться Гриша. Никто изъ насъ другъ другу не признавался, но всѣмъ намъ было страшно въ темнотѣ, и мы всѣ жалались другъ къ другу. Гриша съ своей палкой и свѣчкой въ рукѣ взошелъ въ комнату. Мы не переводили дыханія. Гриша безпрестанно твердилъ

¹ [что это жест горничной.]

«Господи, помилуй» и «Господи, Исусе Христе» и «Мати, Пресвятая Богородица» съ разными интонаціями и выговаривая эти слова такъ, какъ говорятъ тѣ, которые ихъ часто произносятъ. — Онъ съ молитвой поставилъ свой посохъ въ уголь, осмотрѣлъ постель и сталъ раздѣваться. Снялъ изорванный нанковый подрясникъ, сложилъ его, снялъ сапоги, подвертки, все это тщательно и медленно. Выраженіе лица его было совсѣмъ другое, чѣмъ обыкновенно. Въмѣсто всегдашняго выраженія торопливости, безпокойства и тупоумія, въ эту минуту онъ былъ спокоенъ, важенъ и умно задумчивъ. Оставшись въ одномъ бѣльѣ, которое совсѣмъ не было бѣло, онъ сѣлъ на кровать видно съ усиліемъ, потому что онъ въ это время ¹ [45] сморщился, оторвалъ подъ рубашкой отъ тѣла вериги. Они брякнули. — Посидѣвъ немного, онъ всталъ съ молитвой, поднялъ свѣчку въ урвень съ кивотомъ, въ которомъ стояли нѣсколько иконъ, перекрестился на нихъ и повернулъ свѣчку огнемъ внизъ. Она съ трескомъ потухла. Прямо въ оба окошка, обращенныя на лѣсъ, ударяла полная луна. Длинная бѣлая фигура юродиваго съ одной стороны была освѣщена лучами мѣсяца, съ другой длинною тѣнью падала по полу, стѣнѣ и доставала до потолка. Онъ стоялъ сложивъ руки на груди, опустивъ голову и безпрестанно прерывисто вздыхая. Наконецъ, онъ съ трудомъ опустился на колѣни и началъ молиться, сначала тихо ударяя только на нѣкоторые слова, потомъ, видно было, что онъ все болѣе и болѣе воодушевлялся, онъ пересталъ уже твердить молитвы извѣстныя, которыхъ онъ много прочелъ, онъ говорилъ свои слова простыя, даже нескладныя, хотя онъ старался выражаться по славянски, чтобы было похоже на молитву. Онъ молился о себѣ, чтобы Богъ простилъ его, молился о матери, о насъ, твердилъ: «Боже, прости врагамъ моимъ», безпрестанно крехтя, припадалъ къ землѣ лбомъ, билъ о полу и опять подымался, несмотря на вериги, которыя издавали звуки желѣза. Долго, долго находился онъ въ этомъ положеніи религіознаго экстаза, импровизируя молитвы, и слова его были грубы, но трогательны. То твердилъ онъ: «Господи, помилуй меня» нѣсколько разъ сряду и всякой разъ съ большимъ и большимъ воодушевленіемъ. Онъ говорилъ: «Прости меня», «Научи мя, что творить» съ такимъ выраженіемъ, какъ будто онъ говорилъ съ кѣмъ нибудь. Его вѣра была такъ сильна, что онъ чувствовалъ, что Богъ слышитъ его молитву. Любовь его была такъ сильна и тепла, что онъ безсознательно настроивалъ голосъ на самое жалостливое выраженіе, какъ будто Богъ слушалъ его слова. Раскаяніе, преданность Волѣ Божіей и сознаніе своего ничтожества такъ ² [46] сильны, что онъ замолкалъ, не зная, что говорить и лежалъ, приложивъ лобъ къ землѣ, только

¹ По написанному на стр. 44 рукописи наискось написаны слова: Заянія въ каб. Запахъ. Матап играетъ. Л-а вяжетъ рагульку.

² Поперек текста на стр. 45 рукописи написано: Предскав.

изрѣдко вздыхая. — Описывая впечатлѣнія, которыя произвела на меня въ дѣтствѣ молитва Гриши, когда все хорошее сильно отзывается въ еще неиспорченной душѣ нашей, мнѣ пришли на мысль нѣкоторые несправедливые понятія, которые я и самъ раздѣлялъ когда-то, о бесполезности наружныхъ знаковъ благоговѣнія при молитвѣ. Большая часть людей нынѣшняго вѣка, исключая тѣхъ, которые вамъ скажутъ откровенно, (а это я цѣню), что они ни во что не вѣрятъ, состоитъ изъ людей, которые вамъ отвѣтуютъ, ежели вы ихъ спросите, молятся ли они, что они не полагаютъ молитву въ томъ, чтобы въ извѣстные часы становиться въ позицію передъ дурно намалеванной доской и читать заученныя слова, но что они молятся всегда и вездѣ, гдѣ придутъ къ нимъ мысли благоговѣнія. — Не вѣрьте имъ, это люди, которые не имѣютъ ничего святаго, и эти мысли благоговѣнія никогда имъ не приходятъ. Говорятъ они, что ихъ возбуждаетъ къ молитвѣ величіе природы. Ежели бы это было такъ, то они всегда бы должны молиться, потому что есть ли такая природа, которая бы не была велика? Чтеніе извѣстныхъ, условленныхъ молитвъ и всѣ признаки благоговѣнія, которые приняты у насъ при молитвѣ, невольно возбуждаютъ мысли религіозныя, во-первыхъ, потому что, читая молитвы, заученныя вами въ дѣтствѣ, переносятъ васъ къ этому времени, времени единственному, въ которомъ вы чувствовали чистоту души и не сомнѣвались въ томъ, что Богъ слышитъ вашу молитву. — Простота есть величіе. Молитва есть просьба. — Мнѣ скажутъ — раскаяніе, преданность Волѣ Божьей есть тоже молитва. Раскаяніе есть просьба простить грѣхи наши, преданность волѣ Божьей есть просьба принять насъ въ свою волю. Всякая молитва есть просьба. —

[47] Просить Бога отъ души нельзя иначе, какъ также, какъ мы просимъ человѣка: языкомъ самымъ простымъ, доступнымъ и понятнымъ для того человѣка, котораго просимъ. Искать такихъ молитвъ и выраженій мыслей, которыя бы были достойны Бога, есть верхъ гордости человѣческаго ума. Нѣкоторые люди говорятъ, что, удивляясь творенію Бога, изучая творчество, я мыслями переношусь къ Богу и хвалю его. Какая же это хвала, ежели ты ее не можешь выразить? Моли Бога, какъ ты молишь человѣка. Эта молитва будетъ доступна для самаго тебя, ты дашь себѣ отчетъ въ томъ, о чемъ ты просишь, а для Бога доступны всякія слова. Я вижу гораздо больше величія въ словахъ одной жалкой дѣвочки 10 лѣтъ, которая умирала, и смерть которой я видѣлъ, отъ водяной въ страшныхъ страданіяхъ, и, не переставая молиться, говорила: «Божія мать, избави меня, помилуй меня. *Да* помилуй меня, *да* прости же меня». Это «да» есть верхъ величія и простоты въ молитвѣ. Эта дѣвочка чувствовала, что Богъ слышитъ ея молитву, чѣмъ въ словахъ людей, которые говорятъ, что это оскорбленіе Божеству, ежели допускать, что есть молитвы Святыхъ, кото-

рыя могутъ искупить мои грѣхи, есть иконы, которыя имѣютъ силу исцѣлить, а не Богъ, котораго творенія я вижу во всемъ отъ миріадовъ безконечно мелк[ихъ] насѣкомыхъ до миріадовъ свѣтилъ небесныхъ. — Человѣкъ существо плотское, и поэтому чѣмъ проче онъ берется за молитву, тѣмъ болѣе видна его вѣра, и тѣмъ угоднѣе эта молитва Богу, а чѣмъ болѣе старается человекъ стать мыслями на уровень величія Божія, тѣмъ болѣе онъ заблуждается, тѣмъ менѣе онъ въ состояніи дать отчетъ въ томъ, что онъ называетъ своей молитвой, и тѣмъ мнѣе она угодна Богу. Чѣмъ болѣе имѣетъ человекъ вѣрное понятіе о своемъ ничтожествѣ, тѣмъ болѣе вѣрное понятіе будетъ имѣть онъ о величіи Бога. Поэтому то я говорю: во-вторыхъ не отклоняйтесь отъ знаковъ благоговѣнія при молитвѣ — они указываютъ на ваше ничтожество и на Величіе Бога.

[48] Всѣ мы, сидя въ темномъ чуланѣ и безмолвно смотря на Гришу, были проникнуты чувствомъ дѣтскаго удивленія, благоговѣнія и жалости къ Гришѣ. Гриша продолжалъ молиться. Любопытство наше было удовлетворено, и чувство умиленія вмѣстѣ съ нимъ скоро пропало. Юза взяла мою руку и спросила шопотомъ: «чья эта рука?» — въ темнотѣ мы не узнавали другъ друга. Юза сидѣла на полу, я, облокотившись за локоть, лежалъ за нею. Какъ только я услышалъ пожатіе ея руки и голось ея надъ самой моей щекой, я вспомнилъ нынѣшній поцѣлуй, схватилъ ее голую руку и сталъ страстно цѣловать ее, начиная отъ кисти до сгиба локтя. Найдя эту ямочку, я припалъ къ ней губами изо всѣхъ силъ и думая только объ одномъ, чтобы не сдѣлать звука губами, и чтобы она не вырвала руки. Юза не выдергивала руки, но другой рукой отыскала въ темнотѣ мою голову и своими нѣжными тонкими пальчиками провела по моему лицу и по волосамъ. Потомъ, какъ будто ей стало стыдно, что она меня ласкаетъ, она хотѣла вырвать руку, но я крѣпче сжалъ ее, и слезы капали у меня градомъ. Мнѣ такъ было сладко, такъ хорошо, какъ никогда въ жизни. Я назвалъ Юзу чистенькой дѣвочкой. Это была ее главная черта и красота. Всегда она была бѣленькая, розовенькая, на лицѣ, рукахъ все у нее было ни слишкомъ блѣдно, ни слишкомъ красно, всѣ контуры какъ лица, такъ и таліи были чрезвычайно отчетливы и ясны. — Кожа была глянцовитая и всегда сухая. Ежели она была въ испареньи, то *franchement*¹ потъ катился градомъ. Какъ описать то восхитительное чувство, которое я испытывалъ, плача и цѣлуя ея бѣленькую ручку. Это должно быть была любовь, должно быть тоже и сладострастье, но сладострастье не созннное. Мнѣ довольно подумать, что я хочу имѣть N, чтобы больше не желать. Созннное сладострастье чувство тяжелое, грязное, а это было чувство чистое и пріятное и особенно грустное. Всѣ высокія чувства соединены съ

¹ [откровенно]

какой-то [49] неопредѣленной грустью. Васинька, пошевелившись, зацѣпилъ за какое-то сломанное, выставленное въ чуланъ стуло, и, хотя тутъ ничего не было смѣшного, особенно для меня, кто то не удержался отъ смѣху и, потому что нельзя было смѣяться, фыркнулъ, и мы всѣ съ шумомъ выбѣжали изъ комнаты. Для меня прекратилось самое блаженное состояніе, а Гришу на минуту оторвали отъ молитвы; онъ тихо оглянулся и сталъ крестить всѣ стороны, читая молитвы.

На другой день утромъ коляска и тарантасъ, запряженные *почтовыми лошадьми* (не могу не замѣтить, что мы очень гордились ѣхать на *почтовыхъ*, привыкши ѣздить на своихъ), стояли у подвѣзда, окруженные многочисленной дворней: стариковъ, женщинъ, дѣтей, которые пришли прощаться, стояли у подвѣзда. Мы всѣ и Папа въ дорожныхъ платьяхъ, тамап, Любочка, Юзенька, Мими, Карлъ Иванычъ сошлись послѣ завтрака въ гостиной прощаться.

Я такъ былъ занятъ тѣмъ, что мы ѣдемъ на почтовыхъ, что мнѣ будетъ жарко въ лисьей шубки, и что совсѣмъ не нужно шарфа (что я за нѣжинка), что и не думалъ о томъ, какъ грустно будетъ разставаться. Всѣ сидѣли въ гостиной. Папа и тамап ничего не говорили о себѣ и о насъ. Они оба чувствовали, что такъ грустно, что объ этомъ не надо говорить, а говорили о вѣщахъ, которыя никого не интересовали, какъ-то, хороша ли будетъ дорога, что сказать Княжнѣ Д. и т. д. Фока поручено было доложить, когда все будетъ готово. Онъ взошелъ. Ему вѣлѣли затворить всѣ двери и сѣли, Фока тоже присѣлъ у двери. Я продолжалъ быть беззаботенъ и нетерпѣливъ; просидѣли не болѣе 10 секундъ, а мнѣ казалось, что очень долго; наконецъ, встали, перекрестились. Папа обнялъ тамап, и мнѣ смѣшно казалось, какъ они долго цѣлуются, и хотѣлось, чтобы поскорѣе это кончилось, и ѣхать, но когда тамап обернулась къ намъ, [50] и когда я увидалъ эти милые глаза, полные слезъ, тогда я забылъ о томъ, что надо ѣхать, мнѣ такъ стало жалко бѣдную душечку тамап, такъ грустно было съ ней разставаться... Она цѣловала отца и прощалась съ нимъ, а плакала о насъ. Это все я почувствовалъ. Она стала прощаться съ Володей и столько разъ его крестила и цѣловала, что я нѣсколько разъ совался впередъ, думая что настала мой чередъ. Наконецъ, и я обнялъ мамашу и плакалъ, плакалъ, ни о чемъ не думая, кромѣ о своемъ горѣ. Вышли на крыльцо, усѣлись въ экипажи. Мамап почти на каждой ступени останавливала и крестила насъ. Я усѣлся въ коляскѣ съ папа на переднемъ мѣстѣ; верхъ былъ поднятъ; мнѣ не видно было тамап, но я чувствовалъ, что она тутъ. «Еще разъ поцѣловать ее, думалъ я, или нѣтъ, лучше не надо». Однако я протянулся еще разъ къ ней; она была на другой сторонѣ, мы разошлись. Увидавъ меня [1 *неразобр.*], она грустно улыбнулась и крѣпко, крѣпко поцѣловала меня въ послѣдній разъ. Мы поѣхали;

сердце мое сжималось; я уже не плакалъ, а рыдалъ; мнѣ что то давило въ горлѣ; съ большой дороги мы еще видѣли платокъ, которымъ махала татап, стоя на балконѣ, я сталъ махать своимъ. Это движеніе протрезвило меня, и я уже пересталъ отчаяваться; теперь меня занимало и какъ-то доставляло удовольствіе, что я плачу о татап, что я чувствительный ребенокъ. Отецъ молчалъ и смотрѣлъ изрѣдка на меня съ участіемъ; я подвинулся на самый задъ и продолжалъ плакать, глядя на пристяжку, которую видѣлъ съ своей стороны. Смотрѣлъ я, какъ махала хвостомъ эта пристяжная, какъ перемѣняла аллюръ она то рысью, то галопомъ; смотрѣлъ, какъ прыгала на ней шлея, и смотрѣлъ до тѣхъ поръ, пока шлея взмылилась. Папа сталъ рассчитывать дни, когда мы приѣдемъ; я сталъ влущиваться и скоро забылъ про татап, а рассчитывалъ, когда мы, днемъ или ночью, увидимъ Москву. Послѣ только я [51] вспомнилъ о томъ, что я холодно простился съ Любочкой и Юзой, такъ я въ то время былъ огорченъ. А какъ они бѣдныя плакали, особенно Любочка. И Карла Иваныча жалко и Фоку жалко и березовую аллею жалко и все, все жалко, а бѣдная татап! и слезы опять наворачивались мнѣ на глаза, но ненадолго.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Здѣсь кончается писанное мною прежде, и я опять начинаю писать къ вамъ и для васъ.

Насъ привезли въ Москву и отдали въ Комерческое училище. Время, которое я провелъ тамъ, я не стану описывать, да и что описывать — ничего, кромѣ тяжелыхъ и грустныхъ воспоминаній, грустныхъ не такъ, какъ бываютъ сладко грустны воспоминанія время счастливаго, а къ этимъ воспоминаніямъ, напротивъ, всегда въ душѣ моей примѣшивается какая-то горечь и досада. Хотѣлось бы остановить воображеніе, которое безсознательно, какъ глупая машина, *lanterne magique*,¹ рисуетъ вѣрно и тѣ и другія. Вы замѣтили, я и говорить не люблю про это время. Сколько оскорбленій, сколько разочарованій суждено было перенести мнѣ, ребенку нѣжному. Еще свѣжи были въ воображеніи моемъ ласки любящей и любимой матери.

Меня поражало и оскорбляло все, начиная отъ того, что, вмѣсто того, чтобы мнѣ, какъ я привыкъ, оказывали всѣ знаки признательности, уваженія (меня долго удивляло то, что люди ходятъ мимо окошка, на которомъ я сижу, и не снимаютъ шапки), меня заставляли кланяться какимъ-то людямъ, которыхъ я никогда не видалъ и видѣть не хотѣлъ, и которые нисколько обо мнѣ не заботились, и кончая тѣмъ, что, исключая

¹ [волшебный фонарь,]

братьевъ, я ни въ одномъ товарищѣ не находилъ тѣхъ понятій, съ которыми я свыкъся, и которыя были необходимы для того, чтобы мы могли понимать другъ друга. Они рассказывали про какихъ[-то] отцовъ съ бородами, которые никогда ихъ не ласкали, про матерей, которыя боялись мужей, и которыхъ били. Я ничего этого не понималъ, а что понималъ, то было мнѣ противно. Особенно же отталкивало меня какъ отъ воспитателей, такъ и отъ воспитанниковъ, это недостатокъ изящества физическаго и моральнаго. Даже не было того, что замѣняетъ моральное изящество, теплоты¹ [52] сердечной, или, ежели она и была, то подъ такой грубой корой, что я никакъ не могъ откопать ее.

Сколько разъ старался я — дѣтскому сердцу необходимо чувство — сойдтись съ кѣмъ нибудь или хоть издали полюбить — я не могъ. Наружныя проявленія чувства не были согласны съ тѣми, которыя я привыкъ видѣть у татап. Ничтожное обстоятельство разрушало планъ огромнаго чувства. Мнѣ надо было или забыть татап и ея любовь, или привыкнуть къ тому, что меня окружало, но на это нужно было время, или въ пору, самую пылкую, когда душа ищетъ предмета, на который бы изливать весь запасъ любви, уединиться отъ окружающаго свѣта, презирать его и жить одними воспоминаніями. Я выбралъ послѣднее, хотя и самое трудное. Этому выбору, признаюсь, содѣйствовало дурное чувство, гордость. Я учился дурно, отъ лѣни и отъ того, что воля моя была устремлена на то, чтобы, несмотря на частыя искушенія, удержать себя въ этомъ отдаленіи отъ всѣхъ, и не было достаточно, чтобы употребить усилія на занятія. Какъ мнѣ не толковали, что мнѣ ученіе необходимо для той карьеры, къ которой я готовлюсь, я самъ не зная, почему, не вѣрилъ, чтобы я когда-нибудь былъ купцомъ. Володя учился прекрасно, съ товарищами былъ гордъ и вмѣстѣ съ тѣмъ водился съ ними, и его уважали. Стоило только разъ взглянуть на весь классъ, чтобы сказать, что онъ былъ первый морально изъ всѣхъ. Васинька игралъ самую жалкую роль. Способности собственно учиться у него были хорошія, но онъ былъ лѣнивъ и тщеславенъ, въ обращеніи съ товарищами онъ подражалъ то мнѣ, то Володѣ, то онъ никого знать не хотѣлъ и удалялся отъ всѣхъ, но этотъ манѣвръ не удавался ему. Меня за это уважали, потому что я для всѣхъ былъ тайной — я никогда не пробовалъ ни играть, ни повѣсничать съ ними. «Почемъ знать, думали они, [53] можетъ быть онъ не хуже или лучше насъ можетъ это все сдѣлать, но не хочетъ, потому что онъ очень уменъ». Неразвитые опытностью умы всегда предполагаютъ въ спокойствіи силу и умъ и уважаютъ его. Вася же послѣ того, какъ, стараясь стать на уровень ихъ въ повѣсничаніи и играхъ и не бывъ въ состояніи достигнуть этаго, отчуждался отъ нихъ

¹ *Поперек текста на стр. 51 рукописи написано: Нат[алья] Савиш[на].*

и становился гордъ. Онъ вѣрно не разсуждалъ о томъ, почему онъ такъ поступалъ, но безсознательно хотѣлъ ихъ обманывать. Они также безсознательно понимали этотъ обманъ и платили за него презрѣніемъ. Отношенія дѣтей между собою происходятъ совершенно на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и между взрослыми людьми, съ тою только разницею, что все дѣлается безсознательно, и поэтому благороднѣе. Напримѣръ, человѣкъ, который употребляетъ, какъ средство, свое умѣніе владѣть собою, чтобы приобрести вліяніе надъ другимъ человѣкомъ, поступаетъ, я нахожу, неблагородно, но ежели это дѣлается безсознательно, какія бы не были слѣдствія, въ этомъ ничего нѣтъ предосудительнаго. Итакъ, Васинька подражалъ то мнѣ, выказывая презрѣніе послѣ неудачъ, то Володѣ, вдаваясь опять въ ихъ шайку, въ которой онъ тоже не могъ приобрести того вліянія, которое имѣлъ Володя, дѣйствуя во всёхъ случаяхъ прямо, рѣшительно и откровенно. Это жалкое положеніе Васиньки въ училище, которое трудно и было требовать, чтобы замѣтили воспитатели, и развило его такъ странно, что онъ отъ себя единственно былъ цѣлый вѣкъ несчастливъ. Сознаніе выросло больше способностей, и развилась странная страсть, болѣзнь все анализировать до самыхъ мелочей.

Мы не долго были въ училищѣ — 8 мѣсяцевъ. Володѣ было 15 лѣтъ, мнѣ 14, Васѣ 11. Письмо, которое мы получили отъ матушки въ 1834 [г.] 10 Апрѣля, перемѣнило нашу участь, но прежде, чѣмъ я вамъ выпишу это письмо и наши отвѣты на него, скажу нѣсколько словъ объ отцѣ. Я перечелъ то, что написалъ [54] вамъ противно моему намѣренію о нашей жизни въ училищѣ.

Мнѣ хотѣлось вамъ дать нѣкоторое понятіе о нашихъ характерахъ и о томъ, какъ они выразились въ новой сферѣ, но мнѣ это не удалось. Я увѣренъ, что эти страницы никакого не дадутъ вамъ понятія объ этомъ времени. — Чѣмъ общѣ стараешься описывать предметы и ощущенія, тѣмъ выходитъ непонятнѣе, и, наоборотъ. Это общее правило. Сколько незамѣтныхъ для самаго себя кроется въ душѣ человѣческой обмановъ! Я не хотѣлъ разсказывать вамъ про время, проведенное въ училище, но боясь, чтобы отвращеніе мое говорить объ этомъ вы не перетолковали иначе, хуже, я невольно употребилъ фигуру, надъ которой часто смѣются и часто употребляютъ въ комедіяхъ и романахъ: «Не стану вамъ разсказывать мою жизнь, вы знаете то-то и то-то». Потомъ, чтобы выразить себя мнѣ нужно было также, какъ и при описаніи моего дѣтства, взять картины и случаи изъ этого времени и съ тщательностью разбирать всѣ мельчайшія обстоятельства. Тогда только вы узнали бы меня, мою особенную личность, но такъ какъ для того, чтобы съ вниманіемъ обработать и разбирать воспоминанія прошедшаго времени нужно любить, лелѣять эти воспоминанія, чего я не могъ сдѣлать, я вдался въ общія мѣста, и, вмѣсто моей особен-

ной личности, вышелъ какой-то мальчикъ въ какой-то школъ, до котораго вамъ и дѣла нѣтъ. Въ то время же, какъ я писалъ это, мнѣ казалось, что я пишу изъ сердца, а я писалъ изъ головы, и вышло жидко. Тѣмъ легче въ этомъ случаѣ себя обмануть, что, когда пишешь изъ сердца, языкъ кажется очень грубымъ способомъ выраженія и далеко не имѣетъ той гибкости и нѣжности, которыхъ требуетъ то, что хочешь выразить. Когда же пишешь изъ головы, перо послушно бѣжитъ за мыслями, и слова складно и безъ усилія ложатся на бумагу. Вы знаете, въ пѣньѣ есть голосъ горловой и грудной. Можно пѣть грудью и горломъ. Также и въ литературѣ можно писать изъ сердца и изъ головы. — Это сравненіе вѣрно даже [55] и въ отношеніи дѣйствія, которое производятъ и то и другое на слушателей. — Пусть будетъ голосъ хриплый, пусть мелодія будетъ самая простая, но когда услышишь полной грудью взятую ноту, не знаю, какъ другіе, но у меня слезы навертываются на глаза. Зато грубъ грудной голосъ. Надобно, чтобы очень обработанъ былъ голосъ, и очень хороша была мелодія, чтобы горловой голосъ понравился мнѣ, но за живое онъ никогда меня не задѣнетъ. Зато гибокъ горловой голосъ.

Кто немного имѣетъ уха, тотъ сейчасъ отличить въ музыкѣ грудной отъ горлового голоса; кто немного имѣетъ чувствительности, тотъ сейчасъ въ литературѣ отличить писанное изъ головы и изъ сердца. Я для васъ хочу писать только изъ сердца. Но я завлекся, я хотѣлъ рассказать вамъ, что въ эти 8 мѣсяцевъ дѣлалъ отецъ. Онъ два мѣсяца жилъ въ Москвѣ, игралъ и игралъ счастливо, но какъ требовать отъ игрока, чтобы онъ отложилъ деньги, которыя выигралъ. — Выигранныя деньги дороже для игрока денегъ, заработанныхъ самыми тяжелыми трудами. «Почемъ знать, рассчитываетъ игрокъ, можетъ быть я завтра все проиграю, а на тѣ деньги, которыя я отложилъ, я бы могъ отыграться. Потомъ, какъ разстаться съ деньгами, изъ за которыхъ я столько перенесъ моральныхъ страданій — они мои, я за нихъ мучился. Хотя я добровольно избиралъ такое состояніе, но не менѣе того деньги эти достаются не даромъ».

Скажутъ, что стоило ему удѣлить хоть часть отъ огромной суммы (онъ былъ въ выигрышѣ около 300,000). Чѣмъ больше сумма, тѣмъ больше страданій, и слѣдовательно тѣмъ больше пріобрѣтаетъ онъ на нее правъ и ни за что не выпуститъ изъ рукъ. Сколько бореній, сколько оскорбленій, нанесенныхъ и перенесенныхъ. Какъ тяжело безпрестанное напряженіе воли. Самое тяжелое для игрока это быть подъ вліяніемъ одного изъ самыхъ тяжелыхъ чувствъ (потому что это чувство низкое), чувства страха. Игрокъ всегда боиться или зарваться, или не получить, или попасться, ежели онъ нечистой игрокъ. Потомъ, главная причина: игрокъ въ то время, какъ играетъ (я разумѣю все то время, к[огда] онъ предвидитъ настоящую игру), теряетъ сознаніе всего окружающаго. Одна сторона,

которой онъ сообщается съ свѣтомъ, это планы къ будущему, но настоящее все кажется ничтожнымъ, [55a] кажется совсѣмъ въ другомъ и, главное, кажется столько же подверженнымъ законамъ судьбы, какъ и самая игра. Игроки привычку ожидать всего отъ вены переносятъ и въ дѣйствительную жизнь. Съ отцомъ было тоже, поэтому онъ ничего того, о чемъ просила мама, не дѣлалъ, ожидая какого-то необыкновеннаго случая, который, по его мнѣнію, долженъ былъ все устроить. Въ Ноябрь мѣсяцѣ онъ воротился въ деревню, но ненадолго; мама по письмамъ знала, что онъ въ большомъ выигрышѣ и что весь выигрышъ нынѣшняго года онъ намѣренъ былъ весною положить въ ломбардъ вмѣстѣ со всѣми доходами этого года имѣній мама на наше имя. Впрочемъ мама съ помощью Мими, которая любила прослыть за женщину, которая можетъ въ *дѣлахъ* обойтись безъ помощи мужчинъ, написала изъ уѣзднаго города протоколиста уѣзднаго суда, потолковала съ нимъ и поѣхала въ уѣздный городъ, подъ видомъ набожной поѣздки въ монастырь, и тамъ втайнѣ отъ отца написала на его имя 3 ваемныхъ письма, въ 600,000 (по 200,000 каждому изъ насъ). Когда пріѣхалъ въ деревню отецъ и объявилъ маме свои планы на счетъ упроченія нашего будущаго состоянія, мама не вытерпѣла и призналась ему въ своей противъ него винѣ, показала ему вексель, который просила его взять, чтобы совершенно обезпечить нашу судьбу. Папа оскорблено это какъ будто недовѣріе въ его планы. Онъ сталъ убѣждать маму, говоря, что, во первыхъ, Богъ знаетъ, кому изъ нихъ суждено прежде умереть, что, ежели это будетъ онъ, то наследники его воспользуются этими деньгами, и эта сдѣлка не принесетъ другой пользы, какъ только пятно его памяти, что даже, ежели бы, чего Боже избави, мама умерла бы прежде, то опекунъ ея законнаго сына Князь Иванъ могъ бы вступиться [56] и опровергнуть законность этихъ векселей. Не знаю, что еще и какъ доказывалъ папа бесполезность этой сдѣлки, но знаю, что онъ заключилъ свои доказательства тѣмъ, что векселя, которые у него во время разговора были въ рукахъ, онъ сообразивъ, что мама достаточно убѣждена, разорвалъ и бросилъ въ каминъ, противъ котораго они сидѣли. Мама повиновалась и больше не настаивала, но она все боялась за нашу участь. Она чувствовала, что ей недолго остается жить. Петруша Козловскій въ это время былъ въ юнкерской школѣ и въ этомъ 34-[омъ] году долженъ былъ быть выпущенъ офицеромъ. Онъ былъ подъ опекой Князя Ивана. Князь Иванъ былъ человѣкъ добрый и любилъ маму, какъ сестру. Но братская любовь трехъ родовъ: любовь, которая происходитъ отъ родства, крови. Этотъ родъ любви имѣетъ начало въ физическихъ свойствахъ человѣка, и этотъ родъ любви никакія обстоятельства не могутъ уничтожить. Сколько есть примѣровъ, что братъ, несмотря на то, что никогда не жилъ съ своимъ братомъ, что

въ чувствахъ и мысляхъ совершенно противоположенъ ему, что даже презираетъ его, несмотря на все это, продолжаетъ питать къ нему чувство, которое заставляетъ его радоваться счастью и соболѣзновать несчастію. Второй родъ братской любви это есть привязанность [*1 неразобр.*], которую вы чувствуете къ брату, какъ къ человѣку, котораго качества, направленіе вамъ нравится и вы любите его, сами не зная за что и почему. Наконецъ, третій родъ братской любви, и самой обыкновенной, это есть чувство заботливости и участія, которое вы чувствуете къ брату, единственно на томъ основаніи, что онъ вашъ братъ. Это чувство основано на одномъ себялюбіи. Вамъ больно слышать, что вашъ братъ сдѣлалъ вѣщь, которую свѣтъ не одобряетъ, вамъ пріятно, когда вы, напротивъ, знаете, что онъ чѣмъ нибудь возвысилъ себя въ мнѣніи свѣта, вамъ пріятно и непріятно не за него, а за себя, вы заботитесь не о немъ, а о томъ отблескѣ его поступковъ, который отразится на васъ. Въ этомъ родѣ любви все участіе ваше устремлено не на то, что дѣйствительно могло бы составить счастье его, но [57] на то, что удовлетворяетъ его и вашему тщеславію. Замѣтьте, отчего братья не любятъ вмѣстѣ выѣзжать въ свѣтъ. Это оттого, что, когда остается только этотъ родъ любви, что часто бываетъ, они безпрестанно бояться краснѣть одинъ за другаго и это состояніе доставляетъ много внутреннихъ моральныхъ страданій. Эти 3 рода любви часто бываютъ вмѣстѣ. Напримѣръ, къ братьямъ я питалъ всѣ три рода; къ старшему Петрушѣ, котораго я не зналъ вовсе, и къ сестрѣ, которую я не хотѣлъ знать, я питалъ только два — родовую любовь и тщеславную. Но все это я говорю къ тому, что Князь Иванъ, какъ добрый человѣкъ, сначала любилъ татапа полной братской любовью, но послѣ связи ее съ папа, которую онъ никогда не могъ ей простить, онъ потерялъ къ ней уваженіе и любовь какъ къ женщинѣ, но продолжалъ любить только, какъ сестру. Слѣдовательно, и поступками его не управляла любовь, а тщеславіе. Онъ настоялъ на томъ, чтобы Петруша, о которомъ его отецъ нисколько не заботился, былъ взятъ отъ татапа и отданъ ему, несмотря на то, какое это должно было причинить горе татапа. Онъ занимался его воспитаніемъ, однако внушалъ ему чувства уваженія къ матери, къ которой заставлялъ его писать. (Дѣтскія письма Петруши, писанныя еще по линѣйкамъ, татапа всегда читала намъ, въ нихъ посылались и поцѣлуй братьямъ.) Но я какъ то странно воображалъ себѣ этого брата, который не жилъ съ татапа, не жилъ съ нами, а только писалъ къ намъ. Я ничего не понималъ, почему это такъ, какая равница между нами и Петрушой, хотя я сказалъ, что я любилъ его, но я воображалъ себѣ, что онъ преступникъ. Князь Иванъ тоже писалъ къ татапа, (я послѣ читалъ эти письма), но видно было по письмамъ его и вообще по отношеніямъ его съ татапа, что имъ руководила не братская любовь, а какія то правила, основанныя на тщеславіи,

которымъ онъ, какъ Grand Seigneur ¹ почиталъ себя обязаннымъ слѣдовать. Папа былъ съ нимъ знакомъ и даже [58] въ хорошихъ отношеніяхъ, но я рѣшительно незнаю, какъ онъ умѣлъ это устроить. Просьбу татапа объ узаконеніи насъ папа, разумѣется, не исполнилъ, но еще разъ обѣщалъ и даже взялъ у нее письма къ разнымъ лицамъ въ Петербургъ, которыя, по предположенію татапа, еще не забыли старую дружбу къ ней и должны были помочь ей въ этомъ дѣлѣ. Папа недолго пробылъ въ деревнѣ и опять уѣхалъ въ Москву, гдѣ продолжалъ вести тотъ же образъ жизни, игралъ опять счастливо и день ото дня сбирался въ Петербургъ. Наканунѣ рѣшительнаго отъѣзда въ Апрѣлѣ 1834 [г.] онъ получилъ отъ татапа слѣдующее письмо.

Красное. 12 Апрѣля.

Добрый другъ Alexandre!

Вчера вечеромъ получила я твое доброе письмо отъ 3-го, но Федоръ, который привезъ мнѣ его изъ города, былъ такъ недогадливъ, что подалъ мнѣ его только нынче утромъ. Нынче же утромъ М. В. La belle Flamande, ² которая гоститъ у меня, не дала мнѣ его, потому что не совсѣмъ была здорова, такъ что я только что теперь въ 12 часовъ ночи прочла его и отвѣчаю. Пожалуйста не пугайся, милый дружокъ. Я 4 дни тому назадъ ѣздила отдать визитъ нашимъ добрымъ сосѣдямъ, голубкамъ, какъ ты ихъ называешь, (М. Ф. очень добрая женщина, напрасно ты ее не любишь), и, выѣзжая отъ нихъ, лошади увязли въ грязи, мнѣ вздумалось пройти до большой дороги пѣшкомъ. Салопъ я сняла, потому что было тяжело, ботинки на мнѣ были тонкія, я простудилась. Не брани меня за мою неосторожность, я и сама очень раскаиваюсь, тѣмъ болѣе, что моя болѣзнь удерживаетъ меня теперь въ постелѣ и мѣшаетъ мнѣ самой заниматься Любочкой, а это мое одно утѣшеніе. Старый нашъ знакомый и другъ, докторъ И. В., котораго мы (между нами будь сказано) немного забыли, приѣзжалъ два раза и теперь сидитъ у меня, и я слышу, какъ онъ въ диванной рассказываетъ дѣвочкамъ по-Немѣцки исторію Наполеона, говоритъ, что, Богъ дастъ, дней черезъ пять я встану. La belle Flamande ² выбрала меня своей confidente ³ и цѣлый день рассказываетъ мнѣ, какъ за ней волочатся, особенно какой-то уѣздный [59] лекарь. По правдѣ сказать, она мнѣ надоѣдаетъ, но что дѣлать, это слабость всѣхъ больныхъ — приятно, когда ктонибудь тутъ сидитъ и болтаетъ, даже глупости. Дѣйствительно она очень хороша собой и неглупа. Теперь ей только 16 лѣтъ, и ежели бы она была въ хорошихъ рукахъ, изъ нея бы вышла премилая свѣтская дѣвушка. Ежели бы у меня не было такъ много своихъ дѣтей, я бы взяла

¹ [Вельможа]

² [Красавица фламандка]

³ [поверенной]

ее. Но что я тебѣ болтаю вздоръ, поговоримъ о чемъ нибудь интереснѣе — больныя, какъ дѣти, — всякія пустяки ихъ занимають. Любочка сама тебѣ пишетъ, но не знаю, удастся ли ей кончить — она изорвала третій листъ бумаги. Эта строгость къ самой себѣ мнѣ нравится. Мими Коферталь все такая же любящая дама, а Юза достойная любви дѣвочка. Вотъ тебѣ всѣ наши домашнія новости. Да еще двѣ. Первое, нынче утромъ *Max.*¹ пришелъ поздравить меня съ своими именинами и принесъ крендель. Я ему дала полтинникъ, который онъ должно быть очень дурно употребилъ, потому что вечеромъ приходила его мать жаловаться. Бѣдные люди. Второе, твоя Милка ведетъ себя очень дурно, — безпрестанно приходитъ къ моимъ дверямъ и воеетъ, такъ что я вѣлѣла Никитѣ ее запереть. Не то, чтобы я вѣрила замѣчанію, а это мнѣ разстраиваетъ нервы. Успѣхи твоя въ игрѣ очень радуютъ меня. Ты знаешь, что я не люблю вообще, когда ты играешь, но теперь я радуюсь этому, потому что ты это дѣлаешь для дѣтей. Я знала впередъ, что ты навѣрное выиграешь. Извини меня, что я даю тебѣ совѣты, я позволяю это себѣ только тогда, когда дѣло идетъ о дѣтяхъ. Мнѣ кажется теперь довольно играть, и пора тебѣ ѣхать въ Петербургъ. Сдѣлай это, мой другъ, и ты меня совершенно успокоишь. Ты общался мнѣ сдѣлать это еще въ томъ мѣсяцѣ, но все откладывалъ. Ради Бога не откладывай больше, ты знаешь, какъ это важно. [60] Прошу тебя, ежели ты меня любишь, ежели ты дорожишь моимъ счастьемъ и спокойствіемъ, завтра же уѣзжай [въ] Петербургъ и употреби всѣ усилія. Ежели бы дѣти наши были узаконены, я бы была совершенно счастлива и спокойна. Я чувствую, что мнѣ не долго жить, Alexandre, но какъ мнѣ не больно будетъ разстаться съ тобой, съ дѣтьми, я привыкла къ этой мысли и умерла бы спокойна, ежели бы знала, что дѣти мои не будутъ обвинять меня. Еще разъ прошу тебя: сдѣлай это. Пожалуйста не безпокойся на счетъ моей болѣзни, я скоро выздоровлю, а то я знаю тебя, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Петербургъ, ты прилетишь ко мнѣ. Не дѣлай этаго, это меня огорчитъ. Прощай мой ангелъ. Молю Бога и Ангела Хранителя, чтобы онъ помогалъ тебѣ во всѣхъ предпріятіяхъ твоихъ... не твоихъ, а нашихъ... Я тебѣ мало пишу, потому что уже поздно, а я еще хочу написать дѣтямъ. —

⟨Милые мои друзья и дѣти Володенька М. и Васенька. Не ожидайте найти въ этомъ письмѣ радости и утѣшенія, напротивъ, оно для васъ будетъ очень грустно. Васъ нѣтъ у меня, и нѣтъ у меня веселыхъ мыслей, — но мысль моя всегда съ вами: нѣтъ часу, въ который бы я нѣсколько разъ не думала о васъ, нѣтъ ночи, чтобы я не видѣла васъ во снѣ. Всякую минуту, гдѣ бы я не была, мнѣ все кажется, вотъ вбѣгутъ мои шалуны; но вспомню, что васъ нѣтъ, и одно воображеніе рисуетъ мнѣ

¹ Такъ звали у насъ Максима.

васъ, какими вы были и какими вы будете, но можетъ быть оттого, что я одна, или оттого, что нездорова, мнѣ страшно за васъ. —

Слушайте меня, дѣти, теперь я съ вами буду говорить не какъ съ дѣтьми, а какъ съ добрыми и разсудительными мальчиками. Старайтесь понять меня. Я обязана передъ Богомъ объявить вамъ печальную для васъ истину. Когда вы узнаете ее, обѣщайтесь исполнять мою просьбу. Слушайте.

Когда мужчина и женщина любятъ другъ друга и хотятъ навсегда жить вмѣстѣ, они идутъ въ церковь^[61] и передъ лицомъ всего свѣта клянутся вѣчно любить другъ друга и просятъ Бога благословить ихъ союзъ, и Богъ благословляетъ ихъ. Тогда они дѣлаются мужъ съ женой и называется «они женились». Но есть несчастные люди, любовь которыхъ Богъ не благословляетъ, и за то, что они противъ воли Божьей живутъ вмѣстѣ, Богъ наказываетъ ихъ и ихъ дѣтей. Это грѣхъ и большой грѣхъ. Богъ не благословилъ любовь мою къ вашему отцу, потому что я была замужемъ еще прежде за Княземъ. Онъ не любилъ меня, и я тоже не могла любить его, хотя онъ не злой человѣкъ, но жалкой и несчастный. Отъ этаго старшій братъ вашъ, сынъ Князя, живетъ не съ вами, отъ этаго вы мои дѣти, а не можете быть дворяне и мои наслѣдники, отъ этаго я несчастна и прошу Бога, чтобы онъ не наказывалъ васъ, а всю тяжесть наказанія прошу его, чтобы онъ позволилъ перенести одной мнѣ; отъ этаго же я васъ, дѣтей своихъ, прошу простить меня и обѣщать мнѣ никогда ни съ кѣмъ про это не говорить и не обвинять меня. Ежели бы вы знали, дѣти, какъ мысль, что я васъ родила можетъ быть на ваше несчастіе, мучаетъ меня, и ежели бы вы знали, дѣти (впрочемъ, рано или поздно вы узнаете), что заставило меня поступить противъ воли Божьей. Любовь, дѣти! Теперь для васъ это слово безъ значенія, но что значить это слово, вы поймете когда-нибудь и тогда поплачете о вашей бѣдной матери. Я не знаю, догадывались ли вы о томъ, что я вамъ объявила, но ежели нѣтъ, то я увѣрена, то вамъ легче узнать это отъ самой меня, чѣмъ вы могли бы, чего я боялась, узнать это отъ людей постороннихъ и особенно которые васъ не любятъ. Теперь вы пожалѣете обо мнѣ, поплачете, ^[61a] вспомните, что во всемъ воля Божья, и что это крестъ.

Онъ послалъ намъ, мнѣ и вамъ, крестъ, который мы должны нести безъ ропота, и надѣяться на Его безконечную милость. Онъ не накажетъ васъ. Такъ много злыхъ и нечувствительныхъ людей, что нашлись бы и можетъ найдутся люди, которые опшутъ вамъ такъ ваше положеніе, что вамъ больно будетъ подумать о немъ. Не слушайте никого и знайте и помните только то, что во всемъ опредѣленіе свыше, и что, ежели бы можно было, то мать ваша сейчасъ отдала бы свою жизнь, чтобы избавить васъ отъ этаго положенія. Я нездорова, и кто знаетъ, можетъ я васъ больше не увижу. Теперь я спокойна, вы [и] чувства

ваши ко мнѣ не измѣнятся. Прощайте, друзья мои, Ангелы мои. Нѣжно, нѣжно цѣлую васъ и молю Бога, чтобы онъ не оставилъ васъ. Прощайте, дѣти.)¹

Къ письму этому была приложена записка отъ Мими Коферталь слѣдующаго содержанія.

Княгиня очень больна. И. И. говорилъ мнѣ, что даже опасно больна. Мысль, что она не встанетъ отъ этой болѣзни, не оставляетъ ее, и эта мысль болѣе всего меня пугаетъ, хотя она совершенно спокойна. Вы хорошо сдѣлали, ежели бы приѣхали. Она безпрестанно въ бреду говоритъ про васъ и думаетъ, что вы въ Петербургѣ. Видно, что ее мучаетъ, что вы такъ далеко отъ нея. Я уже четвертую ночь провожу на волтеровскомъ креслѣ въ спальнѣ Княгини, но вамъ нечего говорить о моихъ чувствахъ къ ней. Вы знаете, что всѣмъ пожертвовала бы для нея, не только что нѣсколькими бессонными ночами. Я дѣлаю это съ удовольствіемъ и не ропщу.

Приѣзжайте же поскорѣй, съ совершеннымъ уваженіемъ и т. д.

〈Отвѣтъ Володи. —

Милая маман! —

Письмо твое огорчило меня не тѣмъ, что ты намъ въ немъ объявила (я ужъ это прежде зналъ), но тѣмъ, что ты говорила про это — тебѣ вѣрно это больно. Прежде, еще когда я не зналъ этого, но многое мнѣ казалось страннымъ, я не спрашивалъ у тебя объ этомъ, потому что предчувствовалъ, не знаю, почему, что тебѣ больно будетъ говорить. Я не понимаю, зачѣмъ [62] ты написала намъ это. — Неужели ты думала, что намъ когда нибудь придетъ въ голову судить тебя. Я отвѣчаю за себя и за братьевъ, что не только судить съ другими объ этомъ, но и въ голову никогда намъ не придетъ между собою разсуждать объ этомъ. Мы тебя любимъ, такъ чего же намъ больше. —)²

На другое же утро отецъ заѣхалъ къ намъ въ пансіонъ. Я это время сочинялъ отвѣтъ на грустное письмо, которое получили наканунѣ отъ маман, въ которомъ она намъ описывала наше положеніе незаконныхъ дѣтей, но описывала его такъ, какъ могла только это сдѣлать мать, чтобы не оскорбить нашего самолюбія, но только заставить насъ полюбить ее еще больше (и такъ какъ съ любовью, по крайней мѣрѣ во мнѣ, всегда неразлучно чувство страданія) и жалѣть ее еще больше. Я прежде уже зналъ это, Володя тоже, но мы сами, по догадкамъ отыскивая рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ какъ-то: почему Петруша К[озловскій] живетъ особенно отъ насъ, почему и на адресахъ папа было «Высокоблагородію», а на адресахъ маман «Ея Сіятельству» и т. д., узнавъ все, что узнаетъ мальчикъ отъ 12 до

¹ Все письмо к детям перечеркнуто чертами крест-на-крест.

² Письмо Володи перечеркнуто чертами крест-на-крест.

15 лѣтъ въ пансіонѣ, составили себѣ понятіе о нашемъ положеніи. Но въ дѣтяхъ есть врожденное чувство тонкой деликатности, которое не позволяло намъ довѣрить другъ другу наши открытія. Но Вася, узнавъ нѣкоторыя неимовѣрныя вѣщи на счетъ различія половъ и происхожденія рода человеческого, пришелъ и сталъ объявлять намъ эти новости, увѣряя, что ей Богу это правда, но мы его прогнали, сказавъ, что онъ вретъ и что ему соврали. Потомъ, разбирая тѣ же вопросы, которые и насъ приводили въ затрудненіе, онъ пришелъ повѣрить намъ свои умо-заключенія, но и тутъ мы его прогнали и сказали ему, что онъ дрянной мальчишка. Не знаю, какъ другія дѣти, но я, когда еще былъ такъ молодъ, что не имѣлъ никакихъ причинъ подозрѣвать истину, я предчувствовалъ какую то тайну въ моемъ рожденіи. Когда меня бывало накажутъ, поставятъ въ уголъ, мнѣ всегда приходило въ голову, что я самый несчастный мальчикъ, что я должно быть подкидышъ, и что меня за то никто не любитъ. Это не было предчувствіе, а особенная страсть къ несчастію, которая есть въ душѣ у каждаго человѣка. Не то, чтобы человѣкъ желалъ бы быть несчастливымъ, но онъ любитъ знать, что онъ несчастливъ. — Отецъ объявилъ намъ, что ѣдетъ въ деревню и беретъ насъ съ собою сейчасъ же. —

[63] <Что-то защемило у меня въ сердцѣ, когда онъ намъ это сказалъ, и мысль моя сейчасъ обратилась къ матушкѣ.>

18 Апрѣля мы у крыльца Красинскаго дома вылѣзали изъ дорожной коляски, (въ которой мы помѣстились всѣ 4.) Папа, выѣзжая изъ Москвы, былъ задумчивъ. Когда Володя спросилъ у него, не больна-ли татап, онъ съ грустью посмотрѣлъ на насъ и сказалъ, что да. Въ продолженіи дороги онъ успокоился и былъ, какъ и всегда, но, подѣвжая къ дому, лицо его все болѣе и болѣе принимало печальное и задумчивое выраженіе, и когда мы выходили изъ коляски, и онъ спросилъ у выбѣжавшаго запыхавшагося Фоки: «гдѣ М. Ф.?» голосъ его былъ нетвердъ, и, какъ мнѣ казалось, что за отвѣтъ Фоки такого рода какъ: «они изволили пойдти въ садъ», или «они въ гостиной», онъ сейчасъ бы отдалъ весь свой выигрышъ нынѣшняго года. Но, несмотря на то, что слезы готовы были брызнуть изъ его глазъ, Фока доложилъ, что «они уже 6-й день не изволятъ съ постели вставать», и добрый старикъ Фока, какъ бы жалѣя о томъ, что онъ обязанъ былъ нанести такой ударъ папа, прибавилъ въ утѣшеніе, отворяя въ это время дверь въ переднюю: «сейчасъ Маша понесла кашку. Только не знаю, изволили ли кушать». Милка, выпущенная изъ заключенія, съ радостью бросилась къ отцу и, несмотря на то, что она выражала радость такими красивыми движеніями, что весело было смотрѣть, папа даже не посмотрѣлъ на нее, а прошелъ прямо въ гостиную, оттуда въ фортепіанную, оттуда въ диванную, изъ которой была дверь прямо въ спальню татап. Мы шли за нимъ. Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ этой комнатѣ, и тѣмъ болѣе <даже

по спи́нѣ его) замѣтно было его безпокойство. Онъ менѣе опирался на каблукъ, и, хотя мнѣ не видно было его лица, всѣ тѣлодвиженія ясно доказывали это. Взойдя въ эту послѣднюю комнату, онъ шель уже на самыхъ ципочкахъ, едва переводилъ дыханіе и два раза перекрестился, прежде чѣмъ заглянулъ въ щелку затворенной двери. — Тамъ было темно, и слышны были тяжелые вздохи. О, какъ тяжело все это дѣйствовало на наши настроенныя къ горю тяжелымъ предчувствіемъ юныя души. Изъ боковой двери выбѣжала непричесанная Мими съ платкомъ въ рукахъ и слезами на глазахъ. Она шопотомъ сказала только: «Ахъ, И. А.», и, замѣтивъ, [64] что папа беретъ за ручку замка, она прибавила шопотомъ и рыдая: «здѣсь нельзя пройти — ходъ изъ дѣвичьей». Сію минуту, какъ я это пишу, шумъ проѣхавшей мимо оконъ моихъ телѣги очень испугалъ меня. Мнѣ показалось, что я еще въ этой грустной комнатѣ, гдѣ всѣ боялись произвести малѣйшій звукъ [?] у той двери, за которой на одрѣ смерти лежала та, которую я любилъ больше всего на свѣтѣ. Мы пошли черезъ коридоръ въ дѣвичью, въ коридорѣ на дорогѣ попался намъ дурачекъ истопникъ Акимъ, который всегда смѣшилъ насъ. Когда папа прошелъ мимо его, поклонившись ему, онъ сдѣлалъ намъ пресмѣшную гримасу, но что тогда крайне меня удивило, это то, что, вмѣсто того, чтобы разсмѣшить меня, эта гримаса прибавила еще только грусти. Въ дѣвичьей двѣ дѣвушки сидѣли за работою, но, когда они привстали, чтобы поклониться намъ, они сдѣлали такія грустныя лица, что мнѣ досадно на нихъ стало, я подумалъ: «зачѣмъ они притворяются?» Пройдя еще комнату Мими, папа отворилъ дверь въ спальню, и мы вошли. Направо отъ двери были два окна, оба заставленные ставешками, которыя были не по окошкѣ, немного малы, и сверху завѣшены платками; у одного изъ нихъ сидѣла¹ Н[аталья] С[авишна] съ очками на носу и вязала чулокъ. Она встала съ чулкомъ въ рукѣ и черезъ очки показала намъ глаза очень заплаканные. Она не стала цѣловать насъ, какъ то обыкновенно дѣлала, но только посмотрѣла на насъ, и слезы потекли у нее градомъ. — Мнѣ не понравилось то, что всѣ, кого мы видѣли, при первомъ взглядѣ на насъ начинали плакать, когда прежде были совершенно спокойны, но потомъ, обдумавъ это, я понялъ, что они всѣ, даже и двѣ горничныя, показывали грусть не для насъ, а мы возбуждали въ нихъ слезы.

Налѣво отъ двери стояли ширмы, за ширмами, стояла кровать, столикъ, шкапчикъ, уставленной лекарствами и волтеровское кресло. На немъ дремалъ докторъ; онъ даже и не слыхалъ, какъ мы вошли. На кровати лежала татап, у кровати стояла молодая дѣвушка въ бѣломъ утреннемъ капотѣ. Засучивъ немного рукава, она терла виски татап одеколономъ. Въ ком-

¹ *Зачеркнуто:* старушка Афимья.

натѣ было почти темно, жарко и пахло [65] мятой, одеколоном, Гофманскими каплями и другимъ, чѣмъ, не знаю, какъ вамъ описать его, но это было одно изъ ясныхъ [?] впечатлѣній моихъ въ эту минуту.

Не только когда я слышу этотъ запахъ, но когда я вспоминаю о немъ, воображеніе переноситъ меня съ необыкновенной вѣрностью къ этой ужасной минутѣ.

Дѣвушка эта была сосѣдка наша, о которой мама писала, и которая была извѣстна намъ подъ именемъ *la belle Flamande*.¹ Лишь только она увидала насъ, она покраснѣла, отняла одну руку отъ висковъ мама только для того, чтобы освидѣтельствовать ею, не непристойенъ ли ее туалетъ (она была въ распашномъ пенуарѣ), и не кланяясь отцу, грустно, почти незамѣтно улыбувшись, шопотомъ сказала ему: «въ забытьи». Нѣкоторые говорятъ, что въ сильномъ горѣ человекъ не думаетъ ни о чемъ больше, какъ о своемъ горѣ. Неправда, я былъ въ сильномъ горѣ въ эту минуту, но я замѣчалъ всѣ мелочи: напримѣръ, я замѣтилъ эту полуулыбку *de la belle Flamande*,¹ которая значила: «хотя и грустное теперь время, но все я вамъ рада». Я замѣтилъ, какъ отецъ въ одно и то же время, какъ онъ посмотрѣлъ на лицо мама, кинулъ взглядъ и на ее прекрасныя, обнаженныя почти до локтя, руки. Я увѣренъ, что отецъ, который былъ убитъ горемъ въ эту минуту, полюбовался этими руками, но подумалъ «какъ можно въ такую минуту думать о такихъ вещахъ». Глаза мама были открыты, но она не видала. О, никогда не забуду я этаго страшнаго взгляда! Въ немъ было видно ужасное страданіе! Насъ увели. Больше я ничего не помню, не знаю и вспоминать не хочу. Страшно! Я потомъ у² Прасковьи Савишны спрашивалъ о кончинѣ матушки. Вотъ что она мнѣ сказала. «Какъ васъ увели, она еще долго металась, моя голубушка, какъ давило ее точно что то, потомъ спустилась съ подушекъ и будто задремала такъ тихо, спокойно, точно Ангелъ небесный, только дышала тяжело. Мы хотѣли съ Софьей Александровной хотъ подушечку подъ головку подложить. Но П. И. сказалъ, что лучше ее не трогать, чтобы не разбудить. Я вышла посмотрѣть, что питье не несуть, прихожу, а ужъ она опять, моя сердечная, все раскидала на постелѣ и все манитъ Софью Александровну къ себѣ. Та нагнется къ ней, а ужъ силъ, видно, нѣтъ сказать что; отворить губку и только вздохнетъ, потомъ все охала: «Боже мой, Господи, дѣтей, [66] дѣтей.» И какимъ жалобнымъ голосомъ. Видно хотѣлось ей васъ благословить. Я хотѣла за вами бѣжать. И. М. опять сказалъ: «не надо, это хуже встревожить, не ходи», и послѣ ужъ только все руку подыметъ и опять опуститъ. И что она этимъ хотѣла, Богъ ее знаетъ. Я такъ думаю, что васъ заочно

¹ [красавицы фламандки.]

² *Зачеркнуто:* Афимья.

благословляла, да видно не привелъ Господь Потомъ видно опять подстушила хуже боль, приподнялась, моя голубушка, по глазамъ видно, что ужасно мучалась бѣдняжка, и опять упала на подушки «Матерь Божія, не остави ихъ», и уцѣпилась зубами за простыню, а слезы въ три ручья такъ и потекли — «Ну потомъ?» спросилъ я — «Что потомъ, батюшка», и слезы закапали изъ глазъ доброй старушки Она махнула сморщенной рукой и не могла больше говорить

Мама умерла въ ужасныхъ страданіяхъ За что? Помню я, какъ на второй день взшелъ я въ гостиную На столѣ стоялъ гробъ, в гробу лежала мама Это было вечеромъ, свѣчи на горѣли, одинъ дьячокъ сидѣлъ въ дальнемъ углу, и слышно было его однообразное и тихое чтение Лицо было открыто Я тихо отворилъ дверь, дьячокъ оглянулся, но продолжалъ читать Мнѣ хотѣлось посмотрѣть еще разъ на нее Неописанное чувство страху обуяло всего меня, нервы были разстроены, на щекахъ только что высохли слезы, я подошелъ къ столу и сталъ смотрѣть, но я видѣлъ только свѣтъ, парчи, серебряные подсвѣчники Я сталъ смотрѣть пристальнѣе, взоры мои устремлялись на то мѣсто, гдѣ должна была быть ея голова Розовая подушка, чепчикъ, вѣнчикъ, и еще что то бѣлое цвѣта воска, которое я принималъ то за лицо, то говорилъ себѣ, что это не можетъ быть — все сливалось вмѣстѣ, и ничего для меня не представляло Я сталъ на стулъ, чтобы лучше разсмотрѣть, но и тутъ сначала я не вѣрилъ себѣ, что то желтоватое безцвѣтное мѣсто, на которомъ я сначала не могъ разобрать ничего, (мнѣ страшно было вѣрить) было ея лицо, но малу по малу я сталъ узнавать знакомыя милыя черты, сталъ [67] вглядываться въ нихъ, и, несмотря на то, что глазъ не было, что на одной щекѣ, подъ кожей, видно было черноватое пятно, складъ губъ вытянувшіяся линии щекъ, опущенныя вѣки, лобъ, на которомъ сгладились всѣ морщины, — все носило такой отпечатокъ величя спокойствія и спокойствія неземнаго, что я не могъ оторвать глазъ отъ него — «Я смотрѣлъ, смотрѣлъ и долго смотрѣлъ, сколько времени, я не могъ бы сказать, потому что въ это время не было для меня времени, и о чемъ я думалъ, что я чувствовалъ, этаго описать нѣтъ силъ Сначала, смотря на это лицо, съ которымъ соединялось столько дорогихъ воспоминаній, я воображалъ и вспоминалъ ее то въ томъ, то въ другомъ положеніи, воображеніе рисовало цвѣтущую жизнью и радостью картины, а передо мною лежала смерть Воображеніе измучалось этой работой, которая безпрестанно разрушала дѣйствительность»

Я увѣренъ, что ангелы, которые въ небесахъ несли душу моеи матери, чтобы вселить ее въ жилищѣ праведныхъ и отдать ее Богу, взяли и мою на время Такъ пробылъ я, облокотясь къ стѣнѣ до тѣхъ поръ, пока не отворилась дверь, и не взшелъ другой дьячокъ на смѣну Это разбудило меня Все время, которое я провелъ въ этомъ созерцаніи, можно вычеркнуть изъ

моей жизни; я не помню,¹ но зато послѣ смерти моей, я увѣренъ, что душа моя вспомнить эти минуты. Я не плакалъ, но когда меня разбудили, я замѣтилъ, что мнѣ пора выдти, и мысль, что дьячокъ, который видѣлъ мое положеніе, можетъ принять его за безчувственность и дѣтское любопытство, пришла мнѣ. Я перекрестился, поклонился въ землю, и слезы хлынули изъ глазъ моихъ градомъ. Было 12 часовъ; я пошелъ спать. Я спалъ крѣпко, спокойно и долго². Нервы мои успокоились, утромъ мы пошли къ панаевидѣ, которую служили передъ тѣмъ, какъ нести тѣло въ церковь. Дворовые и крестьяне пришли всѣ въ слезахъ простаться. Мнѣ досадно было, что и они плачутъ и показываютъ знаки горести также, какъ и я, и что нѣтъ мнѣ никакого средства показать имъ, что я огорченъ больше всѣхъ ихъ (навѣрно больше половины плакали отъ души). Напрасно я сердился на нихъ. Запахъ былъ сильный и тяжелый, но мнѣ не вѣрилось, чтобы это пахло тѣло, я искалъ другой причины. Во время понаевиды я не молился, но стоялъ въ душѣ довольно хладнокровно, хотя плакалъ и кланялся безпрестанно въ землю. — Новый полуфрачекъ, который на меня надѣли, жалъ мнѣ подъ мышками, и рукава нехорошо сидѣли, и я чувствовалъ, что я скорѣе смешонъ въ этой одеждѣ, [68] чѣмъ жалокъ. Ежели бы меня оставили въ обыкновенномъ платѣ, какое бы оно смѣшное ни было, хоть арлекинское, мнѣ бы это въ голову не пришло, но о новомъ, непривычномъ платѣ я думалъ. Я наблюдалъ за повой отца, который стоялъ у изголовья гроба блѣдный, какъ платокъ, и, какъ видно, съ усиленіемъ удерживалъ слезы. Онъ былъ прекрасенъ въ эту минуту, всѣ движенія его были, какъ и всегда, граціозны, свободны и увѣренны, но не знаю, почему, мнѣ въ эту минуту представилось его лицо, когда онъ въ кондитерской хотѣлъ поцѣловать французенку. Я старался отогнать мысль о немъ, но невольно думалъ о томъ, что онъ слишкомъ величественъ въ своей горести. Я не могъ понять, почему онъ не плачетъ и старается выказывать твердость. — Онъ старался сказать твердымъ голосомъ, чтобы пода[ли] табуретъ къ гробу, но голосъ его дрожалъ.

Афектація всегда поражала меня. Онъ старается и можетъ удерживаться отъ порывовъ горести и даже помнитъ о томъ, что нужно, стало быть и онъ не такъ убитъ горемъ, чтобы думать только объ немъ. Я почувствовалъ [въ] немъ [?] это и обвинилъ его въ томъ же, въ чемъ обвинялъ и себя. Меня утѣшала мысль, что не я одинъ безчувственъ. Панафида кончилась, лицо открыли, и всѣ стали простаться, прикладываться, но намъ не позволили. Я стоялъ и смотрѣлъ на эту печальную церемонію. Подошла прикладываться какая то крестьянка съ дѣвочкой лѣтъ 6 на рукахъ. Въ это самое время я хотѣлъ уйдти и сталъ кланяться въ землю, но только что я нагнулся, меня поразилъ

¹ Зачеркнуто: всего того, что происходило въ моей душѣ.

² Зачеркнуто: какъ и всегда послѣ слезъ и горя.

страшный крикъ, но такой страшный, такой произвительный и исполненный ужаса, что, проживи я 100 лѣтъ, я никогда его не забуду, и всегда пробѣжитъ дрожь по моему тѣлу, когда я вспомню объ этомъ «а...а...а...» Я поднялъ голову — на табуретѣ подлѣ гроба стояла та же крестьянка, держа въ рукахъ дѣвочку, которая взмахнувъ руками и отвернувъ голову, откинулась назадъ и продолжала кричать страшнымъ испуганнымъ голосомъ. Я вскрикнулъ, я думаю, ужаснѣ этой дѣвочки и выбѣжалъ изъ залы. Неужели здѣсь, въ этомъ гробу, лежитъ папан, и она возбуждаетъ ужасъ, та же папан, съ которой мы всегда жили, моя мать?! Это ужасно!!

⟨Я говорю, что есть какое то наслажденіе въ горѣ. И вотъ доказательство: въ то время, какъ я описывалъ это несчастіе, я чувствовалъ его не слабѣе, какъ тогда; мнѣ это доставляло какое то грустное удовольствіе. Но довольно. —⟩

Планы отца насчетъ насъ перемѣнились. Въ пансіонъ мы больше не возвращались, и въ ту же осень онъ повезъ насъ въ Д. Гимназію и поручилъ своему старому пріятелю. Перспектива наша была уже не купечество, а университетъ, служба. Капитала же, который онъ намѣренъ былъ положить на наше имя, онъ не положилъ, не знаю, почему. Должно быть потому, что весь его капиталъ, состоящій изъ 300,000,¹ [69] онъ оставилъ себѣ на игру. Игроку и нельзя было иначе поступить, тѣмъ болѣе, что все свое имѣніе онъ намѣренъ былъ передать намъ тогда, когда мы выйдемъ изъ Университета и получимъ первой чинъ (который въ то время давалъ родовое дворянство), въ противномъ же случаѣ, онъ намѣревался продать его и дать намъ деньгами. Но всѣ эти предположенія были такъ шатки и подвержены столькимъ случайностямъ, что ничего не было положительнаго. Онъ могъ умереть безъ завѣщанія, и тогда мы оставались безъ куска хлѣба. Такъ какъ онъ всю жизнь свою старался приобрѣтать во всѣхъ отношеніяхъ; такъ какъ для того, чтобы приобрѣтать, нужно умѣть пользоваться удобными случаями, онъ никогда [ни] на что неизмѣнно не рѣшался.

Смерть матушки однако была для него тяжелымъ ударомъ. Это горе такъ сильно на него подѣйствовало и такъ скоро прошло, какъ то лишь бываетъ съ людьми, одаренными такими пылкими страстями и способными быстро увлекаться ими.

Теперь слѣдуютъ 6 лѣтъ новой жизни, обстоятельства которой я вамъ описывать не буду. Ознакомлю васъ только съ главными переворотами, случившимися въ нашемъ семействѣ, и съ лицами, составляющими его. Отецъ жилъ зимы въ Москвѣ, и послѣ 4 удачныхъ зимъ (въ отношеніи игры) дѣла пошли худо, и онъ въ двѣ послѣднія зимы проигралъ все и остался при своихъ 400 душахъ, правда, очень хорошо устроенныхъ, потому что лѣтомъ, живя въ деревнѣ, онъ занимался хозяйствомъ и при-

¹ *Поперек текста на стр. 68 рукописи написано: Впечатл[ѣнія] В[олоди] Отца и Н[атальи] Сав[ишны].*

вель его въ довольно рѣдкіе между Русскими помѣщиками порядокъ и устройство.

Любочка, я уже вамъ сказалъ, кажется, была очень хорошенькая дѣвочка и стала хорошенькой дѣвушкой. Знали, что у отца есть деньги, и что онъ намѣренъ ей дать хорошее приданое. Подвернулся К. помѣщикъ, дальній сосѣдъ по имѣнію, но близкій знакомый по охотѣ, скупой, пожилой и грубой хохоль Пестовичъ, [70] сдѣлалъ предложеніе. Обоюдныя условія насчетъ приданого покончили съ большой тщательностью со стороны Пестовича и съ притворною щедростью и беззаботностью со стороны отца. Любочку мы совершенно потеряли изъ виду. Вся Губернія толковала, что отецъ мой прекрасный, примѣрный отецъ, что онъ такъ пристроилъ дочку, что хоть бы родному [?]. Да и что говорить, какіе балы задавалъ! — Мими Купферталъ послѣ свадьбы была отпущена. Семейство Ипатовичъ оказалось чудомъ неблагодарности, по ея словамъ. Что, ежели бы Княгиня была жива и видѣла это? Карлъ Иванычъ давно былъ отпущенъ. Мими жила съ Ювой въ Москвѣ и, неизвѣстно, на какія суммы, нанимала квартиру, лучшихъ учителей всѣхъ возможныхъ искусствъ и наукъ для образованія необыкновенныхъ способностей ко всему Ювы. Подробное положеніе всѣхъ этихъ лицъ вы узнаете изъ послѣдующихъ моихъ записокъ. Теперь поговорю немного про насъ и наше развитіе въ этотъ 6-ти годовою періодъ.

Чтобы понять характеръ молодыхъ людей, нужно разсматривать поступки ихъ въ трехъ главныхъ сферахъ и подвиги ихъ на трехъ этихъ поприщахъ; имянно: наукъ, свѣтскаго обращенія и нѣжнѣйшей изъ страстей. — Подъ свѣтскимъ обращеніемъ я разумѣю обращеніе со всѣми людьми, съ которыми судьба сталкиваетъ человѣка: высшихъ, низшихъ, равныхъ. Начну по старшинству съ Володи. Въ общихъ чертахъ описывать характеръ такъ трудно, что даже невозможно. Я разъ уже пробовалъ описать вамъ въ общихъ чертахъ нашу жизнь въ училищѣ, и мнѣ не удалось. Теперь, чтобы дать вамъ понятіе о нашихъ *респективныхъ* характерахъ, я возьму эпизоды изъ нашей жизни самые простые, но постараюсь какъ можно подробнѣе передать ихъ вамъ, и съ тою же простотою, [71] съ которою тогда они представлялись мнѣ. —

Какъ уже я сказалъ вамъ, мы были поручены одному пріятелю папа, у него и жили. — Пріятель этотъ былъ профессоромъ физиологіи человѣческаго тѣла и Анатоміи, вмѣстѣ читалъ онъ Исторію Медицины. Отецъ мой знавалъ его въ первой своей молодости, былъ съ нимъ однокашникъ. Обращаясь всегда въ высшемъ или близкомъ къ высшему кругу обществахъ, отецъ совершенно упустилъ его изъ виду и даже, ежели бы и имѣлъ его на виду, то не очень бы обрадовался. Когда же пришло время насъ пристроить, папа вспомнилъ, хотя и не блестящаго, но полезнаго въ настоящихъ обстоятельствахъ профессора и узнавъ,

что онъ преподаетъ вышеозначенныя науки, и что онъ деканъ и даже одно время исполнялъ должность Ректора, сообразилъ, что эта связь, которую совершенно отъ него зависитъ поддерживать визитомъ и ласковымъ обхожденіемъ, можетъ быть для него и для насъ крайне полезна. Папа почиталъ бесполезнымъ освѣдомиться о томъ, въ какомъ онъ Факультетѣ былъ Деканомъ, довольно того, что это слово звучало пріятно въ его ушахъ, особенно съ прибавленіемъ Профессоръ Эмеритъ [?], не обращая вниманія на то, что мы никогда не предназначались къ Медицинской карьерѣ; онъ вообразилъ, что его вліяніе на всѣхъ молодыхъ людей, воспитывающихся въ Университетѣ, всемогуще. Сообразно съ этимъ, сдѣлавъ первый визитъ самому Доктору и вторичный его семейству, папа умѣлъ, несмотря на пришепетованіе, внушить величайшее уваженіе къ своей особѣ будущему нашему покровителю, который, несмотря на всѣ свои прекрасныя качества, былъ очень тщеславенъ и твердо убѣдился въ томъ, что онъ можетъ быть намъ полезенъ, и что это составить его непремѣнную обязанность для того, чтобы не отстать отъ общества и всегда быть въ состояніи возобновить съ нимъ [72] связи, съ помощью которыхъ онъ будетъ въ состояніи прилично пристроить свою 16-ти лѣтнюю дочку, бѣлокуренькую овечку Зинаиду. Но что я рассказываю? Я только хотѣлъ сказать, что мы жили у Доктора, и въ 1836 году въ Апрѣлѣ Володя, у котораго была особенная комната, сидѣлъ въ ней на большемъ креслѣ съ половьями, которое пріятно покачивалось, держалъ въ рукахъ тетрадки Уголовнаго права и, задравши ноги кверху, смотрѣлъ съ большимъ вниманіемъ [на] стѣны и потолокъ своей комнаты. —

Дѣло происходило передъ экзаменами, за 5 дней до экзамена Уголовнаго права Профессора Шмерца [?], который, какъ то было извѣстно черезъ некоего студента — собаку, который составлялъ вопросы, былъ недоволенъ осанкою Володи, находя ее слишкомъ самостоятельной, и выражался такъ: «Я знать ничего не хочу; я сужу по репетиціямъ, а г-нъ Картилинъ [?] отозвался, что онъ не м[ожетъ] приготовить всѣхъ прочитанныхъ лекцій. Посмотримъ, онъ уменъ, я знаю, но и я тоже твердъ въ своемъ словѣ. Г-нъ К. еще молодъ, и ему нужно пробыть два года въ 3-емъ курсѣ для узнанія основательнѣе предмета».

Понятно, что Володя занимался этимъ предметомъ преимущественно передъ другими и неуспѣшно. Комната его была написана по всѣмъ стѣнамъ Философіями уголовного права и даже въ одномъ мѣстѣ конспектъ смѣшанныхъ теорій доставлялъ до потолка. Меблировка Володиной комнаты состояла изъ кресла на половьяхъ, *сидѣло*, какъ говорилъ Володя, *кинутаго на середину комнаты*. Всѣ находили, что это кресло, хотя и чрезвычайно пріятно въ немъ качаться, стоитъ не у мѣста, но Володя утверждалъ, что это такъ нужно, и что онъ, какъ хорошіе живописцы, не размазываетъ тщательно картины, а смѣло

сажаетъ шишки. Онъ такъ выговаривалъ это слово «шишки» и, сжимая всѣ [73] пальцы правой руки, дѣлалъ ими движеніе, какъ будто бросая что-нибудь съ отвращеніемъ, что всѣ слушавшіе его невольно убѣждались, что это кресло *шишка* и стоитъ прекрасно.

Заговоривъ о *шишкахъ*, я нахожу, что это темно для всѣхъ, кромѣ членовъ нашего семейства [и] короткихъ знакомыхъ, и понять настоящее значеніе того, что я говорю, можетъ только человѣкъ, котораго я называю понимающимъ. Я общался вамъ растолковать то, что я называю понимающими [и] непонимающими людьми. Нѣтъ удобнѣе случая. Но приступая къ этому объясненію, я боюсь, что не съумѣю провести для васъ эту черту, которая въ моихъ глазахъ раздѣляетъ весь родъ человѣческій на два разряда. Ни одинъ изъ качественныхъ противоположныхъ эпитетовъ, приписываемыхъ людямъ, какъ-то, добрый, злой, глупый, умный, красивый, дурной, гордый, смиренный, я не умѣю прилагать къ людямъ: въ жизни моей я не встрѣчалъ ни злого, ни гордаго, ни добраго, ни умнаго человѣка. Въ смиреніи я всегда нахожу подавленное стремленіе гордости, въ умнѣйшей книгѣ я нахожу глупость, въ разговорѣ глупѣйшаго человѣка я нахожу умныя вѣщи и т. д. и т. д., но понимающій и не понимающій человѣкъ, это вѣщи такъ противоположныя, что никогда не могутъ слиться одна съ другою, и ихъ легко различить. Пониманіемъ я называю ту способность, которая способствуетъ намъ понимать мгновенно тѣ тонкости въ людскихъ отношеніяхъ, которыя не могутъ быть постигнуты умомъ. Пониманіе не есть умъ, потому что, хотя посредствомъ ума можно дойти до сознанія тѣхъ же отношеній, какія познаетъ *пониманіе*, но это сознаніе не будетъ мгновенно, и поэтому не будетъ имѣть приложенія. Отъ этого очень много есть людей умнѣйшихъ, но не понимающихъ; одна способность нисколько не зависитъ отъ другой. —

[74] Такъ опять совсѣмъ другое дѣло. Такъ есть умѣніе обращаться съ людьми, и хотя для этого умѣнія необходимо пониманіе отношеній людскихъ, но это пониманіе можетъ происходить отъ привычки, отъ хорошаго воспитанія, а чаще всего люди, такъ называемые съ тактомъ, основываютъ эту способность на хладнокровіи, на умѣнии владѣть собою и на медленности и осторожности во всѣхъ проявленіяхъ. Отъ этого ббльшей частью люди съ тактомъ люди непонимающіе. Медленность и хладнокровность совершенно противоположны этой способности, основанной, напротивъ, на быстротѣ соображенія. Какая разница между человѣкомъ, который ѣдетъ съ визитомъ соболѣзнованія въ домъ, хозяева котораго сильно огорчены потерю какого нибудь родственника и говоритъ тамъ, почитая то своею обязанностью, пошлыя и избитыя фразы участія, и тѣмъ, который, предвидя въ этомъ визитѣ много тяжелыхъ минутъ, не ѣдетъ вовсе? Какая разница между человѣкомъ,

который съ перваго взгляда на другаго человѣка говоритъ вамъ: «это порядочный человѣкъ», и тѣмъ, который парикмахера принимаетъ за артиста? Какая разница между тѣмъ человѣкомъ, который, когда кончился анекдотъ, спрашиваетъ васъ: «ну, а потомъ?» не понимая, какъ грубъ этотъ вопросъ, и тѣмъ, который, когда вы только начинаете рассказывать, оцѣнилъ уже вашъ рассказъ и никогда не спроситъ этаго? Разница между человѣкомъ понимающимъ и непонимающимъ. Самыя пріятныя отношенія съ людьми понимающими. Есть много понятій, для которыхъ не достааетъ словъ ни на какомъ языкѣ. Эти то понятія могутъ передаваться и восприниматься только посредствомъ пониманія. Чтобы передать такого рода понятіе, для котораго нѣтъ выраженія, одинъ изъ собесѣдниковъ говоритъ другому одинъ изъ признаковъ этаго понятія или выражаетъ его фигурно; другой [75] по этому признаку или фигурѣ, а болѣе по предшествующему разговору и выраженію губъ и глазъ понимаетъ, что первый хочетъ выразить, и, чтобы еще болѣе объяснить понятіе и вмѣстѣ съ тѣмъ показать, что оно для него понятно, говоритъ другой характеристическій признакъ. Это средство распространяетъ кругъ разговора и притомъ доставляетъ большое наслажденіе. Когда люди привыкли одинъ къ другому, то игра эта идетъ съ необыкновенною быстротою, и чѣмъ быстрее, тѣмъ пріятнѣе, какъ игра въ мячъ. Въ нашемъ семействѣ пониманіе весьма развито, и сначала я полагаю, что оно произошло отъ одинаковаго воспитанія, оттого что каждому изъ насъ вся жизнь другаго извѣстна до мельчайшихъ подробностей, однимъ словомъ, что оно происходило отъ сродства въ мысляхъ, такъ же, какъ и можетъ существовать независимо отъ способности пониманія во всякихъ кружкахъ, но сталкиваясь съ различными людьми, я убѣдился окончательно, что, несмотря на чрезвычайную разницу въ прошедшемъ съ многими людьми, нѣкоторые сейчасъ понимали, другіе, какъ ни часто я съ ними сходилъ, всегда оставались непонимающими, и что рѣзкая черта эта между всѣми людьми существуетъ, хотя и съ подраздѣленіемъ: на людей, понимающихъ всегда и вездѣ, и на людей, понимающихъ въ извѣстномъ кружкѣ и вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ. Я привелъ примѣръ *шишки*. Шишка называлась у насъ такая вѣщь, которая поставлена не у мѣста, съ претензіею на *laisser aller*.¹ — Видите, какъ много словъ въ описаніи понятія, которымъ выражалось *шишка* и значило гораздо больше. Такъ, шишка говорилась о извѣстномъ способѣ завязывать галстукъ; даже въ разговорѣ, въ лекціяхъ профессоровъ нѣкоторые отступленія назывались *шишка*. Много было у насъ такихъ понятій, выраженныхъ странно, много типовъ. Напримѣръ, въ то время, какъ перестали носить штрипки, *со штрипками* выражало очень много:

¹ [дать свободно развиваться событіям.]

[76] галстукъ «со стрипками», прическа «со стрипками», даже разговоръ и манера танцовать «со стрипками» были для насъ вѣщами очень ясными. Продолжаю. Меблировка комнаты состояла изъ этаго кресла на половьяхъ, дивана, который очень искусно превращался къ вечеру въ кровать и къ утру опять приходилъ въ первобытное положеніе, ломбернаго стола, который всегда былъ раскрытъ, и на которомъ лежали книги, тетради, пенковая трубка, изъ которой никто не курилъ и, такъ называемая, [изюм]ная чернильница съ подсвѣчникомъ въ серединѣ. (Одинъ разъ, спрашивая Володю объ одномъ молодомъ человѣкѣ, юнкерѣ, нашемъ родственникѣ, я сказалъ ему, не удовлетворяясь его отвѣтами: «да ты дай мнѣ о немъ понятіе. Что онъ глупъ былъ?» — «Нѣтъ, онъ еще молоденькой мальчикъ былъ, ни глупъ, ни уменъ, такъ себѣ, но, знаешь, въ такомъ возрастѣ, въ которомъ всегда бываютъ смѣшны молодые люди. У него была губительная слабость, отъ которой, я всегда увѣрялъ его, онъ разстроитъ и желудокъ и обстоятельства, это изюмъ покупать.» — «Какъ изюмъ? спросилъ я. «Ну да какъ изюмъ? Какъ есть деньги, ужъ онъ не можетъ выдержать, посылаетъ въ лавочку покупать изюмъ, не изюмъ, такъ пряники, а не пряники, такъ саблю или тѣрку какуюнибудь купить.») Съ тѣхъ поръ изюмомъ называется у насъ всякая такого рода покупка, которая покупается, не потому что ее нужно, а такъ. Володя признавался, что чернильница эта была куплена въ изюмныя времена, да и видъ она имѣла изюмный.

Докторъ, должно быть предполагая, что посѣщеніе его никакъ для насъ не можетъ быть непріятно, заходилъ очень часто то въ мою, то въ Володину комнату. Онъ долго сидѣлъ у меня, и, несмотря на то, что дѣйствительно мнѣ было некогда переливать съ нимъ изъ пустаго въ порожнее на какую-то философическую тему, несмотря на то, что передъ тѣмъ, какъ онъ взошелъ ко мнѣ, я съ математической вѣрностью расчелъ, на сколько часовъ предстоитъ мнѣ занятій, и, несмотря на то, что я сказалъ [77] самъ себѣ, что не дамъ никому помѣшать себѣ, прямо скажу, что мнѣ некогда, онъ сидѣлъ у меня, и, хотя я слушалъ его и самъ отвѣчалъ ему, мысль моя была занята тѣмъ, что глупо, бессмысленно изъ ложнаго стыда разстроивать порядокъ своихъ занятій. А между тѣмъ что то говорило во мнѣ: «совѣстно сказать ему, что некогда; онъ такъ радъ поговорить старикъ съ человѣкомъ, объ умѣ котораго онъ весьма высокаго мнѣнія, и говоритъ онъ не глупо, главное-же, какъ замѣтить ему, что онъ мнѣ мѣшаетъ, когда онъ въ полной увѣренности, что дѣлаетъ мнѣ превеликую честь и удовольствие. Впрочемъ онъ самъ скоро уйдетъ, не стоитъ и обижать его. Вотъ Володя, тотъ, хотя также хорошо понимаетъ всѣ эти тонкости, и хотя ему нужнѣе его задобривать по случаю дочки, но Володя сейчасъ скажетъ, и видно, что ему это труда никакого не стоить. Я тоже могу, но это стоить мнѣ всегда большаго труда, и я сдѣлаю это разъ,

два, но никогда такое обращеніе не взойдетъ мнѣ въ привычку, а, чтобы успѣвать въ дѣлахъ мірскихъ, это необходимо, и отъ мала до большаго между мной и Володей эта разница. Должно быть отъ этаго Володя приобретаетъ вліяніе на другихъ. Вѣдь докторъ, хотя старикъ, но уважаетъ его; это видно во всемъ его обращеніи.»

Такъ разсуждалъ я втихомолку, а Докторъ, преспокойно усѣвшись на моей постели, такъ покойно, что не было надежды, чтобы онъ когда-нибудь всталъ, разсуждалъ вслухъ: «Я все-таки полагаю, что тѣ люди, которые, какъ вы говорите, счастливы своей независимостью и твердостью, съ которыми переносятъ неудачи, не могутъ быть совершенно счастливы: Эгоизмъ происходитъ отъ слабости. Они не могутъ любить, потому что не чувствуютъ довольно силы, чтобы сдѣлать счастье другихъ людей. Какъ не говорите, а этихъ людей я презираю». Онъ сбиль ногтемъ средняго пальца пепель съ конца сигары. Я самъ какъ-то затѣялъ рѣчь объ эгоистахъ, теперь же вовсе не слушалъ, и мысли мои можно было перевести вотъ какъ: «что онъ толкуетъ *слабость, чувствуютъ силу какую-то*, [78] не хочется мнѣ спорить, а стоитъ, чтобы его сбить, только спросить, что онъ разумѣетъ подъ этими фразами; и долго ли еще онъ намѣренъ сидѣть; должно быть еще докурить эту сигару; хоть бы онъ къ Володѣ пошелъ». Ожиданія мои сбылись. «Повѣрьте мнѣ, М. А., вы еще молоды, нѣтъ выше счастья для человѣка извѣстныхъ лѣтъ, какъ имѣть такое занятіе, которымъ бы онъ занимался съ любовью. Вотъ я, напримѣръ, да впрочемъ, что вамъ говорить; вы знаете, какъ я живу», и онъ такъ разгорячился, что, не доканчивая доказательствъ, какимъ образомъ онъ одинъ умѣлъ найдти счастье (что впрочемъ онъ мнѣ неоднократно доказывалъ), онъ всталъ, бросилъ сигару за окошко и сказалъ: «однако вамъ надо заниматься; не хочу вамъ мѣшать, теперь, я знаю, для студентовъ минута дорога» и вышелъ.

Когда мнѣ бывало помѣшаютъ въ занятіяхъ, какъ помѣшалъ этотъ Докторъ, не столько мѣшаютъ тѣмъ, что отрываютъ отъ занятій, но, такъ какъ я очень впечатлителенъ, разстраиваютъ настроенность духа. Только что онъ ушелъ, я не сѣлъ заниматься, а вышелъ, слышалъ, какъ онъ взошелъ къ Володѣ, потянулся и сталъ ходить по комнатѣ, улыбаясь и думая, Богъ знаетъ о чемъ: и о томъ, что онъ добрый человѣкъ, но очень тщеславенъ, о томъ, что изъ чего онъ такъ хлопочетъ рисоваться передо мной своими добродѣтелями, о томъ, что славно, что онъ ушелъ, но что можно зайдти къ Володѣ, отдохнуть и поболтать; притомъ же я не всталъ, какъ онъ уходилъ, можетъ онъ обидѣлся.

Володя сидѣлъ въ той же позѣ, Докторъ на диванѣ и толковалъ что-то о томъ, что по его мнѣнію, человѣку безъ средствъ жениться на дѣвушкѣ тоже небогатой, онъ почитаетъ дѣломъ подлымъ и низкимъ и т. д. «Какъ это попалъ на этотъ

пунктъ у нихъ разговоръ? — подумалъ я — и какъ онъ можетъ съ [79] жаромъ толковать обо всемъ. Должно быть у него нѣтъ никакихъ убѣжденій, отъ этого онъ какъ-то страненъ и стыдливъ, а иногда грубъ и неловокъ въ обращеніи. Теперь, напримѣръ, онъ не замѣчаетъ, что этотъ разговоръ похожъ на намекъ Володѣ, который волочится за его дочерью. Я бы растерялся въ такомъ положеніи, а Володя чудо какъ холодно и просто отвѣчаетъ ему, что нельзя предполагать, чтобы человѣкъ, имѣющій нѣкоторыя способности, не нашелъ средствъ содержать семейство, «и притомъ, говорилъ онъ, любовь извиняетъ его, ежели бы даже жена его перемѣнила образъ жизни», что любовь мужа для нея должна замѣнить эту потерю.

— «А для дѣтей что облегчить нищету? Нѣжныя рѣчи и воркованье родителей, которые, повѣрьте, въ бѣдности перестанутъ нѣжничать?»

Должно быть тутъ онъ замѣтилъ, что этотъ разговоръ могъ имѣть отношеніе къ взаимному отношенію его къ Володѣ, и онъ сейчасъ же и чрезвычайно неловко и глупо перемѣнилъ тонъ.

Вы понять не можете, сколько положеніе наше заставляло насъ переносить страданій такихъ, о которыхъ и мысль не придетъ другому. Я сначала думалъ, что эти страданія происходили только отъ дурной наклонности анализировать все, даже пустую рѣчь пустаго человѣка, но теперь я убѣжденъ, что, вслѣдствіе нашего положенія и безпрестанныхъ мелкихъ страданій для самолюбія, развилась эта способность. Вамъ бы никакъ не пришла въ эту минуту та мысль, которая заставила пожелать доброму старику всего самаго дурнаго за его неловкость. Ежели бы я былъ помоложе, я бы заплакалъ. Положимъ, онъ говорилъ безъ всякой цѣли, но для насъ это было тяжело. Рожденіемъ и воспитаніемъ поставленные на такую степень, съ которой, естественно, мы могли не то, чтобы презирать его, по крайней мѣрѣ нисколько не нуждаться въ Докторѣ, мы въ тоже время были въ такомъ положеніи, что могло казаться, что Володя за честь почитаетъ получить по выходѣ изъ Университета руку Докторской дочки. Во всѣхъ [80] такого рода случаяхъ я всегда страдалъ гораздо больше за братьевъ, чѣмъ за самаго себя. Часто приходила мнѣ мысль, глядя на гордое, прекрасное и всегда спокойное лицо Володи, что бы было, ежели бы ктонибудь пришелъ и сказалъ бы ему въ глаза: «ты.....¹ называлъ бы его такъ, какъ бранно называютъ незаконныхъ дѣтей. Дрожь всегда пробѣгаетъ по тѣлу при этой мысли. Что бы было? Что бы онъ сталъ дѣлать? Нѣтъ, этаго не можетъ быть. Впрочемъ, это уже другое чувство, это тоже чувство, что думаешь, что, ежели взять, да броситься съ этого обрыва, или, какъ мнѣ всегда приходитъ на мысль, когда я вижу очень важное лицо:

¹ Точки в подлиннике.

«что ежели кто нибудь подойдет и ударить изо всѣхъ силъ его по носу кулакомъ. Что будетъ?»

Докторъ сталъ закусывать губы и покраснѣлъ даже. «Да, я съ вами согласенъ въ томъ, что, ежели челоуѣкъ твердо увѣренъ въ томъ, что можетъ быть опорю своего семейства...»

Я увѣренъ, что Володя все замѣтилъ не хуже моего, но онъ остался также спокоенъ и продолжалъ съ улыбкой и такимъ тономъ, который принимаютъ обыкновенно, чтобы кончить разговоръ: «Пускай даже онъ обманется въ своихъ надеждахъ, приведетъ въ бѣдность свое семейство, этаго я и знать не хочу, вы будете смѣяться, но я того мнѣнія, что любовь, истинная любовь извиняетъ все». Онъ помолчалъ немного, взглянулъ на свои тетрадки и, сейчасъ же обратившись къ Доктору: «вы меня извините, Докторъ, но я теперь работаю рѣшительно безъ отдыха». Онъ указалъ на стѣны, на потолокъ, улыбнулся, всталъ съ мѣста и взялъ въ руки тетради. Что значили всѣ эти движенья, трудно объяснить, но должно быть Докторъ ихъ очень хорошо понялъ, потому что сейчасъ простился и просилъ зайти къ нему вечеромъ. Вслѣдъ за нимъ взоселъ товарищъ нашъ по [81] Университету, веселый, добрый и очень порядочный молодой челоуѣкъ Э. Володя очень обрадовался ему, потому что былъ съ нимъ большой пріятель, и какъ-то всегда они съ нимъ вмѣстѣ влюблялись и не ревновали другъ къ другу. Я очень обрадовался ему, потому что онъ вывелъ насъ изъ непріятнаго положенія. Послѣ такого разговора, который былъ съ Докторомъ, и вообще послѣ разговора, въ которомъ было что нибудь непріятнаго, я не люблю оставаться съ глазу на глазъ съ челоуѣкомъ, котораго я и который меня хорошо понимаетъ... Говорить, вспоминать и разбирать то, что было непріятнаго и скрытаго въ разговорѣ, кажется тяжелымъ, и мнѣ всегда не хочется начинать, между тѣмъ молчать о такой вѣщи, которую мы очень хорошо оба поняли, тоже смѣшно и неумѣстно, оттого что мы могли бы сообщить другъ другу интересныя вѣщи на этотъ счетъ.

— Ну умо-ри-тельно, бтець.

— Что?

— Да милые Кору и *надѣюсь на вашу любезность и всѣ*.

Надо замѣтить, что у нихъ былъ между собою условленный языкъ. Напримѣръ, всѣ фамиліи дѣвушекъ, за которыми они волочилились, они передѣлывали и придавали окончанія множественнаго числа. *Надѣюсь на вашу любезность* — значило мать Коровиной, а *Кору* — сама Коровина (дѣвушка.)

— Когда же ты ихъ видѣлъ? Да, я и забываю, что только я, несчастный, работаю, какъ лошадь, а ты по пунктамъ развѣзжаешь. (Пунктами назывались предметы любви.)

— Нынче былъ у нихъ, бтець, вѣдь *надѣюсь на вашу любезность* именинница. Пріѣзжаю я часовъ въ 12, ужъ народу пропасть: всѣ любители Коровъ, — лось, милашка Андреевъ

(техническія названія лицъ), однимъ словомъ, вся компанія Коровская, которую ты такъ ненавидишь, всѣ собрались и трудятся ужасно ѣсть пирогъ, любезничать и притомъ имѣть величавый видъ, что очень трудно, когда ротъ набить тестомъ, въ одной рукѣ шляпа, въ другой тарелка, и еще предлагаютъ бокаль. Ну я затмилъ ихъ совершенно; такъ приняли, [82] что уже дѣло начинаетъ принимать серьезный характеръ и очень. Какъ мы усѣлись съ милыми Корами, знаешь, на возвышеніи надъ плющемъ, *надѣюсь на вашу любезность* куда то отправилась и папаша тоже, и того и ждалъ, что для имянинъ они выдутъ съ образами. Да, до чего? Филипъ мой мнѣ рассказывалъ. Только-что я пріѣхалъ, изъ всего собранія кучеровъ вызываютъ его на крыльцо и для имянинъ *надѣюсь на вашу любезность* подносятъ ему стаканъ вина. По какому случаю? Неизвѣстно».

— Неужели, подхватилъ Володя, это очень мило, и Филипъ, я воображаю, какъ доволенъ; теперъ уже ты съ нимъ не совѣтуйся — *il est sottement*.¹ Да ты самаго интереснаго не расскажешь, что, Кору удовлетворительны ли были?

— Очень, т. е., какъ тебѣ сказать? Онъ пріостановился и сдѣлалъ движеніе, которымъ, видно, хотѣлъ замѣнить недостатокъ точности выраженій. Свѣжи были очень какъ лицомъ, такъ и туалетомъ. Серенькое, тебѣ уже извѣстное, платье, не менѣе извѣстная черная ленточка. Любезны были очень, но что-то я ко всему этому былъ очень хладнокровенъ. Не знаю, или это излишняя любезность милыхъ родителей, или то, что просто этотъ пунктъ становится плохъ, или меня разстроило то, что, какъ я взошелъ, они разсыпались въ любезностяхъ съ этимъ дуракомъ, ну, какъ его, толстого этого..... Улининымъ[?] и потомъ что-то шептались съ *юными Корами*. Не то ужъ, окончилъ онъ съ грустнымъ лицомъ.

— Такъ и лучше бы, сказалъ Володя, заниматься бы экзаменами, вотъ какъ я, тогда бы не охладѣлъ.

— Ахъ, да, объ тебѣ съ милой улыбкой очень распрашивали, отчего тебя не видно, и заботились о томъ, что перейдешь ли ты, какъ бы не помѣшалъ тебѣ Шмерцъ. Ужъ откуда она это знаетъ, удивительно, прибавилъ онъ, замѣтя, что Володя конфузится.

— Вѣрно этотъ дуракъ, *нашъ покровитель*, по всему городу благовѣститъ, прибавилъ Володя — вѣдь ему только и занятія, что о насъ говорить».

[83] — Что ты на него такъ сердить? Нѣтъ, онъ славный. Однако послушай, нынче еще дѣнь можно еще жуировать. При этомъ онъ взялъ со стола тетрадки Володи и отодвинулъ ихъ подальше. «Поѣдемъ по *пунктамъ*, пожалуйста, и М. съ нами поѣдетъ», сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ. — У него была такая удивительная веселость, что хотѣлось всегда участвовать въ

¹ [он развратился.]

ней, и притомъ онъ и самъ не понималъ веселости иначе, какъ avalanche.¹ Кого бы онъ не встрѣтилъ, онъ всякаго звалъ и, перемѣняя интонаціи, говорилъ «*пожалуйста, поѣдемъ*» до тѣхъ поръ, пока дѣйствительно находилъ настоящую и убѣждалъ. Но когда онъ обратился ко мнѣ, я былъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Слушая ихъ веселый, беззаботный разговоръ, мнѣ въ душѣ было имъ завидно, но я, сколько не пробовалъ, не могъ и не умѣлъ такъ волочиться, какъ они, и поэтому въ эту минуту бѣсъ научалъ меня презирать ихъ веселость, и что какъ они мною мало занимаются, такъ и мнѣ надо мало заниматься ими и идти въ свою комнату, но я не уходилъ. Надо замѣтить еще, что я такъ же какъ и они, былъ влюбленъ почти во всѣ *пункты*, но не могъ дѣйствовать такъ же, какъ они, потому что сталкивался бы вѣздѣ съ братомъ, а братъ меня такъ хорошо понималъ, и я его, что это столкновение было бы намъ непріятно. Поэтому, когда онъ обратился ко мнѣ, я сконфузился и отвѣчалъ, что «нѣтъ». Онъ былъ человѣкъ понимающій, поэтому не продолжалъ настаивать, сообразивъ, что это предложеніе мнѣ непріятно, но ежели бы у него спросить, почему оно мнѣ непріятно, онъ вѣрно ошибся бы и сказалъ, что я *Философъ* и не люблю этихъ вѣщей.

— Удивительно, я не знаю у него ни одного *пункта*, прибавилъ Володя, можетъ быть и есть таинственный какой нибудь, но мнѣ до сихъ поръ неизвѣстенъ.

Мнѣ опять было больно, что сказалъ Володя, тѣмъ болѣе, что я зналъ, что онъ не сказалъ^[84] бы этаго, ежели бы мы были съ нимъ съ глазу на глазъ. Я увѣренъ былъ, что онъ, хотя темно, но понималъ отчасти причину моей философіи. Отчего это, я не разъ замѣчалъ, между людьми, которые другъ друга хорошо понимаютъ, говорятся въ обществѣ такія вещи, которыя наединѣ не скажутъ ни за что другъ другу? Поговоривъ еще и довольно подробно о разныхъ *пунктахъ*, они сдѣлали распisanіе порядка, по которому слѣдовало нынче отправляться по *пунктамъ*, слѣдующее. Прежде ѣхать къ *Корамъ*, но зайти нельзя, потому что былъ утромъ; стало быть только постоять подъ окошкомъ. Оттуда къ *Бронамъ*; смотря по обстоятельствамъ войти или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ оставить знакъ своего присутствія, потомъ къ 10,000,000 (такъ называлась одна дѣвушка, въ которую тоже былъ влюбленъ Володя и названіе это получила отъ того, что, когда З. уѣзжалъ на ваканціи, то просилъ Володю писать къ нему и доносить о ней, но для того, чтобы въ какомъ нибудь случаѣ не открылось это дѣло, писать о ней подъ названіемъ 10 миллионъ. Я полагаю, что осторожность эта была совершенно излишняя.) и т. д. и т. д.

— А гдѣ Васенька? спросилъ З., не поѣдетъ ли онъ? Что онъ нынче философъ, артистъ, un homme tout à fait comme il

¹ [лавина.]

faut¹ или просто Васенька. Я его лучше всего люблю артистомъ. Кажется, нынче мы un homme très comme il faut, утромъ были у Т. и обѣдали тамъ въ гимназическомъ сертукѣ англійскаго покроя, и поэтому на него надежда плохая.

— Однако теперь еще рано, а я до 8 часовъ буду заниматься, въ 8 ты приѣзжаешь, а теперь прощай.

— Ну хорошо, такъ я пойду къ *покровителю*; ты вѣдь обѣщался прийти къ нему, такъ зайди за мной — это будетъ 5 пунктъ.

То, что сейчасъ такъ легко и просто сказано было о Васенькѣ, съ нѣкоторыми поясненіями дастъ вамъ ясное понятіе о его характерѣ въ это время. [85] Въ какое бы положеніе не поставила судьба человѣка, она всегда даетъ ему способы быть довольнымъ имъ. Чтобы быть довольнымъ въ томъ положеніи, въ которое насъ поставила судьба, нужно имѣть одну изъ трехъ качествъ: или твердость характера и практическую способность къ жизни, которой надѣленъ въ высшей степени Володя, или умѣніе [*1 неразобр.*] всегда и во всемъ свое тщеславіе, умѣніе, которымъ могу похвастаться, или какую нибудь одну блестящую спеціальную способность, которой былъ надѣленъ Васенька. Вы знаете, какой онъ былъ музыкантъ! Природа, какъ нарочно, раздѣлила эти качества между нами 3-мя. Извѣстно, что, когда ищешь одну вѣщь между многими, ту, которую нужно, находишь послѣднюю. Это справедливо даже тогда, когда молодой человѣкъ ищетъ себѣ дорогу. Васенька рожденъ, чтобы быть артистомъ, но онъ не убѣжденъ въ томъ, что это его призваніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ищетъ какую нибудь спеціальность и бросается то на философію, т. е. на такую дорогу, на которой прогрессъ его не будетъ повѣряться практической жизнью, и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ которой онъ можетъ почерпнуть убѣжденіе о своемъ достоинствѣ, то на музыку, но къ несчастію не остается на этой дорогѣ, но на grand genre,² въ которомъ, какъ въ вѣщи очень легкой, и къ которому онъ склоненъ, онъ дошелъ до большаго совершенства. Ни у кого я не видалъ такихъ рукъ и ногтей, какъ у него, зато онъ не выпускаетъ изъ рукъ желѣзки. Онъ знаетъ всѣ великосвѣтскіе анекдоты, отношенія, привычки, онъ отлично умѣетъ быть презрительнымъ, ласковымъ и т. д. Но къ несчастію не на чемъ разыгратья этому умѣнію. Въ этомъ городѣ есть 3 или 4 точно порядочныхъ дома, въ которыхъ Васенька свой человѣкъ и только. Онъ такъ привыкъ метаться въ этихъ направленіяхъ, что уже отвыкъ быть естественнымъ. Онъ поступаетъ наоборотъ. Обыкновенно по влѣченію чувствъ становится въ извѣстное положеніе и потомъ обсуживаетъ его, онъ же сначала обсуживаетъ и представляетъ себѣ извѣстное положеніе и потомъ [86] старается стать

¹ [вполнѣ порядочный человек]

² [светскость,]

въ него. Иной день онъ только и говоритъ, что о большомъ свѣтѣ и съ презрѣніемъ смотритъ на все, что не большой свѣтъ, другой день онъ сидитъ за какимъ нибудь Шиллингомъ, котораго не понимаетъ, и все пустяки кромѣ Философіи. За музыку же, за настоящую склонность и способность, къ несчастію онъ рѣже всего принимается. —

Ахъ, какъ онъ славно игралъ! Въ наше время (а можетъ быть, и всегда такъ было) развилось несмѣтное количество музыкантовъ, которые не занимаются музыкой, ничего не умѣютъ играть, и вмѣстѣ съ тѣмъ всегда и при всѣхъ имѣютъ дерзость играть и судить и рядить о музыкѣ. Иногда у этихъ безграмотныхъ Господъ точно есть талантъ, но къ несчастію отъ лѣни или отъ убѣжденія, что подчиниться труду и общепринятымъ правиламъ значитъ подавить талантъ, взглядъ ихъ дѣлается одностороннимъ, руки неспособными, и сами они дѣлаются очень неприятными. Бѣльшей частью жертвою этихъ Господъ дѣлаются фортепіано, на которомъ они экзекютируютъ свои фантазіи, состоящія изъ ряду диссонансовъ и консонансовъ, хотя и правильно, не имѣющихъ никакого смысла. — Эти Господа играютъ по слуху все, что слышатъ, и искажаютъ лучшія вѣщи. Обыкновенно они удаляются отъ людей, основательно понимающихъ музыку, и даже съ презрѣніемъ отзываются о нихъ, называя ихъ педантами и Нѣмцами, произведенія же своихъ талантовъ отдаютъ на судъ людей, которые безразлично говорятъ «c'est charmant»¹ про шутку Албицкаго и Мендельсона. Сужденія ихъ о музыкѣ похожи на тѣ сужденія, которыя я читалъ въ Французскихъ романахъ (по Французски позволительно врать — ужъ къ этому привыкли), напримѣръ: «Elle exécute un charmant point d'orgue» или «une touchante mélodie en bémol».² Что же всего хуже, это то, что эти имянно Господа даютъ приговоръ всѣмъ талантамъ, имѣютъ апломбъ, непостижимый, когда сообразишь ихъ безграмотность. Мнѣ случалось [87] видать ихъ сочиненія, наполненные ошибками противъ контрапункта, орхографіи и здраваго смысла; случалось видѣть своими глазами, какъ дирижируютъ они въ благородныхъ концертахъ, какъ безъ всякаго основанія махаютъ неровно палочкой, быстро оборачиваются то къ контрабасамъ, то къ флейтамъ, стараясь копировать капельмейстеровъ, которыхъ видали. Меня удивляло всегда въ такихъ случаяхъ, какъ цѣлая зала, наполненная народомъ, не расхохочется, глядя на эти несообразныя движенія. Сколько разъ краснѣлъ я за этихъ Господъ, слушая ихъ сужденія. Сначала пробовалъ я самымъ учтивымъ образомъ доказать имъ, что они не могутъ говорить о томъ, чего не знаютъ, но всегда неуспѣшно, les rieurs étaient de leurs côtés,³ поэтому я теперь

¹ [это очаровательно]

² [Она исполнила чудесную органную пьесу или трогательную бемольную мелодію.]

³ [бѣльшая часть публики была на ихъ стороне,]

только слушаю и продолжаю краснѣть. Что люди всегда любятъ говорить о томъ, чего не знаютъ, это слабость общая всѣмъ. Что можно любить музыку и имѣть талантъ, но не посвятить себя ей, это тоже я понимаю, но почему ни о какой наукѣ, ни о какомъ художествѣ нельзя услышать столько совершенно безсмысленныхъ разсужденій, какъ о музыкѣ, и съ такою огромною самоувѣренностью, я не понимаю.

Васенька принадлежалъ къ числу безграмотныхъ и свѣтскихъ музыкантовъ, но съ тѣмъ только исключеніемъ, что, несмотря на его лѣнь, онъ такъ хорошо чувствомъ понималъ и игралъ всякую вѣщь по слуху, что въ отношеніи исполненія нечего было желать, но зато разсуждалъ онъ о музыкѣ, какъ дитя, по незнанію и, какъ Бахъ, по самоувѣренности. Сколько разъ меня, который съ 16-ти лѣтъ началъ серьезно и не перестаю до сихъ поръ заниматься наукой музыки, онъ ставилъ въ ничто и заставлялъ молчать какимъ-нибудь до того безграмотнымъ и высокопарнымъ аргументомъ, что я видѣлъ, что заставить его согласиться со мною нельзя, иначе какъ объяснивъ ему всю теорію музыки съ самага начала, что было бы слишкомъ долго. Я помню у насъ былъ разговоръ по тому случаю, что, не помню, въ пьесѣ, [88] Васенька имитацию въ басу назвалъ фугой.

— «Послушай, какъ хорошо я продѣлалъ фугу».

— Такъ это не фуга, а имитациа, говорю я.

— Вѣчно ты споришь, ну какъ же не фуга. Вотъ тебѣ *rondo* Бетховенской сонаты. Развѣ это не фуга. Ну и моя точно то же. Ну имитациа, прибавилъ онъ, видя, что я не соглашаюсь, только это разныя названія одному и тому же.

— Нѣтъ, не одно и то же, потому что у тебя мотивъ имѣеть одно основаніе тонику какъ въ темѣ, такъ и въ подражаніи, а тамъ сначала мотивъ имѣеть основаніемъ тонику, а потомъ доминанту.

— Ну началось — *des grands mots vides de sens*.¹ Я ничего не понимаю, что ты толкуешь. Какое отношеніе имѣеть тутъ *le ton dominant*?²

— *Le ton dominant c'est le ton mineur*.³

— Ну такъ что жъ?

Я замолчалъ, и Васенька былъ убѣжденъ, что я, а не онъ говорилъ слова безъ смысла, и что я виноватъ, что онъ меня не понимаетъ, и что я про доминанту сказалъ только, чтобы пощеголять словцомъ.

Шарлатанство въ чемъ ужасно, что они нѣкоторые музыкальные термины присвоили въ свой языкъ и понимаютъ ихъ совсѣмъ наыворотъ, напримѣръ фуга у нѣкоторыхъ значить «*avec fugue*»⁴ и т. д., однимъ словомъ, такъ же переврали,

¹ [громкие слова безъ смысла.]

² [доминанта?]

³ [доминанта это минорный тон.]

⁴ [с подъемом]

какъ изъ «negligé»¹ вышло «негляже», изъ «gromener»² — «проминать».

Разговоръ шелъ довольно вяло. Ежели бы другой человѣкъ, болѣе безпечнаго характера, былъ на моемъ мѣстѣ, онъ, вѣрно, умѣлъ бы оживить его, но меня не оставляла мысль, которую выразилъ В., что они думаютъ: «зачѣмъ онъ къ намъ пріѣхалъ?» Допрашивали меня о томъ, въ какомъ я классѣ, [89] на что я отвѣчалъ, что въ третьемъ курсѣ; спрашивали, чтó *учатъ* у насъ. Я сказалъ, что математику. Спрашивали, не у насъ ли учить Пр. Мит. Я отвѣчалъ утвердительно, что онъ читаетъ Дифференціальное изчисленіе, а Ив. интегральное, а Эт. [?] Физику, а Н. Астрономію. «Но кто же математику то читаетъ?» спросила хозяйка. По этому вопросу я заключилъ, что она весьма ученая дама, но не нашель отвѣта. Притомъ же мнѣ казалось, что надо бы дать разговоръ другой оборотъ, а то онъ похожъ сталъ на книжку съ вопросами и отвѣтами, и вѣрно по моей винѣ, думалъ я. Но чтó спросить у людей, которыхъ въ первый разъ вижу? Я попробовалъ говорить о городѣ и его удовольствіяхъ, но, хотя и говорилъ, перемѣшивая разсказъ о жителяхъ довольно остроумными замѣчаніями, я замѣчалъ въ глазахъ слушателей выраженіе учтиваго вниманія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разъ пріѣхавши, я хотѣлъ оставить о себѣ хорошее мнѣніе и въ молчаніи придумывалъ чѣмъ бы блеснуть, и, хотя много въ это короткое время пробѣжало блестящихъ мыслей въ моей головѣ, я упустилъ время сказать ихъ. Мнѣ ужасно досадно было видѣть, что они чувствуютъ, что пора бы и ѣхать мнѣ домой и что я не очень пріятный молодой человѣкъ, и досадно было, что приличія не позволяютъ сказать имъ прямо: «вы не думайте, что я всегда такой дуракъ, я, напротивъ, очень не глупъ и хорошій человѣкъ; это только я съ перваго раза не знаю, чтó говорить, а то я бываю любезенъ, очень любезенъ». Зачѣмъ они говорятъ со мною такъ, какъ съ мальчикомъ и жалкимъ мальчикомъ; они вѣрно думаютъ, что я смущаюсь отъ мысли о моемъ положеніи. Эта мысль всегда мнѣ придавала энергіи. «А, впрочемъ, пускай ихъ думаютъ, чтó хотятъ, мнѣ что за дѣло», и я взялся за шапку. Но въ это время въ комнату вошла Л. А. (она ходила гулять съ сестрой), и за ними здѣшній молодой человѣкъ. Л. А. съ дѣтскимъ удивленіемъ посмотрѣла на меня, когда ей сказали, кто я, и сейчасъ, снимая шляпку, назвала меня «mon cousin» и стала что-то разсказывать, какъ давно знакомому человѣку. Доброта ли это или глупость, не знаю, но я ее полюбилъ за это.

[90] Молодой человѣкъ, котораго я прежде встрѣчалъ и зналъ за дурака, былъ недавно представленъ въ ихъ домъ, но, несмотря

¹ [небрежный]

² [гулять]

на это, взошелъ такъ развязно, о погодѣ и о обществѣ, о тѣхъ же самыхъ предметахъ, о которыхъ и я принужденъ былъ говорить, говорилъ съ такимъ жаромъ, что съ нимъ, какъ я замѣтилъ, говорили безъ всякаго принужденія. Онъ спорилъ о погодѣ, доказывалъ что-то, приводилъ примѣры изъ прошлаго года, и такъ громко, что изъ другой комнаты непременно захотѣлось бы послушать этотъ занимательный разговоръ.

«Неужели, думалъ я, этимъ преимуществомъ передо мной онъ обязанъ своей глупости, тому, что у него въ головѣ ничего другаго нѣтъ, а что я не могу говорить о погодѣ и думать о ней; я въ это время обыкновенно думаю о другомъ, поэтому не говорю отъ души.»

Л. А. въ это время, разговаривая со мной о жизни въ этомъ городѣ, дала мнѣ замѣтить, что они знакомы почти со всѣмъ здѣшнимъ обществомъ. Эта новость для меня была непріятна; мнѣ казалось сначала, что она никого не знаетъ, и что я буду ея ресурсомъ, но теперь я боялся, что она, какъ и многіе другіе предметы моей страсти, пропадетъ для меня въ этомъ свѣтскомъ кругу, къ которому никогда не могъ привыкнуть. Я представилъ уже себѣ ее на балѣ Губернатора рука объ руку съ племянницей [*1 неразобр.*]¹ противъ нихъ Исленева, который во время отдыха между танцами ходилъ [?] задомъ. Надо сказать, что тогда уже я никакъ не рѣшился бы подойти къ ней. Эти два лица были для меня хуже всякаго пугала. Я былъ представленъ К., но потомъ какъ-то забылъ ей поклониться, въ другой разъ поклонился, не видала, и я совсѣмъ пересталъ кланяться, но зато сталъ всегда обходить ее и бѣгать, что и вошло въ привычку. Г-ну Исленеву я разъ поклонился, и, хотя онъ смотрѣлъ въ мою сторону, не отдалъ мнѣ поклона. Съ тѣхъ поръ я не то, чтобы возненавидѣлъ его, а мнѣ неловко на него смотрѣть, и я удаляюсь отъ него. — Чтобы удержать Л. А., которая мнѣ очень понравилась, на сколько можно, я просилъ ее *de m'accompagner une contredanse*² на первомъ [91] балѣ. Она не представила никакихъ возраженій, но только покраснѣла. Я покраснѣлъ еще больше и испугался своего поступка. Хотя и не оправившись отъ смущенія, я раскланялся и вышелъ довольно удачно, но въ залѣ зацѣпилъ за полосушку и чуть не упалъ. Это увеличило мое смущеніе, и я, уходя, до передней говорилъ несвязныя слова вслухъ. Надѣвая шинель, я услыхалъ голосъ хозяйки и затѣмъ шаги хозяина (я догадался, что она замѣтила ему, что надо было меня проводить). Онъ догналъ меня въ передней и просилъ не забывать ихъ, но въ тонѣ его не было радостія, къ которому онъ, судя по лицу, долженъ былъ быть способенъ. Какъ не глупа была мысль, что онъ не желаетъ меня видѣть, потому что я какъ будто намѣревался волочиться за

¹ *Фамилия, начинающаяся:* Кор

² [согласиться протанцовать со мной кадрили]

его свояченицей, она мелькнула въ моей головѣ. Эта мысль довела мое смущеніе до такой степени, что хозяину видно было очень тяжело говорить со мною, и что, надѣвъ шляпу какъ то на бокъ, а шинель почти навыворотъ и споткнувшись еще, я весь въ поту, съ слезами на глазахъ, совершенно неестественно выскочилъ на улицу. Какъ ужасно и сильно я страдалъ въ подобныя минуты, описать невозможно. Это на меня находило днями, и это похоже на болѣзнь. Были такія дни, въ которые малѣйшая вѣщь могла меня довести до такого смущенія, отъ котораго я плакалъ.

Отчего бы это? Когда сконфуженъ, Богъ знаетъ, откуда берутся столы и полосухи, о которые спотыкаешься. Будь дома я одинъ, я способенъ сдѣлать 1000 самыхъ замысловатыхъ прыжковъ посреди разставленныхъ кеглей, не зацѣпивъ ни одну и ни разу не споткнувшись.

II.

ВАРИАНТЫ ИЗ ВТОРОЙ И ТРЕТЬЕЙ РЕДАКЦИЙ «ДЕТСТВА».

* № 1 (II ред.).

Вся эта сторона называлась *угломъ наказаній*. Въ этотъ же уголъ, около печки, ставили насъ на колѣни, и въ настоящую минуту стоялъ Володя. Когда я вошелъ, онъ оглянулся на Карла Ивановича, но тотъ не поднялъ глазъ; по этому случаю Володя сѣлъ на свои пятки и, сдѣлавъ мнѣ пресмѣшную гримасу, схватился за носъ, чтобы не расхохотаться, но не удержался и фыркнулъ. «Wollen sie still stehen»,¹ сказалъ Карлъ Ивановичъ и вышелъ въ спальню одѣваться.

* № 2 (II ред.).

Послѣдняя стѣна занята была 3-мя окошками. Въ серединѣ комнаты стоялъ столъ, покрытой оборванной черной клеенкой, изъ-подъ которой виднѣлись изрѣзанные перочинными ножами края. Кругомъ жесткіе деревянные табуреты безъ спинокъ.

Когда Карлъ Ивановичъ вышелъ, я подошелъ къ Володѣ и сказалъ: «за что?» — «А, глупости», отвѣчалъ онъ мнѣ, «за то, что легъ на окошко Акима смотрѣть, (Акимъ дурачекъ садовникъ) да и не видалъ, что онъ тутъ разставилъ сушить свои глупыя коробочки, я и раздавилъ одну — право нечаянно». — «Какую?» спросилъ я. Онъ не успѣлъ отвѣтить, потому что въ это время вошелъ Карлъ Ивановичъ въ синемъ сертукѣ и зеленыхъ панталонахъ, но только показалъ мнѣ своими черными, веселыми глазами на уголъ за печкой и опять поднялъ плечи и чуть не фыркнулъ. Я взглянулъ: лучшее произведеніе Карла Ивановича: футляръ съ перегородочкой, которому не доставало только коемокъ, чтобы быть поднесену папан, для котораго Карлъ Ивановичъ нарочно заказывалъ болвана и надъ которымъ трудился съ особенной любовью, лежалъ скомканный на полу и въ самомъ жалкомъ положеніи. Я понялъ, что долженъ былъ

¹ [Стойте смирно,]

перенести Карлъ Ивановичъ, чтобы дойти до этого, и пожалѣлъ о немъ душевно, но я не смѣлъ утѣшать его такъ же, какъ онъ утѣшалъ меня за $\frac{1}{4}$ часа тому назадъ. Я съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на Володю; мой взглядъ выражалъ: «и ты можешь смѣяться!» Карлъ Ивановичъ остановился передъ дверью и на верхней притолкѣ сталъ писать цифры и буквы мѣломъ — онъ велъ календарь надъ этой дверью, но, такъ какъ на верхнемъ карнизѣ не выходилъ цѣлый мѣсяцъ, то онъ въ извѣстные дни стиралъ и писалъ новые знаки. Въ это время я выглянулъ въ окошко.

**** № 3 (III ред.).**

Въ замочную дыру я увидалъ, что Николай сидитъ у окна и, опустивъ глаза, шьетъ сапоги; а противъ него Карлъ Ивановичъ и, держа табакерку въ рукѣ, говоритъ съ жаромъ.

Карлъ Ивановичъ говорилъ по-нѣмецки довольно хорошо и просто, но по-русски на каждомъ словѣ дѣлалъ кучу ошибокъ и имѣлъ, кажется, претензію на краснорѣчіе; онъ такъ растягивалъ слова и произносилъ ихъ съ такими жалобными интонаціями, что, хотя это могло показаться смѣшнымъ, для меня рѣчь его всегда была особенно трогательна. Онъ говорилъ съ тѣми же удареніями, съ которыми Профессоръ говоритъ съ кафедры или съ которыми читаются вслухъ чувствительные стихи; это было что-то въ родѣ пѣнія, печальнаго и однообразнаго.

**** № 4 (III ред.).**

Изъ всего этаго я понялъ то, что онъ ненавидѣлъ Марью Ивановну и считалъ ее виновницей всѣхъ неприятностей, которыя съ нимъ случались, не любилъ папа, очень любилъ тата и насъ и желалъ убѣдить Николая, а можетъ быть только самого себя, что, какъ не грустно ему будетъ съ нами разстаться, онъ «будетъ умѣть» перенести этотъ ударъ судьбы съ достоинствомъ и спокойствіемъ.

**** № 5 (III ред.).**

(Выпустить)

Глава 8-я. Что же и хорошаго въ псовой охотѣ?

〈За что охота съ собаками — это невинное, полезное для здоровія, изящное и завлекательное удовольствіе — находится въ презрѣннн у большинства какъ городскихъ, такъ и деревенскихъ жителей? «Собака гонять», говорятъ городскіе, «зайцевъ гонять», говорятъ деревенскіе. Да что же тутъ дурнаго? Кому это приноситъ вредъ? Говорятъ: «разворяются, убиваются».

Помѣщику гораздо дешевле стоитъ круглой годъ содержать порядочную охоту, чѣмъ прожить два осѣнныхъ мѣсяца въ столицѣ, въ губернскомъ или уѣздномъ городѣ, два мѣсяца, ко-

торые онъ отъ скуки непремѣнно бы прожилъ тамъ потому, что эти два мѣсяца помѣщику въ деревнѣ дѣлать совершенно нечего. Убиваются только тѣ, которые скачутъ какъ безумные; а скачутъ, какъ безумные, на охотѣ только не охотники. Скажутъ: «а что же и хорошаго-то въ псовой охотѣ? Вотъ что.

18.. года, 8 го ноября, въ день св. Михаила, въ восемь часовъ утра, г-жа N, дѣвица преклонныхъ лѣтъ и почтенной наружности, уѣзжала въ крытомъ возочкѣ изъ деревни брата своего г-на N. Она бы уѣхала еще вчера, но наканунѣ, съ половины дня, сдѣлалась оттепель, и пошелъ сильной снѣгъ, который пересталъ только за часъ передъ зарей.

Примѣчанія охотниковъ насчетъ Михайлина дня оказались вѣрными — пороша была отличная. Г-нъ N. былъ охотникъ; стремянной подалъ ему лошадь, самъ сѣлъ на свою, свиснулъ борзыхъ, которые играли и валялись по молодому снѣжку, и онъ выѣхалъ вслѣдъ за возкомъ за околицу. Не проѣхалъ онъ двадцати сажень, какъ увидалъ направо отъ дороги *маликъ* (зайчій слѣдъ), такъ отчетливо отпечатанный въ пушистомъ снѣгу, что видно было мѣсто каждаго пальца — *маликъ* пошелъ къ гумнамъ. Г-нъ N. поѣхалъ по немъ. Вотъ *сдвоиль*... сметка, еще разъ сдвоиль, еще сметка и напуталъ такихъ узловъ, что Г-нъ N.), молча переглянулся съ своимъ стремяннымъ; они оба были въ затрудненіи, но стремянный, постоявъ съ минуту и поглядѣвъ по сторонамъ, слегка свиснулъ и указалъ арапникомъ на маленькую точку въ снѣгу — это былъ прыжокъ, всѣ четыре лапки вмѣстѣ, потомъ еще прыжокъ, но уже отпечатокъ былъ шире, и опять пошелъ прямой слѣдъ. Еще сдвойки, и вдругъ какъ изъ земли выросъ, вскочилъ и покатилъ съ серебристой спинкой *русакъ*.

Собаки стали спѣть, онъ покосилъ на дорогу, выбрался на нее и покатилъ прямо къ возку, которой маленькой рысцой ѣхалъ впереди. Г-жа N, услыхавъ, что травятъ сзади, велѣла остановиться и вышла изъ крытаго возочка, чтобы лучше видѣть охоту. Когда она вышла на дорогу, заяцъ былъ отъ нея не болѣе, какъ въ десяти шагахъ. Увидавъ, что заяцъ близко и бѣжитъ прямо къ ней, г-жа N, позабывъ всѣ приличія, взвизгнула и, растопыривъ салопъ, сѣла на самую середину дороги, въ позѣ насѣдки на яйцахъ, предполагая, должно быть, закрыть неопытнаго зайца салопомъ, какъ только онъ подбѣжитъ къ ней на довольно близкое разстояніе. Но къ несчастію эта хитрость не удалась, потому что *русакъ*, увидавъ такое странное положеніе г-жи N, можетъ быть, предугадывая ея коварные замыслы, захопалъ ушами, отсѣлъ отъ висѣвшихъ на немъ собакъ и покатилъ полевъ. Г-жа N, видя въ одно мгновеніе всѣ свои планы разрушенными, пронзительно завизжала: «ай-яяй, держи, держи!», и, подобравъ салопъ, кинулась за нимъ. Но подлѣ дороги были сугробы, притомъ же лисій салопъ былъ тяжелъ, и бѣлые мохнатые сапоги безпрестанно сползали съ

ногъ; она не могла бѣжать болѣе и получила такую отдышку и такъ изнурилась, что тутъ же упала в снѣгу и только могла выговорить эти слова: «Что же, братецъ, я бы и рада, но силъ моихъ нѣтъ». Ее подняли, усадили въ крытый возочекъ; она не могла говорить отъ усталости, но улыбалась.

Въ нашемъ губернскомъ городѣ жилъ купецъ Подемщиковъ; онъ всегда велъ дѣла съ отцемъ, и отецъ любилъ его за честность и аккуратность, охоту же онъ не любилъ и отзывался объ охотникахъ презрительно.

Уговорилъ его разъ отецъ ѣхать на охоту. Онъ влѣзъ въ своемъ длиннополомъ купеческомъ кафтанѣ на охотничью лошадь и все поле ѣздилъ съ нами. Поле было неудачное, и презрительная улыбка не сходила съ его лица. Пришлось, наконецъ, подлѣ самого его травить бѣляка. Я слѣдилъ за нимъ во время травли, желая знать, какое на него произведетъ впечатлѣнiе.

Онъ скакалъ, какъ сумашедшій, и издавалъ изрѣдка пронзительные звуки; но когда собаки окружили зайца и, выражаясь по-охотничьи, *стали кидать съ угонки на угонку*, восторгъ его дошелъ до послѣднихъ предѣловъ: онъ, продолжая скакать и повалившись на луку, помиралъ со смѣху.

Травля какъ нарочно была славная. Окруженный со всѣхъ сторонъ, бѣлякъ сделалъ *salto-mortale*, и одна собака поймала его на воздухѣ.

Несмотря на то, что со всѣхъ сторонъ ему кричали: «собакъ не раздавите, собакъ не раздавите», онъ подскакалъ къ самому тому мѣсту, гдѣ поймали зайца, не въ силахъ болѣе держаться на сѣдлѣ, отъ смѣху свалился прямо въ кучу собакъ и продолжалъ, лежа на землѣ, неистово, но уже беззвучно смѣяться. Насилу, насилу его успокоили. Объ чемъ онъ смѣялся? Неизвѣстно.

* № 6 (II ред.).

Какъ теперь вижу я, какъ онъ, въ своемъ кабинетѣ, съ ногами заберется на кожаный диванъ, поставитъ подлѣ себя какъ-нибудь бокомъ столикъ, на которомъ стоятъ стаканъ чаю, графинчикъ съ ромомъ, серебряная пепельница, лежатъ шотландская сигарочница, платокъ, и, прислонившись на шитую подушку, которую подкинетъ подъ спину, сидитъ и читаетъ. Поза его и всѣ эти предметы такъ изящно расположены, что человеку, который не имѣетъ этого дара — во всемъ быть изящнымъ — нужно бы было много времени и хлопотъ, чтобы сдѣлать то же самое. Я замѣчалъ, что онъ за столомъ иногда передвигалъ стоявшіа вѣщи, какъ казалось, безъ всякой нужды, и совершенно безознательно толконетъ солонку подальше, графинъ подвинетъ ближе, свѣчку вправо, и точно выдетъ какъ-то лучше. Онъ имѣлъ привычку носить въ комнатѣ фуражки и иногда накидывать верхнее платье, не надѣвая въ рукава — все это очень шло къ нему. Онъ говорилъ плавно: не останавливаясь

и не поправляясь — смѣялся очень рѣдко; но часто улыбался, и улыбка у него была весьма пріятная. По-Французски говорилъ бѣгло и просто, но никогда не говорилъ только на одномъ языкѣ, а перемѣшивалъ Русскій съ Французскимъ. Несмотря на этотъ недостатокъ, рассказы его всегда были сильны, и рѣчь пріятна. Въ разговорѣ онъ употреблялъ иногда довольно грубые слова и жесты. Онъ иногда ударялъ кулакомъ по столу и употреблялъ слова въ родѣ¹ «ерыга», «хватилъ» [?], «г.....», но эти грубости выходили у него какъ-то мило и придавали еще больше увлекательности его разговору. Онъ не употреблялъ ни пышныхъ фразъ, ни новыхъ неопределенныхъ словъ — рѣчь его всегда имѣла одинаковый характеръ. Онъ часто въ своихъ рассказахъ не только отклонялся отъ истины, но выдавалъ за правду вещи, которыхъ никогда не было. Дѣлалъ онъ это только для краснаго словца, но не изъ выгоды. Онъ выдумывалъ и прибавлялъ, но не лгалъ.

**** № 7 (III ред.).**

Глава 4-ая. Что за человекъ былъ мой отецъ?

Большой, статный ростъ, странная, маленькими шажками походка, привычка подергивать плечомъ, маленькіе, всегда улыбающіеся глазки, большой орлиной носъ, неправильныя губы, которыя какъ-то неловко, но пріятно складывались; большая, почти во всю голову, лысина и недостатокъ въ произношеніи, пришепетываніе, — вотъ наружность моего отца съ тѣхъ поръ, какъ я его запомню, — наружность, съ которой онъ умѣлъ всѣмъ нравиться, прослыть и дѣйствительно быть человекомъ à bonnes fortunes.² Что онъ нравился женщинамъ, это я понимаю, потому что знаю, какъ онъ былъ предприимчивъ и сладострастенъ, но какой у него былъ корешокъ, чтобы нравиться людямъ всѣхъ возрастовъ, сословій и характеровъ: старикамъ, молодымъ, знатымъ, простымъ, свѣтскимъ, ученымъ и въ особенности тѣмъ, которымъ онъ хотѣлъ нравиться?

Онъ умѣлъ взять верхъ въ отношеніяхъ со всякимъ. Не бывши никогда человекомъ *очень большого свѣта*, онъ всегда водился съ людьми этаго круга и такъ, что былъ уважаемъ. Онъ зналъ ту крайнюю мѣру самонадѣянности и гордости, которая вышала его въ мнѣніи свѣта, не оскорбляя никого. Онъ былъ въ иныхъ случаяхъ оригиналенъ, но не до крайности, а употреблялъ оригинальность какъ средство, замѣняющее для него иногда свѣтскость или богатство. Ничто на свѣтѣ не могло возбудить въ немъ чувства удивленія: въ какомъ бы онъ ни былъ блестящемъ положеніи, казалось, онъ для него былъ рожденъ. Онъ умѣлъ показывать одну блестящую сторону своей жизни, и такъ хорошо умѣлъ скрывать ту мелочную, наполненную до-

¹ Зачеркнуто: «пострѣлъ».

² [удачливым.]

садами и огорченіями сторону жизни, которой подлежить всякій смертный, что нельзя было не завидовать ему. Онъ былъ знатокъ всѣхъ вещей, доставляющихъ удобства и наслажденія, и умѣлъ пользоваться ими.

Хотя онъ никогда ничего не говорилъ противъ религіи и всегда наружно былъ набоженъ, но я до сихъ поръ сомнѣваюсь въ томъ, вѣрилъ ли онъ во что-нибудь или нѣтъ? Его правила и взглядъ на вѣщи всегда были такъ гибки, что рѣшить этотъ вопросъ очень трудно, и мнѣ кажется, что онъ былъ набоженъ только для другихъ.

Моральныхъ же убѣжденій, что, независимо отъ закона религіи, хорошо или дурно, и подавно у него не было; его жизнь была такъ полна увлеченіями всякаго рода, что онъ не успѣлъ, да и не находилъ нужнымъ подумать объ этомъ и составить себѣ какія-нибудь правила. Къ старости у него однако составились постоянныя правила и взглядъ на вещи, но не на основаніи моральномъ или религіозномъ, а на основаніи практическомъ, т. е. тѣ поступки и образъ жизни, которые доставляли ему счастье или удовольствіе, онъ считалъ хорошими и находилъ, что такъ всегда и всѣмъ поступать должно. Говорилъ онъ очень увлекательно, и эта способность, мнѣ кажется, способствовала гибкости его правилъ; онъ въ состояніи былъ тотъ же поступокъ рассказать какъ самую невинную шалость и какъ низкую подлость, а онъ всегда говорилъ съ убѣжденіемъ.

Какъ отецъ, онъ былъ снисходителенъ, любилъ блеснуть своими дѣтьми и нѣженъ, но только при другихъ, не потому, чтобы онъ притворялся, но зрители возбуждали его — ему нужна была публика, чтобы сдѣлать что-нибудь хорошее.

Онъ былъ человѣкъ съ пылкими страстями; преобладающія страсти были игра и женщины. Во всю свою жизнь онъ выигралъ около двухъ милліоновъ, и всѣ прожилъ. Игралъ ли онъ чисто или нѣтъ? не знаю; знаю только то, что у него была одна исторія за карты, за которую онъ былъ сосланъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ репутацію хорошаго игрока и съ нимъ любили играть. Какъ онъ умѣлъ обигрывать людей до послѣдней копейки и оставаться ихъ пріятелемъ, я рѣшительно не понимаю, — онъ какъ будто дѣлалъ одолженіе тѣмъ, которыхъ обиралъ.

Конекъ его былъ блестящія связи, которыя онъ дѣйствительно имѣлъ, частью по родству моей матери, частью по своимъ товарищамъ молодости, на которыхъ онъ въ душѣ сердился за то, что они далеко ушли въ чинахъ, а онъ навсегда остался отставнымъ поручикомъ гвардіи; но эту слабость никто не могъ замѣтить въ немъ, исключая такого наблюдателя, какъ я, который постоянно жилъ съ нимъ и старался угадывать его.

Онъ, какъ и всѣ бывшіе военные, не умѣлъ хорошо одѣваться; въ модныхъ сюртукахъ и фракахъ онъ былъ немного какъ наряженный, но зато домашнее платье онъ умѣлъ придумывать и носить прекрасно. Впрочемъ, все шло къ его большому росту,

сильному сложенію, лысой голове и самоувѣреннымъ движеніямъ. Притомъ онъ имѣлъ особенный даръ и бессознательное влеченіе всегда и во всемъ быть изящнымъ. Онъ былъ очень чувствителенъ и даже слезливъ. Часто, читая вслухъ, когда онъ доходилъ до патетическаго мѣста, голосъ его начиналъ дрожать, слезы показывались, и онъ оставлялъ книгу, или даже на дурномъ театрѣ онъ не могъ видѣть чувствительной сцены, чтобы у него не выступили слезы. Въ этихъ случаяхъ онъ самъ на себя досадовалъ и старался скрыть и подавить свою чувствительность.

Онъ любилъ музыку и по слуху пѣлъ, акомпанируя себя, романсы пріятеля своего А.....а, Цыганскія пѣсни и нѣкоторые мотивы изъ оперъ. Онъ не любилъ ученую музыку и откровенно говорилъ, не обращая вниманія на общее мнѣніе, что сонаты Бетховена нагоняютъ на него сонъ и скуку, и что онъ ничего не знаетъ лучше, какъ «Не будите меня молodu», какъ ее пѣвала Семенова, и «Не одна», какъ пѣвала Танюша.

Онъ былъ человѣкъ прошлаго Александровскаго вѣка и имѣлъ общій молодежи того вѣка неуловимый характеръ волокитства, рыцарства, предприимчивости, самоувѣренности и разврата. На людей нынѣшняго вѣка онъ смотрѣлъ презрительно. Можетъ быть, этотъ взглядъ происходилъ не изъ гордости, а изъ тайной досады, что въ наше время онъ уже не могъ имѣть ни того вліянія, ни тѣхъ успѣховъ, которые имѣлъ въ свое...

Только тотъ, кто не живалъ хозяиномъ въ деревнѣ, можетъ не знать, сколько непріятностей могутъ надѣлать ему сосѣди своимъ сутяжничествомъ и ссорами, помѣщики одного съ нимъ уѣзда — своими языками, и власти — прижимками и придирами; можетъ не знать, сколько они ему испортятъ крови и какъ отравятъ все счастье его жизни.

Чтобы избавиться отъ всѣхъ этихъ гоненій, которымъ неизбежно подвергается каждый помѣщикъ, есть три способа: первый состоитъ въ томъ, чтобы законно, въ отношеніи всѣхъ, исполнять обязанности и пользоваться правами помѣщика. Этотъ способъ, хотя самый простой и первый, представляющійся разсудку, къ несчастію до сихъ поръ остается на степени умозрѣнія, потому что невозможно дѣйствовать законно съ людьми, употребляющими законъ, какъ средство безнаказаннаго беззаконія. Второй способъ состоитъ въ знакомствѣ и пріятельствѣ не только съ лицами, представляющими власти уѣздныя и Губернскія, но и со всѣми помѣщиками, съ которыми столкнетъ васъ судьба, или которые пожелаютъ вашего знакомства, и въ мирномъ, полюбовномъ прекращеніи всѣхъ возникающихъ столкновеній. Этотъ способъ малоупотребителенъ, во-первыхъ, потому, что дружескія связи со всѣмъ уѣздомъ сами по себѣ уже представляютъ непріятность не меньшую той, которой вы хотѣли избѣгнуть, и, во-вторыхъ, потому, что слишкомъ трудно человѣку непривычному умѣть держаться, избѣгая клеветы

и злобы, между всѣми непріязненностями, беззаконіями и низостями Губернской жизни, вы не должны забывать ничего, не пренебрегать никѣмъ: вы должны стараться, чтобы всѣ безъ исключенія были вами довольны. Горе вамъ, ежели вы нажили хоть одного врага, потому что каждый замарашка, который нынче еще в смиренной позѣ стоялъ у притолки вашей двери, завтра можетъ надѣлать вамъ кучу непріятностей.

Третій способъ состоитъ въ томъ, чтобы чуждаться отношеній со всѣми и платить дань. Дань бываетъ двоякаго рода: *дань покорная* и *дань снисходительная*. *Дань покорная* платится людьми, избравшими третій способъ, но не имѣющими возможности избавиться отъ произвола властей въ наложеніи дани. *Дань снисходительная* платится людьми, имѣющими связи съ высшими Губернскими властями, но для большей безопасности и по введенному обычаю не отказывающимися отъ дани.

Есть еще одинъ весьма употребительный способъ, но о которомъ по беззаконности его я упоминаю только, какъ объ исключеніи. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы пріобрѣсть по Губерніи или уѣзду грозную репутацію отъявленнаго сутяги и кляузника.

Папа въ отношеніи властей и сосѣдей употреблялъ третій способъ, т. е. ни съ кѣмъ въ уѣздѣ не былъ знакомъ и платилъ *снисходительную дань*. Хотя онъ не любилъ часто ѣздить въ губернской городъ, но умѣлъ устраивать такъ, что всѣ губернскіе тузы: Губернаторъ, Губернскій Предводитель, Прокуроръ, хотя разъ въ годъ пріѣзжали въ Петровское.

Яковъ Михайловъ, разумѣется, при первой поѣздкѣ въ городъ шопотомъ рассказывалъ Исправнику и др., какъ его Превосходительство изволили ночевать и какъ изволили говорить то-то и то-то, поэтому ни Исправникъ, ни Становой не показывали носа въ Петровское и спокойно ожидали *снисходительной дани*.

Когда власти по какимъ-нибудь необходимо нужнымъ дѣламъ и пріѣзжали въ Петровское, то папа приказывалъ Якову угостить ихъ у себя; ежели же и принималъ кого-нибудь изъ нихъ, то такъ холодно, что мамап часто говорила ему:

— Какъ тебѣ не совѣстно, *mon cher*,¹ ихъ такъ мальтретировать?

Но папа отвѣчалъ:

— Ты не знаешь, мой другъ, что это за народъ: имъ дай вотъ столько, — при этомъ онъ показывалъ мизинецъ, — они захотятъ вотъ столько, — и онъ показывалъ всю руку до плеча.

Съ сосѣдями обращеніе его было то же самое — съ высоты величія.

— Деревня только тѣмъ и хороша, — говаривалъ онъ, — что отдыхаешь, а эти господа и здѣсь хотятъ мнѣ надоѣдать своими глупыми визитами и претензіями.

¹ [дорогой,]

Нельзя обвинять его за такое обращеніе; въ его время, т. е. лѣтъ пятнадцать тому назадъ, это было одно средство, чтобы быть спокойнымъ въ деревнѣ. Теперь все переменялось и многое стало лучше. Одинъ помѣщикъ, у котораго я объ этомъ спрашивалъ, отвѣчалъ мнѣ:

— И, батюшка, вы не знаете теперь нашихъ Уѣздныхъ и Земскихъ Судовъ. Какой порядокъ, чистота, учтивость, политичность! Послѣдній писарь фракъ у себя имѣетъ. А пріѣзжайте-ка къ Исправнику — Исправничиха въ выписныхъ платьяхъ и чепцахъ ходитъ, образованнѣйшая женщина, говоритъ по-Французски, по-Итальянски, по-Испански, что вы хотите? Дочери музыкантши отличныя, піано-рояль, поль-парке; да на что ужъ лучше, вотъ у насъ въ уѣздѣ два Становыхъ: одинъ изъ Московскаго Университета, другой женатъ на Княжнѣ Шедришпанской, ну, чистый Парижанинъ, — такъ вотъ-съ, батюшка, какова у насъ нынче земская полиція.

— Ну, а какъ теперь насчетъ взятокъ и кляузъ, — спросилъ я, — вывелось ли это?

Помѣщикъ не отвѣчалъ мнѣ прямо, а продолжалъ хвалить новый порядокъ вещей, политичность и образованіе помѣщиковъ, притомъ замѣтилъ, что другой Становой больше тысячи рублей въ годъ проживаетъ и такихъ лошадей, такой столъ и квартиру имѣетъ, что другому степному помѣщику укажетъ, какъ жить.

* № 8 (II ред.).

⟨Глава 9-ая. Любочка. Музыка. Отступленіе.⟩

Пріѣхавши домой, мама велѣла подать свѣчи, поставила ноты и сѣла за рояль. Володя, Любочка и Катенька побѣжали въ залу играть, я же съ ногами забрался въ вольтеровское кресло, которое стояло въ гостиной, и расположился слушать. Катенька пришла звать меня въ залу, но я былъ золъ на нее и попросилъ оставить меня въ покоѣ.

⟨Мама сдѣлала гамму и потомъ начала играть 2-й концертъ Фильда. Мими играла хорошо, и еще я слыхалъ хорошихъ музыкантовъ, но ничья игра мнѣ такъ не нравилась, какъ матушкина. Впослѣдствіи, вспоминая и обсуживая этотъ предметъ, я нашель, что пріятность игры мама состояла въ простотѣ. Она играла такъ, какъ было написано, ничего не перемѣняя, не пропуская и не прибавляя, не употребляла никакихъ аффектацій (Я могъ бы выразиться по-Русски, но, говоря о маме, мнѣ не пріятно употребить неблагозвучное слово «натяжка») — ни въ игрѣ, ни въ позѣ. У дѣтей всегда чувство прекраснаго очень вѣрно, поэтому я безсознательно любилъ ея игру и не могъ и не могу слушать безъ отвращенія музыкантовъ и музыкантшъ, которые, садясь за форте-піано, делаютъ прелюдіи, состоящія изъ 3 основныхъ аккордовъ. Когда барышня.

садится за форте-піано и беретъ эти три фатальные аккорда да еще агреггіо,¹ я знаю уже, чего нужно ожидать. Барышня эта, несмотря на перемѣну гармоніи, не будетъ снимать ноги съ педали; всѣ аккорды, которые ей понравятся, будетъ брать агреггіо¹ тамъ, гдѣ этого не нужно. Andante² будетъ играть, задерживая тактъ, и прибавлять свои фіоритуры и вообще изворачиваетъ мысль композитора. Притомъ во время игры она будетъ кривляться, что тоже ни къ чему не ведетъ. Уѣздная барышня, т. е. низшаго разряда, будетъ подкатывать зрачки подъ лобъ, губернская будетъ закидывать голову, а столичная будетъ руки подымать слишкомъ высоко и губы складывать неестественно. И это называется «играть съ чувствомъ», тогда какъ на форте-піано собственно съ чувствомъ играть нельзя. Можно играть правильно, щеголевато, но съ чувствомъ можно только играть на такомъ инструментѣ, продолжительность, движеніе и сила звука котораго зависятъ отъ воли исполнителя).

Въ это время тапан встала с кругленькаго табурета, взяла другую тетрадь нотъ, поставила ее на пюпитръ, пододвинула свѣчи и опять усѣлась. По медленности, отчетливости ея движеній и по серьезному выраженію лица видно было, что она какъ будто готовится къ чему-то важному. Я опять задремалъ, прижавъ голову въ уголъ кресла. Запахъ пыли, которую я поднялъ поворачиваясь, щекотилъ мнѣ въ ноздрахъ, а давно знакомые мнѣ звуки пьесы, которую заиграла тапан, производили на меня чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Она играла патетическую Сонату Бетховена.

Изъ 10 человекъ, у которыхъ вы спросите: «какую музыку вы любите?» 9 непременно вамъ отвѣтятъ, что они любятъ *серьезную музыку*, особенно Бетховена, (которого они понимаютъ (слово: *понимать* музыку для меня имѣетъ весьма темное значеніе — откровенно говоря, — никакого значенія. Я понимаю, что одно музыкальное сочиненіе можетъ нравиться больше другого; можно сочувствовать одному больше другого, но понимать можно только мысль).) Изъ этихъ 9-и человекъ 8 говорятъ это не потому, что музыка Бетховена имъ нравится, а потому, что они думаютъ блеснуть своимъ музыкальнымъ вкусомъ, выразивъ такое мнѣніе. — Почти во всѣхъ романахъ или повѣстяхъ, особенно французскихъ, въ которыхъ музыка на сценѣ, непременно на сценѣ и Бетховенъ, опять только по той причинѣ, что, такъ какъ съ недавняго времени большинство обратилось къ старинной музыкѣ, имя это первое попадаетъ подъ перо романиста. Никакой бы разницы не было, ежели бы онъ, вмѣсто Бетховена, написалъ Доницети, (Гунгла), Бюргмюлера или др. Все это я сказалъ вамъ для того, чтобы вы не

¹ [Арпеджо — звуки аккорда, следующие один за другим.]

² [Спокойно]

подумали, что, вспоминая о матушкѣ за фортепіано, я наудачу сказалъ, что она играла Патетическую сонату. Нѣтъ, она именно играла ее, и я хочу, чтобы вы вспомнили эту сонату, ежели слышали ее. Для этого я опишу вамъ впечатлѣніе, которое она производила на меня.

(Въ одномъ Французскомъ романѣ, авторъ (имя котораго очень извѣстно), описывая впечатлѣніе, которое производитъ на него одна соната Бетховена, говорить, что онъ видитъ ангеловъ съ лазурными крыльями, дворцы съ золотыми колоннами, мраморные фонтаны, блескъ и свѣтъ, однимъ словомъ, напрягаетъ всѣ силы своего французскаго воображенія, чтобы нарисовать фантастическую картину чего-то прекраснаго. Не знаю, какъ другіе, но, читая это очень длинное описаніе этого Француза, я представлялъ себѣ только усилія, которыя онъ употреблялъ, чтобы вообразить и описать всѣ эти прелести. Мнѣ не только это описаніе не напомнило той сонаты, про которую онъ говорилъ, но даже ангеловъ и дворцовъ я никакъ не могъ себе представить. Это очень естественно, потому что никогда я не видалъ ни ангеловъ съ лазурными крыльями, ни дворцовъ съ золотыми колоннами. Ежели бы даже, что очень трудно предположить, я бы видѣлъ все это, картина эта не возбудила бы во мнѣ воспоминанія о сонатѣ. Такого рода описаній очень много вообще, и во Французской литературѣ въ особенности.¹

У Французовъ есть странная наклонность передавать свои впечатлѣнія картинами. Чтобы описать прекрасное лицо — «она было похоже на такую-то статую», или природу — «она напоминала такую-то картину», — группу — «она напоминала сцену из балета или оперы». Даже чувства они стараются передать картиной. Прекрасное лицо, природа, живая группа всегда лучше всѣхъ возможныхъ статуй, панорамъ, картинъ и декораций.

Вмѣсто того, чтобы напомнить читателю, настроить воображеніе такъ, чтобы я понялъ идеаль прекраснаго, они показываютъ ему попытки подражаній.²

Что еще страннѣе, это то, что для того, чтобы описать что-нибудь прекрасное, средствомъ самымъ употребительнымъ служитъ сравненіе описываемаго предмета съ драгоценными вещами. Великій Ламартинъ, возвышенная душа котораго стала извѣстна всему свѣту, со времени изданія *Confidences*³ (этимъ изданіемъ великій гений *a fait d'une pierre deux coups*⁴ — всему

¹ *Зачеркнуто*: Я вспомнилъ это описаніе, — оно находится въ романѣ Балзакъ «*César Birotteau*»; но сколько такихъ описаній во Французской литературѣ, то знаютъ тѣ, которые съ ней знакомы.

² *Зачеркнуто*: Странно, что народъ столь образованный, столица котораго называется *la capitale du monde* или *la capitale des idées* [столица мира или столица идей], впалъ въ такое заблужденіе.

³ [Признанія.]

⁴ [однимъ ударомъ убилъ двухъ зайцевъ]

свѣту открылъ сокровеннѣйшія тайны своей великой души и приобрѣлъ имѣнище, которое такъ хотѣлось ему купить), великій Ламартинъ, описывая свои впечатлѣнія на лодкѣ посреди моря, когда одна доска отдѣляла его отъ смерти, говорить, чтобы описать, какъ хороши были капли, падавшія съ веселья въ море — *comme des perles tombants dans un bassin d'argent*.¹ Прочтя эту фразу, воображеніе мое сейчасъ же перенеслось въ дѣвичью, и я представилъ себѣ горничную съ засученными рукавами, которая надъ серебрянымъ умывальникомъ моетъ жемчужное ожерелье своей госпожи и нечаянно уронила нѣсколько жемчуженокъ — *des perles tombants dans un bassin d'argent*, а о морѣ и о той картинѣ, которую съ помощью поэта воображеніе рисовало мнѣ за минуту, я уже забылъ. Ежели Ламартинъ, гениальный Ламартинъ, сказалъ мнѣ, какого цвѣта были эти капли, какъ онѣ падали и стекали по мокрому дереву весла, какіе маленькіе кружки производили онѣ, падая въ воду, воображеніе мое осталось бы вѣрно ему, но намекъ на серебряный тазъ заставилъ умъ [?] упорхнуть далеко. Сравненіе одно изъ естественнѣйшихъ и дѣйствительнѣйшихъ средствъ для описанія, но необходимо, чтобы оно было очень вѣрно и умѣстно, иначе оно дѣйствуетъ совершенно противоположно. — «*La lune sur un clocher comme un point sur un «i»*»² — обращикъ неумѣстности сравненія, хотя принадлежитъ тому же великому Ламартину.

Воображеніе — такая подвижная легкая [?] способность, что съ ней надо обращаться очень осторожно. Одинъ неудачный намекъ, непонятный образъ, и все очарованіе, произведенное сотнею прекрасныхъ, вѣрныхъ описаній, разрушено. Автору выгодноѣ выпустить 10 прекрасныхъ описаній, чѣмъ оставить одинъ такой намекъ въ своемъ сочиненіи. Хотя склонность сравненія вообще и въ особенности съ драгоценными вещами преобладаетъ, какъ мнѣ кажется, у Французовъ, эта склонность существуетъ и у насъ, и у Нѣмцевъ, но меньше [?] всего у Англичанъ. Бирюзовые и брилліантовые глаза, золотые и серебрянные волосы, кораловыя губы, золотое солнце, серебряная луна, яхонтовое море, бирюзовое небо и т. д. встрѣчаются часто [?]. Скажите по правдѣ, бываетъ ли что-нибудь подобное? Капли воды при лунномъ свѣтѣ, падающія въ море, горятъ лучше жемчужинъ, падающихъ въ тазъ, и ни капли не похожи на жемчужины, ни тазъ — на море. Я не мѣшаю сравнивать съ драгоценными камнями, но нужно, чтобы сравненіе было вѣрно, цѣнность же предмета не заставитъ меня вообразить сравниваемой предметъ, ни лучше, ни яснѣе. Я никогда не видалъ губъ кораловаго цвѣта, но видалъ кирпичнаго; — глазъ бирюзоваго, но видалъ цвѣта распушенной синьки и

¹ [как жемчуг, падающий в серебряный таз.]

² [Луна над колокольней, как точка над і]

писчей бумаги. Сравненіе употребляется или чтобы, сравнивая худшую вещь съ лучшей, показать, какъ хороша описываемая вещь, или, сравнивая необыкновенную вещь съ обыкновенной, чтобы дать о ней ясное понятіе).

Слушая патетическую сонату, которую я зналъ такъ, что каждый переходъ, каждая нотка возбуждала во мнѣ ожиданіе, я испытывалъ два различныя чувства. Иногда, и это случалось тогда, когда я бывалъ чѣмъ-нибудь разстроенъ, она возбуждала во мнѣ какое-то нетерпѣніе, досаду и безпокойство; мнѣ тяжело было знать все впередъ, хотѣлось неожиданнаго и хотѣлось бы не слышать ее, но когда мама переставала играть, мнѣ дѣлалось еще досаднѣе и хотѣлось бы, чтобы она все играла, но что-нибудь другое. Иногда — и теперь я находился въ этомъ расположеніи — соната эта именована тѣмъ, что въ ней не было для меня ничего поразительнаго, что я зналъ все впередъ, доставляла мнѣ, какъ я уже сказалъ, тихое, чудесное наслажденіе. Хотя я зналъ прекрасно все, что будетъ, я не могъ заснуть отъ того чувства, что, ежели вдругъ будетъ не то, что я ожидаю, и чудесныя аккорды интродукціи вдругъ разрѣшатся не такъ, какъ должны. Сдержанный мотивъ интродукціи, который точно просится куда-то, заставлялъ меня притаивать дыханіе до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, все это не разрѣшится въ *allegro*.¹ Только [?] *Allegro* никогда не нравилось мнѣ, но то мѣсто, когда начинаются вопросы и отвѣты, возбуждало опять опасеніе, чтобы не вышло иначе, и желаніе, чтобы оно шло тише и продолжалось долже. Что можетъ быть лучше этого мѣста, когда послѣ простыхъ вопросовъ и отвѣтовъ басъ говоритъ такія двѣ фразы, къ которымъ ничего кажется нельзя прибавить, и которыя рѣшаются все, однако итъ.... *дискантъ* отвѣчаетъ еще и еще и еще лучше, еще сильнѣе, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, все сливается.

Мама въ мѣстѣ этого разговора задерживала тактъ. — Много людей, основательно знающихъ музыку, говорили мнѣ, что задерживать ни въ какомъ случаѣ не должно, и что, исполняя Бетховена, нужно ни на волосъ не отклоняться отъ написаннаго. Я слышалъ тоже эту же сонату, исполненную прекраснымъ музыкантомъ — онъ игралъ это мѣсто такъ же скоро, какъ и плохіе. Несмотря ни на какіе авторитеты, я убѣжденъ, что должно задерживать тактъ въ этомъ мѣстѣ. Нужно принудить себя, чтобы играть его скоро: мѣсто это такъ хорошо, что хочется долже имъ насладиться. Послѣднія ноты *allegro*² пугаютъ и радуютъ.

Подъ звуки *andante*² я дремалъ, дремалъ сладко — оно выраженіе счастья, добродѣтельнаго, спокойнаго счастья, но финалъ *rondo*² въ *ut mineur*³ опять тянетъ за душу. Невольно ду-

¹ [Аллегро — быстро.]

² [Allegro, Andante, Rondo в do mineur — части сонаты.]

³ *Написано:* ut bemol mineur.

маешь: что ему хочется? О чемъ онъ? Какъ бы его успокоить? И все хочется, чтобы скорѣе, скорѣе — и все кончилось, но, какъ кончится, хочется еще.

Когда я слышу музыку, я не думаю — мысль совершенно умираетъ, воображеніе тоже не рисуетъ мнѣ никакихъ образовъ и находится въ совершенномъ бездѣйствіи — сознание физическаго существованія уничтожается, но я чувствую, что я живу, и живу полно и тревожно.

Чувство, которое испытываешь, похоже на воспоминаніе, но воспоминаніе чего? Воспоминаніе того, чего никогда не было, и чего не помнишь.¹

Сущность эстетическаго чувства, возбуждаемаго въ насъ живописью — въ обширномъ смыслѣ — есть воспоминаніе о образахъ. Сущность эстетическаго чувства возбужденнаго музыкой есть несознательное воспоминаніе о чувствахъ и о переходахъ изъ одного чувства въ другое.

Чувство поэзіи есть сознательное воспоминаніе о жизни съ ея образами и чувствами.

* № 9 (II ред.).

Въ это время мама встала, взяла другую тетрадь нотъ, пододвинула ближе свѣчи, подвинула табуретъ больше на середину форте-піано и начала играть другую пьесу, именно *sonate pathetique* Бетховена.

Читатель! Замѣтили ли вы, какъ всѣ любятъ сочиненія Бетховена, какъ часто въ разговорахъ вы слышите, что сочиненія этого композитора предпочитаютъ всѣмъ другимъ? Замѣтили ли вы, что часто его хвалятъ и восхищаются имъ такъ, что совѣстно за тѣхъ, которые восхищаются. Въ романѣ или повѣсти, ежели кто нибудь играетъ, то непременно сонату Бетховена, особенно въ Французскихъ романахъ. Вѣрно вы часто слышали о томъ, что трудно *понимать* Бетховена, и что чудо, какая *миленькая штука* его *Quasi una fantasia* или *Septuor* и т. д. Не знаю, какъ вы, а для меня такого рода разговоры да и большая часть всякихъ разговоровъ о музыкѣ — ножъ вострый. Уже давно замѣчено, что говорить о томъ, чего не знаешь, общая человѣческая слабость, но отчего ни о чемъ такъ много не говорятъ и съ такой увѣренностью, не зная, какъ о музыкѣ? Знаніе музыки далеко еще не наука, знаніе это дошло только до той степени, что видна возможность науки, но существуютъ правила, условленные названія, матеріалы для исторіи музыки, сочиненія, которыя составляютъ знаніе. Замѣтьте, что люди, имѣющіе это знаніе, нисколько не авторитетъ въ музыкѣ и даже удерживаются отъ выраженія своего мнѣнія. Отчего бы это?

¹ *Зачеркнуто:* Чувствуешь съ чрезвычайной ясностью, но когда хочешь опредѣлить, объяснить, что чувствуешь, невольно удивляешься, что нѣтъ средствъ выразить и 10-й доли того, что чувствуешь.

Музыка, какъ искусство производить звуки и дѣйствующее на нашъ слухъ, доступно всякому. Большинство во всѣхъ отрасляхъ человѣческихъ знаній невѣжды, тѣмъ болѣе въ музыкѣ какъ въ знаніи, съ одной стороны, доступно каждому и, съ другой, находящемуся еще на первой ступени развитія.

** № 10 (III ред.).

Глава 10-ая.

⟨Мамап играетъ.⟩ — Музыка.

Мамап сдѣлала легко и бѣгло обѣими руками гамму; потомъ пододвинула ближе табуретъ и начала исполнять граціозный и игривый второй концертъ Фильда — своего учителя.

Она играла славно: не стучала по клавишамъ, какъ ученики и ученицы новой школы, не держала педаль при перемѣнѣ гармоніи, не дѣлала *arpeggio* и не задерживала такта тамъ, гдѣ не нужно, такъ, какъ это дѣлаютъ многіе, полагая этимъ дать выразительность своей игрѣ, не прибавляла своихъ фіоритуръ. Вообще играла и сидѣла за роялемъ просто, безъ афектаціи. Можетъ быть, отъ этого-то игра ея мнѣ особенно нравилась.

Противъ меня была дверь въ кабинетъ, и я видѣлъ, какъ туда вошли Яковъ и какіе-то люди съ бородами, въ кафтанахъ; дверь тотчасъ же затворилась за ними.

«Ну, начались занятія!», подумалъ я. Мнѣ казалось, что важнѣе тѣхъ дѣлъ, которыя дѣлались въ кабинетѣ, ничего въ мірѣ быть не могло; въ этой мысли подтверждало меня еще то, что къ дверямъ кабинета всѣ подходили на ципочкахъ и перешептываясь; отсюда же слышны были громкіе голоса и пахло сигарой, запахъ которой всегда, не знаю почему, внушалъ мнѣ уваженіе.

Я было задремалъ подъ простодушно-милые звуки второго Фильдаго концерта, какъ вдругъ услышалъ очень знакомый мнѣ скрипъ сапоговъ въ офиціантской и открылъ глаза. Карлъ Ивановичъ, хотя съ лицомъ, выражавшимъ рѣшимость, но тоже на ципочкахъ, съ какими-то записками въ рукѣ, подошелъ къ двери и слегка постучалъ въ нее. Его впустили и дверь опять захлопнулась.

«Какъ бы не случилось какого-нибудь несчастія, — подумалъ я. — Карлъ Ивановичъ разсерженъ, а онъ на все готовъ въ такія минуты».

Въ это время мамап кончила концертъ Фильда, встала съ кругленькаго табурета, взяла другую тетрадь нотъ, развернула ее на пюпитрѣ, пододвинула ближе свѣчи и, оправивъ платье, опять сѣла противъ рояля. По вниманію, съ которымъ она все это дѣлала, и задумчиво-строгому выраженію лица, казалось, она готовилась къ чему-то очень серьезному.

«Что-то будетъ?» подумалъ я и опять закрылъ глаза, прижавъ голову въ уголъ кресла. Запахъ пыли, которую я поднялъ поворачиваясь, щекотилъ мнѣ въ ноздряхъ, а давно знакомые звуки пьесы, которую заиграла мама, производили во мнѣ впечатлѣніе сладкое и вмѣстѣ съ тѣмъ тревожное. Она играла Патетическую Сонату Бетховена. Хотя я такъ хорошо помнилъ всю эту Сонату, что въ ней не было для меня ничего новаго, я не могъ заснуть отъ безпокойства. Что, ежели вдругъ будетъ не то, что я ожидаю? Сдержанный, величавый, но безпокойный мотивъ интродукціи, который какъ будто боится высказаться, заставлялъ меня притаивать дыханіе. Чѣмъ прекраснѣе, сложнѣе музыкальная фраза, тѣмъ сильнѣе дѣлается чувство страха, чтобы что-нибудь не нарушило этой красоты, и тѣмъ сильнѣе чувство радости, когда фраза разрѣшается гармонически.

Я успокоился только тогда, когда мотивъ интродукціи высказалъ все и шумно разрѣшился въ *allegro*. Начало *allegro* слишкомъ обыкновенно, поэтому я его не любилъ; слушая его, отдыхаешь отъ сильныхъ ощущеній первой страницы. Но что можетъ быть лучше того мѣста, когда начинаются вопросы и отвѣты! Сначала разговоръ тихъ и нѣженъ, но вдругъ въ басу кто-то говоритъ такія двѣ строгія, но исполненныя страсти фразы, на которыя, кажется, ничего нельзя отвѣтить. Однако нѣтъ, ему отвѣчаютъ и отвѣчаютъ еще и еще, еще лучше, еще сильнѣе до тѣхъ поръ, пока наконецъ все сливается въ какой-то неясный, тревожный ропотъ. Это мѣсто всегда удивляло меня, и чувство удивленія было такъ же сильно, какъ будто я слышалъ его въ первый разъ. Потомъ въ шуму *allegro* вдругъ слышенъ отголосокъ интродукціи, потомъ разговоръ повторяется еще разъ, еще отголосокъ, и вдругъ въ ту минуту, когда душа такъ взволнована этими безпрестанными тревогами, что просить отдыха, все кончается, и кончается такъ неожиданно и прекрасно...

Во время *Andante* я задремалъ; на душѣ было спокойно, радостно, хотѣлось улыбаться и снилось что-то легкое, бѣлое, прозрачное. Но *Rondo въ ut mineur*¹ разбудилъ меня. О чемъ онъ? Куда онъ просится? Чего ему хочется? И хотѣлось бы, чтобы скорѣе, скорѣе, скорѣе и все кончилось; но когда онъ пересталъ плакать и проситься, мнѣ хотѣлось еще послушать страстныхъ выраженій его страданій.

Музыка не дѣйствуетъ ни на умъ, ни на воображеніе. Въ то время, какъ я слушаю музыку, я ни объ чемъ не думаю и ничего не воображаю, но какое-то странное сладостное чувство до такой степени наполняетъ мою душу, что я теряю сознаніе своего существованія, и это чувство — воспоминаніе. Но воспоминаніе чего? Хотя ощущеніе сильно, воспоминаніе неясно. Кажется какъ будто вспоминаешь то, чего никогда не было.

¹ Написано: *ut bemol mineur*.

Основаніе того чувства, которое возбуждаетъ въ насъ всякое искусство, не есть ли воспоминаніе? Наслажденіе, которое намъ доставляетъ живопись и ваяніе, не происходитъ ли изъ воспоминанія образовъ? Чувство музыки не происходитъ ли изъ воспоминанія о чувствахъ и переходахъ отъ одного чувства къ другому? Чувство поэзіи не есть ли воспоминаніе о образахъ, чувствахъ и мысляхъ?

⟨Музыка еще у древнихъ Грековъ была подражательная, и Платонъ въ своей «Республикѣ» полагалъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы она выражала благородныя чувства. Каждая музыкальная фраза выражаетъ какое-нибудь чувство — гордость, радость, печаль, отчаяніе и т. д., или одно изъ безконечныхъ сочетаній этихъ чувствъ между собою. Музыкальныя сочиненія, не выражающія никакого чувства, составленныя съ цѣлью или выказать ученость, или приобрести деньги, однимъ словомъ, въ музыкѣ, какъ и во всемъ, есть уроды, по которымъ судить нельзя. ⟨(Къ числу этихъ уродовъ принадлежатъ нѣкоторыя попытки музыкой выразить образы и картины.)⟩ Ежели допустить, что музыка есть воспоминаніе о чувствахъ, то понятно будетъ, почему она различно дѣйствуетъ на людей. Чѣмъ чище и счастливѣе было прошедшее человѣка, тѣмъ болѣе онъ любитъ свои воспоминанія и тѣмъ сильнѣе чувствуетъ музыку; напротивъ, чѣмъ тяжеле воспоминанія для человѣка, тѣмъ менѣе онъ ей сочувствуетъ, и отъ этаго есть люди, которые не могутъ переносить музыку. Понятно будетъ тоже, почему одно нравится одному, а другое другому. Для того, кто испыталъ чувство, выраженное музыкой, оно есть воспоминаніе, и онъ находитъ наслажденіе въ немъ, для другого-же оно не имѣетъ никакого значенія.⟩

**** № 11 (III ред.).**

Глава 11-ая. Любочка.

Мама перестала играть. Я проснулся, высунулъ голову изъ за ручки креселъ и увидалъ, что она сидитъ на томъ-же мѣстѣ, но не играетъ, а прислушивается. Изъ залы слышны были рыданія.

— Ахъ, Боже мой, — сказала мама, — непремѣнно кто-нибудь изъ дѣтей ушибся, — встала съ табурета и почти бѣгомъ пустилась въ залу.

Любочка сидѣла на полу между двухъ стульевъ; по лицу ея текли кровь и слезы. Около нея стояли съ испуганными лицами Володя и Катенька.

— Что такое? Гдѣ ты ушиблась? Скажи же, что съ тобой? Душечка? Любочка, милочка, ангелъ мой? — говорила мама въ сильномъ безпокойствѣ и сама готовая расплакаться. Когда она отняла руку, которой Любочка держалась за носъ, видно было, какъ она обрадовалась, увидавъ, что кровь идетъ носомъ

и нѣтъ ничего серьезнаго. Выраженіе лица ея мгновенно перемѣнилось, и она строго спросила у Володи:

— Какъ это случилось?

Володя объяснилъ, что Любочка представляла зайца и совершенно уже уходила отъ всѣхъ, какъ вдругъ спотыкнулась и упала носомъ объ стулъ.

— То-то, — сказала татап, обращаясь къ Любочкѣ и поднимая ее. — Тебѣ урокъ, чтобы ты не бѣгала, какъ сумашедшая. Иди въ гостиную, моя милая, будетъ тебѣ шалить.

Любочка пошла впередъ, свади ея татап, а свади татап — мы трое.

Любочка продолжала рыдать, и рыданія ея похожи были на икоту. Изъ глазъ текли слезы, изъ носу кровь, изо рту слюни; полагая, что она утирается платкомъ, она размазывала имъ всѣ эти жидкости по лицу. Ноги всегда у нея были гусемъ, но теперь ея походочка съ развальцомъ была еще смѣшнѣе, такъ что такой жалкой и уморительной фигурки я никогда не видывалъ; даже татап, оглянувшись на насъ, улыбнулась, указывая на Любочку.

— Вы можете идти играть, — сказала она намъ, — но Володя отвѣчалъ, что безъ Любочки играть въ зайца совершенно невозможно, и мы всѣ пошли въ гостиную.

— Сядь, отдохни, — сказала татап Любочкѣ, притирая ей носъ водою съ уксусомъ, — за то, чтобы ты не шалила, ты до тѣхъ поръ не встанешь съ этого мѣста, пока не докончишь урока, который задастъ тебѣ Мими.

Мими подала продолжавшей плакать Любочкѣ рагульку и задала ей урокъ въ пять аршинъ.

Обыкновенно, когда кто-нибудь изъ насъ ушибался, насъ всѣхъ наказывали тѣмъ, что совѣтовали *посидѣть и отдохнуть*, но нынче татап позволила намъ идти играть, потому, я предполагалъ, что нынче послѣдній вечеръ мы были вмѣстѣ, и она не хотѣла насъ огорчить, какъ будто что-нибудь отъ нея могло огорчить насъ.

Папа вышелъ изъ кабинета съ Карломъ Ивановичемъ.

Карлъ Ивановичъ пошелъ наверхъ, а папа съ очень веселымъ лицомъ вошелъ въ гостиную, подошелъ къ татап и, положивъ ей руку на плечо:

— Знаешь, что я рѣшилъ сейчасъ?

— Что?

— Я беру Карла Ивановича съ дѣтьми — мѣсто въ бричкѣ есть, они къ нему привыкли и онъ къ нимъ, кажется, тоже привязанъ, а восемьсотъ рублей въ годъ никакого счета не дѣлаютъ. Et puis, au fond, c'est un bon diable,¹ — прибавилъ онъ.

— Я очень рада, — сказала татап, — за дѣтей и за него: онъ славный старикъ.

¹ [И потом он в сущности добрый малый, чорт его подери.]

— Ежели бы ты видѣла, какъ онъ былъ тронуть, когда я ему сказалъ, чтобъ онъ оставилъ эти пятьсотъ рублей въ видѣ подарка... — Это что? — сказалъ онъ, замѣтивъ посинѣлый носъ и заплаканные глаза Любочки. — Кажется, мы провинились?

Любочка совсѣмъ было успокоилась, но какъ только замѣтила, что на нее обращено общее вниманіе, опять расплакалась.

— Оставь ее, mon cher,¹ — сказала мама, — ей надо урокъ кончить.

Папа взялъ изъ рукъ Любочки рагульку и самъ сталъ вязать.

— Вдвоемъ мы скорѣе кончимъ, однако лучше попробуемъ попросить прощенія, — сказалъ онъ, взявъ ее за руку. — Пойдемъ.

Любочка перестала плакать и, подойдя къ маме, повторяла вслухъ слова, которыя ей шептала папа на ухо.

— Нынче послѣдній вечеръ, мамаша, что мы... я съ папа... буду... такъ... простите... насъ... а то... онъ не хочетъ... меня любить... ежели я буду... плакать.

— Простите насъ, — прибавилъ папа, и разумѣется ихъ простили.

Незадолго передъ ужиномъ въ комнату вошелъ Гриша.

Съ самого того времени, какъ онъ пришелъ въ нашъ домъ, онъ не переставалъ вздыхать и плакать, что, по мнѣнію тѣхъ, которые вѣрили въ его способность предсказывать, предвѣщало какую-нибудь бѣду.

Онъ сталъ прощаться и сказалъ, что завтра, рано утромъ, пойдетъ дальше. Я подмигнулъ Володѣ и вышелъ въ дверь.

— Что?

— Пойдемте на мужской верхъ; Гриша спитъ во второй комнатѣ; въ чуланѣ прекрасно можно сидѣть, и мы всё увидимъ.

— Отлично. Подожди здѣсь, я позову дѣвочекъ.

Дѣвочки выбѣжали, и мы отправились наверхъ.

Тамъ, не безъ спору рѣшивъ, кому первому взойдти въ темный чуланъ, наконецъ, усѣлись.

* № 12 (II ред.).

Бабушкѣ было и казалось лѣтъ подѣ 70. Росту она должно быть была средняго, но теперь отъ лѣтъ казалась маленькаго; зубъ не было, но она говорила хорошо; лицо было въ морщинахъ, но кожа чрезвычайно нѣжна, глаза большіе, строгіе, но зрѣніе слабое; носъ большой и немного на бокъ; несмотря на это, общее выраженіе лица внушало уваженіе: руки были удивительной бѣлизны, и отъ старости ли, или оттого, что она ихъ безпрестанно мыла, на оконечностяхъ пальцевъ были морщины, какъ будто только-что она ихъ вымыла горячей водой. На ней былъ темно-синій шелковый капотъ, черная мантилія, и чеп-

¹ [дорогой,]

чикъ съ узенькими, голубыми лентами, завязанными на кожѣ, которая висѣла подъ подбородкомъ; изъ-подъ мантиліи видѣнь былъ бѣлый платокъ, которымъ она всегда завязывала отъ простуды шею. Бабушка не отставала очень от моды, а приказывала передѣлывать модные чепчики, мантильи и т. п. по своему, постарушечьи. Бабушка была не очень богата — у нее было 400 душъ въ Тверской губерніи и домъ, въ которомъ она жила въ Москвѣ. Какъ управленіе имѣніемъ, такъ и образъ ея жизни ни въ чемъ ни малѣйше не измѣнился съ того времени, какъ она овдовѣла. Лицо бабушки всегда было спокойно и величаво; она никогда почти не улыбалась, но вмѣстѣ любила смѣшнить и успѣвала въ этомъ удивительно. Вся гостиная помираѣла со смѣху отъ ея разказовъ, а лицо ея удерживало то же важное выраженіе — только глаза немного суживались. Она плакала только тогда, когда дѣло шло о татан, которую она любила страстно и больше всего въ мірѣ.

* № 13 (II ред.).

Глава: О свѣтѣ.

⟨ Въ слѣдующей главѣ выдутъ на сцену Князь, Княгини. Почитаю нужнымъ сказать впередъ, какіе будутъ мои Князь, чѣмъ отличаются они отъ князей болѣе части романистовъ, и въ какой кругъ я намѣренъ ввести читателя.⟩

Читатель, дѣлали ли вы то же замѣчаніе, какое я? Ежели нѣтъ, то вспомните хорошенько повѣсти и романы, такъ называемые великосвѣтскіе, которые вы читали. Вотъ что я замѣтилъ въ этихъ романахъ и повѣстяхъ. Рѣдко герой романа, т. е. то лицо, которое любитъ авторъ, бываетъ изъ высшаго круга, и еще рѣже, чтобы этотъ герой былъ хорошій человѣкъ; болѣею же частью высшее общество выставляется только для того, чтобы показать, какіе всѣ дурные, подлые и злые люди живутъ въ немъ; оно служитъ для того, чтобы нагляднѣе выступили добродѣтели героевъ — чиновниковъ, воспитанницъ, мѣщанъ и¹ т. д. Когда выступаетъ на сцену въ романѣ Князь, я впередъ знаю, что онъ будетъ богатый, знатный, но гордый, невѣжественный, злой, будетъ злодѣемъ романа.

Въ моей повѣсти, я долженъ сказать впередъ, что не будетъ ни одного злодѣя, ни одного такого человѣка, который будетъ наслаждаться страданіями другихъ. Что дѣлать! Никогда въ жизни я не только не сталкивался съ такими людьми, но даже и не вѣрю въ ихъ существованіе, хотя нѣтъ почти ни одного романа безъ нихъ.

Не могу сказать, хотя и очень желалъ бы, что ни одинъ человѣкъ не дѣлалъ мнѣ зла. Итакъ [?] я такъ же, какъ и другіе, испыталъ дурную сторону сношеній съ ближними, но все зло,

¹ Зачеркнуто: мужиковъ.

которое я испытывалъ, происходило отъ невѣжества, слабости, страстей людскихъ, но никогда — отъ желанія дѣлать зло. Удивительно, зачѣмъ безпрестанно представляютъ намъ въ романахъ такихъ людей, которыхъ не бываетъ, и которыхъ существованіе было бы очень грустное. — Я понимаю, что можно увлекаться правдою въ прекрасномъ, но какой злой духъ увлекаетъ фантазію романистовъ, людей, которые хотятъ рисовать намъ нравы, до неестественности въ дурномъ и ужасномъ? Для чего Князь или Графъ, Княгиня или Графиня всегда имянно — тѣ необходимыя лица въ романѣ, которыя разрушаютъ счастье и вредятъ добродѣтельнымъ героямъ? Почему знатность, богатство всегда бываютъ атрибутами злодѣйства? — Можетъ быть, этотъ контрастъ нуженъ для поразительности, но онъ, по моему мнѣнію, вредитъ естественности. Мнѣ кажется, что между людьми знатными и богатыми, напротивъ, меньше бываетъ злодѣевъ, потому что имъ меньше искушеній, и они больше въ состояніи, чѣмъ низшіе классы, получить настоящее образованіе, и вѣрно судить о вещахъ.

* № 14 (II ред.).

Глава 15. Княгиня Корнакова.

Одинъ изъ двухъ лакеевъ, ѣздившихъ за каретою бабушки, взошелъ и доложилъ: «Княгиня М-я А-а Корнакова». «Проси», сказала бабушка, усаживаясь глубже въ кресла. — Карлъ Иванычъ всталъ и объяснилъ бабушкѣ, что другъ его, портной Schönheit, женатъ на Русской, и ее зовутъ Анной Ивановной, и что онъ какъ съ мужемъ, такъ и съ женой давнишній пріятель. Бабушка и мы слушали его съ большимъ удивленіемъ: къ чему ведетъ эта рѣчь! — «Такъ какъ нынче Св. Анны», сказалъ онъ съ обыкновенными жалобными удареніями (Я буду подчеркивать слова, которыя онъ особенно растягивалъ и произносилъ плохо [?]), «то *позвольте* мнѣ пойдти поздравить М-е Schönheit и обѣдать, какъ другу дома, въ ихъ семейномъ *кружкѣ*». Бабушка, посмотрѣвъ нѣсколько времени на него очень пристально, согласилась и сказала, что дѣти цѣлый день будутъ съ нею, и поэтому онъ можетъ совершенно располагать своимъ днемъ, хотя ей было бы пріятно видѣть его въ свои именины у себя, но старые друзья по всей справедливости должны были имѣть преимущество передъ новыми. — «Вы можете идти, Карлъ Иванычъ», прибавилъ папа довольно сухо улыбававшемуся и распаркивавшемуся Карлу Иванычу, и, когда тотъ вышелъ, папа по-Французски сказалъ бабушкѣ: «Я предвижу, что онъ здѣсь совсѣмъ испортится». Меня очень поразили во всемъ этомъ двѣ вещи: во-первыхъ, какъ смѣлъ Карлъ Иванычъ предпочесть какую-то М-е Schönheit бабушкѣ? — «Должно быть эта дама еще болѣе достойна уваженія и еще важнѣе, чѣмъ бабушка», — думалъ я. И, во-вторыхъ: что значило, что Карлъ Иванычъ здѣсь испортится? и какъ

онъ можетъ испортиться?» Папа вѣрно бы объяснилъ это, потому что въ то самое время, какъ въ дверь гостиной входила княгиня М-я А-а, бабушка, какъ будто не замѣчая ея, спросила у папа: «Т. е. какъ испортится?» — «Избалуется», сказала папа, приподнимаясь и кланяясь княгинѣ. Бабушка обратилась тоже къ двери. Какъ только Корнакова замѣтила, что на нее всѣ смотрятъ, она пошла гораздо скорѣе, чѣмъ прежде, и тотчасъ же начала говорить; она говорила такъ скоро и связно, что трудно было понять ее. Это обстоятельство заставило меня заключить съ самой выгодной стороны о ея умѣ, и я сталъ вслушиваться и наблюдать. Княгиня много говорила одна, съ самага того мѣста, гдѣ ее замѣтили; она, не переставая говорить, подошла къ креслу бабушки, не умолкая, поцѣловала у нея руку и усѣлась подлѣ.

* № 15 (II ред.).

Глава 16. Что я увидалъ въ зеркалѣ, и сѣкли ли насъ въ дѣтствѣ?

Я увидалъ въ зеркалѣ бѣлокураго мальчика въ каричневомъ полуфрачкѣ, съ бѣленькими воротничками, перекосившимися на бокъ, съ припомаженными висками и съ торчащими вихрами на макушкѣ. Мальчикъ этотъ былъ красный, и на широкомъ лбу и носу выступали капли пота. Онъ, видимо, старался имѣть видъ задумавшагося мальчика, но былъ просто очень сконфуженный мальчикъ. Видъ этого мальчика въ зеркалѣ мнѣ былъ очень непріятенъ, и я оглянулся на всѣхъ, не видалъ ли кто-нибудь, что я смотрѣлъ въ зеркало, но большіе были заняты какимъ-то разговоромъ, а Володя смотрѣлъ на меня, но какъ только я взглянулъ на него, сталъ смотрѣть въ другую сторону. Онъ вѣрно понялъ, что мнѣ должно быть непріятно знать, что я дурень, и притомъ знать, что онъ хорошъ и чувствуетъ свое преимущество передо мной. Глядя на его худенькую, стройную фигурку, румяныя щеки, черные, тоже, какъ и у папа, всегда смѣющіеся глазки, гладкіе, темные волосы и общее выраженіе веселости и самодовольства, я завидовалъ. Названіе, которое мнѣ далъ папа — философа, я переводилъ: *дурно-солый*. И ежели философъ, значитъ мудрецъ, и я бы былъ мудрецъ, я бы ни минуты не поколебался отдать всю свою мудрость за хорошенькое личико.

Я помню, какъ разъ, въ деревнѣ, за обѣдомъ, говорили про мою наружность, и при мнѣ тамапа, которая всѣми средствами старалась найти что-нибудь хорошаго въ моемъ лицѣ, должна была сознаться, что я очень дурень. И потомъ, когда я подошелъ благодарить за обѣдъ, она потрепала меня по щекѣ и сказала: «Ты это знай, Николенька, что ты дурень, и за твое лицо тебя никто не будетъ любить, а ты долженъ стараться быть умнымъ и добрымъ, тогда тебя будутъ любить за твой умъ и доброту». Мнѣ было не больше 6-и лѣтъ, когда она мнѣ это сказала,

но это такъ вѣдалось въ моей памяти, что я помню ту мысль, которая мнѣ въ эту минуту пришла, именно, что она отъ меня скрываетъ всю правду, но что она уже увѣрена въ томъ, что я уменъ и добръ. Съ той минуты я убѣдился навсегда въ 3-хъ вещахъ: что я дурень, уменъ и добръ. Къ послѣднимъ 2-мъ мыслямъ я такъ привыкъ, что никто и ничто не могло бы меня разувѣрить (Какое-то, должно быть ложное, чувство мнѣ говорило, что во всемъ есть возмездіе — «я не хорошъ, зато я уменъ» — думалъ я), но къ первой мысли я никакъ не могъ привыкнуть и продолжалъ очень часто повѣрять свои сомнѣнія на этотъ счетъ не только зеркаламъ, но всѣмъ вѣщамъ, которыя способны отражать довольно ясно. Такъ, часто я смотрѣлся въ стаканъ, въ самоваръ, въ графины и т. д., но всѣ эти вѣщи отвѣчали мнѣ неумолимо то же самое, т. е. плохо. — На молитвѣ очень часто я просилъ Бога, чтобы онъ сдѣлалъ меня красавцемъ. Отъ этихъ умозрѣній насчетъ преимущества красоты передъ другими дарами природы я, вспомнивъ слова Княгини и бабушки о розгахъ, перешелъ къ разсужденіямъ о томъ, сѣкли ли насъ или нѣтъ?

* № 16 (II ред.).

Сѣкли ли насъ или нѣтъ? Вотъ вопросъ, который я себѣ сдѣлалъ и, вспоминая прошедшее, старался рѣшить.

Помню я, какъ разъ, въ самое вербное воскресенье, у насъ въ деревнѣ служили всенощную. Послѣ всенощной и ужина, мы пришли въ спальню; и по какому-то случаю очень развеселились. Я вспрыгнулъ на кровать къ Володѣ, перерылъ постель — даже доска одна провалилась подъ нами — мы щекотили, теребили другъ друга, визжали, помирали со смѣху — однимъ словомъ, находились во всемъ разгарѣ дѣтской безсознательной шумной веселости. Вдругъ въ комнату взшелъ Карлъ Ивановичъ. По лицу его замѣтно было, что онъ не въ духѣ. Въ рукѣ онъ несъ только-что распустившуюся и освященную вербу съ тѣмъ, чтобы поставить ее за икону, которая находилась въ нашей спальнѣ. «Was ist das?»¹ крикнулъ онъ грозно и кинулъ на насъ такой взглядъ, что мы замерли, и съ самымъ ужаснымъ выраженіемъ потрѣсъ вербою. Должно быть дурное настроеніе духа, присутствіе въ его рукѣ двухъ гибкихъ и вѣтвистыхъ вѣтокъ вербы и мое полуобнаженное тѣло внушило ему ужасную мысль. Онъ вытащилъ меня за руку съ Володиной постѣли, схватилъ меня за голову и... Нѣсколько только-что распустившихся пшечекъ свалилось съ освященной вербы. Я не думалъ ни о боли, ни о стыдѣ — одна мысль поглощала все мое вниманіе: такъ стало быть меня высѣкли? — высѣкли по-настоящему.

¹ [Что это такое?]

Мамап находила, что побои — наказаніе унижительное; я часто слыхалъ, что она отзывалась о сѣченіи съ ужасомъ и отвращеніемъ, и Карлу Иванычу строго было приказано не бить насъ.

Удивительно, что добрый Карлъ Иванычъ, пунктуально исполняющій всѣ приказанія, не могъ воздержаться. Не разъ случалось, что онъ билъ насъ линейкой, давалъ щелчекъ въ лобъ своимъ огромнымъ ногтемъ, разъ даже ударилъ меня своими помочами. Я не обращалъ вниманія на эти случаи, но верба... Стало быть напрасно я горжусь, что меня не сѣкли. Однако нѣтъ — *сѣчь* должно быть значить совсѣмъ другое — вѣрно мальчика кладутъ на скамейку, держатъ, онъ кричитъ, и его сѣкутъ двое — вотъ это ужасно. — А верба что? Это такъ Карлъ Иванычъ разгорячился; я помню, онъ самъ говорилъ, что жалко, что мы не были сѣчены. Стало быть насъ не сѣкли.

Часто со мною случалось и впослѣдствіи, что я, составляя себѣ впередъ понятіе о какомъ-нибудь впечатлѣніи и потомъ испытывая его, никакъ не могъ согласовать одно съ другимъ и не вѣрилъ, что я дѣйствительно испыталъ то, о чемъ составилъ себѣ такое невѣрное понятіе. Я рѣшилъ, что насъ не сѣкли.

* № 17 (II ред.).

Глава 17-ая. Князь Иванъ Петровичъ.

Княгиня М. А. уѣхала и обѣщала послѣ обѣда прислать своего Этіена и другихъ дѣтей познакомиться съ нами. Я очень былъ радъ, потому что интересовался знать, какой видъ можетъ имѣть мальчикъ, котораго сѣкутъ. Послѣ М. А. пріѣзжало еще много гостей поздравлять бабушку — бѣльшей частью родные и называли ее *ma tante*.¹ Иныхъ она принимала хорошо, другихъ дурно и говорила имъ *моя милая*, точно какъ будто она говорила съ своей горничной. Я перезабылъ большую часть этихъ гостей, но помню тѣхъ, которымъ читали мои стихи.

Въ числѣ послѣднихъ былъ одинъ человекъ довольно высокаго роста, среднихъ лѣтъ и въ военномъ мундирѣ. Онъ былъ тонокъ — особенно ноги, — но не строенъ; все тѣло его при всякомъ движеніи перегибалось; руки были очень длинны. Ежели бы онъ не имѣлъ большого апломба въ приемахъ, наружность его напоминала бы обезьянью. Онъ былъ плѣшивъ; лобъ былъ большой; носъ загибался къ губамъ; нижняя челюсть выдавалась впередъ такъ, что это даже было неестественно. Привыкнувъ къ мысли, что умъ есть всегдашнее возмездіе красоты, видъ дурного лица всегда заставлялъ меня составлять самое выгодное понятіе о умѣ. Кукурузовъ былъ дурень до возможности, и, ежели бы не увѣренность, съ которой онъ носилъ свою уродливость, онъ внушалъ бы отвращеніе. Нельзя

¹ [тетушка.]

было не подумать, увидавъ его: вѣрно этотъ человѣкъ имѣетъ много достоинствъ, ежели съ такимъ некрасивымъ лицомъ доволенъ собою.

Онъ мнѣ очень понравился.

Алишкѣева тоже была родственница бабушки. Она пріѣхала съ дочерью, и такъ какъ бабушка приняла ее хорошо, то сидѣла довольно долго. — Дочь ея была дѣвушка лѣтъ 18, тоненькая, стройненькая, свѣженькая, прекрасно одѣтая, но она не нравилась мнѣ. Все въ ней было неестественно, и красота [?], и движенія. Ежели бы меня спросили: «хороша ли Sachinette?» я бы сказалъ, что хороша; но самъ бы я никогда не сказалъ другому: «неправда ли, какъ хороша Sachinette?» Притомъ же у ней былъ недостатокъ, который дѣтямъ очень бросается въ глаза — неестественность. Она ко всему говорила про Венецію, въ которой жила съ матерью, смѣялась тоже ко всему и не отъ души; и когда насъ ей представили, замѣтивъ должно быть мою неловкость и смущеніе, непременно хотѣла его увеличить и меня поцѣловать; я убѣждалъ въ другую комнату отъ стыда — она за мною. Въ это самое время входилъ Господинъ Кукурововъ. Sachinette оставила меня въ покоѣ и пошла назадъ въ гостиную, слегка переваливаясь съ ноги на ногу, представляя, будто бы она очень устала за мной бѣгать (не знаю, зачѣмъ она это дѣлала). Кукурововъ усѣлся противъ бабушки и повелъ какую-то сладкую, сладкую рѣчь. Меня удивило, какъ онъ не догадался уступить Sachinette кресло, на которомъ сидѣлъ подлѣ бабушки. Sachinette постоявъ немного, сказала: «Ахъ, какъ я устала, maman» (должно быть, чтобы Кукурововъ замѣтилъ ея присутствіе, но онъ только оглянулся на нее и продолжалъ что-то съ нѣжностью говорить бабушкѣ). Sachinette сѣла на дальнемъ стулѣ подлѣ насъ. Бабушка представила Кукуровова Алишкѣевымъ, онъ приподнялся, и надобно было видѣть, какъ мгновенно выраженіе совершеннаго равнодушія и невниманія, съ которыми онъ до того смотрѣлъ на Алишкѣевыхъ, смѣнилось любезнѣйшей улыбкой, и съ какимъ искреннимъ выраженіемъ онъ въ самыхъ отборныхъ Французскихъ словахъ сказалъ имъ, что давно желалъ имѣть эту честь. Въ одно и то же время, хотя Алишкѣева и Sachinette стояли въ противоположныхъ углахъ гостиной, онъ обращался и къ матери и къ дочери съ удивительной отчетливостью и ловкостью; потомъ онъ отодвинулъ кресло, чтобы не сидѣть спиной къ Sachinette, опять сѣлъ, поправилъ шляпу и саблю и заговорилъ о какомъ-то певцѣ, разговоръ, въ которомъ приняли участіе всѣ, какъ будто ни въ чемъ не бывало. «Вотъ это человѣкъ!» — подумалъ я. Онъ почти одинъ поддерживалъ разговоръ, и видно было, что другимъ совѣстно было говорить при такомъ человѣкѣ. Фразы его были такъ круглы, полны; говорилъ онъ такъ отчетливо и употреблялъ, для меня такія непонятныя, французскія слова, что я ему въ мысляхъ отдалъ преимущество надъ всѣми — надъ

Княгиней и еще надъ одной барыней, которая мнѣ тоже понравилась. Алишкѣва была дама, отличавшаяся отъ всѣхъ другихъ, которыхъ я видѣлъ, какою-то особенной рѣзкостью и апломбомъ въ разговорѣ. Она говорила съ удивительной увѣренностью про вещи, которыя не посмѣла [?] бы затронуть въ разговорѣ другая дама. Впослѣдствіи я нашелъ, что этотъ духъ принадлежитъ почти всѣмъ дамамъ Петербургскаго общества. Она намекнула что-то объ Италіи, — онъ сталъ говорить про Италію еще лучше и къ чему то сказалъ «la patrie des poètes». — «A propos des poètes»,¹ сказала бабушка: вы хорошій судья въ этомъ дѣлѣ, мой любезный Кукурузовъ; надо вамъ показать стихи, которые я получила нынче». И опять бабушка развернула обличительный листъ [?] почтовой бумаги. — «Et qui est le bienheureux poète, M-e la comtesse, auquel vous inspirez de si beaux vers?»² спросилъ онъ съ снисходительной улыбкой, пробѣгая глазами мое стихотвореніе. — «Это мой внукъ, Николенка», сказала бабушка, указывая на меня табакеркой, которую держала въ рукахъ. Кукурузовъ обратился ко мнѣ и полусерьезно, полунасмѣшливо сказалъ мнѣ длинную фразу, изъ которой я запомнилъ только: «jeune homme, cultivez les muses». ³ Это выраженіе я запомнилъ, потому что оно мнѣ очень понравилось, хотя и не понималъ, что значить.

* № 18 (II ред.).

Мнѣ не хотѣлось вѣрить, (не тому, чтобы дѣйствительно папа дѣлалъ несчастливою маман), но не хотѣлось вѣрить и тому, чтобы ктонибудь имѣлъ право судить его. Я отбрасывалъ эту мысль, но она опять лѣзла мнѣ въ голову. Папа встрѣтился мнѣ въ залѣ; я посмотрѣлъ на него, но совѣмъ другими глазами, чѣмъ обыкновенно. Я уже не видѣлъ въ немъ, какъ прежде, только отца, — а видѣлъ человѣка, который такъ же, какъ и другіе, можетъ поступить нехорошо — однимъ словомъ я разсуждалъ о немъ. Одна завѣса спала съ дѣтскаго воображенія.

* № 19 (II ред.).

Глава 18. Прогулка.

До обѣда отецъ взялъ насъ съ собою гулять. Хотя со времени приѣзда нашего въ Москву я уже разъ 20 имѣлъ случай прогуливаться по бульварамъ, но все не могъ привыкнуть къ странному Московскому народу, и его обхожденію, въ особенности же я никакъ не могъ понять, почему въ Москвѣ всѣ перестали обращать на насъ вниманіе — никто не снималъ шапокъ, когда мы проходили, нѣкоторые даже недоброжелательно смотрѣли

¹ [родина поэтов. Кстати о поэтах.]

² [А кто, графиня, тот счастливый поэт, которого вы вдохновили на такие прекрасные стихи?]

³ [молодой человек, культивируйте муз.]

на насъ, многіе толкали и рѣшительно обращались съ нами, какъ будто мы перестали быть дѣтьми П. А. Иртенева и владѣтелями села Петровскаго, Хабаровки и др. Я всячески старался объяснить это общее къ намъ равнодушіе (и даже какъ будто презрѣніе). — Сначала я предполагалъ, что вѣрно мы дурно одѣты и похожи на дворовыхъ мальчиковъ, но, напротивъ, бекеша у насъ были щегольскія, и я не безъ основанія рассчитывалъ, что они должны были внушать хотя нѣкоторое уваженіе, думалъ я тоже, что это вѣрно потому, что насъ еще не знаютъ, но прошло уже много дней, а на насъ все не обращали никакого вниманія; наконецъ, я пришелъ къ заключенію, что вѣрно за что-нибудь на насъ сердятся, и я очень желалъ узнать причину такой немилости. Мы вышли на Пречистинскій бульваръ, отецъ шелъ тихо серединой, мы бѣгали взапуски за оголившимися липками по засохшей травѣ. Передъ нами шла какая-то барыня, щегольски одѣтая, съ маленькой, лѣтъ 7-ми, дѣвочкой, которая въ бархатной красной шубкѣ и мѣховыхъ сапожкахъ катила передъ собой серсо, но такъ тихо и вяло, что я никакъ не могъ понять, для чего это она дѣлаетъ. Скорѣе можно было сказать, что ей велѣно докатить этотъ обручъ до извѣстнаго мѣста, чѣмъ то, что она имъ играетъ. То ли дѣло Любочка или Юзенька бывало летять по залѣ, такъ что всѣ тарелки въ буфетѣ дрожать.

Догнавъ барыню съ дѣвочкой, отецъ подозвалъ насъ и представилъ ей. Мы поклонились и сняли фуражки. Я такъ былъ озадаченъ, какъ говорилъ, тѣмъ, что намъ никто не снималъ шапокъ, но всѣ оказывали равнодушіе, что я впалъ въ противоположную крайность — я сталъ подобострастенъ и, снявъ фуражку, стоялъ въ почтительной позѣ, не надѣвая ея. Володя дернулъ меня за рукавъ бекеша и сказалъ: «что ты, какъ лакей, безъ шапки стоишь?» О, какъ меня оскорбило это замѣчаніе! Я никогда не забуду, съ какой неловкостью и злобой я надѣлъ фуражку и перешелъ на другую сторону бульвара.

Это была кузина его Валахина. Она шла такъ же, какъ и мы, на Тверской бульваръ, и мы пошли вмѣстѣ. Какъ я замѣтилъ, отецъ былъ съ нею друженъ и просилъ ее прислать нынче вечеромъ старшую дочь къ намъ говоря, что можетъ быть будутъ танцы; она обѣщала. На Никитскомъ бульварѣ было довольно народа, т. е. хорошо одѣтыхъ господъ и барынь. Я замѣтилъ, что Валахина на Никитскомъ бульварѣ шла тише и стала говорить по-Французски; когда же мы перешли площадь и взойшли на Тверской, она стала грассировать и называть свою дочь не «Машенька», какъ она называла ее на Пречистенскомъ, не Marie, какъ она называла на Никитскомъ, а «Маиш». Это меня поразило. Замѣтивъ по этимъ ея поступкамъ всю важность Тверского бульвара, я старался тоже и походкой, и осанкой быть похожимъ не на Николеньку, а на Никса, или что нибудь въ этомъ родѣ.

Вскорѣ послѣ нашего приѣзда познакомились мы съ тремя мальчиками нашихъ лѣтъ, Ивиными. Старшій былъ нехорошъ собой и мальчикъ мясистый, вялый, потный [?]; младшіе же два были совершенные красавчики. То ѣздили мы къ нимъ, то они къ намъ, и въ обоихъ случаяхъ для меня это былъ совершенный праздникъ. Я безъ памяти любилъ обоихъ меньшихъ и любилъ такъ, что готовъ былъ для нихъ всѣмъ пожертвовать, любилъ не дружбою, а былъ влюбленъ, какъ бываютъ влюблены тѣ, которые любятъ въ первый разъ — я мечталъ о нихъ и плакалъ. Вотъ какъ я любилъ его. У него была дурная привычка, за которую часто бранилъ его гувернеръ — моргать безпрестанно глазами. Теперь, вспоминая его, я вижу, что дѣйствительно это очень портило его, но тогда я находилъ это прелестнымъ, мнѣ казалось, что именно въ этомъ главная причина его привлекательности, и я даже старался самъ моргать глазами такъ же, какъ онъ. Когда мы соединялись, любимую игрою нашей были солдаты, т. е. разыгрываніе всякихъ сценъ изъ солдатской жизни: маршированье, сраженіе, отдыхи и даже наказанія. ¹

Что было весьма приятно въ нашихъ отношеніяхъ это, что мы называли другъ друга не уменьшительно: Николенька, Петруша, а Николай, Петръ. Бульваръ былъ полонъ народа, солнышко ярко и весело играло на всемъ — на чистыхъ сапогахъ прогуливавшихся господъ, на атласныхъ шляпкахъ барынь, на эполетахъ военныхъ; даже одна пуговица оборваннаго солдата, который прошелъ съ узломъ мимо насъ, блестѣла, какъ золото. По расчищенному песку, на которомъ замѣтны были полукруглые слѣды метлы, кое-гдѣ стеклушко или песчинка блѣстѣли, какъ брильянты. Иные гуляли тихими шагами и съ палками съ набалдашниками — руки назадъ; другіе, размахивая руками, стороной, какъ будто спѣшили куда-нибудь, но тоже ходили взадъ и впередъ. Съ перваго взгляда поражала только пестрота и блескъ, но чѣмъ дальше подвигался впередъ, изъ общей пестроты выдвигались шляпки, эполеты или длинные сертуки. Всѣ лица этой панорамы чрезвычайно хороши были издали, но чѣмъ ближе подвигались, тѣмъ меньше нравились. Или большой носъ изъ-подъ желтой шляпки, или равнодушный взглядъ, брошенный на насъ сертукомъ, или глупый несимпатическій смѣхъ и говоръ остановившихся эполетъ и сертуковъ сейчасъ разочаровывалъ, и опять я напряженно смотрѣлъ впередъ въ сливающуюся пеструю толпу, какъ будто ожидая и ища чего-то.

За 100 шаговъ изъ-за разнообразныхъ фигуръ толпившихся по бульвару узналъ я Ивиныхъ съ гувернеромъ. «Посмотри, папа», сказалъ я внѣ себя отъ радости и желая подѣлиться ею

¹ *Зачеркнуто:* Я часто подвергался, не помню за что, фухтелямъ, и странно, что, хотя свитые жгутами платки были не менѣе дѣйствительны, чѣмъ настоящіе фухтели, я не могу сказать, чтобы боль, которую я чувствовалъ, была мнѣ неприятна.

съ кѣмъ-нибудь: «вонъ Ивины». Папа принялъ это извѣстiе очень хладнокровно, потому что въ это самое время, улыбаясь, раскланивался съ какою-то барыней, Володя же спросилъ: «гдѣ?» — «Вонъ, за этимъ полковникомъ съ дамой — видишь трое съ бобровыми воротниками». — «Что ты тамъ видишь, — тамъ пряничникъ». — «Ахъ, Боже мой», сказалъ я съ нетерпѣнiемъ, не понимая, какъ можетъ онъ не чувствовать, что они идутъ: «направо отъ пряничника». Сомнѣнiе скоро стало невозможно, потому что мы были въ 20 шагахъ другъ от друга и улыбались уже отъ взаимной радости, не позволяя себѣ однако прибавить шагу, чтобы скорѣе сойдтись. Это удивительно, какой хорошенькой мальчикъ былъ Петруша, какъ шелъ къ нему бобровый воротникъ коричневой бекеши! какъ красиво, немного набокъ, держалась черная фуражичка на его русыхъ длинныхъ волосахъ. А вся фигура и раскраснѣвшее отъ свѣжаго воздуха, покрытое дѣтскимъ пушкомъ, лицо, какъ были хороши! Я рѣшительно былъ нынче влюбленъ въ Петра.

(Какъ я уже сказалъ, я любилъ ихъ обоихъ, но никогда вмѣстѣ, а днями: нѣсколько времени одного, потомъ другого.) Отчего я не говорилъ ни Петрушѣ, ни брату, никому, что я такъ любилъ его? Не знаю. Должно быть меня не поняли бы; ежели бы я и попробовалъ передать свое чувство, приняли бы это за простую обыкновенную привязанность, но мнѣ этаго не хотѣлось, и, должно быть предчувствуя, что меня не поймутъ, я глубоко таилъ это сладкое чувство. Впрочемъ, надо замѣтить, что тогда я никакъ бы не сказалъ, что меня не понимаютъ, напротивъ, мнѣ казалось, что я не понимаю чувствъ Петруши, и всячески старался постигнуть всѣ его мысли. Отчего не могъ я выговорить слова любви, когда сильно было во мнѣ это чувство, и отчего я послѣ, когда уже пересталъ такъ сильно чувствовать, пересталъ и стыдиться признаваться въ любви?

Недолго поговорили мы съ Ивиными и пошли дальше, но они обѣщались быть вечеромъ. Пройдя Тверскую площадь, папа повернулъ на Тверскую и зашелъ въ кондитерскую, чтобы взять къ вечеру конфетъ и угостить насъ. Великолѣпнiе мѣста, въ которое мы вошли, крайне поразило меня, тѣмъ болѣе, что не ожидалъ увидать ничего, кромѣ сладкихъ пирожковъ и кармелекъ, а противъ чаянiя моего, удивленнымъ взорамъ моимъ представился цѣлый мiръ роскоши. Въ серединѣ комнаты стоялъ стулъ не стулъ, столъ не столъ, шифоньерка не шифоньерка, а что-то странное, круглое, покрытое совершенно пирожками всѣхъ цвѣтовъ, форматовъ. Но это зрѣлище не могло исключительно привлечь моего вниманiя, потому что окошки изъ цѣльныхъ стеколъ, шкапы съ стеклами, конторки съ стеклами, кругомъ всей комнаты, которые всѣ были уставлены уже не только пирожками — что пирожки? — но конфектами, бутылочками, сюрпризами, корнетами, коробочками такихъ прекрасныхъ цвѣтовъ, что и ихъ хотѣлось отвѣдать. Блескъ во-

лотыхъ каемокъ, драпри, разноцвѣтныя бумаги со всѣхъ сторонъ притягивали мои взоры. Около одного шкапа сидѣла хорошенькая барыня, чудесно одѣтая, въ шелковомъ платьѣ и съ воротничками такими же точно, какъ у шапан, и читала Французской романъ. Все это сильно поразило меня, я не зналъ, на что смотрѣть, и можно ли мнѣ ступать по ковру запыленными сапогами, нужно ли благодарить эту барыню, ежели она хозяйка, за то, что она это все такъ устроила и позволила намъ взойдти.

Она встала изъ-за прилавка, только что мы взошли, положила книгу и спросила папа по-Французски, что ему угодно. «Такъ это просто торговка», подумалъ я: «а какъ одѣта, какія у нея бѣлыя руки, и какъ она хорошо говорить по-Французски». Мнѣ было нѣсколько непріятно видѣть, что торговка можетъ одѣваться такъ же, какъ и шапан, и читать Французскія романы. «Вотъ что значитъ Москва», и я отъ души жалѣлъ, что нѣтъ здѣсь Натальи Савишны или охотника Турка, съ которыми я могъ бы подѣлиться своимъ удивленіемъ, но я тутъ же рѣшилъ при первомъ свиданіи все это подробно передать имъ. Папа очень смѣло потребовалъ конфетъ, всякаго сорта по фунту, и барышня, удивившая меня своей наружностью, съ большой ловкостью и скоростью стала доставать горстями изъ каждаго ящика и класть на мѣдные блестящіе вѣсы. Папа, облокотившись на конторку, что-то говорилъ ей полушопотомъ, и я замѣтилъ, что онъ чрезвычайно пріятно улыбался, и глаза у него были подернуты чѣмъ-то маслянымъ. Кондитерша, продолжая заниматься своимъ дѣломъ, отрывисто отвѣчала круглыми французскими фразами, съ прибавленіемъ Monsieur и тоже замысловато улыбалась. Папа взглянулъ на меня, мой взглядъ выражалъ «я васъ наблюдаю», его взоръ выразилъ: «совѣмъ тебѣ не нужно наблюдать, и ты мнѣ надоѣдаешь этимъ». Мы оба въ взглядѣ мгновенно поняли другъ друга, поэтому долго не смотрѣли другъ другу въ глаза, а смигнули и стали смотрѣть въ другую сторону. «Что вы хотите, дѣти?» спросилъ онъ насъ. Очень естественно, что, находясь въ убѣжденіи, что здѣсь всего, что только есть прекраснаго, можно спросить, я сталъ въ тупикъ отъ такого вопроса, и не зналъ, чего пожелать, боясь ошибиться и попросить не самаго лучшаго. — «Велите имъ дать шеколаду». — «Ernest», крикнула громкимъ голосомъ Французженка. Выбѣжалъ въ фартукѣ довольно запачканный мальчикъ Ernest и объявилъ, что шеколадъ сейчасъ будетъ поданъ въ заднія комнаты, куда мы тотчасъ же и отправились. Володя смотрѣлся съ замѣтнымъ удовольствіемъ въ трую, я смотрѣлъ на газеты въ рамкахъ и съ любопытствомъ пересматривалъ столбцы темнаго для меня содержанія — шеколаду все не было. Я пошелъ тихими шагами къ двери и сталъ смотрѣть въ зеркало средней комнаты, въ которомъ отражались фигуры папа и французженки. Она сидѣла опять на своемъ мѣстѣ и держала

въ рукахъ книгу, но не читала, а говорила; папа, прищуривъ смѣющіеся масляные глазки и сладко улыбаясь, стоялъ противъ нее и перегнувшись черезъ конторку; лицо его было отъ нее ближе, чѣмъ того требовали приличія; мнѣ даже показалось, что онъ ее тронулъ рукой, и что я очень хорошо видѣлъ, это, что онъ, перегнувшись еще больше, вытянулъ мокрыя губы и защурилъ глазки и должно быть хотѣлъ ее поцѣловать, потому что головой сдѣлалъ быстрое движеніе впередъ, но отчего-то вдругъ остановился и, покраснѣвъ, сѣлъ на стуло. Въ эту самую минуту зазвенѣлъ колокольчикъ на двери, и въ зеркалѣ показалась фигура щегольски одѣтаго господина, съ шляпой на головѣ, и мнѣ слышно было, какъ онъ съ Французскимъ удареніемъ сказалъ: «bonjour, Monsieur», и прошелъ. Это должно быть былъ хозяинъ. Куда дѣвалась величавость, спокойствіе и сознание своей власти, которыя всегда выражало лицо папа, въ ту минуту, какъ онъ, какъ школьникъ, отскочилъ, покраснѣлъ и съ беззаботнымъ видомъ сталъ смотрѣть кругомъ себя. Ernest явился съ шоколадомъ; мы съ большимъ наслажденіемъ выпили по чашкѣ этаго напитка, я помню даже, что обжегъ себѣ ротъ, выпачкалъ всѣ губы и утиралъ ихъ бисквитами. Мы вышли. Папа держалъ подъ мышкой конфеты и продолжалъ говорить съ Француженкой, которая мнѣ очень была противна. Главное, я никакъ не могъ понять отношеній папа съ нею, но предчувствовалъ, что тутъ что-то нехорошо. Онъ, докончивши какой-то разговоръ, сказалъ ей: «Да, я ужъ старикъ», причемъ погладилъ себя по лысинѣ. Опять, мнѣ кажется, онъ замѣтилъ мои требующіе объясненія, на него устремленные, взоры и съ нѣкоторой досадой сказалъ: «пойдемте». Сказать, что я не понималъ, что онъ волочился за этой Француженкой, было бы неправда, но ясно выразить эту мысль тогда я ни за что бы не рѣшился, да и не могъ.

* № 20 (II ред.).

Глава 19. Обѣдъ.

Столъ былъ широко раздвинутъ — три доски были вложены. По срединѣ стола, въ хрустальной чашѣ, красовались Крымскіе виноградъ и яблоки, съ боковъ, тоже въ хрустальныхъ блюдечкахъ, съ колпаками, стояли варенья. Люди въ бѣлыхъ галстукахъ и съ праздничными лицами оканчивали приготовленія. Изъ гостиной слышны были голоса, мужскіе и женскіе, то громкія, отрывистые, то плавные, то слышенъ былъ смѣхъ. Можно было прямо съ отцемъ взойдти въ гостиную, но мнѣ показалось страшно, не приготовившись, подвергнуться вдругъ взглядамъ всего тамъ собраннаго общества, я побѣжалъ наверхъ, но такъ какъ мнѣ тамъ нечего было дѣлать, притомъ же все было убрано, и я одѣтъ, я только прошелся по комнатамъ и пошелъ опять внизъ. Я остановился въ залѣ. Лакеи посмотрѣли

на меня съ удивленіемъ, не понимая, должно быть, зачѣмъ я остановился вдругъ около двери и сталъ прохаживаться, какъ будто я и не думалъ идти въ гостиную. Я покраснѣлъ. Хотя я зналъ, что чѣмъ больше я стараюсь быть незамѣченнымъ, тѣмъ больше послѣ обращу на себя общее вниманіе, какая-то непреодолимая преграда была для меня въ дверяхъ гостиной — я подходилъ къ дверямъ, но не могъ переступить эту преграду. Чтобы объяснить чѣмъ-нибудь мое присутствіе въ залѣ и отъ того чувства, которое заставляетъ насъ шевелиться и что нибудь дѣлать въ припадкахъ застѣнчивости, я подошелъ къ столу и хотѣлъ взять нѣсколько ягодокъ винограду, но дворецкій, усмотрѣвъ этотъ мой замыселъ разрушить порядокъ его устройства, остановилъ меня и сказавъ: «нѣтъ, ужъ позвольте», отодвинулъ отъ меня вазу и сталъ опять поправлять. Въ эту самую минуту выходила изъ гостиной бабушка, которую вель Кукурузовъ, и за ними всѣ попарно. Я отступилъ почти за спину дворецкаго и оттуда кланялся всѣмъ проходящимъ, такъ что меня никто не замѣтилъ и не отвѣтилъ на мои поклоны, чѣмъ я былъ доволенъ и тоже нѣсколько оскорбленъ. За обѣдомъ я все время сидѣлъ и думалъ о томъ, какъ пріятно жить въ деревнѣ и тяжело жить въ городѣ. Воображеніе мое рисовало мнѣ картины прошедшаго изъ деревенской жизни, я вспоминалъ лугъ, на которомъ играли по вечерамъ въ бары и горѣлки, вспоминалъ свѣжее сѣно и пахучія копны въ саду, на которыхъ мы прыгали и въ которыхъ зарывались, лучи заходящаго солнца, свѣжесть утра, прудъ въ ясный день и въ мѣсячную ночь, когда съ балкона видно было, какъ онъ освѣщалъ плотину и отражался въ водѣ; вспоминалъ ту свободу, веселость, которую всегда тамъ чувствовалъ; тапан, разумѣется, всегда была на первомъ планѣ этихъ картинъ и не мало служила къ ихъ украшенію. Теперь же я чувствовалъ, что что-то враждебное и дурное закралось въ мою душу и что оно-то заставляло меня краснѣть и страдать безъ всякой виѣшной причины. Ежели бы я тогда зналъ то, что теперь знаю, я сказалъ бы себѣ, что это что-то враждебное есть тщеславіе, одинъ изъ пороковъ самыхъ обыкновенныхъ и безвредныхъ, но зато ближе всѣхъ соединенныхъ съ наказаніемъ.

«Этотъ паштетъ такъ хорошъ, Н-я Н-а», сказалъ, пережевывая, баринъ съ большими усами и съ золотымъ большимъ перстнемъ на рукѣ, который сидѣлъ подлѣ папа: «что я никогда ничего лучше не ѣдалъ». «Очень рада», сказала бабушка. «Знаете ли, А. М. [?], продолжалъ баринъ, паштетъ и цвѣтная капуста для меня — *все*. Вы можете меня разбудить ночью и дать мнѣ паштету или цвѣтной капусты». — «Я увѣренъ», подумалъ я, «что бабушка не воспользуется его позволеніемъ и не станетъ его будить ночью и предлагать эти кушанія». — «Вотъ и Князь Иванъ тоже большой охотникъ до паштета», сказала бабушка, «жаль, что его нѣтъ, нынче точно Василий

отличился». — «Можно бы послать Князю», робко и улыбаясь замѣтила покровительствуемая бабушкой рябая родственница, сидѣвшая на концѣ стола. (Она была московская старожилка.)— «Что вы, моя милая», сказала бабушка: «на Мясницкую?... А прогос»,¹ сказала она: «Кнезь Иванъ Ивановичъ отдалъ мнѣ нынче ложу въ театръ <«Аскольдову могилу», свези вечеромъ дѣтей, Ригге». Папа сказалъ, что непременно воспользуется ложей.) А рябая родственница сказала: «верхомъ бы въ мискѣ еще тепленькій довели. Вотъ Княгиня И. В. всегда посылаетъ верхомъ² да еще къ Сухаревой башнѣ». Всѣ обратили вниманіе на рябую родственницу. — «Полноте, М. И.», сказалъ, добродушно улыбаясь, папа.

** № 21 (III ред.).

Мнѣ кажется, что Сережа былъ жестокъ по ложному point d'honneur,³ желая показать свое молодечество, а я потому, что было бы свыше силъ моихъ не подражать ему. Главная же причина, мнѣ кажется, была вотъ въ чемъ.

Особенность дѣтскаго характера состоитъ въ стремленіи генерализировать всѣ понятія, приводить ихъ къ одному общему началу, — стремленіе, происходящее отъ недостатка развитія умственныхъ способностей.

Дитя никакъ не можетъ себѣ представить, чтобы могла быть вещь, хорошая съ одной стороны и дурная съ другой. То качество въ вещи, которое первое поразило его, онъ принимаетъ общимъ качествомъ всей вещи. Въ отношеніи къ людямъ дитя составляетъ себѣ понятія о нихъ по первому наружному впечатлѣнію. Ежели лицо произвело на него впечатлѣніе смѣшное, то онъ и не подумаетъ о хорошихъ качествахъ, которыя могутъ быть соединены съ этой смѣшною стороною; но уже о всей совокупности качествъ лица составляетъ самое дурное понятіе. Это самое было со мною въ отношеніи бѣднаго Грапа. «Ежели онъ такъ смѣшонъ, то онъ вѣрно дурной мальчикъ, а ежели онъ дурной мальчикъ, то не стоитъ и думать о томъ, хорошо ли ему или дурно; и слѣдовательно можно дѣлать съ нимъ всякія гадости».

Ежели разсужденіе это не оправдываетъ меня, то пусть же служить оно доказательствомъ тому, что, раскаиваясь въ своемъ поступкѣ, я теперь очень желалъ бы чѣмъ-нибудь оправдать его.

* № 22 (II ред.).

Я на бульварѣ не обратилъ вниманія на самую Валахину, но теперь, хотя она была уже среднихъ лѣтъ, лицо ея, не-

¹ [Кстати,]

² Написано: вихремъ.

³ [чувство чести,]

сколько сморщенное, показалось мнѣ очень красивымъ, должно быть потому, что я нашелъ въ ней сходство съ ея дочерью. Она имѣла то же выраженіе грусти и доброты. Впослѣдствіи я узналъ, что Валахина въ жизни своей перенесла много горя и слезъ. Въ свое время она была извѣстная красавица. Голубые огромные глаза были прелестны, но въ то время, какъ я ее видѣлъ, должно быть отъ слезъ глаза ея изъ темно-голубыхъ сдѣлались какими-то мутными, свинцовыми.

«Познакомьтесь съ вашей кузиной» сказала она намъ, обращаясь исключительно къ Володѣ. Я вспомнилъ глупость, которую я сдѣлалъ на бульварѣ, когда снялъ фуражку, и ужасная мысль пробѣжала въ моей головѣ: «верно она рассказала объ этомъ дочери, и мнѣ нѣтъ надежды ей понравиться».

** № 23 (III ред.).

Глава 21. Собираются гости.

⟨Bon Dieu, combien elle est jolie,
Et moi je suis, je suis si laid. Beranger⟩.¹

Ивины уѣхали домой для того, чтобы переодѣться и въ 8 часовъ хотѣли приѣхать опять.

Люди въ бѣлыхъ галстукахъ и съ озабоченными фizioноміями сновали по всѣмъ комнатамъ. Въ буфетѣ была замѣтна особенная хлопотливость и перетиралось серебро и пыльный хрусталь, уже очень давно не выдавшіе свѣта. Въ залѣ слышенъ былъ сильной запахъ скопидара, и Филатъ, подвязавши фартукъ и подстѣливши ручникъ на стулъ, на которомъ стоялъ, зажигалъ фитили лампъ, уменьшалъ и прибавлялъ огня и тщательно вытиралъ и надѣвалъ разныхъ формъ колпачки. Большая стоячая лампа, треножникъ, бра, въ которыхъ съ незапамятныхъ временъ были поставлены ни разу неначатые спермацетовыя свѣчи, — все было зажжено въ залѣ и двухъ гостиныхъ.

Стѣны, потолокъ, паркетъ, карнизы, картины въ гостиной были облиты яркимъ ламповымъ свѣтомъ и имѣли видъ необыкновенный — всѣ эти предметы казались мнѣ совершенно новыми. Даже волтеровское кресло, платки, коробочки и сама бабушка, которая хотя и была не въ духѣ за то, что на весь домъ навоняли скапидаромъ, имѣли видъ праздничный.

Дверь изъ сѣней разтворилась, пахнуло холодомъ, и взошли какіе-то люди въ сѣрыхъ шинеляхъ и съ какими-то странными вещами подъ мышками. Они прошли за ширмы, которыя были поставлены въ углу залы. Изъ-за ширмъ послышалось откашливаніе, плеванье, шелканье замковъ, отрывистые басистые голоса: «пожалуйте свѣчей». «Это чья партитура?» «Канифоль». «Ну, васъ къ Богу», потомъ несколько нотъ *ricciato*² на

¹ [Боже мой, как она красива, а я, я так дурен. Беранже.]

² [щипком]

скрипкѣ и наконецъ вся ужасная для слуха не складаща строющаго[ся] оркестра. Квинты на струнныхъ инструментахъ, глупыя прелюдіи на флейтахъ и волторнахъ и т. д. Это былъ сюрпризъ князя Ивана Ивановича.

* № 24 (II ред.).

Глава 21. Балъ.

«О, — да у васъ вѣрно танцы будутъ», сказалъ Петръ, выходя изъ гостиной, въ которой, несмотря на свою пріятную наружность, отдалъ общую дань застѣнчивости. «Надо перчатки надѣвать», прибавилъ онъ, доставая изъ кармана новую пару лайковыхъ перчатокъ. — «Ну вотъ вздоръ», сказалъ я, взявъ его за локоть и направляя къ двери наверхъ: «еще успѣемъ сыграть въ солдатокъ — пойдемъ наверхъ, я тебѣ покажу, какая у насъ перемѣна». — «Пойдемте, пойдемте; есть у вашего нѣмца трубка?» прибавилъ Etienne, неуклюже рѣзвась и тоже хватая за руку Петра, эта вольность со стороны мальчика, который только что познакомился съ моимъ возлюбленнымъ Ивинымъ, мнѣ показалась неумѣстной, и я, отстранивъ несноснаго Князя, повелъ Петра на лѣстницу. Я замѣтилъ, что онъ тоже заглядывался на Соничку, и можетъ быть отъ этого такъ торопливо велъ его на темный верхъ. — «Où allez vous, Pierre?»,¹ послышался за нами сдержанный вѣжливостью голосъ гувернера: «vous voyez, qu'on dansera. — Haben sie ihre Handschuhen?»²

* № 25 (II ред.).

Странное чувство испытывалъ я, глядя на Соничку и Петра, когда они танцовали противъ меня. Они оба заняты были другъ другомъ, говорили и смѣялись безпрестанно. Я ревновалъ ихъ обоихъ, одного къ другому, и вмѣстѣ съ тѣмъ я ихъ такъ любилъ, что мнѣ тоже [?] пріятно было видѣть, что они вмѣстѣ и что понравились другъ другу. Нельзя было не чувствовать этого удовольствія, глядя на нихъ, такъ они были милы и шли одинъ къ другому. Я охотно пожертвовалъ бы собой для ихъ счастья. Такъ какъ я неотступно слѣдилъ за ними глазами, они тоже изрѣдка взглядывали на меня. Меня мучила мысль, что они говорятъ и смѣются обо мнѣ, хотя теперь я убѣжденъ, что они нисколько обо мнѣ не думали, а взглядывали на меня по тому невольному чувству, которое заставляетъ оглянуться на человѣка, который пристально на васъ смотритъ. — На мазурку Соничку ангажировалъ братъ — я опоздалъ. Соничка Валахина была царицей бала — всѣ мальчишки нашихъ лѣтъ, которые тутъ были, не спускали съ нея глазъ. Какъ и всегда, нѣкоторые дѣйствительно были влюблены — Петръ, И. Ивины,

¹ [Куда вы, Пьер?]

² [вы видите, что будут танцы. Перчатки с вами?]

Володя, я, Этьенъ; другіе приглашали ее танцевать и занимались ею потому только, что общее вниманіе было обращено на нее. Петръ послѣ [?] кадрили взялъ меня за руку и таинственно сказалъ: «Какая прелесть Валахина».

Заиграли мазурку; бабушка вышла изъ гостиной; прикатили мягкое кресло, и бабушка усѣлась въ углу залы. Дамы у меня не было, да и зачѣмъ мнѣ была дама; я подошелъ къ бабушкѣ. «Что весело ли тебѣ, мой милый поэтъ?» сказала бабушка, взявъ меня за руку. Я ничего не могъ больше сказать отъ полноты чувствъ, какъ только: «Ахъ, какъ я вамъ благодаренъ, бабушка», и нѣжно поцѣловалъ ея руку. — «Очень рада, mon cher»,¹ сказала она, разбирая съ большою медленностью конфеты, которыя держалъ на большомъ подносѣ передъ ней лѣкѣй.

* № 26 (II ред.).

Глава. Послѣ мазурки.

Мазурка кончилась; Володя, братъ и Петръ Ивинъ подошли ко мнѣ и очень деликатно старались утѣшить меня. Они не говорили ни слова о моей деконфитурѣ (ежели бы я услыхалъ отъ нихъ одно слово прямого сожалѣнія, я бы разревѣлся), а стали толковать о томъ, какъ Этьенъ хвастался своей силой и хотѣлъ *на пари* бороться съ кѣмъ бы то ни было изъ насъ. Въ это время онъ подошелъ къ намъ и подтвердилъ свой вызовъ. — «Пойдемте сейчасъ, попробуемъ», сказалъ Петръ Ивинъ Этьену и, взявъ меня за руку, потащилъ наверхъ. Хотя Корнаковъ былъ довольно силенъ по лѣтамъ, но такъ какъ всѣ были противъ него, ему во время борьбы досталось порядочно: кто-то ударилъ его по головѣ лексикономъ Татищева такъ сильно, что у него вскочила пресмѣшная красная [?] шишка. Борьба (или скорѣе драка, потому что всегда переходило въ это), къ которой я всегда имѣлъ большую склонность, проба силы, шумъ, крикъ и бѣготня разгуляли меня и заставили почти забыть мою неудачу, тѣмъ болѣе, что въ упражненіяхъ этаго рода, несмотря на то, что я былъ моложе всѣхъ, я былъ однимъ изъ первыхъ. Насъ позвали ужинать, и я, оставивъ всѣ мизантропическіе планы, побѣжалъ внизъ. За ужиномъ, когда дворецкій сталъ разливать изъ бутылки, завернутой салфеткой, шампанское, мы встали и съ налитыми бокалами подошли къ бабушкѣ еще разъ поздравить ее. Не успѣли мы этаго сдѣлать, какъ раздались звуки гросфатера и зашумѣли отодвигаемые стулья. Я думаю, что я не решился бы позвать Соничку на гросфатеръ, ежели бы не замѣтилъ, что Этьенъ съ своей шишкой подходитъ къ ней. Въ первой парѣ пошелъ папа съ какой-то дамой, и такъ какъ не нужно было ни вспоминать старыя па, ни учиться но-

¹ [дорогой,]

вымъ въ этомъ танцѣ и притомъ я былъ разгоряченъ борьбой и бокаломъ Шампанскаго, я не чувствовалъ никакой застѣнчивости и былъ веселъ до безумія.

* № 27 (II ред.).

спокойно идти прямо къ нашимъ постѣлямъ, но все лицо двигалось, брови прыгали, щеки отдувались и опускались, а ноги дѣлали все наизуоборотъ. Николай шелъ около его и одну руку держалъ около спины, а другую около свѣчки на всякій случай. Карлъ Иванычъ взошелъ въ пустое пространство между нашими постелями, сначала грозно посмотрѣлъ на насъ; отъ него пахло какой-то гарью съ укусомъ и табакомъ; ничего похожего не было съ обыкновеннымъ его запахомъ; потомъ, убѣдившись, что мы спимъ, онъ оперся обѣими руками о стѣну даже и той рукой, въ которой была свѣчка — сало потекло по стѣнѣ, и свѣчка потухла; горячій фитиль остался въ его ладони и должно быть обжегъ его ужасно, но онъ хладнокровно посмотрѣлъ на свою ладонь, потомъ опять на насъ, сталъ улыбаться и выговорилъ съ милымъ сердечнымъ выраженіемъ: «*liebe Kinder*»,¹ но въ это самое время я съ ужасомъ услышалъ, какъ забурчало у него въ животѣ, потомъ въ горлѣ; онъ сталъ вытягивать шею, подаваться впередъ и какъ будто хотѣлъ бодать стѣну..... Когда Николай съ Савелиемъ унесли его и вычистили слѣды его присутствія, «такъ вотъ какъ Карлъ Иванычъ въ Москвѣ испортился», подумалъ я. «Ахъ, какой ужасъ», у меня пробѣжалъ морозъ по кожѣ, и я вздохнулъ съ отвращеніемъ, когда вспомнилъ, что сдѣлалось изъ всегда спокойнаго, величаваго, добраго старика, Карла Иваныча. Несмотря на этотъ отвратительный эпизодъ, я заснулъ, мечтая о Соничкѣ.

* № 28 (II ред.).

Второе извѣстіе о помѣщеніи дѣтей въ учебное заведеніе огорчаетъ меня больше потому, что мнѣ кажется тебѣ этого очень хочется, но я ни за что не соглашусь и буду просить тебя, просить на колѣняхъ разъ навсегда дать мнѣ обѣщаніе воспитывать дѣтей всегда дома, буду ли я жива или нѣтъ. Я не спорю объ всѣхъ выгодахъ для службы, для связей, но повторяю опять то, что говорила тебѣ не одинъ разъ. Воспитаніе въ учебномъ заведеніи по моему мнѣнію, можетъ быть я ошибаюсь, но мнѣ такъ кажется, должно дѣйствовать пагубно на нравъ дѣтей и на ихъ будущность. Чувствительность — эта способность сочувствовать всему хорошему и доброму, и способность, которая развиваетъ религіозное чувство, должны быть убиты посреди дѣтей, оставленныхъ на свой произволъ (потому что развѣ можно назвать присмотромъ и попеченіемъ о нихъ то, что имъ дають ѣсть, кладутъ спать въ урочные часы, наказываютъ тѣ-

¹ [милые дети,]

лесно за проступки?), посреди дѣтей, составившихъ маленькую республику, на основаніи своихъ ложныхъ понятій. Всякое проявленіе чувствительности наказывается насмѣшками. И какъ произвольна и деспотична всегда эта маленькая республика въ своихъ дѣйствіяхъ! Не говоря о любви къ Богу, которую простительно имъ не понимать, любовь къ родителямъ, къ роднымъ, сожалѣніе къ печалямъ, страданіямъ другихъ, слезы — всѣ лучшія побужденія, которыми такъ полна бываетъ молодая душа, неиспорченная ложными правилами, всѣ эти побужденія, безъ которыхъ нѣтъ счастья, возбуждаютъ только презрѣніе и должны быть подавлены въ пользу какого-то смѣшного (ежели бы это не имѣло такихъ дурныхъ послѣдствій) духа геройства. Развратъ въ тысячи различныхъ формъ можетъ вкрасться въ эту, откровенно открытую для всего, юную душу. Развратъ никогда не доставляетъ счастья, но онъ чѣмъ-то заманчивъ и можетъ быть пріятенъ для того, кто еще не испыталъ печальной стороны его. Отъ этаго человѣкъ, испытавшій жизнь, всегда съумѣетъ остановиться, не дойдя до горечи чаши, но юная душа жаждетъ крайностей, добродѣтели или порока, это зависитъ отъ направленія, которое дадутъ ей окружающіе. Я увѣрена, что погибло много молодыхъ людей, т. е. морально погибло отъ того, что, увлекшись разъ совершенно безвинно порокомъ и сдѣлавъ поступокъ, оскорбившій ихъ внутреннее чувство, и за который совѣсть обвиняла ихъ, они впаали въ глубину разврата, чтобы заглушить этотъ голосъ. Ежели же достало силы перенести угрызения совѣсти, достаточно носить эту вѣчную неумолкающую улику въ своемъ сердцѣ, чтобы навсегда потерять спокойствіе въ жизни. Сколько этихъ поступковъ, въ которые такъ легко впасть молодому человѣку! И какіе ужасные проступки! Мнѣ самой смѣшно, какъ я разболталась, но ты знаешь — это мой dada,¹ а главное, дѣло идетъ о дѣтяхъ. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ, никогда, покуда я жива, не соглашусь я отдать дѣтей въ учебное заведеніе, и, ежели ты хочешь сдѣлать меня совершенно счастливой, то скажи мнѣ и дай честное слово, что этаго никогда не будетъ.

* № 29 (II ред.).

Продолженіе 23-ей главы.

⟨10 лѣтъ послѣ того дня, какъ было написано это письмо, я имѣлъ его въ рукахъ. Много разъ перечелъ я его, много провелъ часовъ, размышляя о немъ и стараясь понять то, что чувствовала мама въ то время, какъ она его писала, и много, много пролилъ надъ нимъ слезъ — слезъ печали и умиленія. Вотъ что значило это письмо: тяжелое, грустное предчувствіе со дня нашего отъѣзда запало въ душу маму, но она такъ

¹ [конек,]

привыкла не думать о себѣ, а жить только счастьемъ другихъ, что, предчувствуя несчастье, она думала только о томъ, чтобы скрыть это предчувствіе отъ другихъ, и молила Бога о томъ, чтобы несчастье это постигло ее одну. Для нея одной не могло быть несчастья: она жила въ другихъ. Наталья Савишна, которая обожала ее, наблюдала за ея всѣми поступками и движеніями и понимала ихъ такъ, какъ наблюдаютъ и понимаютъ только тѣ, которые страстно любятъ, говорила мнѣ, что она вскорѣ послѣ нашего отъѣзда замѣтила перемѣну въ татап. Она была какъ будто веселѣй, безпрестанно занималась чѣмъ-нибудь, не сиживала, какъ прежде, когда бывало папа уѣзжалъ, въ его кабинетѣ послѣ чаю, не грустила, а очень много читала, играла и занималась дѣвочками. Когда же занемогла, то, по словамъ Натальи Савишны, только во время бреда безпрестанно молилась и плакала, а какъ только приходила въ себя, то была чрезвычайно спокойна и всѣмъ занималась: расспрашивала обо всѣхъ подробностяхъ, касавшихся [?] до дѣвочекъ и даже хозяйства.

Судя по рассказамъ Натальи Савишны и по первой части письма, мнѣ кажется, что ее ужасала мысль, что она будетъ причиною горести для людей, которыхъ она такъ любила; внутренней же голосъ предчувствія не переставалъ говорить ей объ ужасномъ будущемъ. Она старалась подавить этотъ голосъ постоянной дѣятельностью, старалась не вѣрить ему, однако вѣрила, потому что старалась скрывать. Люди добродѣтельные не умѣютъ скрывать своихъ чувствъ; ежели они хотятъ лицемерить, то дѣлаютъ слишкомъ неестественно. Въ первой половинѣ письма видно желаніе показать совершенное душевное спокойствіе, когда она говоритъ о Максимѣ, объ *belle Flamande*¹ и т. д., но зато въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ она говоритъ о примѣчаніи Натальи Савишны, просить отца обѣщаться *никогда* не отдавать насъ въ казенное заведеніе и говорить о веснѣ, ужасная мысль, которая не оставляла ее, проявляется и дѣлаетъ странный контрастъ съ подробностями и шутками о приданомъ Любочки и съ словами о веснѣ. Матап увлекалась въ противоположную крайность: желая скрыть и подавить свое предчувствіе, она забывала, какое для нея могло быть горе не видаться съ отцомъ и съ нами. У татап были странныя понятія о воспитаніи въ учебныхъ заведеніяхъ. Она почитала ихъ вертепами разврата и жестокости, но можетъ быть потому, что я привыкъ чтить ея слова и вѣрить имъ, они мнѣ кажутся справедливыми. Мысль о томъ, что дѣти переносятъ побои отъ наставниковъ въ такихъ заведеніяхъ, въ особенности ужасала ее. Изъ моихъ дядей (братьевъ татап) одинъ воспитывался въ учебномъ заведеніи, другой дома. 1-й умеръ человѣкомъ хилымъ, развратнымъ; другой самымъ добродѣтельнымъ. Должно быть

¹ [красавице фламандке]

этотъ примѣръ въ своемъ семействѣ былъ причиною этого отвращенія. Впрочемъ были и другія основанія, изъ которыхъ она большую часть изложила въ своемъ письмѣ.)

* № 30 (II ред.).

Мапан была очень религіозна, но въ двухъ случаяхъ чувство ея не сходилось съ ученіемъ вѣры, и эти несогласія всегда были для нея упрекомъ. Она не могла вѣрить, что со смертію душа перестаетъ любить тѣхъ, кого любила, и не вѣрила въ вѣчныя мученія ада. «Вѣчныя мученія, говорила она, упирая на слово «вѣчныя» и растягивая его съ ужасомъ и горемъ: этого не можетъ быть». Одно изъ этихъ сомнѣній она выразила въ письмѣ своемъ. Предчувствуя смерть, она разрѣшила его и убѣдилась въ томъ, что не умираютъ чувства. Другое сомнѣніе, ежели было можно, я думаю, простится ей.

Что вторая часть письма была написана по-Французски, можетъ показаться страннымъ, но надо вспомнить воспитаніе, которое давали дѣвушкамъ въ началѣ нынѣшняго вѣка. При томъ у всякаго, который говоритъ одинаково хорошо на 2-хъ или нѣсколькихъ языкахъ, есть привычка въ извѣстномъ духѣ и нѣкоторыя вещи говорить и даже думать на одномъ языкѣ, а другія на другомъ.

* № 31 (II ред.).

Глава 25-я.¹ Нѣкоторыя подробности.

Мапан уже не было, а жизнь наша шла тѣмъ же чередомъ — ложились мы спать въ тѣ же часы и въ тѣхъ же комнатахъ; въ тѣ же часы вставали; утренній, вечерній чай, обѣдъ, ужинъ — все было въ обыкновенное время, все стояло на тѣхъ же мѣстахъ, только ея не было. Я думалъ, что послѣ такого несчастія, все должно перемениться, и обыкновенная наша жизнь казалась мнѣ оскорбленіемъ ея памяти. Первые дни я старался переменить свой образъ жизни; я говорилъ, что не хочу обѣдать, и потомъ наѣдался въ буфетѣ не въ урочный часъ. Когда пили чай, я уносилъ чашку въ офиціантскую комнату, въ которой никогда не пили чаю. Спать въ старыхъ нашихъ комнатахъ, наверху, мнѣ тоже было ужасно грустно, я почти не спалъ и, наконецъ, попросилъ позволенія перейти внизъ.

Я боялся и удалялся всего, что могло мнѣ слишкомъ ясно напомнить ее. Теперь же я люблю и зову эти воспоминанія — они возвышаютъ мою душу.

* № 32 (II ред.).

Нѣтъ уже больше такихъ слугъ какъ Наталья Савишна; пропало то сѣмя, изъ котораго они рождались. Да и перевелись

¹ *Зачеркнуто:* Что было послѣ.

дворяне, которые ихъ формировали. Зато теперь есть щеголи слуги и служанки, которыхъ не узнаешь отъ господъ, которымъ не знаешь, говорить ли «вы» или «ты», которые танцуютъ польку, носятъ золотые часы и браслеты, курятъ папиросы, но сотни такихъ съ часами и браслетами не стоятъ и одного ногтя Натальи Савишны. Миръ ея праху!

* № 33 (II ред.).

Къ читателямъ. Глава <34-я.> 1.

Я отдаю дань общей всѣмъ авторамъ слабости — обращаться къ читателю.

Обращенія эти большей частью дѣлаются съ цѣлью сыскать благорасположеніе и снисходительность читателя. Мнѣ хочется тоже сказать нѣсколько словъ, вамъ, читатель, но съ какою цѣлью? Я право не знаю — судите сами.

Всякій авторъ — въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова — когда пишетъ что бы то ни было, непременно представляетъ себѣ, какимъ образомъ подѣйствуетъ написанное. Чтобы составить себѣ понятіе о впечатлѣніи, которое произведетъ мое сочиненіе, я долженъ имѣть въ виду одинъ извѣстный родъ читателей. Какимъ образомъ могу я знать, понравится ли или нѣтъ мое сочиненіе, не имѣя въ виду извѣстный типъ читателя? — Одно мѣсто можетъ нравиться одному, другое — другому, и даже то, которое нравится одному, не нравится другому. Всякая откровенно выраженная мысль, какъ бы она ни была ложна, всякая ясно переданная фантазія, какъ бы она ни была нелѣпа, не могутъ не найти сочувствія въ какой нибудь душѣ. Ежели онѣ могли родиться въ чей-нибудь головѣ, то найдется непременно такая, которая отзовется ей. Поэтому всякое сочиненіе должно нравиться, но не всякое сочиненіе нравится все и одному человѣку.

Когда все сочиненіе нравится одному человѣку, то такое сочиненіе, по моему мнѣнію, совершенно въ своемъ родѣ. Чтобы достигнуть этого совершенства, а всякій авторъ надѣется на совершенство, я нахожу только одно средство: составить себѣ ясное, опредѣленное понятіе о умѣ, качествахъ и направленіи предполагаемаго читателя.

Поэтому я начну съ того мое обращеніе къ вамъ, читатель, что опишу васъ. Ежели вы найдете, что вы не похожи на того читателя, котораго я описываю, то не читайте лучше моей повѣсти — вы найдете по своему характеру другія повѣсти. Но ежели вы точно такой, какимъ я васъ предполагаю, то я твердо убѣжденъ, что вы прочтете меня съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что при каждомъ хорошемъ мѣстѣ мысль, что вы вдохновляли меня и удерживали отъ глупостей, которыя я могъ бы написать, будетъ вамъ пріятна.

Чтобы быть приняту въ число моихъ избранныхъ читателей, я требую очень немногаго: чтобы вы были чувствительны, т. е. могли бы иногда пожалѣть отъ души и даже пролить нѣсколько слезъ объ вымышленномъ лицѣ, котораго вы полюбили, и отъ сердца порадоваться за него, и не стыдились бы этаго; чтобы вы любили свои воспоминанія; чтобы вы были человѣкъ религіозный; чтобы вы, читая мою повѣсть, искали такихъ мѣстъ, которыя задѣнуть васъ за сердце, а не такихъ, которыя заставляютъ васъ смѣяться; чтобы вы изъ зависти не презирали хорошаго круга, ежели вы даже не принадлежите къ нему, но смотрите на него спокойно и безпристрастно — я принимаю васъ въ число избранныхъ. И главное, чтобы вы были человѣкомъ *понимающимъ*, однимъ изъ тѣхъ людей, съ которымъ, когда познакомишься, видишь, что не нужно толковать свои чувства и свое направленіе, а видишь, что онъ понимаетъ меня, что всякій звукъ въ моей душѣ отзовется въ его. — Трудно и даже мнѣ кажется невозможнымъ раздѣлять людей на умныхъ, глупыхъ, добрыхъ, злыхъ, но *понимающій* и *непонимающій* это — для меня такая рѣзкая черта, которую я невольно провожу между всѣми людьми, которыхъ знаю. Главный признакъ *понимающихъ* людей это пріятность въ отношеніяхъ — имъ не нужно ничего уяснять, толковать, а можно съ полною увѣренностью передавать мысли самыя не ясныя по выраженіямъ. Есть такія тонкія, неуловимыя отношенія чувства, для которыхъ нѣтъ ясныхъ выраженій, но которыя понимаются очень ясно. Объ этихъ-то чувствахъ и отношеніяхъ можно смѣло намеками, условленными словами говорить съ ними. Итакъ, главное требованіе мое — пониманіе. Теперь я обращаюсь уже къ вамъ, опредѣленный читатель, съ извиненіемъ за грубость и неплавность въ иныхъ мѣстахъ моего слога — я впередъ увѣренъ, что, когда я объясню вамъ причину этаго, вы не взыщите. Можно пѣть двояко: горломъ и грудью. Не правда ли, что горловой голосъ гораздо гибче груднаго, но зато онъ не дѣйствуетъ на душу? Напротивъ, грудной голосъ, хотя и грубъ, беретъ за живое. Что до меня касается, то, ежели я, даже въ самой пустой мелодіи, услышу ноту, взятую полной грудью, у меня слезы невольно наворачиваются на глаза. То же самое и въ литературѣ: можно писать изъ головы и изъ сердца. Когда пишешь изъ головы, слова послушно и складно ложатся на бумагу. Когда же пишешь изъ сердца, мыслей въ головѣ набирается такъ много, въ воображеніи столько образовъ, въ сердцѣ столько воспоминаній, что выраженія — неполны, недостаточны, неплавны и грубы.

Можетъ быть, я ошибался, но я останавливалъ себя всегда, когда начиналъ писать изъ головы, и старался писать только изъ сердца.

Еще я долженъ вамъ признаться въ одномъ странномъ предубѣжденіи. По моему мнѣнію, личность автора, писателя (со-

чинителя) — личность анти-поэтическая, а такъ какъ я писалъ въ формѣ автобіографіи и желалъ какъ можно болѣе заинтересовать васъ своимъ героемъ, я желалъ, чтобы на немъ не было отпечатка авторства, и поэтому избѣгалъ всѣхъ авторскихъ приемовъ — ученыхъ выражений и періодовъ.

* № 34 (II ред.).

Глава. Къ тѣмъ Господамъ критикамъ, которые захотятъ принять ее на свой счетъ.

Обращеніе къ читателямъ: какого я себѣ воображаю читателя, и почему нужно воображать себѣ читателя. Я пишу изъ сердца — извините грубый слогъ. Я пишу автобіографію, извините, что нѣтъ авторскихъ приемовъ.

Милостивые Государи!

Я выступаю на литературное поприще съ великой неохотой и отвращеніемъ. Чувство, которое я испытываю, похоже на то, съ которымъ я обыкновенно вхожу въ публичныя мѣста, куда пускается всякій народъ, и гдѣ я могу безъ всякой причины получить отъ пьянаго или безумнаго оскорбленіе. Почему? Потому что вы, Милостивые Государи, для меня тѣ, отъ которыхъ на литературномъ поприщѣ я боюсь получить оскорбленіе. Слово оскорбленіе я говорю здѣсь совсѣмъ не въ переносномъ смыслѣ, но въ прямомъ: т.-е. я не назову оскорбленіемъ, ежели вы задѣнете мое авторское самолюбіе, но я говорю о личномъ оскорбленіи, котораго я вправѣ бояться съ вашей стороны. Когда вы пишете критику на какое нибудь сочиненіе въ журналѣ, вы безъ сомнѣнія имѣете въ виду то, что авторъ того сочиненія прочтетъ вашу критику. (И даже, ежели вы захотите признаться откровенно, разсчитывая впечатлѣніе, которое произведетъ на читателей ваша критика, вы изъ всѣхъ читателей имѣете болѣе всего въ виду автора, а иногда его одного.)

Писать или говорить такія вѣщи про какое-нибудь лицо, которыя вы не скажете ему въ глаза и не напишете ему, значитъ говорить оскорбительныя вещи.

Говорить эти вещи въ глаза или писать къ нему, значитъ оскорблять то лицо.

Писать эти вещи въ журналахъ — то же, что говорить въ глаза или писать къ нему письмомъ, потому что, когда вы пишете критику, вы имѣете въ виду личность автора.

Писать къ лицу оскорбительныя вещи и не подписывать, называется пасквиль. Слѣдовательно, критикуя NN, ежели вы говорите про него такія вѣщи, которыя не скажете ему въ глаза, значитъ, что вы пишете пасквиль.

Про сочиненіе, которое вы критикуете, вы все скажете въ глаза автору, не стѣсняясь ни чемъ — вы скажете, что книга

дурна, что мысль несправедлива, что ссылки невѣрны, что языкъ неправиленъ, что правила орѳографіи не соблюдены, но вы не скажете автору: «ваша книга глупа», потому что глупую книгу можетъ написать только глупый человѣкъ, между тѣмъ какъ дурную можетъ написать хорошій человѣкъ; вы не скажете; что безсмысленно, что писалъ ее неучъ. Однимъ словомъ, вы будете говорить о книги, а не о личности автора, иначе это будетъ оскорбленіе. Почему вы въ критикахъ дѣлаете эти оскорбленія и еще въ видѣ пасквили, которую вы подписываете общепринятой формулой «мы». Кто эти «мы», скажите, ради Бога?

Всѣ ли это сотрудники журнала, или одно множественное лицо? «Мы совѣтуемъ Г-ну N. то-то и то-то», «мы жалѣемъ», «мы желали бы», «это просто смѣшно» и т. д. Господа тѣ [?] «мы», теперь я къ вамъ обращаюсь, такъ какъ я убѣжденъ, что, хотя у васъ странное имя, но все-таки вы какое-нибудь лицо. Скажите пожалуйста, ежели вы встрѣтите меня где-нибудь, ну, положимъ, въ концертѣ, и замѣтите, что я не бритъ, вы не подойдете ко мнѣ и не скажете: «мы совѣтовали бы вамъ сначала обриться, а потомъ идти слушать музыку», или — «очень жалѣемъ, что вы не надѣли фрака», или — «мы желаемъ, чтобы вы тутъ стояли, а не здѣсь», или — «просто смѣшно, какой у васъ носъ». Вы бы не сдѣлали этаго, а то бы могли нажать исторію, потому что я не повѣрилъ бы, что вы фикція «мы», а, критикуя мою книгу, вы мнѣ сказали точно такія же дерзости, хотя я тоже зналъ, что «мы» кто-нибудь да есть, а не фикція. Вы совѣтовали сначала прочесть то-то, желали бы больше послѣдовательности, жалѣете о томъ, что я не знаю того [то], и не находите, что это просто смѣшно, что я говорю. — Вспомните библиографическія критики на книги о [1 неразобр.], на стихотворенія неизвѣстныхъ авторовъ, на практическія книги. Поэтому развѣ не справедливо то, что я говорю о сходствѣ литературнаго поприща съ публичными мѣстами?

Вы скажете, что такимъ литераторамъ, которые, не зная дѣла, суются писать, нужны уроки. Развѣ вы ихъ этимъ исправите. (Уже не говорю о томъ, что все-таки это пасквиль, и что вы не имѣете на то никакого права.) Вы скажете въ литературныхъ выраженіяхъ, что NN дуракъ, и онъ скажетъ въ не менѣе литературныхъ выраженіяхъ, что «мы» такого-то журнала — дуракъ; по крайней мѣрѣ, онъ имѣетъ полное право это сдѣлать. Что жъ тутъ веселаго?

Еще больнѣе читать критику на сочиненія хорошія. Хотѣлось бы знать, кто разбираетъ сочиненія Дружинина, Григоровича, Тургенева, Гоголя, Гончарова, совѣтуетъ имъ, жалѣетъ о нихъ и желаетъ имъ? Все этотъ роковой «мы». Онъ не выдетъ изъ своего инкогнито, потому что, ежели бы изъ величественнаго «мы» вдругъ вышелъ какой нибудь NN, который когда-то въ 30 годахъ написалъ дурную повѣсть и судить теперь о

первостепенныхъ писателяхъ, всѣ бы сказали, что это просто смѣшно, и подлѣ самой фамиліи его поставили вопросительный знакъ въ скобкахъ.

Хотя выходящія на литературное поприще, какъ и на сцену, подвержены суду всѣхъ, но свистать не позволено, такъ и не должно быть позволено говорить личности и дѣлать пасквиль. Что есть личность и пасквиль, я опредѣлилъ выше.

Итакъ, я требую 2 важныхъ переменъ. 1-е, чтобъ не говорили такихъ вещей про NN, разбирая его сочиненіе, которыя нельзя сказать ему въ глаза, и слѣдовательно говорить, что сочиненіе безсмысленно, что желаемъ то-то въ сочиненіи, жалѣемъ или совѣтуемъ Господамъ NN. — все это не должно существовать.

Можетъ быть, скажутъ, что это совершенно условно, что можно сказать въ глаза — какому литератору? и какой критикъ? и въ какихъ они отношеніяхъ? Ежели вы не хотите допустить, отвѣчу я, чувства приличія, которое должно быть у каждаго человѣка, то разсматривайте всякое сочиненіе безъ всякаго отношенія къ его автору. И уничтожили бы форму «мы». Мнѣ кажется, что форма эта есть нарочно выдуманная и утвержденная обычаемъ личина,¹ подъ которой удобнѣе пишутся пасквили. Еще желалъ бы я, чтобы уничтожили въ скобкахъ вопросительные и восклицательные знаки. Они ровно ничего не значатъ безъ объясненія, а ежели есть объясненіе, то ихъ не нужно. — Вотъ переменъ, которыхъ требуютъ приличія. О смѣшномъ, какъ-то: напыщенности и фигурности выраженій и о философскихъ терминахъ, которые вклеиваютъ въ критику, желая объяснить мысль и, напротивъ, показывая неясность на этотъ счетъ мысли критика, я не буду говорить.² Теперь поговорю о томъ, какихъ измѣненій требуетъ справедливость въ критикѣ.

(Я никакъ не полагалъ, чтобы цѣлью критики было изложеніе свойствъ и недостатковъ самого автора и чувствъ, подъ вліяніемъ которыхъ онъ писалъ.) Согласитесь со мной, Милостивые Государи, что критика — двоякая, ироническая и серьезная. Это раздѣленіе, взявъ первый журналъ, въ отдѣлѣ библиографической хроники сдѣлаетъ всякій; даже въ одной и той же статьѣ можно указать мѣста, гдѣ кончается серьезная и начинается ироническая. — По расположенію самого критика, согласитесь тоже, что критику можно также легко раздѣлить на пристрастную «за» и пристрастную «противъ». Слѣдовательно, мы можемъ соединить оба раздѣленія, и логика указываетъ намъ, что должно существовать:

¹ По написанному, поперекъ страницы, начинающейя словами: мѣрѣ онъ имѣетъ право это сдѣлать.. и кончающейя словами: нарочно выдуманная и утвержденная обычаемъ личина, рукою Толстого написано: И чтобы самъ критикъ не рассказы[валъ], какія онъ курить сигары и въ какой комнатѣ сидитъ.

² Зачеркнуто: Все сказанное относится преимущественно къ Библиографическимъ критикамъ.

- 1) Ироническая — пристрастная за
- 2) Ироническая — пристрастная противъ
- 3) Серьезная — тоже за
- 4) Серьезная — тоже противъ.

Но первое соединеніе не можетъ существовать. Остаются 3 рода, имянно: ироническая — противъ, серьезная — за и серьезная — противъ. Ироническая, слѣдовательно, можетъ быть только пристрастна противъ, и поэтому не удовлетворяетъ цѣли критики — дать ясное и по возможности вѣрное понятіе о предметѣ — не есть критика, а правильнѣе можно назвать насмѣшкой надъ сочи[нителемъ]. Но такъ какъ извѣстно, что нѣтъ вещи, не подверженной насмѣшки, то на ея сужденіе нельзя полагаться.

⟨Остаются два послѣдніе рода, хотя не совершенные, выкупающіе свои недостатки тѣмъ, что сужденія ихъ не могутъ быть безразсудны и противорѣчащи.⟩

Сенковскій ввелъ обычай смѣяться надъ книгами въ отдѣлѣ Библиографической Хроники, и этотъ отдѣлъ былъ дѣйствительно очень забавный, но нисколько не удовлетворялъ своему назначенію — дать понятіе о ходѣ литературномъ, о значеніи и достоинствѣ новыхъ книгъ.

Теперь этотъ обычай такъ укоренился, что все остроуміе сотрудника Журнала устремлено преимущественно на этотъ отдѣлъ, тогда какъ въ критикѣ, ежели логика не обманываетъ меня, должна быть исключена всякая шутка и забавная выходка, какъ пристрастная противъ. Критика есть вѣщъ очень серьезная. Ежели скажутъ: «никто не будетъ читать критику и Библиографическую Хронику, что за бѣда — по крайней мѣрѣ не будутъ читать несправедливостей, а ежели такъ много остроумія у сотрудниковъ, что некуда дѣвать, пусть составятъ особый отдѣлъ подъ названіемъ¹ Б. И. или пусть пишутъ анекдоты. Итакъ, я требую уничтоженія личностей, формулы «мы», скорописныхъ буквъ и всѣхъ насмѣшекъ.

Что же будетъ тогда критика? скажутъ мнѣ. Будетъ критика, а не анекдоты. Чтобы показать, какъ по моему мнѣнію не нужно писать и какъ нужно, я возьму изъ своей повѣсти главу, хоть «Разлуку» и буду ее критиковать тройко: пристрастно за, пристрастно противъ и иронически. Я этимъ хочу показать отношенія между этими родами. Несмотря на большой или меньшій талантъ, пропорція останется та же.

¹ Зачеркнуто: насмѣшки надъ Лит.

Г. Лв. Н. и М. а.

1 Орель

Орель, царь птица? Говорят о нем.
он один палец стал грядить на
он раскрасился на все и захватил его
? Сокол

Сокол это очень хорошая птица она ловит
вот в гадюку Гадюка это змея кото-
рой боятся очень скоро, что соколы ее могут
поймать, это сокол спускается и добывает

Из ученической тетради 1835 г.

Размер подлинника.

[ДЕТСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ.]

I.

[ИЗ УЧЕНИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ 1835 г.]

Г Ль: Ни: То.

1 Орель

Орель, царь птицъ. Говорять о немъ, что одинъ малчикъ сталъ дразнить, но онъ рассердился на него и заклевалъ его.

2. Соколь

Соколь есть очень полезная птица она ловить газелей. Газель есть животное которое бегаеть очень скоро, что собаки не могутъ его поймать, то соколь спускаеться и убиваетъ.

* II.

[ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫЕ СТИХИ.]

1840-года 12 Января

Милой Тетинькѣ

Пришелъ желанный день счастливый,
И я могу вамъ доказать
Что не дитя я молчаливый
Когда меня ласкала мать. —

. . .

Теперь я ясно понимаю
Все что вы сдѣлали я знаю
Для насъ пожертвовали собой
И добрымъ сердцемъ и душой. —

. . .

Теперь я счастье понимаю
Которымъ день сей подарилъ
Отъ всего сердца вамъ желаю
Чтобъ Богъ за всѣ труды благословилъ. —

. . .

Теперь еще разъ можетъ быть
Фортуна къ намъ опять заглянетъ
Веселье прежнихъ дней настанетъ
И мы счастливо будемъ жить.

. . .

Я какъ залогъ счастливыхъ дней
Съ восторгомъ день сей принимаю
Потокъ жизни вамъ желаю
Чтобъ былъ прозрачнѣй и свѣтлѣй. —

Левъ Толстой.

* III.

A ma chère Tante.

AMOUR DE LA PATRIE.

Nous devons tous aimer notre patrie; car nous y avons reçu la vie, là nous avons vu pour la première fois le jour, c'est là aussi que nous avons reçu le premier baiser de notre mère et c'est là que se sont écoulés les premières années de notre enfance.

La patrie trouvera toujours des ardents défenseurs qui pour la sauver seront prêts à exposer leur propre vie en la défendant. Et cet amour pour la patrie ne peut jamais être éteint dans nos coeurs. — Que d'exemples nous avons vu, que des laboureurs au cri universel du salut de la patrie laissent leurs champs à demi cultivés et se dépêchent de mourir ou de la sauver, que de pères livrent leurs enfants à la Providence et que d'époux se séparent pour le bien de leur patrie. — Nous en voyons un bel exemple dans Léonidas qui eut le courage de s'opposer avec trois cents braves contre quinze mille hommes et il se défendit si bravement qu'il ne resta qu'un homme qui puisse avertir les Spartiates de leur mort. —

Aussi notre sainte Russie toujours et dans toutes les époques de malheur avait des défenseurs comme Minine, Potcharskii, Souvorow et Coutousow. Dans le tems que la Russie soupirait sous le joug des Polonnais Minine un simple boucher anima tous les citoyens de Nitchni Nowgorod par son exemple en vendant un peu de bien qu'il possédait pour le sacrifier à sa patrie. — Oui, disait-il à tous les marchands de Nitchni Nowgorod: quittons nos femmes, nos enfants et vendons le dernier bien que nous possédons, éffaçons seulement par notre sang la tâche que les Polonnais ont fait à la Russie. —

Léon Tolstoi.

Перевод.

[ЛЮБОВЬ К ОТЕЧЕСТВУ.]

Мы все должны любить свое отечество, потому что здесь мы получили жизнь, впервые увидели свет, здесь получили первый материнский поцелуй и здесь протекли первые годы нашего детства. Отечество всегда найдет горячих защитников, готовых для его спасения, защищая его, отдать свою жизнь. Эта любовь к отечеству не может никогда угаснуть в наших сердцах. Сколько видели мы тому примеров, сколько земледельцев при единодушном крике о спасении отечества бросают полуобработанными свои поля и спешат умереть или спасти родину, сколько отцов оставляют своих детей на волю Провидения, сколько супругов разлучается для блага отечества. — Прекрасный пример видим мы в Леониде, который имел мужество с тремястами храбрецов противустать 15 тысячам человек и так храбро защищался, что уцелел лишь один человек, чтобы известить Спартанцев о гибели всех остальных.

Так и наша святая Россия всегда, во все бедственные времена имела таких защитников, как Минин, Пожарский, Суворов и Кутузов. В то время, когда она вдыхала под игмом Поляков, простой мясник Минин воодушевил всех граждан Нижнего Новгорода своим примером, продавши на жертву отечеству все свое небольшое имущество. — Да, говорил он Нижегородским купцам: оставим жен и детей и продадим последнее, что имеем, но изгладим нашей кровью пятно, наложенное на Россию Поляками.

Лев Толстой.]

* IV.

[LE PRÉSENT, LE PASSÉ ET LE FUTUR.]

Le passé est ce qui fut, le futur est ce qui sera et le présent est ce qui n'est pas. — C'est pour cela que la vie de l'homme ne consiste que dans le futur et le passé et c'est pour la même raison que le bonheur que nous voulons posséder n'est qu'une chimère de même que le présent.

Léon Tolstoi.

Перевод.

[[НАСТОЯЩЕЕ, ПРОШЕДШЕЕ И БУДУЩЕЕ.]

Прошедшее это то, что было, будущее — то, что будет, а настоящее — то, что не существует. — Поэтому жизнь человеческая состоит лишь в будущем и в прошедшем, и счастье, которым мы хотим обладать, есть только призрак, как и настоящее.

Лев Толстой.]

* V.

NOTES SUR LE SECOND CHAPITRE DES «CARACTÈRES»
DE LA BRUYÈRE. —

Labruyère dit: «Qui est ce qui en mourant et en laissant après lui un monde qui ne se sent pas de sa perte et où tant de gens se trouvent pour le remplacer, ne sera pas convaincu de son inutilité.» Cette idée est une parabole. Elle est exagérée et même j'ose dire qu'elle n'est pas juste. — Chaque homme sans même concevoir son utilité sans le désir d'être utile — l'est néanmoins. Mais si un homme ressent la nécessité d'être utile et s'il tend vers ce but il réussit toujours et contribue nécessairement au bien-être public. Sans doute l'homme en mourant doit ressentir la petitesse même la nullité du bien qu'il a fait vis-à-vis [de] toute la masse de bien qui a été faite. De bien de gens il n'y a que le nom qui vaille quelque chose¹

... Cette idée est tout à fait juste. — En effet en lisant l'ouvrage d'un homme qui n'a que de l'esprit et du style nous nous faisons une idée de cet homme infiniment au dessus de ce qu'il vaut et nous ne lui supposons pas les défauts qu'il a. Labruyère dit qu'il a existé et qu'il existera toujours des génies qui ne se feront point de renommée. Je ne suis pas de son avis, peut-être cette différence d'opinions vient-elle de ce que je conçois le génie autrement que les autres. J'appelle génie la réunion des trois principaux éléments de l'âme tous au plus haut degré de la force et du développement, c'est à dire, un grand esprit et beaucoup de sentiments avec une ferme volonté. Je ne suis pas d'avis d'appeler génies les génies des arts; je les appelle talents. Ainsi donc si nous prenons le génie comme je le comprends, son esprit lui fera concevoir sa superiorité, ses sentiments lui feront vouloir du bien aux autres et sa volonté le fera réussir dans ses plans.

¹ Целая строка точек в рукописи повидимому означает место для мысли Лябруйера, разбираемой дальше, но оставшейся невписанной.

— Par conséquent il se fera une renommée.

«L'amour-propre ne nous laisse pas admirer les perfections d'un autre». Cette idée est tout à fait juste.»

«La modestie est au mérite ce que les ombres sont aux figures d'un tableau: elle lui donne de la force et du relief.» En effet rien ne fait tant apprécier le mérite que la modestie. Chaque homme a plus ou moins de l'esprit d'originalité ou de contradiction et quand on vous voit amoindrir votre mérite on a envie de l'agrandir aux yeux d'autrui. —

Les hommes qui se croient du mérite en voulant imiter la simplicité sont semblables à des hommes de taille mediocre qui se baissent aux portes . . .

Les hommes libres (célibataires) ont plus de facilité à s'élever que les hommes mariés. Ces derniers restent le plus souvent dans la position dans laquelle ils ont été. Puisqu'ordinairement un homme marié est regardé comme ayant passé la principale part de sa vie. —

Перевод.

[ЗАМЕЧАНИЯ НА ВТОРУЮ ГЛАВУ «ХАРАКТЕРОВ» ЛЯБРЮЙЕРА.

Лябрюйер говорит: «Кто, умирая и оставляя мир, где его утрата не почувствуется и где найдется столько людей, чтобы его заменить, не будет поражен сознанием своей ненужности». Эта мысль неясна. Она страдает преувеличением и даже, смею сказать, неверна. Всякий человек, даже не сознающий своей полезности и не имея желанья быть полезным, тем не менее приносит пользу. Но если он чувствует потребность быть полезным и стремится к этой цели, он непременно достигнет ее и будет существенно содействовать общему благу. Без сомнения человек, умирая, должен ощущать незначительность, даже ничтожность сделанного им добра сравнительно с общей суммой блага. У многих людей только одно имя представляет некоторую ценность

Эта мысль совершенно справедливая. В самом деле, читая произведение какого-нибудь писателя, обладающего лишь умом и слогом, мы составляем себе о нем понятие, бесконечно превышающее его действительную цену и не предполагаем, что у него были свои недостатки. Лябрюйер говорит, что были и всегда будут гениальные люди, которые не могут приобрести славы. Я с этим не согласен, может быть потому, что я под гением понимаю не то, что другие. Я называю гениальностью соединение трех основных свойств души, на высшей степени силы и развития каждое, а именно: великий ум и богатство чувства вместе с твердой волей. Я не склонен называть ге-

ниями великих художников, я называю их талантами. Таким образом, если понимать гений так, как я его понимаю, то его ум даст ему сознание превосходства, чувство побудит его стремиться к благу других, а воля обеспечит успех его намерений. — Следовательно, он достигнет славы.

«Самолюбие мешает нам удивляться чужим совершенствам». Мысль вполне верная.

«Скромность для достоинства то же, что тени для фигур картины: она дает им силу и выпуклость». Действительно, ничто не заставляет так ценить достоинства, как скромность. Всякий человек более или менее склонен к оригинальности или противоречию и, когда люди видят, что вы умаляете свои достоинства, они расположены увеличивать их перед другими.

Люди, которые ставят себе в заслугу подражание простоте, похожи на человека среднего роста, который наклоняет голову, проходя через двери...

— Людям свободным (холостякам) легче возвыситься, чем женатым. Последние большею частью остаются при том положении, которого достигли. Ведь на женатого смотрят как на человека, уже прожившего главную часть своей жизни.]

[РАЗЛИЧНЫЕ ОТРЫВКИ 1847 — 1852 гг.]

* VI.

ФИЛОСОФИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ НА РѢЧИ
Ж. Ж. РУССО.

РѢЧЬ I-ая.

Способствовало ли къ очищенію нравовъ возстановленіе наукъ и художествъ? —

Извѣстно, что Руссо доказывалъ вредное вліяніе наукъ на нравы. —

Первое возраженіе, которое я сдѣлаю Руссо, будетъ состоять въ вопросѣ — согласенъ ли онъ, что чѣловѣкъ, пользующійся свободою, въ состояніи сдѣлать болѣе добра и зла, чѣмъ чело- вѣкъ, лишенной оной, и что люди вообще, разорвавъ связы- вающія ихъ узы невѣжества, въ состояніи сдѣлать болѣе добра и зла, чѣмъ люди, невѣжество которыхъ ограничиваетъ ихъ свободу? Я увѣренъ, что всякой разсудительной чело- вѣкъ согласится, что чѣмъ менѣе развиты способности чѣловѣка, тѣмъ болѣе ограниченна его свобода и на оборотъ. Слѣдовательно, чтобы рѣшить этотъ вопросъ, надо сперва рѣшить вопросы, которые при этомъ разсужденіи сами собою представляются нашему разсудку. Имѣетъ ли чело- вѣкъ склонности врожден- ныя? И ежели онъ имѣетъ оныя, то равносильны ли склон- ности къ добру и злу или одна изъ нихъ первенствуетъ? —

Ясно, что для того, чтобы рѣшить прямо, изъ основныхъ на- чалъ разума вопросъ, заданный Руссо, надо рѣшить сначала эти три вопроса.¹ Ежели врожденныхъ склонностей чело- вѣкъ не имѣетъ, то ясно, что добро и зло зависятъ отъ воспитанія. Ежели же добро и зло зависятъ отъ воспитанія, то ясно, что наука вообще и философія въ особенности, на которую такъ нападаетъ Руссо, не только не безполезны, но даже необхо- димы, и не для однихъ Сократовъ, но для всѣхъ. — Ежели

¹ Которое изъ этихъ предположеній справедливо, я постараюсь рѣшить въ другомъ мѣстѣ.

же наклонности къ добру и злу равносильны въ душѣ человѣка, то чѣмъ менѣе будетъ свобода человѣка, тѣмъ менѣе будетъ его доброе и злое вліяніе и на оборотъ; слѣдовательно, ежели предположить это вѣрнымъ, науки и художества не могутъ произвести никакой разницы въ отношеніи между добромъ и зломъ. — Ежели начало добра первенствуетъ въ душѣ человѣка, то съ развитіемъ искусствъ и художествъ будетъ развиваться и начало добра и на оборотъ. Ежели же начало зла первенствуетъ въ душѣ человѣка, то только въ этомъ случаѣ мысль Руссо будетъ справедлива. И я увѣренъ, что со всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ, со всѣмъ своимъ искусствомъ убѣждать великій гражданинъ Женева не рѣшился бы доказывать так[ую] утопію, всю нелѣпость которой надѣюсь я доказать послѣ. — Здѣсь мнѣ приходитъ мысль о томъ, что всѣ философскіе вопросы, надъ рѣшеніемъ которыхъ трудились столько и писалось столько книгъ (безполезныхъ), всѣ, говорю я, можно привести къ очень простымъ началамъ.... Намъ забавляютъ болѣе листочки дерева, чѣмъ корни; одна изъ главныхъ ошибокъ, дѣлаемыхъ большей частью думателей, есть та, что сознавъ свою неспособность для рѣшенія важныхъ вопросовъ изъ началъ разума, они хотятъ рѣшить философскіе вопросы исторически, забывая то, что Исторія есть одна изъ самыхъ отсталыхъ наукъ и есть наука, потерявшая свое назначеніе. — Самые жаркіе партизаны ея не найдутъ никогда ей приличной цѣли. — Исторія есть наука побочная. — Это можно сказать, не доказывая. Ошибка состоитъ именно въ томъ, что ее изучаютъ, какъ науку самостоятельную; ее не изучаютъ для философіи, для которой ея изученіе только и нужно, но ее изучаютъ для самой себя. — Поэтому Исторія не откроетъ намъ, какое и когда было отношеніе между науками и художествами и добрыми нравами, между добромъ и зломъ, религіею и гражданственностью, но она скажетъ намъ, и то невѣрно, откуда пришли Гунны, гдѣ они обитали и кто былъ основателемъ ихъ могущества и т. д.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

Руссо, разсуждая о первоначальномъ вліяніи наукъ и художествъ, говоритъ: *И люди начали чувствовать главную выгоду вліянія музъ, дѣлавшаго ихъ болѣе способными къ общежитію, внушая имъ желаніе нравиться другъ другу произведеніями, достойными ихъ взаимнаго одобренія.* — Все, что мы дѣлаемъ, то дѣлаемъ единственно для себя; но когда мы находимся въ обществѣ людей, то все, что мы ни дѣлаемъ для себя, выгодно для насъ только тогда, когда наши дѣянія нравятся другимъ или мы получаемъ ихъ одобреніе, слѣдовательно, каждый человѣкъ, стремясь отдѣльно къ своей индивидуальной пользѣ, способствовалъ къ общежитію. И такъ какъ не всѣ люди находили свою индивидуальную пользу въ произведеніяхъ наукъ

и искусствъ, то и нельзя предположить, чтобы способность къ общежитію происходила изъ однихъ произведеній наукъ и искусствъ. Тут же: *Между тѣмъ, какъ правительство и законы заботятся о неприкосновенности и благосостояніи людей, науки и художества, не столь деспотическія, но болѣе могущественныя, можетъ быть, покрываютъ гирляндами цвѣтовъ желѣзныя цѣпи, которыми они обременены, и подавляютъ чувство свободы, заставляють ихъ любить рабство и дѣлають изъ нихъ то, что называютъ образованные народы.* —

Здѣсь мы найдемъ явное противорѣчіе въ словахъ самого писателя съ мыслию, которую онъ защищаетъ. *Необходимость произвела единодержавіе, а науки и художества упрочили оное.* Изъ этихъ словъ ясно, что самъ авторъ согласенъ по крайней мѣрѣ въ томъ, что науки и художества поддерж[али] единодержавіе и ежели бы они не поддержали его, то оно бы рушилось и сколько бы рушилось съ нимъ добродѣтелей! въ сколько невольныхъ пороковъ впало бы челоуѣчество! — Нельзя не сознаться, что науки имѣли и свое дурное вліяніе на нравы, нельзя тоже и не сознаться, что они избавили родъ челоуѣчскій отъ большихъ золъ. — Далѣе Руссо говоритъ, что нравы были чище прежде, *потому что, хотя природа челоуѣка не была лучше, но люди находили свою безопасность въ легкости проникать другъ друга, и эта выгода, цѣну которой мы чувствуемъ теперь, избавила ихъ отъ большого числа пороковъ.* Такъ какъ мнѣ кажется, что я уже доказалъ, что скрытность, царствующая между нами, не происходитъ отъ вліянія однихъ наукъ и искусств[въ], то и не почитаю нужнымъ опровергать этой совершенно вѣрной мысли, отдѣленной отъ первой части разсужденія. —

Большая часть опонистовъ этой рѣчи нападали на это разсужденіе, говоря, что ежели бы зло было не скрытно, то оно было бы болѣе прилипчиво. Я же скажу, что, правда, подъ покровомъ скрытности зло не прилипчиво, но и добро тоже; между тѣмъ какъ, ежели бы добро и зло дѣйствовали открыто, всякой согласится, что добро нашло бы больше подражателей. — Далѣе начинаются историческіе доказательства.

Я у[жѣ] сказалъ свое мнѣніе о доказательствахъ этаго и возраженія Gauthier и Короля Польскаго подтверждаютъ мое мнѣніе, «что Исторія въ настоящемъ значеніи слишкомъ мало намъ извѣстна, чтобы, рѣшая философскіе вопросы, мы бы могли опираться на оную». — Они оба весьма основательно опровергають исторически историческія доказательства Руссо. —

Я укажу только тѣ мѣста, гдѣ авторъ явно себѣ противорѣчитъ. — Въ числѣ и одно изъ главныхъ золъ, которое принесли науки, есть разстройство военной дисциплины, изнѣженность и вообще отсутствіе всѣхъ военныхъ качествъ. Но для чего людямъ добродѣтельнымъ воинскія качества? спрошу

я. — Мнѣ отвѣтятъ: для защиты своего отечества. Но сама Исторія, на которую та[къ] твердо опирается авторъ, показываетъ, что народы защищались, когда науки и искусства были извѣстны, и что они завое[вы]вали тогда, когда они не знали ихъ. —

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Полна доказательствами историческими, которыя ничего не доказываютъ.

Обращаясь къ ученымъ, онъ говоритъ: *Отвѣчайте мнѣ вы, которые внушили намъ столько великихъ познаній: ежели бы вы насъ ничему этому не научили, были ли [бы] мы меньше многочисленны, хуже управляемы, меньше опасны, меньше цветущи или болѣе порочны?* —

Изъ этихъ словъ видно, что авторъ благосостояніе частныхъ лицъ и рода человѣческаго принимаетъ тождественнымъ; между тѣмъ какъ болѣею частью благосостояніе частныхъ лицъ бываетъ въ обратномъ отношеніи съ благосостояніемъ Государствъ. — Далѣе говоритъ авторъ о вредномъ вліяніи роскоши. — Съ деньгами можно имѣть все, кромѣ гражданъ и хорошихъ нравовъ. — (Мысль вполне вѣрная и превосходно выраженная.) — Здѣсь я разсмотрю, что есть роскошь? Откуда она беретъ свое начало и какія ея слѣдствія? — Слово роскошь совершенно условно; когда всѣ люди ходили безъ одежды, первый, который надѣлъ шкуру какого нибудь звѣря, былъ человѣкъ роскошный, въ наше же время человѣкъ, который заставляетъ трудиться нѣсколько лѣтъ тысячи человѣкъ для своего спокойствія, почитается только исполняющимъ потребности жизни. —

Источникъ гордости есть удовлетвореніе потребностей. — Время увеличивало потребности. Съ увеличеніемъ потребностей увеличивалась трудность каждому человѣку удовлетворять всѣ свои потребности, съ увеличеніемъ этой трудности явилась мысль о раздѣленіи трудовъ. — Одни занимались удовлетвореніемъ потребности болѣе, другіе — менѣе важной. — Это есть одна изъ причинъ неравенства людей. — Одни, которые занимались удовлетвореніемъ не главной потребности людей, стали чувствовать себя въ зависимости отъ другихъ, эта то зависимость, употребленная во зло, и произвела роскошь — роскошнымъ называю я того человѣка, который пользуется большимъ благомъ, чѣмъ то, которое самъ приноситъ обществу. — Слѣдствіе[мъ] же роскоши ясно, что будутъ гордость сильныхъ и зависть слабыхъ, именно тѣ два порока, которые служатъ источниками большей части золь. — И такъ, ежели роскошь — одно изъ величайшихъ золь, изъ этаго однако не слѣдуетъ, чтобы науки породили ее; ибо одна только наука правленія составляетъ одну изъ главныхъ потребностей человѣка; ежели науки и искусства, какъ говоритъ Руссо, под-

держиваютъ власть, то они способствовали къ развитію роскоши, но не породили ея. —

Нельзя еще не замѣтить ошибки, которую дѣлаетъ авторъ, говоря о вліяніи одного пола на другой. Онъ говоритъ, что преимущественное вліяніе [женщинъ] хорошо и что все зло, которое происходитъ отъ этого вліянія, зависитъ только отъ неправильнаго воспитанія женщинъ. — Хорошо для человѣка въ обществѣ только то, что хорошо и въ естественно[мъ] его состояніи. Но чѣмъ ближе видимъ мы человѣка къ естественному быту, тѣмъ менѣе замѣчаемъ мы это пагубное вліяніе женщинъ, источникъ котораго есть роскошь и праздность. — Природа по слабости способностей женщинъ поставила ихъ въ зависимость отъ мужчинъ въ удовлетвореніи потребностей жизни, въ исполненіи своего назначенія (рожденія и воспитанія дѣтей), первыя совершенно зависятъ отъ послѣднихъ. — Неминуемымъ слѣдствіемъ роскоши была праздность, неминуемымъ слѣдствіемъ праздности были пороки, ибо вмѣстѣ со всѣми стремленіями души человѣка находится стремленіе къ выраженію во внѣшность всѣхъ этихъ побужденій. —

* VII.

[ОТРЫВОК БЕЗ ЗАГЛАВІЯ.]

[ВАРИАНТ ПЕРВЫЙ.]

Съ тѣхъ поръ, какъ я помню свою жизнь, я всегда находилъ въ себѣ какую то силу истины, какое то стремленіе, которое не удовлетворялось; вездѣ одни противорѣчія, одна ничтожность.

Чѣмъ больше я жилъ, тѣмъ несноснѣе становилась она для меня.

[1 неразобр.] нельзя было перестать. Я началъ составлять себѣ правила на нѣкоторые предметы, находилъ въ нихъ пользу, но скоро оказывалась неудовлетворительность ихъ. Я составлялъ другія, — тоже самое. — Наконецъ, разсматривая правила, я находилъ въ нихъ соотношенія и понималъ, что всѣ могутъ [быть] подведены подъ одно начало или выведены изъ одного начала. Но какъ найдти это начало? Неужели изъ частныхъ случаевъ можно найдти его? Я пробовалъ, но напрасно.¹

Не подвинувшись далѣе этой дорогой, я взялъ другую: я началъ разсматривать предметы, на которые я составлялъ правила, т. е. вообще все. Я нашелъ въ себѣ дѣятельность, причиною которой есть я и не я.² Я познавалъ [въ] себѣ причины; одн[у] неясно, сознаниемъ, другую ясно, чувствами. Теперь я началъ разсматривать [2 неразобр.] безъ пользы. Остается одинъ послѣдній способъ — разсматривать обѣ причины.

Я не ограниченъ въ соединенія[хъ] съ не я, но ограниченъ самимъ соединеніемъ. — Соединеніе я сознательнаго съ чувственнымъ (чувственное постигнуть).

Я изъ двухъ частей.

Я одно только духовное.

¹ *Здесь на полях:* Я начинаю исторію моего познанія съ того момента, до котораго я шель одинаково съ другими. —

Я бросилъ съ самаго начала всѣ предрасудки, не найдя въ нихъ ничего удовле[творяющаго].

² Скептицизмъ — есть я.

[ВАРИАНТ ВТОРОЙ.]

Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, я всегда находилъ въ себѣ какое то стремленіе, которое не удовлетворялось, но удовлетвореніе котораго я понималъ, хотя неясно.

Я сознавалъ, что я ограниченъ во всемъ — и между тѣмъ понималъ неограниченность, даже находилъ ее въ себѣ. —

Чтобы согласовать это противорѣчіе, я составлялъ правила, которыми опредѣлялось проявленіе неограниченнаго въ ограниченномъ; но при составленіи этихъ правилъ я долженъ былъ испытать сначала зло, чтобы знать, какъ его избѣжать. Не найдя этимъ способомъ удовлетворенія, я понялъ, что стремленіе, которое я находилъ въ себѣ, происходило отъ соединенія ограниченнаго съ неограниченнымъ — и такъ какъ я есмь неограниченное, то надо было знать, какимъ образомъ я — (неограниченное) долженъ согласоваться съ ограниченнымъ и чтобы знать это, надо было знать, что есть неограниченное и что ограниченное.¹

Я отвергнулъ все, т. е. всѣ понятія, которыя я прежде принималъ за вѣрныя, и началъ искать такое начало, которое бы было ясно для меня непосредственно, т. е. которое бы не происходило изъ другого понятія. — Стало быть, чѣмъ посредственнѣе было понятіе, тѣмъ темнѣе оно было для меня, н. п. понятіе дерево темнѣе для меня, чѣмъ понятіе ощущенія запаха или вида этаго дерева.

Я имѣлъ два понятія, не требующія никакихъ доказательствъ и которые не могутъ быть замѣнены ничѣмъ другимъ, столь же безусловнымъ. Понятія эти я выразилъ такъ: я ограниченъ и я дѣятеленъ; имѣя эти положительныя понятія въ различныхъ степеняхъ, я могу себѣ представить безконечно малую степень обоихъ этихъ понятій, которую мы называемъ отрицательнымъ, т. е. неогранич[енность] и недѣятель[ность].

¹ На поляхъ к тексту этого отрывка автор дал нечто вроде его конспекта, в таком виде:

Я излагаю исторію своего познанія съ тѣхъ поръ, до которыхъ ходъ этотъ былъ слишкомъ простъ и одинаковъ у всѣхъ.

Стремленіе, которое я находилъ въ себѣ, было стремленіе къ благосостоянію или къ счастью, которы[я] я не понималъ иначе, какъ въ проявленіи; въ проявленіи же оно не удовлетворял[о].

Ограниченность не есть понятіе, но сознание: понимаю ограниченность и неограниченность, но я есть ограниченность и неограниченность. —

Не найдя удовлетворительными многія изъ правилъ существующихъ, я отвергнулъ ихъ всецѣло и принималъ только тогда правильнымъ, когда самъ составлялъ его съ тѣми.[?] —

Дѣятельность не есть понятіе, но сознание. —

Причина этого есть дѣятельность есть противурѣчіе, потому что ежели бы не было одного изъ этихъ двухъ началъ, я не могу себѣ представить и дѣятельности. —

Изъ этого заключенія выходитъ, что ежели бы не было ограниченности, то не было бы и дѣятельности, слѣд[овательно] первое сознание есть сознание ограниченности.

Соединяя эти понятія, я получу 4 составныя понятія 1) огранич[енную] дѣятельность, — дѣятельность весьма понятную и которую я нахожу въ себѣ, — 2) дѣятель[ность] неограничен[ную]; это понятіе не можетъ быть, ибо одно противоположно другому: дѣятел[ьность] не можетъ быть неограниченной, 3) огранич[енную] недѣятель[ность] — понятіе, которое не можетъ быть, т. е. есть ничего, 4) неогранич[енную] недѣятельность. —

* VIII.

О ЦѢЛИ ФИЛОСОФІИ.

а)

Человѣкъ стремится, т. е. человѣкъ дѣятеленъ. — Куда направлена эта дѣятельность? Какимъ образомъ сдѣлать эту дѣятельно[сть] свободною? — есть цѣль философіи въ истинномъ значеніи. Другими словами, философія есть наука жизни.

Чтобы точнѣе опредѣлить самую науку, опредѣлит[ь] надо стремленіе, которое даетъ на[мъ] понятіе о ней. —

Стремленіе, которое находится во всемъ существующемъ и въ человѣкѣ, есть сознаніе жизни и стремленіе къ сохраненію и усиленію ея. —

Подъ усиленіемъ жизни я понимаю стремленіе человѣк[а] имѣть больше впечатлѣній или что называемъ счастіемъ, благосостояніемъ. — Чтобы удовлетворить этому стремленію къ счастью человѣкъ не долженъ стараться искать счастье въ внѣшнемъ мірѣ, т. е. искать его въ случайныхъ пріятныхъ впечатлѣніяхъ внѣшняго міра, но въ образованіи себя, такъ чтобы всякое впечатлѣніе дѣйствовало на меня такъ, какъ я хочу. — Въ противномъ случаѣ человѣкъ будетъ похожъ на безумнаго, который хочетъ надвинуть на себя домъ, вмѣст[о] того [чтобы] взойти въ него. — И такъ цѣль философіи есть показать, какимъ образомъ человѣкъ долженъ образовать себя — Но человѣкъ не одинъ; онъ живетъ въ обществѣ, слѣдователь[но] философія должна опредѣлить отношенія человека къ другимъ людямъ. — Ежели бы каждый стремился къ своему благу, ища его внѣ себя, интересы частныхъ лицъ могли бы встрѣчаться и отсюда безпорядокъ. Но ежели каждый человѣкъ будетъ стремиться къ своему собственному усовершенствованію, то порядокъ никакъ не можетъ нарушаться, ибо всякой будетъ дѣлать для другаго то, что онъ желаетъ, чтобы другой дѣлалъ для него. —

Для познанія философіи, т. е. знанія, какимъ образомъ направлять естественное стремленіе къ благосостоянію, вложенное въ cadaго человека, надобно образовать и постигнуть

ту способность, которой человекъ можетъ ограничивать стремленіе естественное, т. е. волю, потому всѣ способности человека къ достиженію блага. — (Психологія.)

Метода же для познанія спекулятивной философіи состоитъ въ изученіи психологіи и законовъ природы, въ развитіи умственныхъ способностей (Математ.), въ упражненіяхъ для легкости выраженія мыслей, имянно [?] въ опредѣленіяхъ. —

Метода же къ изученію практической философіи состоитъ въ анализѣ всѣхъ вопросовъ, встрѣчающихся въ частной жизни, въ точномъ исполненіи правилъ морали, въ послѣдованіи законовъ природы. —

б) Опредѣленіе опредѣленія.

Опредѣленіе понятія есть: замѣненіе опредѣленнаго понятія простѣйшими понятіями, изъ которыхъ оно состоитъ. Дѣйствіе это называется анализомъ. — Посредствомъ анализа какого бы то ни было понятія можно дойти отъ самаго сложнаго до самаго отвлеченнаго, т. е. до такого, которое опредѣлено быть не можетъ. — Этаго рода понятіе называется сознаниемъ. Что же есть сознание? сознание есть понятіе самого себя — другими словами — я.

в) О разсужденіяхъ касательно будущей жизни.

Все, что существуетъ, не можетъ перестать существовать безъ достаточной для этаго причины и все, что не существовало, не можетъ начать существовать безъ причины. Душа существуетъ, слѣдовательно перестать существовать она не можетъ безъ причины, но что же составляетъ существо души?

Сознаніе Я... — Что есть сознание? Представленіе Я существующимъ въ различныхъ степеняхъ дѣятельности или движенія].

Какая же способность представляетъ Я существующимъ въ различныхъ степеняхъ движенія? Память. Мы видимъ, что память зависитъ совершенно отъ тѣла, такъ что поврежденіе въ одной части человека уничтожаетъ эту способность, слѣдовательно смерть должна совершенно ее уничтожить. И такъ [остается] только одно сознание я, [съ] которымъ является человекъ на этотъ [свѣтъ]. Что же касается до Гипотезъ на счетъ ближайшаго опредѣленія будущей жизни, эти гипотезы всегда останутся бредомъ. —

д) Метода.

Цѣль философіи говоритъ, что единственное стремленіе человека должно быть къ образованію самаго себя. — Для того

же чтобы образоваться, нужно во первыхъ знать, что есть я, — и какое образованіе настоящее, для этого нужно имѣть методу, *имянно*: 1) тѣлесныя потребности всѣ подчинять волѣ, 2) способность воспроизведенія подчинять волѣ и развивать по слѣдующимъ правиламъ: помнить всякую мысль, которую находишь хорошею цѣлюю недѣлю и потомъ записывать ее, и каждый вечеръ всѣ мысл[и] повторять. — Упражненія: изучать Математику. — 3) разсудокъ или способность заключенія подчинять волѣ и развивать послѣдующимъ правиламъ. 1) Опредѣлять всякое понятіе, т. е. на мѣсто одного тѣснаго понятія вставлять два обширнѣйшихъ и означающихъ тоже, потомъ опредѣлять эти оба понятія, наконецъ доходить до понятій такихъ, которыя не могутъ имѣть опредѣленій, но которыя мы сознаемъ, потому что они суть не что иное, какъ необходим[ые] признаки самаго я. — 2) Какимъ образомъ ни приобрѣтать новыя мысли, всегда слѣдить за ходомъ мыслей и замѣчать, сколько и какіе есть способы мышленія. — Упражненія — Математика и споръ.

При всемъ томъ не выпускать изъ виду истинной цѣли философіи и заниматься познаніемъ только тѣхъ истинъ, которыя для этой цѣли необходимы, не пропуская ни одной мысли, въ истинѣ кот[орой] убѣжденъ, такъ что можешь передать ее словами. 4) способность воли; развитіе будетъ состоять въ привлеченіи властвов[ать] надо всѣми способностями и въ дѣятельно[сти]. —

Подъ понятіемъ методы философіи вообще должно подразумѣвать тоже и способъ выраженія мыслей. Правила для этого будутъ слѣдующія. 1) до тѣхъ поръ не писать на бумагу предложенія, пока не найдешь его вполне въ самомъ себѣ въ отношеніи предыдущаго и послѣдующаго.

Упражненія: опредѣленія и стихи.

е)

Найдя двѣ основныя части или начала въ чемъ нибудь, я заключаю, что во всемъ есть два основныя начала, которыя я понимаю потому, что они совершенно противоположны, но ежели бы они соединились, то слѣдствіемъ былъ бы ноль. Понятіе отрицанія же происходитъ отъ того, что каждое изъ этихъ началъ безконечно различно дѣйствуетъ, — т. е. имѣетъ безконеч[ное] колич[ество] степеней, слѣдоват[ельно] я могу представить безкон[ечно] малую степень движенія, которое и есть отрицаніе; въ сущности же безконечно малое движеніе обѣихъ началъ можетъ быть только въ соединеніи (неограниченная недѣятельн[ость]).

Не найдя еще рационально истин[ы], мы можемъ ее почувствовать, поэтому я и хочу опредѣлить правила жизни.— Они раздѣлены могутъ быть на двѣ части: на тѣлесныя и умствен[ныя], двигателемъ же обоихъ есть воля. — 1) ѣсть, пить, спать,¹ — только что надобно не выпускать изъ виду цѣли при всякомъ дѣяніи, не отклоняться отъ правилъ общепринятыхъ, избѣгая случая дѣлать зло. —

¹ Следует слово в три буквы.

* IX.

[ОТРЫВОК БЕЗ ЗАГЛАВИЯ.]

1) Ежели бы человекъ не желалъ, то и не было бы человека. Причина всякой дѣятельности есть желаніе. Желаніе есть сила дѣятельности, но такъ какъ причина дѣятельности бываетъ двояка, имянно или происходитъ отъ желанія или отъ самой дѣятельности, то и желаніе двояко: посредственно и непосредственно. Дѣятельность есть слѣдствіе и причина жел[анія]. Когда она есть причина, [то] что есть причина дѣятельности? Причина дѣятельности есть міръ внѣшній.

Я желаю знать правду, желаю знать, что [такое] я, почему я ощущаю впечатлѣнія? Но, можетъ быть, нѣтъ правды, нѣтъ меня, нѣтъ впечатлѣній? Можетъ быть, это все обманъ? Но для чего я разсуждаю? Для того, что я хочу знать правду, для того, что я желаю не обманываться. Итакъ я все могу опровергнуть, все исключая того: *я желаю*: ибо ежели бы я не желалъ, я бы не опровергалъ, слѣдовательно, одно только вѣрно, что *я желаю*; и слѣдов[ательно] нуженъ [?]. Что есть причина желанія? (Ежели желаніе существуетъ, то существуетъ и его причина). Причина желанія есть дѣятельность, причина дѣятельности есть стремленіе къ независимости, къ удовлетв[оренію], есть все то, что имѣетъ на меня вліяніе, или все то, что существуетъ, и само желаніе. Слѣдовательно, причина того, что я желаю, есть существованіе всего (такъ что ежели бы не было всего, то и не было бы моего желанія и меня), и мое желаніе. Итакъ желаніе есть причина и слѣдствіе. Изъ этого видно, что желаніе дѣйствуетъ различно: само себя опредѣляетъ и дѣйствуетъ непосредственно, или дѣйствуетъ по впечатлѣніямъ, такъ что дѣятельность ихъ совершенно противоположна.

Акціома. Что не имѣетъ причины, то независимо.

Акціома. 1) Все, что существуетъ, имѣетъ причину тоже существенную, ежели только причина не будетъ слѣдствіемъ и слѣдствіе не будетъ причиною.

Разсматривая причину спос[обности] желанія, я нахожу: а) желаніе есть внутренняя дѣятельность, причиною которой есть ничто иное, какъ впечатлѣнія, причиною же впечатлѣній

есть все существующее. Изъ этого разсужденія я вижу, что желаніе имѣетъ причину и что желаніе не имѣетъ эту причину въ себѣ самомъ, но въ мірѣ внешнемъ, который существуетъ потому, что есть причина существующаго. Надо замѣтить, что совмѣстно съ дѣйствіемъ впечатлѣній на меня дѣйствуетъ и желаніе.

Изъ всего этого я заключаю, что все внѣшнее, равно и мое тѣло, существуетъ и что причиной моего существованія, т. е. желанія, есть міръ внѣшній. Такъ что, ежели бы не существовало міра внѣшняго, часть котораго составляетъ мое тѣло, не существовало бы и меня въ духовномъ смыслѣ, т. е. желанія. Но такъ какъ желаніе есть одно только духовное, что во мнѣ существуетъ, то духъ умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ.

2) Но, разсматривая далѣе причины желанія, я нахожу, что причину его есть тоже и само желаніе; слѣдовательно, желаніе не имѣетъ причины и сверхъ того само имѣетъ въ себѣ то, къ чему оно стремится, т. е. независимость. И такъ какъ желаніе то независимо ни отъ тѣла, ни отъ времени, слѣдовательно, желаніе независимо, бесконечно, само себя опредѣляющее, само себя удовлетворяющее и безсмертно.

Итакъ человѣкъ состоитъ изъ двухъ различныхъ деятельности или спос[обностей] желанія, одно изъ которыхъ ограничено и зависимо и приходитъ отъ тѣла и составляетъ все то, что мы называемъ потребностями человѣка, 2-я дѣятельность есть спос[обность] желанія или воля неограниченная, самоопредѣляющаяся и сама себя удовлетворяющая.

Теперь рассмотримъ отношеніе этихъ двухъ началъ въ ихъ сущности и въ ихъ проявленіяхъ. Эти способности или должны быть равносильны, или одна изъ нихъ должна преобладать. Равносильны они не могутъ быть, потому что одна изъ нихъ не можетъ быть отдѣльн[о], а есть необходимое слѣдствіе чего нибудь, прежде существующаго, другая же есть сама причина и слѣдствіе своего существованія и несмотря на различные виды своихъ проявленій не перемѣняетъ своей сущности. Эта послѣдняя должна [быть] вѣчно преобладающею. 2) Въ дѣйствительности (я уже доказалъ дѣйств.) не только часто, но и большей частью потребности преобладаютъ надъ волею, и верхъ совершенства, котораго можетъ достигнуть человѣкъ, есть совершенное преобладаніе воли, чего никогда нельзя достигнуть и что есть цѣль постояннаго достиженія.

Итакъ человѣкъ состоитъ изъ двухъ противоположныхъ дѣятельностей. Разсмотримъ первую, т. е. дѣятельность необходимую. Начало и причина оной находится, какъ мы уже видѣли, во всемъ существующемъ, ближайшее же начало находится въ самомъ человѣкѣ. Человѣкъ посредствомъ тѣлесныхъ чувствъ ощущаетъ предметы (ощущеніе не есть дѣятельность, но есть страданіе); ощущенія сами собой переходятъ въ дѣятельность тѣлесную; эта дѣятельность — самая низшая и

находится во всѣхъ животныхъ и [въ] большей даже части растеній, 2) ощущенія переходятъ тоже и въ способность воспріимчивости (которую мы называемъ памятью и воображеніемъ). Я же не отличаю этихъ двухъ способностей, ибо не понимаю способности воспроизведенія безъ способности удерживанія, наоборотъ, способность воспроизв[ожденія] дѣйствуетъ на низшую способность, и это есть дѣятельность второстепенная, которую имѣетъ часть животныхъ.

Все то, что называютъ чувствами или страстями, принадлежитъ къ этой дѣятельности. Спос[обность] воспр[оизведенія] переходитъ въ способность заключенія, которая дѣйствуетъ на обѣ низшія способности и необходимо принимаетъ дѣйствіе на нее спос[обности] воспр[оизведенія]. Эта дѣятельность есть высшая изъ необходимыхъ дѣятельностей человѣка; она есть именно то, что мы называемъ умомъ, и находится у большей части животныхъ.

Итакъ¹ дѣятельность тѣлесную, чувственную и умственную, которыя одна отъ другой зависятъ и дѣйствуютъ другъ на друга; стало быть, стремленіе человѣка къ независимости не удовлетв[оряется], ибо вся эта дѣятель[ность] есть страдательная.

Теперь рассмотримъ дѣятельность свободную.

Воля не ограничена, сама себѣ удовлетворяетъ; она выражается слѣд[ующимъ] обр[азомъ]: *я желаю желать*. Но почему же она выражается такъ, а не иначе? Сущность воли независима, но выраженіе, направленіе или форма должны отъ чего нибудь зависѣть, а именно, она зависитъ отъ другого желанія, отъ потребности, т. е. отъ тѣла, слѣд[овательно] хотя неограниченна, но выражается въ извѣстной формѣ. Воля не можетъ дѣйствовать на ощущенія, ибо причина ихъ находится внѣ ея сферы, т. е. внѣ человѣка. Дѣйствуетъ же она на воспріимчивость такимъ образомъ, что она воспроизводитъ тѣ предметы, которые хочетъ, а не тѣ, которые проявляются; эта же способность дѣйствуетъ на способность заключенія, которая при дѣйствіи на нее воли заключаетъ то, что она хочетъ, и дѣлается разумомъ.² Направленіе же волѣ даетъ высшая необходимая дѣятельность.

Теперь предстоитъ вопросъ, какимъ образомъ происходитъ при посредствѣ воли переходъ³ отъ состоянія необходимаго къ свободному. Воля принимаетъ заключ[еніе] высшей необходимой способности и сообразно съ этимъ заключ[еніемъ] дѣйствуетъ на тѣло. Свободныя ощущенія, переходя въ способность воспріимчивости, переносятъ туда больше предметовъ и, яснѣе, способность воспр[имчивости] перех[одить] в спос[об-

¹ *Здесь пропущен глагол вроде напр.: мы различаемъ.*

² *В последнем предложении местоимения которая, нее и она в рукописи стоят непонятным образом в мужском роде.*

³ *В рукописи описка: переходить.*

ность] заключ[енія]. Это послѣд[нее] будетъ выше перваго заключенія, но и это не можетъ удовлет[ворить] вол[ю], принимаетъ воля и, дѣйствуя на воображеніе, т. е. заставляя его принимать тѣ, а не другія,¹ принимать 3-е заключеніе, [оно] будетъ выше 2-го и 1-го. 3-е заключеніе, не удовлетвор[яя?] дѣйствуетъ на волю, которая дѣйст[вуетъ] на самое заключеніе, именно заставляя его заключить то, а не другое. Происходитъ 4-я степень заключенія, заключенія свободнаго или иначе, воли разумной, которая одна только себя опредѣляетъ и находится въ себѣ то самое, что я принялъ какъ акціому въ началѣ, имянно: *я желаю*.

Теперь разсмотримъ: что же будутъ эти *врожденныя понятія человека, интуиція*, какъ не понятіе пространства, линіи, точки, размѣра, количества? Существо всего челоуѣка составляетъ только его неограниченная воля и причина ея, наход[ящаяся] въ ней же, все же остальное, не имѣя въ себѣ своего начала, имѣетъ оное въ постороннемъ, а именно, не въ духовномъ, ибо имѣетъ причины физ[ическія], а въ физич[ескомъ]. Что же мы называемъ интуиціей, есть ничто иное, какъ необходимое заключеніе, причина которыхъ нахо[дится] въ ощущеніяхъ, причина которымъ находится въ мірѣ, а такъ какъ причины міра мы не видимъ, слѣдовательно, ея нѣтъ.

Въ началѣ я сказалъ, что нахожу во мнѣ началомъ всего двѣ дѣятельности; но что же есть *Я*? . . . *Я* есть соединеніе двухъ дѣятельностей; дѣятельность же есть неудовлетворенное стремленіе или борьба. Первую нельзя назвать дѣятельностью, но движеніемъ, ибо дѣятельность предполагаетъ стремленіе, но здѣсь мы не видимъ стремленія, а только движеніе или часть дѣятельности, но безконечной. Второе начало я понимаю какъ неограниченное, но какъ дѣятельность не могу представи[тъ] себѣ его иначе, какъ проявляющееся извѣстнымъ [образомъ], но не удовлетворенное въ своемъ проявленіи, т. е. борющееся.²

¹ Пропускъ, который не легко восполнить. Все предложение, от слов: принимаетъ воля носит не вполне сложившийся характер.

² В последнемъ предложении авторъ вместо: начало сперва употребилъ слово силу, и, поправивъ, забылъ согласовать съ новымъ существительнымъ все относящіяся къ нему опредѣленія, которые такъ и остались въ женскомъ родѣ. Для ясности мы должны были сделать это за него.

* X.

[ОТРЫВОК ОБ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ.]

вите никакъ по нашимъ нынѣшнимъ понятіямъ не можетъ быть отнесено къ частному праву; ибо черезъ это правильная точка возрѣнія, съ которой должна быть разсматриваема вся система права, совершенно потеряется. — При этомъ не надо забывать того, что уголовное право въ Римской системѣ права большей частью, и въ древнемъ Германскомъ правѣ съ нѣкоторыми исключеніями, принадлежитъ совершенно къ частному праву и что нынѣшнее помѣщеніе права есть произведеніе нашей исторіи и нашихъ отношеній, но не просто и при всѣхъ условіяхъ необходимое. Хотя частное право отдѣляется отъ уголовного, однако оба соприкасаются въ томъ отношении, что обиженной, независимо отъ уголовного права, которое правительство опредѣляетъ, имѣетъ право требовать возстановленія нанесеннаго ему вреда, что и рѣшаютъ суды, которыхъ обязанность есть собственно наложеніе наказанія. Въ тѣсной связи съ уголовнымъ правомъ находятся: уголовное судопроизводство, уголовная политика и уголовная полиція. Первая изъ этихъ наукъ обнимаетъ нормы, по которымъ опредѣляется примѣненіе положеній о наказаніяхъ, и образъ дѣйствій, который нужно при томъ замѣтить [?], и по этому самому должна быть отличаема отъ агрегатовъ этихъ положеній о наказаніяхъ, хотя она съ этими послѣдними стоитъ ближе, чѣмъ съ гражданскимъ судопроизводствомъ. — Уголовная политика, которая только въ новѣйшія времена получила особенное названіе и самостоятельное мѣсто въ ряду юридическихъ наукъ, сдѣлалась совершенно необходимою, когда начали думать о сочиненіи новыхъ въ отношеніи содержанія уголовныхъ законовъ книгъ. — Она занимается тѣмъ, чтобы выказать политическую сторону уголовного права и задача ея есть слѣдующая: показать, какимъ образомъ польза г[осударст]ва и потребности справедливости могутъ быть соединены въ положительномъ правѣ какого нибудь г[осударст]ва. Уголовная полиція есть, наконецъ, та часть полиціи, которая даетъ намъ наиудобнѣйшіе

способы предупреждать преступленія. Во всеобщемъ изложеніи уголовного права связаны всѣ отрасли этой науки между собою. Кромѣ того новѣйшіе писатели сдѣлали изобрѣтеніе новой науки — уголовного законодательства. Ежели бы эта наука не совпадала съ уголовной политикой и уголовн[ымъ] правомъ, то она была бы ученіемъ о цѣлесообразнѣйшемъ изложеніи и о лучшихъ, понятнѣйшихъ и кратчайшихъ выраженіяхъ уголовныхъ законовъ, такъ какъ эти суть необходимыя условія всякаго улучшенія равно при изданіи новыхъ, какъ и при пересмотрѣніи старыхъ уголовныхъ законовъ.

Раздѣленіе уголовного права.

Одно изъ важнѣйшихъ и богатѣйшихъ слѣдствій раздѣленія этой науки есть раздѣленіе на положительное и философское (всеобщее, тоже естественное). — Это раздѣленіе принято почти всѣми и нѣкоторыми такъ рѣзко, что даже они обозначаютъ каждую изъ этихъ частей особеннымъ именемъ, а именно: такъ называемое уголовное естественное право они называютъ *Strafrechts Wissenschaft*, а положительное — *Strafgesetz Kunde*. Мы не станемъ спорить о содержаніи естественнаго уголовного права при несказанномъ множествѣ значеній этого слова и при большой разности мнѣній тѣхъ, которые оно принимаютъ; да и вопросъ о существованіи или не существованіи онаго совпадаетъ съ изслѣдованіями о высшихъ философскихъ началахъ уголовного права. Но по причинѣ многихъ ошибокъ, которыя нераздѣльны съ этимъ раздѣленіемъ, нужно здѣсь замѣтить слѣдующее. Философія не можетъ быть рассматриваема, какъ источникъ, которымъ можетъ пользоваться судья въ практическомъ уголовномъ правѣ, еще менѣе возможно изъ одного разсудка, абстрактно отъ всѣхъ положительныхъ и историческихъ данныхъ, и выводами изъ а ргіогі найденнаго основнаго положенія составить систему практическаго законодательства. — Чрезвычайная важная и опасная ошибка, которая повела къ самымъ губительнымъ слѣдствіямъ, есть: эти чисто субъективныя системы или просто вносить въ положительное законодательство и стараться дать имъ видъ источника, или дѣлать притязанія на положительное право, примѣняя оно по этимъ такъ называемымъ философскимъ (между собою столь различнымъ) системамъ уголовного права. Въ новѣйшее время поэтому укоренилось понятіе, что такое положительное противуположное право, изъ разума выведенное или, какъ его называли, а ргіогі найденное наукообразно, совершенно не есть действительность и только въ томъ отношеніи имѣетъ значеніе, что это есть ошибка, причина которой находится въ тогдашнемъ времени. Философія права имѣетъ задачу узнавать и постигать разумное въ своемъ проявленіи, т. е. субъективный разумъ человѣка соединить съ объективно ра-

зумнымъ; и поэтому философія права не только не можетъ отдѣлиться отъ историческихъ началъ, но напротивъ они то и составляютъ ея необходимой субстратъ и матерію, которой она должна заниматься и философски расположить. — И такъ, ежели философскія занятія, особенно уголовнымъ правомъ, хотятъ называть философское уголовное право, то противъ названія столько же можно сказать, сколько и противъ самой вещи. Только должно бы было уничтожить совершенно многозначущее и такъ часто дурно понятое выраженіе естественнаго права, ибо историческое право въ извѣстномъ значеніи есть тоже естественное. Другое, происшедшее отъ источниковъ уголовного права, раздѣленіе есть на общее Германское и особенное (отдѣльныхъ Германскихъ государствъ) уголовное право. При этомъ намъ представляется вопросъ: существуетъ ли еще общее Германское уголовное право послѣ раздробленія (1806) Германск[аго] государства и послѣ того, какъ въ большей части новыхъ Германскихъ государствъ образовались отдѣльныя уголовныя законодательства, обнимающія все уголовное право или части онаго. На этотъ вопросъ вѣрнѣе всего можно отвѣтить, различивъ различныя значенія названія общего права. Ибо, когда государственная власть прекратилась, не могутъ существовать тоже никакіе связывающіе государственные законы. Но ежели эти законы дѣйствуютъ въ отдѣльныхъ государствахъ, въ которыхъ удержались древніе источники, то эти послѣдніе могутъ, продолжая дѣйствовать, быть разсматриваемы, какъ общее право. —

Но такъ какъ при настоящемъ положеніи уголовного законодательства въ Германіи каждое отдѣльное государство съ нѣкоторыми исключеніями имѣетъ свое собственное уголовное законодательство или въ скоромъ времени его получить, то общее право существуетъ только въ томъ отношеніи, когда подъ этимъ понимаютъ общее историческое основаніе и недавно прошедшее древнее положеніе, изъ котораго образовались частныя законодательства, которыя во многомъ сходятся и всеобщія основныя положенія большей частью повторяютъ. Раздѣленіе права на *писанное* и *неписанное* зависитъ тоже отъ источниковъ и отъ прежде бывшаго раздѣленія уголовного права на *jus roenale, publicum et privatum*¹ (смотря по тому, относилось ли оно къ преступленіямъ непосредственныхъ Имперскихъ чиновниковъ, или нѣтъ) нынѣ не употребительно, ибо не существуетъ уголовного права Германскаго союза надъ своими сочленами. Что касается до распредѣленія къ области права принадлежащей матеріи, то нынѣ въ учебныхъ и законныхъ книгахъ обыкновенно распредѣляется такъ, что уголовное судопроизводство отдѣляется отъ уголовного права; послѣднее раздѣляется на всеобщую и особенную часть. Первая

¹ [право уголовное, общественное и частное]

отнюдь не есть только философское уголовное право, но она содержит и положительное, вообще ко всемъ преступлениямъ и наказаніямъ относящееся ученіе; послѣдняя же обнимаетъ ученіе о[бъ] отдѣльныхъ преступленій, т. е. о ихъ содержаніи, наказаніи и прочихъ особенностяхъ.

Эти раздѣленія равно неизвѣстны какъ Римскимъ источникамъ права, такъ и С. С. С.¹ [?] но они встрѣчаются въ новыхъ уложеніяхъ. Мы будемъ держаться тоже этого раздѣленія при настоящемъ изложеніи уголовного права; замѣтимъ однако, что при представленіи общаго ученія должно быть старательно устранено генерализированіе или растягиваніе всеобщихъ правилъ на всѣ отдѣльныя преступленія.

¹ *Можетъ быть, надо читать:* С. I. C. т. е. Corpus Iuris Civilis? [Корпусъ законовъ гражданскаго права.]

ХІ.

[ТРИ ОТРЫВКА О МУЗЫКЕ.]

[* ОТРЫВОК I.]

ВРЕМЕННАЯ МЕТОДА ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ МУЗЫКИ.

Музыка есть выраженіе отношенія звуковъ между собою по пространству и времени и силѣ; слѣдовательно познаніе музыки состоитъ въ познаніи способа выраженія звуковъ по пространству и времени, т. е. познаніе выраж[енія] интерваловъ между звуками по пространству и по времени и по силѣ. — Для этого нужно больше читать ноты хорошихъ сочинителей, съ велич[айшимъ] вниманіемъ стараясь сейчасъ же ихъ запомнить и воспроизвести и слушать, стараясь написать ихъ. — Но для того, чтобы воспроизвести на какомъ то ни было инструментѣ извѣстные звуки, надо имѣть извѣстную привычку въ пальцахъ, которая пріобрѣтается не инымъ чѣмъ, какъ частымъ повтореніемъ того мѣста, которое кажется труднымъ. Для того же чтобы выражать, надо имѣть извѣстные познанія въ отношеніи музыкальной что называется композиціи, состоящей въ послѣдованіи звуковъ въ отношеніи времени, пространства и силы. — Музыка выражается для насъ тремя способами, имянно: на бумагѣ, на инструментѣ и для нашего уха; слѣдовательно, чтобы знать музыку, надо знать эти всѣ три способа выраженія и умѣть выраженное однимъ способомъ передавать другимъ, не выпуская изъ виду пространства, времени и силы, имянно.

1) *Съ письма передавать на инструментъ.* Для этого нужна особенная привычка и ловкость въ рукахъ, пріобрѣтаемая частымъ повтореніемъ этого способа упражненія и въ особенности трудностей. 2) *Съ письма слышать.* Это знаніе пріобрѣтается чтеніемъ нотъ безъ инструмента и потомъ повѣркою. — 3) *Съ игры писать.* Это знаніе пріобрѣтается привычкою отличать интервалы и скоро писать ноты съ уха. — 4) *Съ игры слышать.* Это всякой можетъ. 5) *Съ уха играть.* Это пріобрѣ-

тается терпѣливымъ отыскиваніемъ извѣстныхъ мотивовъ на инструментѣ: сыгравъ¹ раза два неизвѣстныя ноты, стараться сыграть наизусть. 6) *Съ уха писать*. Для этого нужно дѣлать тоже самое, что и для 5), только вмѣсто игры писать. —

[*ОТРЫВОК II.]

Знаніе музыки — субъективное и объективное. Объективное есть знаніе теоріи музыки, т. е. основныхъ началъ. Субъективное раздѣляется на знаніе правилъ музыки и на знаніе воспроизведенія музыки. Начало музыки есть способность выразить какую нибудь музыкальную мысль. —

Музыкальная мысль есть соедин[еніе] звуковъ, составляющее одно цѣлое, имѣющее начало и конецъ. —

Мысли эти выражаются на какомъ нибудь инструментѣ. Для облегченія изобрѣтено выраженіе музыкал[ьныхъ] мыслей на бумагѣ, не составляющее собств[енно] музыки, но посредств[ующее] выраженіе оной.

Способность составлять музыкал[ьную] мысль называется фантазіей, способность понимать эту мысль заключается въ правильномъ устройств[вѣ] уха и въ присутствіи что называет[ся] музыкальнаго чувства.

Музыкал[ьнымъ] чувствомъ называется способность воспринимать муз[ыкальную] м[ысль] такъ, чтобы не разстроивать въ душѣ единство оной. —

Способность передавать музыкал[ьную] мысль зависитъ 1) отъ муз[ыкальной] памяти, 2) отъ упражненія или изученія музыки, т. е. смотря отъ того, передается ли мысль прямо въ муз[ыкѣ] или въ письмѣ.

И такъ субъектив[ное] изученіе музыки [состоитъ] 1) въ развитіи способности фантазій, 2) въ развитіи муз[ыкальнаго] ума и чувства, 3) въ развитіи: а) музыкальной памяти и б) въ способности играть на какомъ либо инструментѣ, пѣть или писать муз[ык[у]].

3-е Отдѣленіе.

1-я часть

Развитіе музыкальной памяти.

2-я часть

1-е. Выраженіе мысли на инструментѣ
(Школы всѣхъ инструментовъ и пѣнія)

Школа фортепіано.

2. Выраз[еніе] мысл[ей] въ письмѣ.

.....
(Генераль Басъ)

¹ Написано: сыграть.

3. Развитие способности передавать какъ на инструментѣ, такъ и въ письмѣ изъ головы, т. е. изъ памяти музыки и памяти письма. - - - -

И съ письма на инструментѣ и обратно.

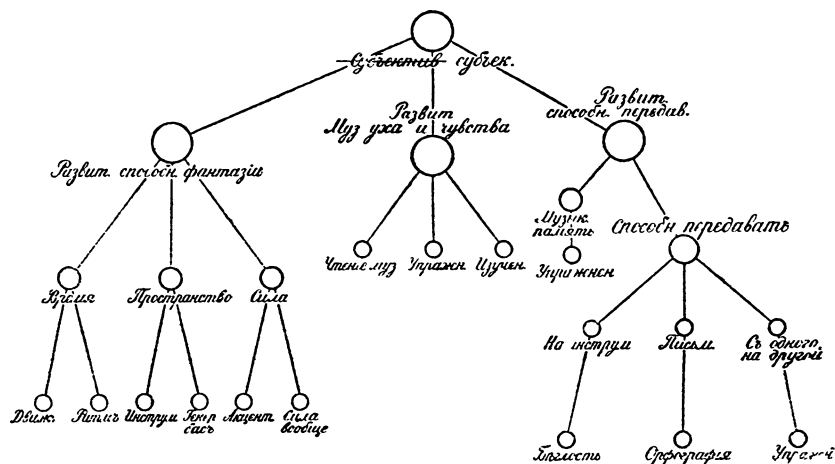
4) Упражненія. - - - - -

Отношеніе звуковъ въ отношеніи силы. - - - - -

Отношеніе это можетъ быть безконечно. При каждомъ звукѣ употребляется различная степень силы. - - - -

Раздѣлить можно на пять степеней: *ровно, крѣпко, очень крѣпко, слабо, очень слабо*. Такъ [же] какъ для опредѣленія прост[ой] [высоты звука употребляется] *камертонъ*, для времени *метрономъ*, для силы особый инструментъ, ударяющій по клавишамъ *ровно*. - - - - -

Изученіе музыки

Изученіе сочиненія — на [?] три. - - - - -

1) Правила общія касательно отноше[нiя] по пространству и соедине[нiя] звук[овъ]. — *Генераль басъ*.

2) Правила общія кас[ательно] отнош[енiя] по времени *Ритмъ*.

3) правила общія касательно отнош[енiя] по силѣ. *Аксен-туация*. - - - - -

Отношеній всѣхъ родовъ можетъ бы[ть] безчисленное множество, принято же по пространству 7, по времени [1 неразобр.], по силѣ 5. —

По времени вообще (движеніе быстрое и тихое) и особенное, т. е. каждая нота относител[ьно] другой можетъ дробиться до безконечно[сти], принято же до $\frac{1}{64}$. — Для расчета принято дѣленіе на такты, т. е. равныя части по времени.

Для означенія въ письмѣ собствен[но] звуковъ наилучше

*

Опредѣленіе музыки.

Музыка есть совокупность звуковъ, поражающихъ нашу способность слуха въ тройкомъ отношеніи: 1) въ отношеніи пространства, 2) въ отношеніи времени, 3) въ отношеніи силы.

17 Декабря. Слово музыка имѣетъ тройкое значеніе: 1) оно означаетъ фактъ и въ этомъ случаѣ опредѣленіе оной предыдущее, 2) музыка есть наука и въ этомъ случаѣ это есть знаніе законовъ, по которымъ соединяются звуки въ тройкомъ отношеніи, 3) музыка есть искусство, посредствомъ котораго соединяются звуки въ сихъ трехъ отношеніяхъ. Есть четвертое значеніе музыки — значеніе поэтическое. Музыка въ этомъ смыслѣ есть средство возбуждать черезъ звукъ извѣстныя чувства или передавать оныя.

Музыкальной Анализъ.

Для настоящаго изученія музыки я нахожу необходимымъ для учащагося послѣ изученія первыхъ правилъ музыки, т. е. нотъ и интерваловъ, темпа и акцентуаціи, анализировать музыку, т. е. смотря по тому, какую часть музыки кто прошелъ, разсматривать музыкальное сочиненіе въ отношеніи правилъ науки; для того же, кто прошелъ полный курсъ науки музыки, анализировать музыку слѣдующимъ образомъ:¹ 1) въ отношеніи пр[остранства] — отдѣльно всякій звукъ, т. е. какой интервалъ составляетъ одинъ звукъ съ тоникой, 2) въ отношеніи времени — отдѣльно всякій звукъ въ отношеніи къ всему такту, т. е. какую составляетъ звукъ часть всего такта, 3) въ отношен. силы, какую степень каждый звукъ имѣетъ въ отнош[еніи] означенной общей [для] всей пьесы степени силы. Это будетъ составлять, такъ сказать, смыс[ль] граматической — низшей.

Высшая степень анализа: 1) въ отн[ошеніи] прост[ранства] разсматривается ходъ соединенія звуковъ, т. е. аккорд[овъ], соблюдая правила и раздѣленія, принятыя при аккордѣ.

Въ отн[ошеніи] време[ни] разсматривает[ся] отношеніе звуковъ во времени между собою. Правиль не существуетъ.

Въ отноше[ніи] силы разсматрив[ается] отношеніе звуковъ по силѣ между собою. Правиль не существуетъ.

3) Степень разбора высшая есть та, гдѣ разсматриваются всѣ переходы отъ одной тоники къ другой, отъ одного темпа къ другому, отъ одной акцентуаціи къ другой. Для каждаго рода Анализа я изобрѣлъ выраженіе не словесное, но знаками, которое для упражняющихся будетъ переводъ, такъ что, чтобы перевести, нужно будетъ понимать, что переводить. —

¹ При этомъ анализѣ нужно только разсматривать мотивъ и ежели соединены нѣсколько мотивовъ, то каждый порознь.

* XII.

ДЛЯ ЧЕГО ПИШУТЪ ЛЮДИ.

1) Для чего пишутъ люди? Для того чтобы приобрѣсть, кто денегъ, а кто славы, а кто и то и другое; нѣкоторые же говорятъ, что для того, чтобы учить добродѣтели людей. Для чего читаютъ люди, для чего они даютъ деньги и славу за книги? Люди хотятъ быть счастливы; вотъ общая причина всѣхъ дѣяній. Единственный способъ, чтобы быть счастливымъ, есть добродѣтель, слѣдовательно благоразумно только читать и давать славу и деньги¹ тѣ книги, которыя учатъ добродѣтели. Какія же эти книги? Догматическія, основанныя на началахъ разума, и умозрительныя, — другихъ здравый разумъ не допускаетъ.

Но развѣ не полезны книги, которыя, изображая изящно добродѣтель, дѣйствуютъ примѣромъ? Почти всѣ согласны подъ добродѣтелью разумѣть подчиненіе страстей разуму. Поэты же и романисты, историки и естественники, вмѣсто того чтобы развитіемъ разсудка склонять людей къ разсудительнымъ поступкамъ, развитіемъ страстей склоняютъ его къ дѣяніямъ безразсуднымъ. Скажутъ, что естественныя науки необходимы для удобствъ частной жизни. Но развѣ удобства частной жизни способствуютъ къ развитію добродѣтели? Ни мало; напротивъ они еще болѣе подчиняютъ насъ страстямъ. —

Конечно, все имѣетъ свою пользу. Доказано, что для чловѣка полезно существованіе блохи, которая его кусаетъ, но есть польза объективная, которую лучше назвать необходимымъ вл[іяніемъ?], и польза субъективная. Про нее то я и говорилъ. —

¹ Слова: и давать славу и деньги вписаны после сверху и нарушили строй фразы.

* XIII.
О МОЛИТВѢ.

Только люди пожилые, семейные и не имѣющіе постоянныхъ отношеній съ свѣтской молодежью нынѣшняго вѣка, могутъ не знать, что большая часть этой молодежи ни во что не вѣрять, и удивиться, что я раздѣляю ее на разряды; но исключая этихъ почтенныхъ особъ, всѣ согласятся со мной, что невѣріе глубоко пустило свои корни въ современное молодое поколѣніе высшаго круга и такъ распространилось, что страшно подумать о участи, которая предстоить нашему отечеству; ежели справедливо — что въ ходѣ образованія высшій классъ ведетъ за собою низшіе. —

Есть три основанія невѣрія: умствованіе, тщеславіе и слабость; согласно съ этимъ раздѣленіемъ существуетъ и три разряда невѣрующихъ — умствователи, тщеславные и слабые. — Къ первому разряду принадлежатъ люди, одаренные сильнымъ умомъ и большою энергіею. Они чувствуютъ такую непреодолимую потребность подводить все подъ неумолимые законы разсудка, что не могутъ не опровергнуть законовъ религіи, основанныхъ на вѣрѣ и откровеніи. — Зачѣмъ дана имъ возможность мыслию опровергать эти законы? Зачѣмъ должны они пройти черезъ мучительное состояніе сомнѣнія и неизвѣстности? Это — вопросы, на которые не дано отвѣчать человеку. — Все, что можетъ онъ сказать, это то, что они менѣе виновны, чѣмъ несчастны — они невольно, болѣе чѣмъ невольно — съ ужасомъ видятъ, какъ разрушается то, что было ихъ опорой; но невѣдомая, непреодолимая сила влечетъ ихъ къ разрушенію. — Этаго разряда невѣрующіе существовали всегда и вездѣ; и, большей частью подъ старость, когда съ годами уменьшается энергія и потребность къ размышленію, они съ раскаяніемъ возвращаются къ религіи. — Къ третьему разряду принадлежатъ всѣ тѣ, которые по слабости ума и воли и изъ подражанія покорствуютъ передъ мнѣніемъ большинства, перестаютъ исполнять догматы Христіанской религіи и наконецъ совершенно вѣрять въ нее. — Число невѣрующихъ

всѣхъ разрядовъ такъ велико, [что] они составляютъ большинство въ кругу молодежи. — Гдѣ устоять молодому мальчику противъ общественнаго мнѣнія — онъ боится въ душѣ, чувствуетъ, что дѣлаетъ дурно — онъ и радъ бы перекреститься, но на него смотрятъ, ему угрожаетъ ближайшая опасность — опасность, которая сильнѣе всего дѣйствуетъ на молодую душу — насмѣшка, дурное мнѣніе людей, которыхъ онъ выбралъ своими образцами, съ которыми онъ не можетъ не быть въ безпрестанныхъ сношеніяхъ. —

Вся вина этихъ людей состоитъ въ молодости, слабости и тщеславіи. — Брось ихъ судьба въ кругъ людей добродѣтельныхъ, они были бы добродѣтельны — они попали въ кругъ невѣрующихъ и стали такими же. —

Ко второму разряду принадлежатъ тѣ, которые, завлеченные умствованіями и философскими теоріями (которыя романы сдѣлали доступными для всѣхъ) промѣняли Христіянскія вѣрованія, внушенные имъ съ дѣтства, на пантеистическія идеи, замысловатыя предположенія остроумныхъ писателей или собственнаго изобрѣтенія. — Каждый изъ нихъ составляетъ свою особую религію, не имѣющую ни послѣдовательности, ни основанія, но сообразную съ своими страстями и слабостями. Они вѣрятъ тому, что имъ нравится, отвергаютъ то, что тяжело для нихъ, жертвуютъ прежними вѣрованіями, для того чтобы потѣшить свое мелочное самолюбіе, — блеснуть передъ другими и передъ собой поэтической или остроумной выдумкой и на развалинахъ религіи построить храмъ своему тщеславію и слабостямъ. — Смотря по большей или меньшей гибкости и способ

[О ПЫТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА.]

* XIV.

«САНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ЧЕРЕЗЪ
ФРАНЦІЮ И ИТАЛІЮ». ¹

[Перевод Стерна.]

«Это дѣло», сказалъ я, «лучше рѣшили бы во Франціи». —
— «А вы были во Франціи?» сказалъ мой собесѣдникъ, обра-
тившись ко мнѣ съ видомъ самаго учтиваго торжества. —
«Странно», подумалъ я, разбирая это дѣло съ самимъ собою;
«что плаваніе на пространствѣ двадцати одной мили, потому что,
положительно, больше не будетъ отъ Дувра до Кале, можетъ
дать человѣку такія права. — Я ихъ разсмотрю»... Итакъ,
оставивъ споръ, я прямо пошелъ на мою квартиру, сложилъ
полдюжины рубашекъ и пару черныхъ шолковыхъ штановъ.
«Фракъ, который на мнѣ», сказалъ я, посмотрѣвъ на рукава,
«сойдетъ»... и взялъ мѣсто въ Дуврскомъ дилижансѣ. И такъ
какъ корабль отправлялся въ девять часовъ слѣдующаго утра,
въ три я сидѣлъ за моимъ обѣдомъ, изъ цыплячьяго фрикасе,
такъ неоспоримо во Франціи, что ежели бы я въ ту же ночь
умеръ отъ разстройства въ желудкѣ, цѣлый свѣтъ не могъ бы
остановить дѣйствія *droits d'aubaine*:² мои рубашки, черная
пара шолковыхъ штановъ, чемоданъ и все пошло бы къ королю
Франціи, — даже этотъ маленькой портретъ, который я такъ
долго носилъ и такъ часто говорилъ тебѣ, Элиза, что я унесу
съ собою въ могилу, сорвали бы съ моей шеи! Невеликодушно!

Отбирать вещи неосторожнаго путешественника, котораго
ваши же подданные заманили на свою сторону. — Ей Богу,
Государь, это нехорошо! Тѣмъ болѣе нехорошо и тѣмъ болѣе
вѣрно мое замѣчаніе, что вы владѣтель народа столь образо-

¹ Путешествіе это не окончено и простирается не дальше посѣщенія его Ліона.

² Путешествіе это было предпринято въ 1762 году. Франція находилась въ войнѣ съ Англіею. [*droits d'aubaine* — законъ, по которому имущество иностранца, умершаго во Франціи, составляло собственность короля.]

ваннаго, столь учтиваго и столь извѣстнаго нѣжностью своихъ чувствъ и прекрасными наклонностями. —

И только что я поставилъ ногу на ваши владѣнія»

Кале.

Когда я кончилъ свой обѣдъ и выпилъ за здоровье Французскаго короля, чтобы успокоить себя въ томъ отношеніи, что я не чувствую противъ него злобы, а напротивъ — высокое уваженіе за его человѣколюбивый характеръ, я всталъ на палецъ выше отъ этого примиренія. —

«Нѣтъ», — сказала я — «родъ Бурбоновъ ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать жестокимъ родомъ: они могутъ быть обманываемы, какъ и всѣ; но есть какая то нѣжность въ ихъ крови». Убѣдившись въ этомъ, я почувствовалъ особеннаго рода теплоту на моей щекѣ, пріятнѣе и нѣжнѣе, чѣмъ то могла произвести бутылка бургонскаго, которую я выпилъ и которая стоила по крайней мѣрѣ два ливра. «Боже всемогущій!» сказала я, оттолкнувъ въ сторону мой чемоданъ: «что же такого есть въ благахъ сего міра, что разжигаетъ наши умы и заставляетъ столько добросердечныхъ братьевъ ссориться между собою такъ жестоко, какъ мы это дѣлаемъ?»

Когда человѣкъ въ мирѣ съ другими людьми, самый тяжелый металлъ кажется легче пера въ его рукѣ! Онъ вынимаетъ свой кошелекъ, держитъ его открытымъ и не завязаннымъ, какъ будто ищетъ предмета, съ которымъ бы раздѣлить его. Сдѣлавъ это, я почувствовалъ расширеніе каждой жилы въ моемъ тѣлѣ — артеріи всѣ бились такъ пріятно — въ одно время, и всѣ силы, которыя поддерживаютъ нашу жизнь, исполняли свою обязанность такъ незамѣтно, что самая начитанная *précieuse*¹ во Франціи со всѣмъ ея матерьялизмомъ не могла бы назвать меня машиной. —

«Я убѣжденъ», сказалъ я самъ себѣ: «я опровергнулъ бы ея сredo».² Прибавленіе этой мысли въ это время возвело мою натуру на высочайшую ступень — я былъ уже примиренъ со всѣмъ свѣтомъ; а это побудило меня заключить окончательный миръ и съ самимъ собою. —

«Теперь, будь я король Франціи», воскликнулъ я: «какая удобная минута для сироты просить у меня чемоданъ своего батюшки!»

Кале.

Монахъ.

Не успѣлъ я произнести этихъ словъ, какъ бѣдный монахъ ордена св. Франциска взошелъ въ комнату просить что нибудь для своего монастыря. —

¹ [ученая женщина]

² [веру.]

Никто не хочет, чтобы его добродѣтели были игрою случая — *Sed non quoad hanc* — какъ бы то ни было —; но такъ какъ нѣтъ правильнаго разсужденія о приливахъ и отливахъ хорошаго и дурнаго расположенія нашего духа, можно предположить, что они зависятъ отъ тѣхъ же самыхъ причинъ, какъ и приливы и отливы моря — право намъ не обидно бы было допустить это; по крайней мѣрѣ что до меня касается, я увѣренъ, я бы былъ болѣе доволенъ, ежели бы про меня сказали, что я имѣлъ дѣло съ луною, въ которомъ не было ни стыда ни грѣха, чѣмъ говорили бы про мой собственный свободный поступокъ, въ которомъ было бы то и другое. —

Но какъ бы то ни было, только что я взглянулъ на него я почувствовалъ, что мнѣ предопредѣлено не дать ему ни копѣйки; сообразно съ этимъ, я положилъ кошелекъ въ карманъ — застегнулъ, оперся болѣе на центръ своей тяжести и важно подошелъ къ нему: я боюсь вспомнить, но мнѣ кажется, было что то отталкивающего въ моемъ взглядѣ: его лицо еще теперь передъ моими глазами, я думаю, въ немъ было что то заслуживающее лучшаго. —

Монаху, сколько я могъ судить по его плѣшивой головѣ и рѣдкимъ сѣдымъ волосамъ на вискахъ, было около семидесяти; но судя по глазамъ и тому роду огня, который былъ въ нихъ, и который, казалось, былъ умѣренъ болѣе учтивостью, чѣмъ годами, ему было не болѣе шестидесяти. Истина была между обоими предположеніями. Ему вѣрно было шестьдесятъ пять. —

Вообще его видъ и поза, не смотря на то, что морщины покрыли его лицо, какъ казалось, прежде времени, подтверждали это предположеніе.

Это была одна изъ тѣхъ головъ, которыя такъ часто писалъ Гвидо — нѣжная, блѣдная, пронизательная — безъ обыкновеннаго такого рода людямъ выраженія грубаго и самодовольнаго невѣжества; онъ не смотрѣлъ въ землю; напротивъ, взоръ его былъ устремленъ впередъ и, казалось, онъ смотрѣлъ на что то, находящееся внѣ этого міра. Какимъ образомъ бросило Небо эту голову на плечи монаху его ордена, знаетъ лишь оно само; но она лучше бы пристала брамину, и ежели бы я встрѣтилъ ее въ долинахъ Индостана, я бы почтилъ ее. —

Остальной видъ его наружности можетъ быть переданъ въ нѣсколькихъ чертахъ. Легко можно было обозначить его; потому что въ немъ не было ничего ни привлекательнаго, ни другого, исключая того, что выраженіе дѣлало такимъ: онъ былъ худъ, щедушенъ, ростомъ немного выше обыкновеннаго; фигура его не теряла общаго выраженія достоинства отъ складки впереди; но это было положеніе просителя; какъ теперь представляется онъ моему воображенію, онъ этимъ болѣе выигрывалъ, чѣмъ проигрывалъ. —

Сдѣлавъ въ комнатѣ три шага, онъ остановился и положилъ лѣвую руку на грудь (въ правой онъ держалъ большой бѣлый посохъ, съ которымъ онъ странствовалъ). Когда я вплотъ

подошелъ къ нему, онъ ввелъ себя маленькимъ разговоромъ о нуждахъ своего монастыря и бѣдности своего ордена, — онъ сдѣлалъ это такъ просто, такъ мило и такая скромность видна была въ его лицѣ и взглядахъ, что надо было мнѣ быть заколдовану, чтобы не быть тронуту этимъ. —

Нѣтъ, была лучше причина: мнѣ было предопредѣлено не дать ему ни копѣйки. —

Монахъ.

Кале.

«Да, это правда», сказалъ я, отвѣчая на его поднятіе глазъ кверху, которымъ онъ заключилъ свою просьбу. — «Да, это правда, помогай Богъ тѣмъ, которые не имѣютъ другой помощи, какъ милосердіе людей; но я боюсь, что милосердіе далеко недостаточно для столькихъ безпрестанныхъ и большихъ требованій, которыми утруждаютъ его». Когда я произнесъ слова: «большихъ требованій», взглядъ его упалъ на рукавъ своей рясы — я почувствовалъ всю силу этого довода. — «Я признаю это», сказалъ я — «грубое платье, и то одно въ три года, скудная пища — вещь не важная; но дѣло въ томъ — жалко, что и это добывается вашимъ орденомъ съ такими малыми усиліями, пользуясь частью, составляющей собственность хромыхъ, слѣпыхъ, старыхъ и убогихъ. Узникъ, который ложится на жалкую постель свою, ежедневно считая и пересчитывая дни своего несчастія, изнываетъ по этой-же части, которую вы отнимаете у него. Ежели бы вы были ордена de la merсі, вмѣсто того чтобы быть ордена св. Франциска, какъ я ни бѣденъ, — продолжалъ я, указывая на свой чемоданъ, «съ радостью былъ бы онъ открытъ вамъ: для выкупа несчастныхъ». Монахъ поклонился мнѣ. — «Но передъ всѣми другими», заключилъ я, «несчастные нашего отечества имѣютъ преимущество; и я оставилъ тысячи таковыхъ на нашемъ берегу». Монахъ сдѣлалъ движеніе головой, которое ясно выражало его сердечную мысль: «безъ сомнѣнія не въ одномъ нашемъ монастырѣ есть бѣдность, ее довольно во всѣхъ углахъ этого свѣта». — «Но мы различаемъ», сказалъ я, положивъ руку на рукавъ его рясы въ отвѣтъ на его возраженіе: «мы различаемъ, добрый отецъ, тѣхъ, которые ѣдятъ хлѣбъ своихъ трудовъ, и тѣхъ, которые ѣдятъ хлѣбъ, прибрѣтенный трудами другихъ, имѣя совсѣмъ особый планъ жизни: жить въ бездѣйствіи и невѣжествѣ *изъ любви къ Богу*».

Бѣдный Францисканецъ не сдѣлалъ никакого возраженія; красна одну минуту покрывла его лицо, но не осталась. Казалося, натура совершенно уничтожила въ немъ начало непріязненности. Онъ мнѣ не показалъ ея. Но выпустивъ изъ руки посохъ, который упалъ на его плечо, и прижавъ съ выраженіемъ покорности обѣ руки къ груди, онъ удалился. —

Монахъ.

Кале.

У меня что то защѣмилло въ сердцѣ въ ту самую минуту, какъ онъ затворилъ за собою дверь. Пфа! сказалъ я три раза сряду, стараясь принять видъ беззаботности; но я не могъ этого сдѣлать; каждый неприятный слогъ, произнесенный мною, представлялся опять моему воображенію.

Теперь я разсуждалъ, что я не имѣлъ никакого права на бѣднаго Францисканца; я могъ отказать ему, но одинъ отказъ долженъ былъ быть достаточно неприятенъ безъ прибавленія неучтиваго разговора. Я воображалъ себѣ его сѣдые волосы, пріятное лицо его, казалось, было опять передо мною и учтиво спрашивало меня: какую сдѣлалъ я вамъ обиду? и за что вы со мною такъ обошлись?» Я двадцать ливровъ далъ бы за адвоката. — «Я очень дурно поступилъ», сказалъ я самъ себѣ, «но я только что начинаю свое путешествіе — въ продолженіи его я постараюсь выучиться хорошему обхожденію». —

La désobligeante.

(Неодолжительная.)

Кале.

Состояніе человѣка, недовольнаго самимъ собой, имѣетъ выгоду въ томъ отношеніи, что ставитъ въ наилучшую настроенность духа для совершенія покупки; и такъ какъ теперь нельзя путешествовать черезъ Францію и Италію, не имѣя своего экипажа, а природа всегда побуждаетъ къ избранію удобнѣйшаго средства, я вышелъ на каретный дворъ, что бы нанять или купить что нибудь въ этомъ родѣ для моего употребленія: старая désobligeante въ самомъ дальнемъ углу двора съ перваго взгляда привлекла мое вниманіе; я тотчасъ же взошелъ въ нее и найдя ее совершенно удовлетворительной, я велѣлъ сторожу послать ко мнѣ Mons. Dessein, хозяина отеля. Но Mons. Dessein былъ у вечерни. И чтобы не сойдтись лицомъ къ лицу съ Францисканцемъ, котораго я видѣлъ на другомъ концѣ двора въ разговорѣ съ какою то барыней, которая только что пріѣхала въ гостинницу, я задернулъ тафтяную стору между нами и, рѣшившись писать мое путешествіе, вынулъ перо и чернильницу и сталъ писать предисловіе въ désobligeante.

Предисловіе въ désobligeante.

Должно быть, уже было замѣчено многими перипатетическими философами, что природа своей неоспоримою властью положила извѣстные предѣлы, которыми ограничила мѣру не-

пріятностей для челоуѣка. — Она исполнила это удобнѣйшимъ и покойнѣйшимъ образомъ, положивъ ему между многими другими неотстраняемыми обязанностями — работать для своего удобства и переносить страданія — дома. Тамъ только она снабдила его всѣми нужными предметами, для того чтобы дѣлать радость и умѣть легче переносить часть той тяжести, которая всегда и вездѣ была слишкомъ тяжела для одной пары челоуѣческихъ плечъ. Правда, мы одарены нѣкоторою, несовершенною способностью иногда распространять свою радость изъ ея границъ, но свѣтъ такъ устроенъ, что отъ неспособности изъясняться на другомъ языкѣ, отъ недостатка связей и знакомствъ и отъ различія воспитанія, обычаевъ и привычекъ, мы столько встрѣчаемъ препятствій въ сообщеніи нашихъ впечатлѣній внѣ нашей сѣры, что даже эти препятствія часто равняются совершенной невозможности. — Изъ этого слѣдуетъ, что перевѣсъ сантиментальной торговли всегда противъ выѣхавшаго изъ отечества искателя приключеній: онъ долженъ покупать то, что ему почти совсѣмъ не нужно, за ту цѣну, за которую предлагаютъ; при обмѣнѣ разговоровъ онъ долженъ отдавать свой за первой попавшійся; и то его разговоръ никогда не возьмутъ за свой безъ большаго для него убытка, безпрестанно нужно ему мѣнять корреспондентовъ и искать болѣе вѣрныхъ. Не нужно много проникательности, чтобы угадать ея участь. — Это разсужденіе прямо и естественно приводитъ меня къ моему предмету, и (ежели колебаніе этой *désobligeante* позволить мнѣ) къ изложенію началъ и основныхъ причинъ путешествій. —

Люди праздные покидаютъ свою родную сторону и отправляются путешествовать, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ или предлогами, всегда по одной изъ этихъ главныхъ причинъ: убогость тѣла, разстройство разсудка, неизбѣжная необходимость. —

Первые два разряда включаютъ въ себя всѣхъ путешествующихъ по сушѣ и по морю, и трудящихся изъ гордости, любопытства, тщеславія или сплина, съ безконечными подраздѣленіями и сочетаніями. — Третій классъ включаетъ въ себя всѣ легіоны странствующихъ мучениковъ; въ особенности къ этому разряду принадлежатъ: путешественники, отправляющіеся по преимуществу духовенства,¹ преступники, путешествующіе подъ присмотромъ губернаторовъ по уголовнымъ дѣламъ, молодые баричи, высланные жестокостью родителей и опекуновъ и путешествующіе подъ предводительствомъ наставниковъ, рекомендованныхъ Оксфортомъ, Аберденомъ или Глазгофомъ.

Есть еще четвертый классъ путешественниковъ, но число ихъ такъ незначительно, что они не стоили бы особаго отдѣла,

¹ «Benefit of the clergy» означаетъ исключительное право, существовавшее еще въ прошломъ вѣкѣ, духовенства быть судимымъ только своими духовными, а не мѣстными судами.

ежели бы не требовалось соблюдать величайшую точность и ясность въ сочиненіи такого рода для избѣжанія запутанности въ характерахъ. — Люди, про которыхъ я хочу говорить, суть тѣ, которые по разнымъ причинамъ и подъ разными предлогами переѣзжаютъ моря и проживаютъ въ иностранныхъ земляхъ, съ цѣлью сбить копѣйку; но такъ какъ они могли бы избавить и себя и другихъ отъ большой части ненужныхъ хлопотъ, собирая деньги дома, и такъ какъ причины, заставляющія ихъ путешествовать, гораздо разнороднѣе причинъ другихъ путешественниковъ — я обозначу этихъ господъ подъ общимъ названіемъ — простыхъ путешественниковъ. Итакъ весь кругъ путешественниковъ можетъ быть приведенъ къ слѣдующимъ главамъ:

Праздные путешественники,
Любопытные путешественники,
Лгуны путешественники,
Гордые путешественники,
Тщеславные путешественники,
Одержимые сплиномъ путешественники;

Потомъ слѣдуютъ путешественники по необходимости:

Преступные и вѣроломные путешественники,
Несчастные и невинные путешественники,
Простые путешественники;

И наконецъ, ежели позволите:

Сантиментальные путешественники;

я подразумѣваю самого себя, который то же путешествовалъ, и про котораго я сей часъ увѣдомлю, столько же по необходимости и по желанію путешествовать, какъ каждый изъ какого бы то ни было разряда. Я въ полномъ убѣжденіи, что мои путешествія будутъ совершенно отличнаго рода отъ путешествій моихъ предшественниковъ, и потому я могъ бы требовать совершенно особое мѣстечко для себя одного; но это было бы завладѣніемъ правами тщеславнаго путешественника; желая обратить на себя особое вниманіе, я это сдѣлаю только тогда, когда буду имѣть на это другія права кромѣ оригинальности моего экипажа. Для моего читателя достаточно (ежели онъ былъ путешественникомъ) очень мало изученія и размышленія, чтобы найти себѣ приличное мѣсто и положеніе въ моемъ каталогѣ — это будетъ шагъ къ познанію самого себя; и хотя въ настоящее время въ немъ можетъ быть большая перемѣна; но онъ не могъ не удержатъ оттѣнка или сходства съ тѣмъ, что онъ пріобрѣлъ и чѣмъ напитался въ своихъ путешествіяхъ. —

Тотъ, который первый вздумалъ пересадить бургундскую лозу на мысъ Доброй Надежды (замѣтите, это былъ Голландецъ), и не мечталъ о томъ, чтобы пить на мысѣ тоже самое вино, которое производила таже самая лоза на французскихъ

горахъ — онъ былъ слишкомъ флегматиченъ для этаго; но вѣрно онъ не могъ не надѣяться пить по крайней мѣрѣ какой нибудь родъ винной жидкости; но хорошей ли, дурной или посредственной, онъ понималъ очень хорошо, что это не зависитъ отъ его выбора, но что-то, что называютъ судьба, должно было рѣшить его успѣхъ; однако онъ надѣялся на лучшее: въ этой надеждѣ и въ неумѣренной увѣренности на силу своей головы и глубину своего благоразумія, Mein Her¹ могъ потерять то и другое отъ своего виноградника и при открытіи его наготы сдѣлаться посмѣшищемъ народа. Не тоже ли и случается съ бѣднымъ путешественникомъ, плавающимъ по морямъ и развѣзжающимъ по почтовымъ дорогамъ всѣхъ просвѣщеннѣйшихъ Государствъ земнаго шара, отыскивая познанія и открытія?

Можно пріобрѣсть свѣдѣнія о наукахъ и открытіяхъ, путешествуя по сушѣ и по морю съ этою цѣлью; но пріобрѣсть дѣйствительно полезныя познанія — чисто случай. И ежели даже искатель приключеній, положимъ, успѣетъ въ этомъ, всетаки пріобрѣтенный запасъ надо употреблять съ осторожностью и умѣренностью, чтобы обратить его въ свою пользу. Но такъ какъ судьба рѣдко способствуетъ какъ пріобрѣтеніямъ, такъ и приложенію ихъ, то я того мнѣнія, что человѣкъ ежели можетъ взять на себя жить довольнымъ, не отыскивая заграницею свѣденій и познаній, особенно ежели онъ живетъ въ Государствѣ, которое не бѣдно ими, поступилъ бы весьма благоразумно. Сколько разъ болѣло у меня сердце, слѣдя за безчисленнымъ множествомъ шаговъ, которые дѣлаетъ любопытной путешественникъ, отыскивая виды и открытія такія, которыя, какъ говоритъ справедливо Санхо Пансо Донкихоту, прекрасно могъ бы видѣть и дома. Теперь такое просвѣщенное время, что нѣтъ ни одного угла въ Европѣ, куда бы не доставали лучи просвѣщенія и гдѣ бы не обмѣнивались они.

Просвѣщеніе во всѣхъ отрасляхъ можно сравнить съ музыкой во всѣхъ Итальянскихъ улицахъ — имъ можно пользоваться бесплатно. — «Нѣтъ Государства подъ луною», — и Богъ мнѣ судья (потому что рано или поздно я дамъ отвѣтъ Ему за эти слова), что я говорю это не изъ тщеславія, — нѣтъ Государства подъ луною, изобилующаго такимъ разнообразіемъ познаній и въ которомъ бы такъ цѣнили науки и дорожили ими, страны, гдѣ бы можно было ихъ легче пріобрѣсти, гдѣ бы искусства такъ поощрялись и такъ скоро доходили до совершенства, народа, которому природа такъ мало способствовала бы въ этомъ и наконецъ разсудокъ котораго находилъ бы болѣе пища въ разнообразіи характеровъ.

— Куда же вы идете, мои любезные соотечественники?». —

— «Мы только смотримъ на эту карету», отвѣчали они.

¹ [Не вполне выдержанная голландская форма, означающая *милости-вый государь*; надо: *min her*.]

«Вашъ покорнѣйшій слуга», сказалъ я, выскочивъ изъ нея, и приподнявъ мою шляпу. — «Мы удивлялись», сказалъ одинъ изъ нихъ, который, какъ я нашелъ, былъ любопытный путешественникъ, «что производило колебаніе этой кареты?» — «Оно, отвѣчалъ я холодно, — происходило отъ безпокойства человѣка, пишущаго предисловіе». — «Я никогда не слыхивалъ», сказалъ другой, который былъ просто путешественникъ: «о предисловіи, писанномъ въ *désobligeante*». — «Да, — сказалъ я, — оно лучше бы вышло въ *vis à vis*». ¹

Но такъ какъ Англичанинъ путешествуетъ не для того, чтобы видѣть Англичанъ, я удалился въ свою комнату. —

Кале.

Я замѣтилъ, что что то затемняло коридоръ болѣе, чемъ то могла произвести моя особа, подходя къ своей комнатѣ; это дѣйствительно былъ Mons. Dessein, хозяинъ отеля; онъ только что пришелъ отъ вечерни, и съ шляпой подъ мышкой слѣдовалъ за мною, напоминая мнѣ, что я его требовалъ. — Писанное предисловіе въ *désobligeante* совершенно разочаровало меня отъ нее; и Mons. Dessein, говоря про нее, пожалъ плечами такъ, что ясно было: этотъ экипажъ ни въ какомъ случаѣ не могъ мнѣ годиться; я тотчасъ вообразилъ, что онъ принадлежитъ какому нибудь невинному путешественнику, который, возвратившись домой, положился на честь Mons. Dessein, поручивъ ему взять за него что можно. — Четыре мѣсяца эта карета стояла уже въ углу двора Mons. Dessein, сдѣлавъ кругъ Европы. — Выѣхавъ съ того же мѣста и сильно пострадавъ на горѣ Цениса, она ничего не выиграла въ этихъ приключеніяхъ, и тѣмъ менѣе выиграла стояніемъ столькихъ мѣсяцевъ въ жалкомъ положеніи въ углу каретнаго двора Mons. Dessein. —

Но что много про это говорить; однако можно сказать нѣсколько словъ — когда нѣсколько словъ могутъ облегчить тяжесть горя, я ненавижу человѣка, который скупъ на нихъ. —

«Будь я теперь хозяиномъ этого отеля», сказалъ я, положивъ указательный палецъ на грудь Mons. Dessein: «я бы всячески старался сбыть эту *désobligeante* — она безпрестанно дѣлаетъ вамъ упреки, когда вы проходите мимо ея». — «*Mon Dieu!*» ² — сказалъ Mons. Dessein: «мнѣ нѣтъ никакого расчета»...

«Исключая того [сказалъ я], — который людей съ извѣстнымъ направленіемъ заставляетъ дорожить своими ощущеніями», и я увѣренъ, что человѣкъ, который чувствуетъ за другихъ также, какъ и за себя, — какъ вы ни скрывайте, всякая дождливая ночь должна производить на васъ тягостное впечатлѣніе — вы страдаете, Mons. Dessein, не менѣе самой кареты». —

¹ [экипажъ для двоихъ.]

² [Боже мой!]

Я замѣтилъ, что когда въ комплиментѣ есть столько же кислаго, сколько и сладкаго, англичанинъ приходитъ въ затрудненіе, принять ли или нѣтъ его: французъ же никогда. Mons. Dessein поклонился мнѣ. —

— C'est bien vrai,¹ сказалъ онъ: «но въ этомъ случаѣ для меня только переменится родъ безпокойства, и съ невыгодою; представьте себѣ, милостивый государь, отдавъ вамъ эту карету, которая распадется на куски прежде, чѣмъ вы проѣдете половину дороги до Парижа, — представьте себѣ, какъ я буду мучиться тѣмъ, что далъ о себѣ дурное впечатлѣніе человѣку благородному и отдалъ себя на осужденіе человѣка умнаго». — Доза лести аккуратно была отмѣрена по моему собственному рецепту; я не могъ не принять ее — и, возвративъ Mons. Dessein его поклонъ, безъ дальнѣйшихъ околичностей мы отправились вмѣстѣ смотрѣть его каретный магазинъ. —

На улицѣ.

Кале.

Нашъ свѣтъ долженъ быть очень задорный свѣтъ, когда покупатель (даже жалкой кареты) не можетъ выдти съ продавцемъ оной кончить дѣло между собою на улицу, чтобы мгновенно не упасть въ тоже самое расположеніе духа и не смотрѣть на него такими же глазами, какъ будто идетъ съ нимъ въ Hyde Park — драться на дуэль. — Что до меня касается, то такъ какъ я плохой боецъ и чувствовалъ, что не могу быть соперникомъ Mons. Dessein, я чувствовалъ въ душѣ своей тѣ же милые порывы, которые бывають при этомъ обстоятельстве. Я насквозь хотѣлъ разсмотрѣть Mons. Dessein; смотрѣлъ на него, когда онъ шелъ, въ профиль, потомъ en face, мнѣ казалось, что онъ то Жидъ, то Турокъ, мнѣ не нравился его парикъ, я вызывалъ проклятія на его голову, посылая его къ чорту. —

И все это запало мнѣ въ сердце за жалкой начеть трехъ или четырехъ Louis d'or,² которые я могъ переплатить? — «Низкая страсть!» сказалъ я, повернувшись, какъ то дѣлаетъ человѣкъ, чувство котораго мгновенно переѣнилось: — «низкая, грубая страсть! Твоя рука всегда противъ другаго человѣка, а рука другаго человѣка всегда противъ тебя».

«Избави Богъ», сказала она, поднявъ руку къ своему лбу; потому что я, повернувшись, очутился лицо съ лицомъ съ барыней, которую я видѣлъ въ разговорѣ съ монахомъ — она шла за нами, такъ что мы ее не замѣтили. —

«Разумѣется, избави Богъ», сказалъ я, предлагая ей свою руку; на ней были надѣты перчатки, открытыя на большихъ

¹ [Это совершенно верно.]

² [Луидор — золотая монета.]

и указательныхъ пальцахъ, она приняла мое предложеніе и я повелъ ее къ двери каретнаго сарая. —

Mons. Dessein пятьдесятъ разъ послалъ ключъ къ чорту, прежде чѣмъ замѣтилъ, что тотъ, съ которымъ онъ пришелъ, не былъ настоящей; мы, также какъ и онъ, съ нетерпѣніемъ ожидали, чтобы онъ отперъ; и такъ были внимательны ко всѣмъ препятствіямъ, что я продолжалъ держать ее руку, самъ не замѣчая этого, такъ что Mons. Dessein оставилъ насъ вмѣстѣ — ее рука въ моей и [съ] лицами обращенными къ дверямъ каретнаго сарая, — сказавъ, что онъ вернется черезъ пять минутъ. —

Разговоръ пятиминутной въ такомъ положеніи стоитъ много другихъ разговоровъ; ежели бы лица наши были обращены на улицу, въ этомъ послѣднемъ случаѣ разговоръ зависѣлъ бы отъ наружныхъ предметовъ и обстоятельствъ; но съ взорами, устремленными на одну неподвижную точку, разговоръ зависѣлъ отъ насъ самихъ. — Минутное молчаніе послѣ того, какъ Mons. Dessein оставилъ насъ, могло быть пагубно для этого положенія — она бы непремѣнно отвернулася; итакъ я сейчасъ же началъ разговоръ. —

Какія были искушенія (такъ какъ я пишу не для того чтобы извинять слабости моего сердца) въ этомъ путешествіи, будетъ описано съ тою же простотою, съ какою я ихъ чувствовалъ. —

Дверь каретнаго сарая.

Кале.

Когда я сказалъ читателю, что я не вышелъ изъ *désobligeante*, потому что видѣлъ монаха въ разговорѣ съ барыней, только что приѣхавшей въ гостинницу, я сказалъ правду — но не всю правду; потому что я былъ удержанъ отъ этого столько же и лицомъ самой барыни. Подозрѣніе пробѣжало въ моей головѣ; и я сказалъ [себѣ]: онъ рассказывалъ ей, что случилось; что то во мнѣ говорило это, я желалъ, чтобы монахъ былъ въ своемъ монастырѣ. —

Когда сердце летитъ впередъ разсужденія, оно спасаетъ разсудокъ отъ цѣлаго міра страданій. Я былъ убѣжденъ, что она изъ лучшаго разряда существъ, и больше о ней не думалъ и писалъ свое предисловіе. —

Это впечатлѣніе возвратилось опять послѣ встрѣчи моей съ ней на улицѣ; сдержанная свобода въ обращеніи, съ которой она подала мнѣ руку, показывала въ ней, какъ я полагалъ, хорошее воспитаніе и здравый смыслъ; и когда я вель ее, я чувствовалъ какою то пріятною нѣжностью около ея, которая успокоила мою душу. —

Боже милостивой! ежели бы могъ человѣкъ провести такое созданіе вокругъ свѣта!

Я еще не видалъ ея лица, но этого и нужно не было, потому что прежде, чѣмъ мы подошли къ двери каретнаго сарая, во-

ображеніе окончательно нарисовало мнѣ ея голову, и забавлялось представлять мнѣ ея какъ богиню, которую я самъ вытащилъ изъ Тибра. Ахъ ты, соблазненная и соблазнительная плутовка, хотя семь разъ въ день обманываешь насъ своими образами и картинами, но ты дѣлаешь это такъ прелестно и покрываешь свои картины такими плѣнительными красками, что стыдно ссориться съ тобою. —

Когда мы подошли къ двери каретнаго сарая, она отняла руку отъ лба и я могъ видѣть оригиналь: по лицу ей было около двадцати шести; она была брюнетка съ бѣлымъ и прозрачнымъ цвѣтомъ лица, одѣта была просто, безъ румянъ и пудры; она не была, критически разбирая, прекрасна, но въ ней было что то, что въ состояніи ума, въ которомъ я находился, привязывало меня къ ней болѣе — она была интересна. Я воображалъ, что она во взглядѣ носитъ вдовствующее выраженіе и что она находится въ томъ положеніи, когда прошли уже два пароксизма горести и она начинаетъ мириться съ своей потерей; но тысячи другаго рода несчастій могли провести тѣ же черты; я желалъ знать, какъ это было, и готовъ былъ спросить, ежели бы *bon ton*¹ разговора, какъ въ дни Эдры, позволилъ бы это: «Что тебя беспокоитъ? И что тревожитъ? И почему разстроены твои мысли?» Однимъ словомъ, я чувствовалъ къ ней расположеніе, рѣшился волочить за ней и даже предложить ей свои услуги. Таковы были мои искушенія, и въ расположеніи слѣдовать имъ я былъ оставленъ одинъ съ этой барыней, ея рука въ моей и [съ] лицами обращенными къ двери каретнаго сарая болѣе, чѣмъ то было положительно необходимо. —

Дверь каретнаго сарая.

Кале.

Belle dame,² сказалъ я, поднявъ ея руку нѣсколько выше, чѣмъ прежде: «конечно это одно изъ очень причудливыхъ дѣйствій фортуны: взять двухъ совершенно постороннихъ людей, свести ихъ рука съ рукой, можетъ быть, изъ противоположныхъ угловъ свѣта и въ одно мгновеніе поставить ихъ въ такое положеніе, въ которомъ самая дружба, ежели бы ей вздумалось это сдѣлать за мѣсяцъ тому назадъ, едва ли успѣла [бы] ихъ поставить. —

— И ваше замѣчаніе показываетъ, *Monsieur*, въ какое затрудненіе привело васъ это приключеніе. Какое бы ни было положеніе, ничего нѣтъ неумѣстнѣе, какъ разсматривать обстоятельства, которыя сдѣлали его такимъ; вы благодарили судьбу и дѣлали прекрасно — сердце само знало это и было довольно; и только Англичкой философъ можетъ анализировать

¹ [хороший тон]

² [Прекрасная дама,]

такое положеніе и запутаться въ разсужденіяхъ о немъ». Сказавъ это, она высвободила руку съ такимъ взглядомъ, который казался мнѣ достаточнымъ коментаріемъ къ тексту. —

Я дамъ дурное понятіе о своей слабости, сказавъ, что сердце мое при этомъ страдало болѣе, чѣмъ при случаяхъ, дѣйствительно заслуживающихъ этого. — Я былъ сильно оскорбленъ потерей ея руки и то, какимъ образомъ это случилось, не облегло рана. —

О, никогда въ жизни я не чувствовалъ больше страданій отъ сознанія своего униженія! Но торжество истинно женскаго сердца послѣ такого рода неудачъ бываетъ не продолжительно. — Черезъ пять секундъ она положила свою руку на рукавъ моего фрака, какъ будто желая продолжать свой отвѣтъ, и, Богъ знаетъ, какимъ образомъ, но я сталъ опять въ прежнее положеніе. —

Ей нечего было прибавлять.

Я началъ прискивать другаго рода разговоръ, судя по тому, который я съ ней имѣлъ, что я обманулся въ ея характерѣ, но, повернувшись лицомъ ко мнѣ, выраженіе, которое одушевляло ея отвѣтъ, уже исчезло. Мускулы лица опустились и я нашелъ выраженіе того же безпріютнаго горя, которое и прежде заинтересовало меня. — Какъ грустно видѣть такое нѣжное существо добычею печали! Я отъ души соболѣзновалъ ей. Можетъ быть, это покажется довольно смѣшнымъ жесткому сердцу, но я бы принялъ ее въ свои объятія и, не краснѣя крѣпко, прижалъ бы къ сердцу, хотя это было на улицѣ. —

Біеніе пульса въ моихъ пальцахъ увѣдомило ее о томъ, что во мнѣ происходило; она посмотрѣла въ землю, и нѣсколько минутъ мы молчали. —

Боюсь вспомнить, но, кажется, я дѣлалъ легкія усилія, чтобы сжать крѣпче ея руку, потому что по тонкому ощущенію я замѣтилъ въ ладони своей руки не то чтобы стремленіе вырвать свою руку, но какъ будто ей это приходило на мысль. И я вѣрно потерялъ бы ее въ другой разъ, ежели бы, болѣе инстинктъ чѣмъ разсудокъ, не указалъ мнѣ на послѣднее средство въ такого рода опасностяхъ — держать ее такъ легко и свободно, какъ будто я готовъ былъ выпустить всякую минуту и по собственному побужденію; итакъ она оставила ее до тѣхъ поръ, пока Mons. Desein воротился съ ключемъ; и въ то же время я сталъ разсуждать, какимъ образомъ преодолѣть дурное обо мнѣ мнѣніе, которое могъ возбудить въ ней разсказъ монаха, ежели онъ передалъ ей все. —

Табакерка.

Кале.

Когда эта мысль пробѣжала въ моей головѣ, бѣдный старикъ монахъ былъ отъ меня шагахъ въ шести и шелъ по направленію

къ намъ, какъ видно было, съ нерѣшительностью, подойти ли къ намъ или нѣтъ?

Подойдя къ намъ съ видомъ добродушной откровенности, онъ остановился и подалъ мнѣ открытую роговую табакерку, которая была въ его рукѣ. — «Попробуйте моего», сказала я, вынимая свою и подавая ему (у меня была маленькая черепаховая). «Превосходный табакъ», сказалъ монахъ. — Сдѣлайте мнѣ одолженіе, — отвѣчалъ я: «примите эту табакерку съ табакомъ и, когда будете нюхать изъ нея, вспоминайте иногда, что это былъ знакъ примиренія человѣка, который поступилъ дурно съ вами, но не по влеченію сердца».

Бѣдный монахъ покраснѣлъ, побагровѣлъ. — «Mon Dieu», сказалъ онъ соединивъ руки: «вы со мною никогда дурно не поступали».

— Я тоже такъ думаю, сказала барыня. Теперь былъ мой чередъ покраснѣть, но что заставило меня краснѣть, пусть разберутъ тѣ, которые любятъ анализировать.

«Извините меня, сударыня», отвѣчалъ я: «я обошелся съ нимъ очень дурно; и безъ всякой причины». — «Это не можетъ быть», сказала барыня. — «Боже мой!» вскричалъ монахъ съ жаромъ подтвержденія, котораго я не подозрѣвалъ въ немъ: «я былъ виноватъ своимъ неумѣстнымъ усердіемъ». Барыня опровергала это, а я подтверждалъ, что невозможно, чтобы такой правильный умъ какъ его, могъ оскорбить кого бы то ни было. Я до тѣхъ поръ, пока не почувствовалъ, не подозрѣвалъ, чтобы споръ могъ такъ пріятно дѣйствовать на нервы и успокаивать ихъ. — Мы молчали, но не испытывали того бессмысленнаго страданія, которое испытываешь въ обществѣ, ежели въ продолженіи десяти минутъ смотрятъ другъ другу въ глаза, не говоря ни слова. — Во время этаго молчанія монахъ тёръ свою табакерку рукавомъ своей рясы; и какъ скоро посредствомъ тренія она пріобрѣла видъ болѣе свѣтлый, сдѣлалъ мнѣ низскій поклонъ и сказалъ, что поздно разсуждать о томъ, что ввело насъ въ противорѣчіе: доброта или слабость нашихъ сердець; но, какъ бы то ни было, онъ просилъ, чтобы мы помѣнялись табакерками; говоря это, одной рукой онъ подалъ мнѣ свою, другой взялъ мою; и, поцѣловавъ ее, съ удивительно добрымъ взглядомъ, положилъ ее за пазуху и удалился. —

Я сохраняю эту табакерку, она помогаетъ религіи возвышать мою душу и устремлять желанія ея на лучшее. — Въ самомъ дѣлѣ, я рѣдко выхожу безъ нее; она мнѣ часто и во многихъ случаяхъ напоминала о томъ, кто такъ былъ добръ и умѣренъ, и направляла мою душу къ добру въ трудныхъ случаяхъ жизни. Онъ много встрѣчалъ ихъ, какъ я послѣ узналъ изъ его исторіи; почти до сорока пяти-лѣтняго возраста онъ несъ военную службу, за которую былъ дурно вознагражденъ, и, встрѣтивъ въ то же время неудачи въ нѣжнѣйшей изъ страстей, онъ покинулъ вмѣстѣ мечъ и женщинъ и сдѣлалъ

себѣ убѣжище не столько изъ монастыря, какъ изъ самаго себя. —

Мнѣ грустно становится, прибавляя, что въ послѣдній мой проѣздъ черезъ Кале на вопросы мои о отцѣ Лаврентіѣ, мнѣ отвѣтили, что онъ умеръ тому назадъ около трехъ мѣсяцевъ и похороненъ не въ своемъ монастырѣ, а, сообразно съ его желаніемъ, на маленькомъ кладбищѣ, принадлежащемъ къ монастырю, въ двухъ верстахъ отъ него. Я имѣлъ сильное желаніе видѣть, гдѣ его положили, и когда я вынулъ на его могилѣ его табакерку и вырвалъ одну или двѣ крапивы, которыя Богъ знаетъ зачѣмъ тутъ росли, все это такъ разчувствовало меня, что я залился слезами; но я нѣженъ какъ женщина; прошу свѣтъ не осмѣять, а пожалѣть меня. —

Дверь каретнаго сарая.

Кале.

Я все это время не выпускалъ руки барыни; я уже держалъ ее такъ долго, что было бы неприлично выпустить ее, не прижавъ прежде къ губамъ: въ то время, какъ я это сдѣлалъ, краска, которая, казалось, пропала съ ея лица, возвратилась опять. —

Два путешественника, которые говорили со мною на каретномъ дворѣ, проходя въ эту критическую минуту мимо, вообразили себѣ, что мы, по крайней мѣрѣ, мужъ съ женою; и такъ, остановившись у двери каретнаго сарая, одинъ изъ нихъ, который былъ *любопытной путешественникъ*, спросилъ насъ, ѣдемъ ли мы въ Парижъ слѣдующее утро.

«Я могу только отвѣчать за себя», сказалъ я; а барыня отвѣчала, что она ѣдетъ въ Аміенъ.

— Мы тамъ обѣдали вчера, — сказалъ *простой путешественникъ*.

— «Вы проѣдете черезъ городъ по дорогѣ въ Парижъ», прибавилъ другой. — Я готовъ уже былъ принести ему всю признательность за наставленіе, что Аміенъ по дорогѣ къ Парижу, но, вынувъ маленькую роговую табакерку бѣднаго монаха, чтобы понюхать, я имъ спокойно поклонился, пожелавъ хорошаго переѣзда въ Дувръ. Они насъ оставили однихъ.

— «Что за бѣда», сказалъ я самъ себѣ: «ежели я попрошу эту несчастную барыню принять мѣсто въ моей каретѣ. И какое можетъ воспослѣдовать отъ этого несчастіе?»

Всѣ подлыя страсти и дурныя наклонности подняли тревогу, когда я выразилъ это предложеніе: — «Это заставитъ васъ имѣть третью лошадь», сказала *скупость*, «значитъ, изъ кармана двадцать ливровъ». — «Вы не знаете, кто она такая», сказала *недовѣрчивость*. «И мало ли какія могутъ изъ этаго дѣла выдти неприятности», сказала *подлость*. — «Вы можете быть увѣрены, Иорикъ», сказала *предусмотрительность*:

«скажутъ, что вы ѣдете съ любовницей, съ которой нарочно съѣхались въ Кале». — «Послѣ этого вамъ нельзя будетъ лица на свѣтъ показать», сказала *лицемѣріе*; «и вы никогда не выситесь въ церковныхъ степеняхъ», говорило *малодушіе*; «а останетесь навсегда ничтожнымъ пасторомъ», говорила *гордость*. —

«Это дѣло учтивости», говорилъ я; но такъ какъ я дѣйствую всегда по первому впечатлѣнію и рѣдко слушаю всѣ эти толки, которые только служатъ къ тому, чтобы портить сердце и дѣлать его черствымъ, я тотчасъ повернулся къ барынѣ. —

Но она незамѣтно удалилась отъ меня и сдѣлала уже десять или двѣнадцать шаговъ по улицѣ въ то время, какъ разбиралось ея дѣло и какъ я рѣшался; и такъ я пошелъ скоро за нею, чтобы сдѣлать ей предложеніе наилучшимъ образомъ, но, замѣтивъ, что она ходила, приложивъ ладонь къ щекамъ, тихими и коротко-мѣрными шагами задумчивости, опустивъ притомъ глаза внизъ, я предположилъ, что она обдумывала тотъ же самый предметъ. — «Боже, помоги ей», сказалъ я: «вѣрно у ней есть свекровь или какая нибудь тетушка-тартюфъ, или какая нибудь набожная старушка, съ которой она хочетъ посоветоваться въ этомъ случаѣ столько же, сколько и со мною»; не желая прерывать этотъ процессъ и полагая, что будетъ учтивѣе приступить къ этому дѣлу съ умѣренностью, чѣмъ съ поспѣшностью, я обернулся и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ передъ дверью сарая, въ то время, какъ она ходила, разсуждая съ своей стороны. —

На улицѣ.

Кале.

При первомъ взглядѣ на эту барыню рѣшивъ въ своемъ воображеніи, что она была одно изъ превосходнѣйшихъ существъ въ этомъ мірѣ, и потомъ выведя вторую аксіому, столько же неоспоримую, какъ и первую, что она была вдова и носила на себѣ отпечатокъ печали, я не пошелъ далѣе, а остановился на томъ предположеніи, которое мнѣ нравилось; и ежели бы она пробыла со мною до полночи, я бы остался вѣренъ своей системѣ и продолжалъ бы смотрѣть на нее сообразно съ этой общей идеей. —

Но только что она отошла шаговъ на двадцать отъ меня, мнѣ почему то стало желательно узнать о ней подробнѣе — я представилъ себѣ долгую разлуку — можетъ случиться, что я больше не увижу ее — сердце старается удержать, что можетъ; и я искалъ средства найти ее, ежели бы потерялъ. Однимъ словомъ, я желалъ узнать: ея имя, фамилію и положеніе въ свѣтѣ; и такъ какъ я зналъ, куда она ѣдетъ, я желалъ знать, откуда она; но не было средствъ дойти до этихъ свѣдѣній; тысяча мелкихъ деликатностей препятствовали этому. Я со-

ставлялъ двадцать различныхъ плановъ, но не было возможно спросить у нее прямо — этаго нельзя было сдѣлать. —

Маленькой Французской довольно благовидный капитанъ, который припрыгивая шелъ по улицѣ, доказалъ мнѣ, что сдѣлать это было очень легко. Находясь между нами именно въ то время, какъ барыня возвращалась назадъ къ двери сарая, онъ отрекомендовался мнѣ и прежде чѣмъ даже это хорошенько сдѣлалъ, попросилъ меня, чтобы я сдѣлалъ ему честь представить его этой барынѣ.

«Я самъ еще не былъ представленъ».

Тотчасъ же, повернувшись также ловко къ ней, онъ спросилъ у нея, не изъ Парижа ли она ѣдетъ?

«Нѣтъ, но я ѣду по этой дорогѣ», отвѣчала она.

«Vous n'êtes pas de Londres?»¹

Она отвѣчала, что нѣтъ.

«Стало быть, вы ѣдете изъ Фландріи. Apparement vous êtes Flamande»,² сказалъ французскій капитанъ. Барыня отвѣчала, что это дѣйствительно такъ. «Peut-être de Lilles?»³ прибавилъ онъ. Она отвѣчала, что она не изъ Лилля.

«И не изъ Арраса? И не изъ Камбри? И не изъ Гента? И не изъ Брюсселя?» Она отвѣчала, что она была изъ Брюсселя. —

Онъ сказалъ, что въ послѣднюю войну онъ имѣлъ честь быть при бомбардировкѣ этого города и что этотъ городъ прекрасно расположенъ *roug cels*,⁴ и онъ былъ наполненъ дворянами, когда имперіалисты были выгнаны оттуда Французами (барыня слегка наклонила голову); и давъ подробный отчетъ ей объ этомъ дѣлѣ и объ участіи, которое онъ принималъ въ немъ, онъ просилъ ее сдѣлать ему честь сказать свое имя — и поклонился. *Et madame a son mari?*⁵ сказалъ онъ оглядываясь, пройдя уже два шага — и не дожидаясь отвѣта, продолжалъ припрыгивать по улицѣ. —

Ежели бы я семь лѣтъ учился искусству свѣтскаго обращенія, я бы никогда такъ не умѣлъ поступить. —

Каретный сарай.

Кале.

Когда маленькой французской капитанъ оставилъ насъ, Mons. Desein воротился съ ключемъ и ввелъ насъ въ свой каретный магазинъ. —

Первый предметъ, который бросился мнѣ въ глаза, когда Mons. Desein отворилъ дверь сарая, была другая старая *désobligeante*; и хотя она была какъ двѣ капли воды похожа на

¹ [Вы не изъ Лондона?]

² [Очевидно, вы фламандка,]

³ [Можетъ быть изъ Лилля?]

⁴ [для этого,]

⁵ [А госпожа замужемъ?]

ту, которая мнѣ такъ понравилась на каретномъ дворѣ часъ тому назадъ, видъ ея теперь возбудилъ во мнѣ непріятное впечатлѣніе, и я думалъ: какой долженъ былъ быть грубый и необщезителный человѣкъ тотъ, который первый придумалъ соорудить такую машину; я нисколько не лучше думалъ и о тѣхъ, которые рѣшались употреблять ее. —

Я замѣтилъ, что барыня она нравилась также мало, какъ и мнѣ, итакъ Mons. Dessein повелъ насъ къ парѣ другихъ каретъ, которыя стояли около; онъ рассказывалъ намъ, рекомендуя ихъ, что они были заказаны лордами А. и В. для grand tour,¹ но не ѣздили дальше Парижа и поэтому во всѣхъ отношеніяхъ сколько новы, столько и хороши. — «Они слишкомъ хороши». И я перешелъ къ третьей, которая стояла сзади, и спросилъ о цѣнѣ. — «Но въ ней не могутъ помѣститься двое», сказалъ я, отворивъ дверцу и взойдя въ нее. — «Будьте столь добры, сударыня», сказалъ Mons. Dessein, предлагая ей руку. Барыня полсекунды была въ нерѣшительности и вошла въ карету; но такъ какъ въ это самое время сторожъ вызывалъ Mons. Dessein, желая говорить о чемъ-то съ нимъ, онъ затворилъ за нами дверцу кареты и оставилъ насъ. —

Каретный сарай.

Кале.

«C'est bien comique, это очень смѣшно», сказала, улыбаясь, барыня отъ замѣчанія, что во второй разъ по самому простому случаю мы были оставлены вмѣстѣ. — C'est bien comique, сказала она. — «Больше ничего не нужно», сказалъ я: «чтобы сдѣлать это положеніе совершенно смѣшнымъ, какъ обычай волокитства Французовъ — говорить о любви въ первую минуту и предлагать свою особу во вторую». — C'est leur fort² отвѣчала барыня.

— «По крайней мѣрѣ такъ предполагаютъ; но какимъ образомъ это мнѣніе утвердилось, я не понимаю; однако они пріобрѣли репутацію народа, понимающаго лучше любовь и любящаго больше всѣхъ другихъ народовъ. Что до меня касается, то я полагаю Французовъ не ловкими въ этомъ дѣлѣ и худшими стрѣлками, которые когда либо испытывали терпѣніе Купидона. Какъ можно повѣрить, что они умѣютъ любить? Скорѣе я повѣрю, что можно сдѣлать приличное платье изъ оставшихся лоскутовъ. Вдругъ, съ перваго взгляда, открываясь въ любви и предлагая свои услуги и свою особу, они тѣмъ самымъ отдаются на разсмотрѣніе еще не разгоряченному уму». —

Барыня слушала меня, какъ будто ожидая чего то еще. —

¹ [большого путешествія,]

² [В этомъ они сильны]

«Обратите вниманіе, сударыня», сказалъ я ей, положивъ свою руку на ея: «Люди важные ненавидятъ любовь за ея имя; самолюбивые люди ненавидятъ любовь потому, что любятъ сами себя больше всего на свѣтѣ; лицомѣры какъ будто предпочитаютъ любви земной любовь къ Богу. Но, по правдѣ сказать, мы всѣ отъ стара до мала больше напуганы, чѣмъ оскорблены этой страстью. Какъ бы человекъ ни былъ бѣденъ познаніями въ этой отрасли обращенія, всетаки съ устъ его сорвется слово любви только послѣ часу или двухъ молчанія, въ продолженіи котораго молчаніе это сдѣлалось для него мученіемъ. Послѣдовательность легкихъ и спокойныхъ внимательностей, такъ направленныхъ, чтобы они не встревожили, не такъ неопредѣленныхъ, чтобы они не были поняты, съ нѣжнымъ взглядомъ, время отъ времени и рѣдко, или никогда не говоря о этомъ предметѣ, оставить вашей любви свободу дѣйствовать сообразно съ природными влеченіями; и природа сама настроитъ ее душу».

— «Итакъ, я торжественно объявляю», сказала покраснѣвъ барыня: «что вы все это время не переставали волочиться за мною». —

Каретный сарай.

Кале.

Mons. Desein возвратился, выпустивъ насъ изъ кареты и объявилъ [дамѣ], что Графъ Л., ея братъ, только что пріѣхалъ въ гостиницу. Хотя я былъ безконечно доброжелателенъ къ этой [дамѣ], но не могу сказать, чтобы случаю этому порадовалось мое сердце, и я не могъ удержаться, чтобы не сказать ей этого; «потому что это обстоятельство пагубно, сударыня», сказалъ я: «одному предложенію, которое я намѣренъ былъ вамъ сдѣлать». — «Совсѣмъ не нужно рассказывать мнѣ, какое было это предложеніе», сказала она, положивъ одну руку въ мою и прерывая меня: «Когда мужчина имѣетъ въ виду сдѣлать какое нибудь любезное предложеніе женщинѣ, рѣдко бываетъ, чтобы женщина нѣсколько минутъ прежде не имѣла предчувствія о немъ». —

— «Природа вооружила женщину этимъ предчувствіемъ», сказалъ я: «какъ средствомъ предохранительнымъ». — «Но я думаю», сказала она, посмотрѣвъ мнѣ въ лицо: «мнѣ нельзя было ожидать ничего дурнаго и, сказать вамъ правду, я рѣшилась принять ваше предложеніе. Ежели бы это было (она оставила одну минуту), я полагаю, ваше расположеніе заставило бы меня рассказать вамъ исторію о себѣ, которая возбудила бы лишь одно опасное чувство въ васъ во время путешествія — состраданіе». — Сказавъ это, она позволила мнѣ поцѣловать ея руку два раза и съ взглядомъ, въ которомъ выражалось столько чувствительности, сколько и нѣжности, она вышла изъ кареты, и сказала adieu. —

На улицѣ.

Кале.

Я никогда въ жизни не кончалъ такъ скоро двѣнадцати гвинейнаго торга; время казалось мнѣ тяжело послѣ разлуки съ барыней, и каждая минута казалась мнѣ за двѣ; это продолжалось до тѣхъ поръ, пока я не привелъ себя въ движеніе — я заказалъ сейчасъ же почтовыхъ лошадей и пошелъ въ отель.—

«Боже!» сказалъ я, услыхавъ, какъ городскіе часы били четыре, [и] вспоминая, что я былъ только немного больше часу въ Кале. «Цѣлый томъ приключеній можетъ вывести изъ этаго маленькаго времени жизни человѣкъ, сердце котораго сочувствуетъ каждой вещи, и который имѣетъ глаза, чтобы видѣть тѣ вещи, которыя судьба безпрестанно разставляетъ на его пути, и который не пропускаетъ къ тому случаевъ. Пишу ли я съ пользою — или то сдѣлаетъ лучше другой — что за дѣло — это опытъ надъ человѣческой природой; я работаю для себя, и довольно: удовольствіе, которое я чувствую при этомъ, возбуждаетъ мои способности, лучшую часть моей крови, и усыпляетъ большую худшую часть. Я жалѣю о томъ человѣкѣ, который, путешествуя отъ Дана до Бершебы, можетъ восклицать: все пусто! — и дѣйствительно оно такъ. Весь свѣтъ таковъ для того, который не обрабатываетъ плоды, которые онъ представляетъ». — «Я объявляю», сказалъ я, нѣжно соединивъ руки: «что я въ пустынѣ нашелъ бы предметы, которые вызвали бы мою чувствительность; ежели бы я не нашелъ лучше, я бы устремилъ ее на какую нибудь нѣжную мирту, отыскалъ бы грустный кипрусъ, чтобы соединиться съ нимъ — я бы благословлялъ ихъ тѣнь и нѣжно благодарилъ бы ихъ за ихъ покровительство — я бы вырѣзалъ свое имя на нихъ; и клялся бы, что они — любезнѣйшія деревья всей пустыни; я вмѣстѣ съ ними грустилъ бы, когда они теряли бы свою зелень, и когда они станутъ радоваться, я буду радоваться вмѣстѣ съ ними. Ученый Смелъфунгусъ¹ путешествовалъ отъ Болоніи до Парижа — отъ Парижа до Рима и т. д., но онъ выѣхалъ съ сплинномъ и разлитой желчью, и всякой предметъ казался ему безцвѣтнымъ и безобразнымъ; онъ написалъ отчетъ своего путешествія, но это не былъ отчетъ его путешествія, а отчетъ о его несчастныхъ и дурныхъ чувствахъ. Я встрѣтилъ Смелъфунгуса въ большомъ Portico Пантеона, онъ только что выходилъ изъ него. «Это больше ничего, какъ удобное мѣсто для пѣтушинаго боя», сказалъ онъ. — «Я желалъ бы», сказалъ я: «чтобы вы ничего хуже не сказали про Венеру Медицискую», потому

¹ Смелъфунгусъ: Smollet, авторъ Исторіи Англіи и нѣсколькихъ пѣсень. Во время своего путешествія его здоровье находилось въ такомъ дурномъ положеніи, что ничто не могло доставлять ему удовольствія. —

что, проѣзжая черезъ Флоренцію, я слышалъ, что онъ напалъ на эту Богиню и обошелся съ нею, какъ съ самою непотребною женщиною, безъ малѣйшей къ тому причины. — Я опять нечаянно встрѣтилъ Смелъфунгуса около Турина, когда онъ возвращался изъ своихъ дальнихъ странствованій. У него была цѣлая куча печальныхъ приключеній, которыя онъ рассказывалъ; *онъ въ нихъ говорилъ о приключеніяхъ на морѣ и на сушѣ — о канибалахъ, которые другъ друга съдаютъ — антропофагахъ*¹ — онъ былъ живой обдираемъ и его мучили и съ нимъ поступали хуже, чѣмъ съ Св. Варфоломеемъ, во всякой гостинницѣ, въ которой останавливался. —

«Я объявлю это всему свѣту», вскричалъ Смелъфунгусъ. — «Лучше бы вамъ объявить это своему доктору», сказалъ я. —

Мундунгусъ² съ огромнымъ состояніемъ сдѣлалъ весь кругъ, путешествуя изъ Рима въ Неаполь, изъ Неаполя въ Венецію, изъ Венеціи въ Вѣну, въ Дрезденъ, въ Берлинъ, не почерпнулъ ни одного великодушнаго разсказа или веселаго анекдота, но онъ путешествовалъ прямо, не смотря ни направо, ни налѣво, чтобы любовь или состраданіе не заставили его свернуть съ пути.

Но миръ имъ, ежели они его достойны. Само небо, ежели бы можно было проникнуть въ него, не доставило бы имъ предметовъ утѣшенія. — Каждый добрый духъ прилеталъ бы на крыльяхъ любви радоваться ихъ пріѣзду, души Смелъфунгуса и Мундунгуса ничего бы не слышали, кромѣ свѣжихъ гимновъ радости, свѣжихъ и восхитительныхъ пѣсенъ любви, и свѣжихъ хваленій общаго блаженства. Я душевно жалѣю о этихъ людяхъ: они не имѣютъ способности наслаждаться; и ежели лучшая доля блаженства на небѣ досталась бы Смелъфунгусу и Мундунгусу, они бы были такъ далеки отъ счастья, что продолжали бы и тамъ жаловаться и роптать въ продолженіи цѣлой вѣчности. —

Монтрель.³

Разъ чемоданъ мой отвязался сзади кареты и упалъ, другой разъ я въ дождикъ принужденъ былъ вылѣзть и по колѣно въ грязи помогать ямщику привязывать его; и все я не могъ догадаться, чего у меня не доставало. — Но когда я пріѣхалъ въ Монтрель, и хозяинъ гостинницы спросилъ у меня, не нужно ли мнѣ слугу, только тогда я догадался, что именно его-то мнѣ и не доставало. —

«Слугу? Это я сдѣлаю», сказалъ я.

«Потому что, Monsieur», сказалъ хозяинъ, «здѣсь есть одинъ

¹ Часть рѣчи Отелло къ сенату, въ одной изъ трагедій Шекспира.

² Извѣстный въ то время хирургъ Шарпъ, предпринявшій свое путешествие въ весьма преклонныхъ лѣтахъ.

³ *Здесь прекращается копія и начинается автографъ.*

расторопный и молодой малый, который бы гордился честью быть въ услуженіи у англичанина».

«Почему у англичанина скорѣе, чѣмъ у другаго?»

«Потому что они очень великодушны», сказалъ хозяинъ.

«Вѣрнѣе смерти, что это мнѣ будетъ стоить лишній livre¹ въ эту ночь», сказалъ я самъ себѣ.

«Но они имѣютъ средства быть такими», прибавилъ онъ.

«На это еще нужно накинуть livre», подумалъ я.

— Только прошлую ночь, сказалъ хозяинъ: un mylord Anglais présentait un écu à la fille de chambre.

— Tant pis pour Mademoiselle Jeanneton,² сказалъ я. —

Такъ какъ Jeanneton была хозяйская дочка и хозяинъ полагалъ, что я недавно во Франціи, то онъ позволилъ себѣ вольность объяснить мнѣ, что мнѣ не надо было сказать: tant pis, а tant mieux. «Tant mieux, toujours, Monsieur»,³ сказалъ онъ: «когда есть что нибудь хорошаго; и tant pis, когда нѣтъ ничего хорошаго». — «Оно такъ и приходится», сказалъ я. — «Par-donnez moi»,⁴ сказалъ хозяинъ.

Я не могу найди болѣе удобнаго случая, чтобы замѣтить разъ навсегда, что такъ какъ: tant pis и tant mieux суть двѣ изъ главныхъ пружинъ французскаго разговора, то не худо бы было каждому иностранцу, прежде чѣмъ ѣхать въ Парижъ, привыкнуть правильно употреблять ихъ. —

Одинъ бойкой французской Маркизь, за обѣдомъ у англійскаго посланника, спросилъ у Mister Hume⁵ онъ ли — поэтъ Hume? — «Нѣтъ», отвѣчалъ скромно Hume. — Tant pis, возразилъ Маркизь.

«Это Hume — историкъ» сказалъ кто-то. «Tant mieux», сказалъ Маркизь. Такъ [какъ] Mister Hume человѣкъ съ очень добрымъ сердцемъ, то онъ поблагодарилъ какъ за то, такъ и за другое. —

Хозяинъ, растолковавъ мнѣ это дѣло, позвалъ La Fleur'a — такъ звали молодого человѣка, про котораго онъ мнѣ говорилъ, и сказалъ мнѣ впередъ, что про его таланты онъ ничего сказать не можетъ: «Monsieur», прибавилъ онъ: «самъ увидить, для чего можно будетъ употребить его». — Что же касается до вѣрности La Fleur, то онъ отвѣчалъ всѣмъ на свѣтѣ. —

Хозяинъ это сказалъ такъ убѣдительно, что я тотчасъ же приступилъ къ дѣлу; и La Fleur, которой стоялъ, дожидаясь за дверью въ безпокойномъ ожиданіи, которое испыталъ каждый смертный въ своей жизни, взоше[лъ].

¹ [Ливр — старое название франка.]

² [англійскій лордъ подарилъ горничной три франка. Темъ хуже для Жанетты,]

³ [темъ хуже, темъ лучше. Темъ лучше, всегда, господин,]

⁴ [Простите,]

⁵ Имя историка Hume, поэта Номе.

Монтрѣль.

Я имѣю способность получить пристрастіе съ перваго взгляда на человѣка; особенно же, когда какой нибудь бѣдняга приходитъ предлагать свои услуги такому бѣднягѣ, какъ я самъ; такъ какъ я знаю эту слабость, то я въ такомъ случаѣ всегда стараюсь разсужденіемъ умѣрять это пристрастіе — болѣе или менѣе смотря по тому расположенію духа, въ которомъ я нахожусь, я долженъ прибавить, что это зависитъ также отъ полу лица, съ которымъ я имѣю дѣло.¹ —

Когда La Fleur взошелъ въ комнату, несмотря на разсужденіе, которое я сдѣлалъ, его простодушное лицо и взглядъ тотчасъ же расположили меня въ его пользу; итакъ я нанялъ его прежде, а потомъ сталъ спрашивать, что онъ умѣетъ дѣлать. «Но я открою его таланты, когда они мнѣ понадобятся — не надо. Французъ способенъ на все», сказалъ я. — Но бѣдный La Fleur ничего не умѣлъ дѣлать, исключая какъ бить барабанъ и сыграть маршъ или два на флейтѣ. — Однако я рѣшился употребить его таланты, и могу сказать, что никогда мое благоразуміе такъ горько не смѣялось надъ моей слабостью. —

La Fleur началъ жить рано и также доблестно, какъ и всѣ французы — онъ служилъ нѣсколько лѣтъ. Наконецъ, удовлетворивъ этому чувству и найдя, что кромѣ чести бить барабанъ, которой онъ вполнѣ достигнулъ, не могъ выиграть ничего больше, и не имѣя надежды прославиться, онъ удалился à ses terres² и жилъ comme il plaisait à Dieu³ — т. е. ничѣмъ. —

«Итакъ», сказала *благоразуміе*: «вы наняли барабанщика, что[бы] сопутствовать вамъ въ вашемъ путешествіи черезъ Францію и Италію». «Фа!» сказалъ я: «а развѣ половина людей нашего средняго сословія не дѣлали того-же круга, имѣя глупцовъ и крикуновъ компаніонами и еще сверхъ того принуждены были платить за это удовольствіе?»⁴

Недурно, когда человѣкъ можетъ выпутаться изъ такого непріятнаго положенія экивокой. — «Но вы и еще что нибудь умѣете дѣлать, La Fleur?» спросилъ я. — O qu'oui!⁵ Онъ умѣлъ дѣлать щелеты и играть немного на скрипкѣ. — «Браво», сказала *благоразуміе*. — Я самъ игралъ на віолончелѣ.

«Ну вы можете убрать и причесать немного парикъ, La Fleur?» — Онъ имѣлъ къ этому ревностное желаніе. «Этого довольно для Бога», сказалъ я, прерывая его: «довольно бу-

¹ Въ подлинникѣ непереводаемая игра словъ въ выраженіи «according to the mood I am». — «Mood», значитъ расположеніе духа и способъ употребленія измѣненной глагола. —

² [на свою родину]

³ [какъ угодно было богу]

⁴ Въ подлинникѣ экивока, которую передать нельзя. — Hum-drum значитъ глупецъ и громкій барабанъ, pipe флейщикъ и крикунъ. Бить барабанъ и играть на флейтѣ были два искусства La Fleur'a.

⁵ [О, да!]

деть и для меня». — Когда мнѣ принесли ужинъ и съ одной стороны моего стула лежала рѣзвая эпаньолка, а съ другой стороны стоялъ Французскій слуга съ самымъ веселымъ выраженіемъ лица, я былъ отъ всей души доволенъ своимъ владѣніемъ, и ежели бы Монархи знали, чего они желаютъ, они бы были также довольны, какъ и я. —

Монтрѣль.

Такъ какъ La Fleur сдѣлалъ со мною весь кругъ черезъ Францію и Италію и часто будетъ на сценѣ, то я, чтобы ближе познакомить читателя съ его личностью; скажу, что я никогда не имѣлъ случая раскаиваться въ необдуманнѣхъ влеченіяхъ, которыхъ располагаютъ мною, и еще менѣе въ отношеніи этого малаго. — Онъ былъ вѣренъ, привязанъ, простодушенъ и во всемъ шелъ по слѣдамъ философовъ. — И несмотря на его таланты — очень достойные сами по себѣ — но которые не могли быть для меня полезны, я всечасно былъ вознаграждаемъ постоянной веселостью его характера, — а это вознаграждаетъ всѣ недостатки. — Во всѣхъ трудностяхъ и несчастіяхъ моей жизни я находилъ опоры во взглядахъ La Fleur'a. — La Fleur былъ исключеніемъ изъ общаго правила, потому что, несмотря ни на голодъ, жажду, холодъ, наготу, недостатки, несмотря ни на какіе удары судьбы, не было никакого признака неудовольствія на его лицѣ — онъ вѣчно былъ одинаковъ; ежели я принадлежу къ числу философовъ — что часто мнѣ старается внушить лукавый — то, разсуждая о томъ, сколько разъ я былъ обязанъ практической философіи этого бѣднаго малаго, я уже не такъ горжусь своей. Вмѣстѣ съ этимъ La Fleur былъ немного хватъ — но съ перваго взгляда казался болѣе хватомъ отъ природы, чѣмъ отъ образованія, и на третій день послѣ нашего пріѣзда онъ уже вовсе пересталъ быть хватомъ. —

Монтрѣль.

На слѣдующее утро, для вступленія La Fleur'a въ свою должность, я вручилъ ему ключъ отъ моего чемодана съ реестромъ полдюжины рубашекъ и пары черныхъ шелковыхъ панталонъ, — и приказалъ ему привязать все это на чемоданъ, приготовить лошадей и попросить ко мнѣ хозяина съ счетомъ. —

C'est un garçon de bonne fortune,¹ сказалъ хозяинъ, указывая черезъ окошко на кружокъ дѣвокъ, которыя самымъ нѣжнымъ образомъ прощались съ Лафлѣромъ, въ то время какъ ямщикъ выводилъ лошадей. — Лафлѣръ у каждой два раза поцѣловалъ руки, три раза утеръ глаза и три раза общался имъ всѣмъ привести *отпущеніе грѣховъ* изъ Рима. —

¹ [Счастливыи волокита,]

«Всѣ въ городѣ его любятъ», сказалъ хозяинъ: «и нѣтъ ни одного уголка въ Монтрѣлѣ, въ которомъ бы объ немъ не пожалѣли; у него только одна есть слабость, продолжалъ онъ: «онъ вѣчно влюбленъ».

— «Я напротивъ этому очень радъ», сказалъ я: «это избавить меня отъ труда класть себѣ на ночь панталоны подъ голову».¹ Говоря это, я хвалилъ болѣе самаго себя, чѣмъ Лафлѣра; потому что такъ какъ я всю свою жизнь былъ влюбленнымъ то въ одну принцессу, то въ другую, (и надѣюсь, что до самой смерти останусь такимъ же), я твердо убѣжденъ, что ежели я сдѣлалъ какое нибудь дурное дѣло, то непременно въ промежутокъ отъ одной страсти до другой: покуда продолжается это междуцарствіе, сердце мое бываетъ заперто — я не чувствую въ себѣ въ это время даже довольно доброты, чтобы подать нищему шесть пенсовъ, поэтому я стараюсь какъ можно скорѣе выдти изъ этого положенія; и какъ скоро я опять воспаляюсь, я дѣлаюсь снова добръ и великодушенъ и ежели я желаю сдѣлать вѣщь или съ кѣмъ нибудь или для кого нибудь, которая² удовлетворяетъ меня, я не вижу въ этомъ никакого грѣха.

Говоря это, я осуждаю только страсть; но не себя.

Отрывокъ.

Городъ Абдера, несмотря на то, что въ немъ жилъ Демокритъ и употреблялъ всѣ силы ироніи для исправленія жителей его, былъ самый порочный и развратный городъ во всей Фракіи. — Сколько было тамъ отравленій, заговоровъ, убійствъ, пасквилий, буйствъ каждый день; — ночью было еще хуже. —

Въ то время какъ дѣла были въ худшемъ положеніи, случилось такъ, что въ Абдерѣ было дано представленіе Андромеды Эврипида, но изъ всѣхъ мѣстъ, которыя восхитили публику, сильнѣе всѣхъ подѣйствовала на воображенія рѣчь Персеуса, въ которой поэтъ описалъ нѣжныя черты природы: «О Купидонъ! Царь Боговъ и людей и т. д.» —

На другой день всѣ жители Абдеры говорил[и] чистыми ямбами и только и было разговора, что про патетическое воззваніе Персеуса: «О Купидонъ! Царь боговъ и людей!» Въ каждой улицѣ, въ каждомъ домѣ: «О Купидонъ, Купидонъ», въ устахъ каждаго безсознательно вырывающіеся нѣжные звуки были только: «Купидонъ! Купидонъ! Царь людей и боговъ». Огонь взялся — и весь городъ, какъ сердце одного человѣка, открылся для любви. —

Ни одинъ аптекаръ не могъ болѣе продавать яду, ни [у] одного оружейника не доставало духу сдѣлать смертоносный инструментъ. — Дружба и Добродѣтель встрѣчались и цѣло-

¹ Обыкновеніе путешественниковъ для избѣжанія воровства.

² *Зачеркнуто*: доставляетъ мнѣ удовольствіе.

вали другъ друга на улицѣ, золотой вѣкъ возвратился и продолжался въ Абдерѣ. — Каждый Абдеритянинъ, взявъ свою соломенную трубку, и каждая Абдеритянка, оставивъ свое пурпуровое тканье, вышли на дворъ и скромно сидѣли, слушая пѣніе. —

Въ отрывкѣ сказано, что сдѣлать это могъ только Богъ, власть котораго простирается отъ неба до земли и пучинъ морскихъ. —

Монтрѣль.

Когда все готово и каждая статья обсужена и заплочена въ гостинницѣ, вамъ остается окончить еще одно дѣло, которое можетъ пока[заться] нѣсколько непріятнымъ; прежде чѣмъ вы сядете въ карету, вы должны прежде этого раздѣлаться съ сыновьями и дочерьми бѣдности, которые окружаютъ васъ. Не надо говорить: «убирайтесь къ чорту». Это очень непріятное путешествіе для несчастныхъ, которые кромѣ этого перенесли много страданій. — Я полагаю гораздо лучшимъ взять нѣсколько копеекъ въ руку и совѣтоваль бы поступить такъ всякому путешественнику. Зачѣмъ стараться опредѣлять причины, по которымъ даешь имъ — это все будетъ опредѣлено въ другомъ мѣстѣ. —

Что до меня касается, то, я полагаю, нѣтъ человѣка, который бы меньше давалъ, чѣмъ я, это оттого, что я знаю мало людей, которые бы имѣли для этого меньше средствъ; но такъ какъ это было первое проявленіе моего милосердія во Франціи, то я и обратилъ на него наибольшее вниманіе. —

«Чего еще желать! у меня только и есть, что восемь копеекъ», сказалъ я, показывая ихъ рукою: «и ровно столько-же здѣсь есть бѣдныхъ мужчинъ и женщинъ, которымъ можно дать ихъ». —

Бѣдный оборванный нищій, почти безъ рубашки на тѣлѣ, вышелъ шага на два изъ круга¹ и, сдѣлавъ неописанный поклонъ всему обществу, первый началъ просить.² Ежели бы цѣлый партеръ въ одинъ голосъ закричалъ: «Place aux dames»³ все это въ половину не передало-бы того чувства уваженія къ женскому полу, которое выражало это движеніе. —

— О Великій Боже! воскликнулъ я — для чего повелѣлъ ты, чтобы нищета и учтивость, которыя обыкновенно такъ противоположны одна другой у другихъ народовъ, соединились бы вмѣстѣ у Французовъ? —

Я подаль этому бѣдняку лишнюю копѣйку за его учтивость. —

Маленькой живой карла, который стоялъ въ кругу напротивъ меня, положивъ подъ мышку что-то, бывшее прежде шляпой, досталъ табакерку изъ кармана и великодушно предлагалъ понюхать всѣмъ стоявшимъ около него: это было предложеніе

¹ Подъ словомъ *circle* въ подлинникѣ разумѣются придворные.

² Въ подлинникѣ смыслъ обратный: уступилъ свое мѣсто.

³ [Место женщинам.]

довольно значительное; потому многіе отказывались отъ него; но маленькой бѣдняга съ добродушнымъ поклономъ просилъ ихъ: Prenez-en, prenez¹ говорилъ онъ, посматривая въ другую сторону, и каждой взялъ по щепоткѣ. —

— Твоя сострадательная табакерка скоро опустѣетъ, — подумалъ я и, положивъ двѣ копейки въ нее, взялъ щепоточку табаку, чтобы придать имъ цѣну. Онъ почувствовалъ цѣну второго одолженія болѣе, чѣмъ перваго — я доставилъ ему честь этимъ, первымъ-же только милостыню; и онъ поклонился мнѣ почти до земли. —

«Вотъ!» сказалъ я старому солдату, потерявшему руку на службѣ — вотъ и тебѣ двѣ копейки — Vive le roi!² — закричалъ старый солдатъ. —

Итакъ у меня оставалось только двѣ копейки, я далъ одну pour l'amour de Dieu,³ такъ просила у меня бѣдная женщина, у которой было вывихнутое бедро, и поэтому, никакъ не могло быть, чтобы я далъ ее по какой нибудь другой причинѣ. —

«Mon cher et très charitable Monsieur». ⁴ — «Чтожъ? я не стану противорѣчить этому», сказалъ я. — «Mylord Anglais»⁵ — этотъ одинъ звукъ стоилъ денегъ и я отдалъ за него послѣднюю копейку. — Но я такъ завлекся раздаваніемъ милостыни, что просмотрѣлъ *стыдливаго нищаго*, который теперь уже не могъ получить отъ меня ни одной копейки, и который, я полагаю, скорѣе рѣшился бы погибнуть, чѣмъ попросить ее у меня; онъ стоялъ около кареты, немного внѣ круга, и отиралъ слезу, показавшуюся на его лицѣ — лицѣ, выражавшемъ, что онъ видалъ и лучшіе дни.

«Милосердный Боже!» сказалъ я: «и у меня не осталось ни одной копейки, чтобы дать ему. «Но у васъ ихъ есть тысячи!» вскричали вдругъ всѣ силы природы, зашевелившись внутри меня; итакъ я далъ ему — но сколько? — теперь мнѣ совѣстно сказать: какъ много! а тогда мнѣ было совѣстно подумать: какъ мало! Ежели читатель можетъ составить себѣ понятие о моемъ расположеніи, онъ можетъ заключить съ вѣрностью о суммѣ, которую я далъ — между однимъ ливромъ и двумя. —

Я ничего не могъ больше дать другимъ, [кромѣ] — «Dieu vous bénisse.

Et le bon Dieu vous bénisse encore!⁶ сказали: солдатъ, карликъ и др. — *Стыдливой нищій* ничего не могъ сказать; онъ досталъ маленькой платокъ и утиралъ лицо, въ то время какъ я поворотился. И я подумалъ, что онъ благодаритъ меня лучше всѣхъ. —

¹ [Берите, берите]

² [Да здравствуетъ король!]

³ [Ради бога,]

⁴ [Дорогой, милосердный господин.]

⁵ [Милордъ англійскій.]

⁶ [Благослови васъ богъ. — И васъ богъ да благословит!]

Bidet.¹

Окончивъ эти дѣлишки, я взошелъ въ карету въ такомъ пріятномъ расположеніи, какъ никогда въ жизни; а Лафлёръ, положивъ огромный ботфортъ съ одной стороны маленькаго bidet, а другой ботфортъ съ другой (потому что я не видалъ его ногъ), скакалъ передо мной и *былъ счастливъ и перпендикуляренъ какъ принцъ*. —

Но что счастье! что величіе въ здѣшнемъ мірѣ печалей? Не проѣхали мы одного lieu,² какъ мертвый осель мгновенно остановилъ Лафлэра на всемъ его бѣгу. — Его bidet не хотѣлъ пройти мимо — возникло недоразумѣніе между ними и съ перваго козелка бѣдняга былъ вышибенъ изъ своихъ ботфоровъ. —

Лафлёръ перенёсъ эту неудачу, какъ слѣдуетъ Французу и Христіанину, онъ сказалъ ни болѣе ни менѣе, какъ «diable!»

Онъ слѣзъ, потомъ опять сѣлъ верхомъ и принялся колотить бѣдную лошадку такъ, какъ въ старину онъ бивалъ свой барабанъ.

Bidet носился съ одной стороны дороги на другую, то назадъ, то вправо, то влѣво, только не къ ослу. — Лафлёръ настаивалъ, и наконецъ bidet сшибъ его. —

«Что это сдѣлалось съ твоимъ bidet?» сказалъ я Лафлэру. —

«Monsieur», сказалъ онъ: «c'est le cheval le plus opiniâtre du monde».³

«Ужъ ежели она норовиста, то пойдетъ только туда, куда захочетъ», отвѣчалъ я. —

Когда Лафлёръ выпустилъ bidet и хлестнулъ его хорошенько кнутомъ сзади, онъ повернулся назадъ и поскакалъ по дорогѣ въ Монтрэль. Peste!⁴ сказалъ Лафлёръ. —

Ne mal à propos⁵ будетъ замѣтить, что хотя Лафлёръ употребилъ въ этомъ случаѣ только два восклицанія — имянно Diable! и Peste!, — во французскомъ языкѣ таковыхъ восклицаній, соотвѣтствующихъ тремъ степенямъ — положительной, сравнительной и превосходной, — имеется три, которыя и служатъ для опредѣленія неожиданныхъ дѣйствій случая въ жизни. —

Diable, какъ первая, положительная степень, употребляется обыкновенно при самыхъ простыхъ душевныхъ ощущеніяхъ, въ которыхъ незначительныя вещи разстраиваютъ ваши надежды; такъ напримѣръ, когда въ игрѣ въ кости два раза выходятъ тѣже очки, когда Лафлёръ былъ сбитъ съ лошади

¹ Почтовая лошадь, по объясненію Стерна. Bidet — маленькая лошадка.

² [лье — старая франц. мера длины, около 4 верст.]

³ [эта лошадь — упрямейшее создание.]

⁴ [чума!]

⁵ [некстати.]

и т. д. — Поэтому тоже, когда супругъ узнаетъ о своихъ рогахъ, то всегда употребляется — *Diab!e!*

Но когда въ приключеніи есть что нибудь раздражающаго, какъ въ томъ, что *bidet* убѣждалъ и оставилъ Лафлѣра въ ботфортахъ одного на дорогѣ, то употребляется вторая степень — *Peste!*

Чтоже касается третьей.....

Сердце мое наполняется скорбью и состраданіемъ, когда я разсуждаю о томъ, сколько долженъ былъ перенести страданій и горькихъ мученій такой утонченный народъ, для того, чтобы быть принуждену употребить это третье восклицаніе. —

О, силы, дающія краснорѣчіе въ минуты отчаянія! Какой бы ни былъ со мной случай, дайте мнѣ приличныхъ словъ, чтобы выразить мои чувства, и я не стану удерживать мою природу. —

Но такъ какъ я не могъ получить такого дара во Франціи, я рѣшился безъ восклицаній переносить всякое зло, до тѣхъ самыхъ поръ, покуда оно меня оставитъ. —

Лафлѣръ не сдѣлалъ такого условія съ самимъ собою — онъ слѣдилъ глазами за *bidet* до тѣхъ поръ, покуда его не стало видно; и тогда, вы можете себѣ представить, ежели хотите, какимъ словомъ онъ заключилъ все дѣло. —

Такъ какъ въ ботфортахъ не было средствъ догнать испуганной лошади, оставалось только посадить Лафлѣра за карету, или въ карету. — Я выбралъ послѣднее, и черезъ полчаса мы подѣхали къ почтовому двору въ Нампонтъ. —

Нампонтъ.

Мертвый оселъ.

— «И это», говорилъ онъ, укладывая остатокъ корки въ свою суму: «и это я отдалъ бы тебѣ, ежели бы ты былъ живъ, чтобы подѣлиться со мною».

По выраженію, съ которымъ это было сказано, я думалъ, что это говорилось къ дитѣ, но это говорилось къ ослу, и къ тому самому, котораго трупъ мы видѣли на дорогѣ, и который причинилъ неудачу Лафлѣра. — Казалось, что человѣкъ этотъ очень сожалѣлъ о немъ, и я тотчасъ же вспомнилъ сожалѣнія Санхо Пансо о своемъ ослѣ, но этотъ человѣкъ выражалъ свою горестъ гораздо естественнѣе. —

Бѣднякъ сидѣлъ на каменной скамейкѣ около двери; съ одной стороны его лежало сѣдло съ осли и уздечка, которую онъ изрѣдка подымалъ, потомъ опять клалъ и глядя на нее покачивалъ головой. Потомъ онъ опять досталъ изъ сумы корку хлѣба, подержалъ ее въ рукѣ, какъ будто хотѣлъ ѣсть, положилъ ее на удила ослиной узды, внимательно посмотрѣлъ на маленькое устройство, которое сдѣлалъ, и вздохнулъ. —

Простота его горести заинтересовала многихъ; около него собрался кружокъ, въ которомъ находился и Лафлѣръ, въ то

время какъ закладывали лошадей. — Я продолжалъ сидѣть и мнѣ можно было все видѣть и слышать черезъ головы другихъ. — Онъ говорилъ, что пришелъ недавно изъ Испаніи, а туда пошелъ съ дальнѣйшихъ береговъ Франконіи, и что теперь, возвращаясь домой, пройдя уже такъ много, его осель умеръ. — Казалось, всѣ желали знать, что могло заставить такого старика предпринять такое дальнее путешествіе.

— Небу угодно было, сказалъ онъ, благословить его тремя сыновьями, первыми молодцами во всей Германіи; но потерявъ въ одну недѣлю двухъ старшихъ отъ оспы, и когда младшій заболѣлъ тою-же болѣзною, онъ такъ испугался потерять ихъ всѣхъ, что сдѣлалъ обѣтъ, что ежели будетъ угодно небу оставить ему младшаго сына, онъ пойдетъ въ благодарность къ Св. Іаго въ Испанію. —

Когда разсказщикъ дошелъ до этого мѣста, онъ остановился и отдалъ долгъ природѣ — онъ заплакалъ горько. — Онъ сказалъ, что такъ какъ провидѣнію было угодно принять эти условія, онъ вышелъ изъ своей деревни съ бѣднымъ животнымъ, котораго лишился, и которое было терпѣливымъ товарищемъ во все время путешествія — ѣло съ нимъ одинъ хлѣбъ во все время дороги и во всѣхъ отношеніяхъ было для него другомъ.

Всѣ окружающіе слушали съ участіемъ бѣдняка. Лафлёръ предложилъ ему денегъ; но онъ не взялъ и отвѣчалъ, что жалѣеть не о цѣнѣ, а о потерѣ осла. —

Онъ былъ увѣренъ, что осель любилъ его, и по этому случаю разсказалъ длинную исторію о томъ, какъ при переходѣ черезъ Пиринеи несчастный случай разлучилъ ихъ на три дня; и въ продолженіи этаго времени онъ искалъ осла столько же, сколько и осель его, и они не пили и не ѣли, до тѣхъ поръ покуда опять не встрѣтились.

— «Тебѣ всетаки должно быть пріятно, другъ», сказалъ я ему: «знать, что ты всегда былъ для него хорошимъ хозяиномъ».

«Увы!» отвѣчалъ онъ: «я думалъ такъ, покуда онъ былъ живъ, но теперь думаю иначе. Мнѣ кажется, что для него слишкомъ тяжело было носить меня со всѣми моими печальями, и что это сократило дни несчастнаго животнаго. . Я боюсь, что мнѣ придется отвѣчать за это».

— «Стыдъ всему свѣту!» сказалъ я самъ себѣ: «ежели бы мы любили другъ друга такъ, какъ этотъ бѣднякъ любилъ своего осла, это было бы недурно».

** XV.

ИСТОРИЯ ВЧЕРАШНЯГО ДНЯ.

Пишу я исторію вчерашняго дня, не потому, чтобы вчерашній день былъ чѣмъ нибудь замѣчательнѣе, скорѣе могъ назваться замѣчательнымъ, а потому, что давно хотѣлось мнѣ рассказать задушевную сторону жизни одного дня. — Богъ одинъ знаетъ, сколько разнообразныхъ, занимательныхъ впечатлѣній и мыслей, которыя возбуждаютъ эти впечатлѣнія, хотя темныхъ, неясныхъ, но [не] менѣе того понятныхъ душѣ нашей, проходить въ одинъ день. Ежели бы можно было рассказать ихъ такъ, чтобы самъ бы легко читалъ себя и другіе могли читать меня, какъ и я самъ, вышла бы очень поучительная и занимательная книга, и такая, что не достало бы чернилъ на свѣтѣ написать ее и типографчиковъ напечатать. <С какой стороны ни посмотришь на душу человѣческую, вездѣ увидишь безпредѣльность и начнутся спекуляціи, которымъ конца нѣтъ, изъ которыхъ ничего не выходитъ и которыхъ я боюсь.> — Къ дѣлу. —

Всталъ я вчера поздно, въ 10 часовъ безъ четверти, а все отъ того, что легъ позже 12. (Я далъ себѣ давно правило не ложиться позже 12 и всетаки въ недѣлю раза 3 это со мною случается); впрочемъ есть такія обстоятельства, въ которыхъ я ставлю это не въ преступленіе, а въ вину; обстоятельства эти различны; вчера было вотъ какого рода.

Здѣсь прошу извинить, что я скажу, что было третьяго дня; вѣдь пишутъ романисты цѣлыя исторіи о предыдущей генерациі своихъ героевъ.

Я игралъ въ карты; но нисколько не по страсти къ игрѣ, какъ бы это могло казаться; столько же по страсти къ игрѣ, сколько тотъ, кто танцуетъ польскою по страсти къ прогулкѣ. Ж. Ж. Руссо въ числѣ тѣхъ вѣщей, которыя онъ предлагалъ и которыхъ никто не принялъ, предлагалъ въ обществѣ играть въ бильбоке, для того, чтобы руки были заняты; но этаго мало, нужно, чтобы въ обществѣ и голова была занята или по крайней мѣрѣ имѣла такое занятіе, про которое можно бы было

говорить или молчать. — Такое занятіе у насъ и придумано — карты. — Люди стараго вѣка жалуются, что «нынче разговора вовсе нѣтъ». Не знаю, какіе были люди въ старомъ вѣкѣ (мнѣ кажется, что всегда были такіе же), но разговоръ и быть никогда не можетъ. Разговоръ, какъ занятіе — это самая глупая выдумка. — Не отъ недостатка ума нѣтъ разговора, а отъ эгоизма. Всякой хочетъ говорить о себѣ или о томъ, что его занимаетъ; ежели же одинъ говоритъ, другой слушаетъ, то это не разговоръ, а преподаваніе. Ежели же два человѣка и сойдутся, занятые однимъ и тѣмъ же, то довольно одного третьяго лица, чтобы все дѣло испортить: онъ вмѣшается, нужно постараться дать участіе и ему, вотъ и разговоръ къ чорту. —

Бываютъ тоже разговоры между людьми, которые заняты однимъ и никто имъ не мѣшаетъ, но тутъ еще хуже; каждый говорить о томъ же по своей точкѣ зрѣнія, перенося все на свою точку, мѣряя по своей мѣркѣ, и чѣмъ болѣе продолжается разговоръ, тѣмъ болѣе отдаляется одинъ отъ другого, до тѣхъ поръ пока каждый увидитъ, что онъ уже не разговариваетъ, а проповѣдуетъ съ недоступной никому кромѣ него волю[остью], выставляя себя примѣромъ, а другой его не слушаетъ и дѣлаетъ тоже. Катали ли вы яйца на Святой недѣлѣ? Пустите два яйца одинакія по одному лубку, но у каждаго носокъ въ свою сторону. И покатаются они сначала по одному направленію, а потомъ каждое въ ту сторону, въ которую носочекъ. Есть въ разговорѣ, какъ и въ катаньи яицъ, шлюпики, которые катются съ шумомъ и не далеко, есть востроносыя, которыя Богъ вѣсть куда занесутся; но нѣтъ двухъ яицъ, исключая шлюпиковъ, которыя бы покотились въ одну сторону. У каждаго свой носокъ.

Я не говорю о тѣхъ разговорахъ, которые говорятся отъ того, что неприлично было бы не говорить, какъ неприлично было бы быть безъ галстука. Одна сторона думаетъ: вѣдь вы знаете, что мнѣ никакого дѣла нѣтъ до того, о чемъ я говорю, но нужно; а другая: говори, говори, бѣдняжка — я знаю, что необходимо.

Это уже не разговоръ, а тоже, что черный фракъ, карточки, перчатки — дѣло приличія. —

Вотъ почему я и говорю, что карты хорошая выдумка. Во время игры можно поговорить тоже и потѣшить самолюбіе, сказать крас[н]енькое словц[о], не бывъ обяваны[мъ] продолжать на тотъ же ладъ, какъ въ томъ обществѣ, гдѣ только разговоръ.

Надо приберегать послѣдній зарядъ ума на послѣдній кругъ, въ то время, какъ берешься за шляпу: вотъ время развиться всѣмъ запасомъ. Какъ лошадь на призъ. Иначе покажешься блѣденъ и бѣденъ; и я замѣчалъ, что люди не только умные, но которые могутъ блеснуть въ свѣтѣ, теряли отъ недостатка въ постепенности. Ежели сгоряча, пока не надоѣло, говоришь,

а потомъ отъ скуки не хочется и отвѣчать, такъ и уйдешь; послѣднее впечатлѣніе останется и скажутъ: какъ онъ тяжель... Когда же въ карты играютъ, этаго нѣтъ. Можно молчать не предосудительно. —

Притомъ же женщины (молодыя) играютъ, стало быть чего лучше желать, чтобы 2 — 3 часа быть подлѣ той женщины. — А вѣдь ежели есть та женщина, этаго за глаза довольно. —

Такъ вотъ, я игралъ въ карты, сѣдился справа, слѣва, напротивъ, и вездѣ было хорошо.

Такого рода занятіе продолжалось до 12 часовъ безъ четверти. 3 роберта кончились. Отчего эта женщина любитъ меня (какъ бы мнѣ хотѣлось здѣсь поставить точку!) приводить въ замѣшательство? И безъ того я уже не свой при ней; то мнѣ кажется, что у меня руки очень нечисты, то сижу я нехорошо, то мучаетъ меня прыщикъ на щекѣ имянно съ ея стороны.

Впрочемъ, кажется, она ни въ чемъ не виновата, а я самъ все[е]гда не въ своей тарелкѣ съ людьми, которыхъ я или не люблю или очень люблю. Отчего бы это? Отъ того, что однимъ хочешь показать, что не любишь, а другимъ, что любишь, а показать то, что хочешь, очень трудно. У меня всегда выходитъ навыворотъ; хочешь быть холоденъ, но потомъ кажется это уже слишкомъ, и сдѣлаешься слишкомъ привѣтливъ; съ людьми, которыхъ любишь и любишь хорошо, но мысль, что они могутъ думать, что любишь скверно, — сбиваетъ и дѣлаешься сухъ и рѣзокъ.

Она для меня женщина, потому что она имѣетъ тѣ милыя качества, которыя ихъ заставляютъ любить, или, лучше, ее любить, потому что я ее люблю; но не потому, чтобы она могла принадлежать мушкетѣ. Это мнѣ въ голову не приходитъ. У нея дурная привычка ворковать съ мужемъ при другихъ, но мнѣ и дѣла до этаго нѣтъ; мнѣ все равно, что она цѣловала [бы?] печку или столъ, — она играетъ съ мужемъ, какъ ласточка съ пушкомъ, потому что душа хорошая и отъ этаго веселая. —

Она кокетка; нѣтъ, не кокетка, а любитъ нравиться, даже кружить голову; я не говорю кокетка, потому что или это слово нехорошо, или понятіе, съ нимъ связанное. Называть кокетствомъ показывать голое тѣло, обманывать въ любви — это не кокетство, а это наглость и подлость. — Нѣтъ, а желать нравиться[ся] и кружить головы, это прекрасно,¹ никому вреда не дѣлаетъ, потому что Вертеровъ нѣту, и доставляетъ себѣ и другимъ невинное удовольствіе. Вотъ я, напримѣръ, совершенно доволенъ, что она мнѣ нравится, и ничего больше не желаю. Потомъ, есть умное и глупое кокетство: умное — такое,

¹ *Здесь над строкой вписано другими чернилами: Случай съ бар. (Конец слова и следующее слово не разобраны.) В виду неясности этой ремарки мы вывели ее из контекста.*

которое незамѣтно и не поймаетъ преступника на дѣлѣ; глупое — напротивъ: ничего не скрыто. И вотъ какъ оно говорить: «Я собой не очень хороша, но за то какія у меня ноги! Посмотрите: видите? что, хороши?» — Ноги у васъ, можетъ быть, хороши, но я не замѣтила, потому что вы показывали. — Умное говоритъ: «Мнѣ совершенно все равно, смотрите вы или нѣтъ; мнѣ жарко, я сняла шляпу». — Все вижу. — «А мнѣ что за дѣло». — У нее и невинное, и умное. —

Я посмотрѣлъ на часы и всталъ. Удивительно: исключая какъ когда я съ ней говорю, я никогда не видалъ на себѣ ее взгляда и вмѣстѣ съ тѣмъ она видитъ всѣ мои движенія. — «Ахъ, какіе у него розовые часы!» — Меня очень оскорбило, что находятъ мои брегетовскіе часы розовыми, мнѣ такъ же обидно показалось [бы], ежели бы мнѣ сказали, что у меня розовый жилетъ. Должно быть, я примѣтно смутился, потому что когда я сказалъ, что это напротивъ прекрасные часы, она въ свою очередь смутилась. — Должно быть, ей было жалко, что она сказала вѣщь, которая меня поставила въ неловкое положеніе. Мы оба поняли, что смѣшно, и улыбнулись. Очень мнѣ было пріятно вмѣстѣ смутиться и вмѣстѣ улыбнуться. Хотя глупость, но вмѣстѣ. — Я люблю эти таинственные отношенія, выражающіяся незамѣтной улыбкой и глазами, и которыхъ объяснить нельзя. Не то, чтобы одинъ другого поним[алъ], но каждый понимаетъ, что друг[ой] понимаетъ, что онъ его понимаетъ и т. д.

Хотѣлось ли ей кончить этотъ милый для меня разговоръ, или посмотрѣть, какъ я откажусь, и знать, откажусь ли я, или просто еще играть, [но] она посмотрѣла на цифры, написанныя на столѣ, провела мелкомъ по столу, нарисов[ала] какую то, не опредѣленную ни математи[кой], ни живописью фигуру, посмотрѣла на мужа, потомъ между имъ и мной.¹ «Давайте еще играть 3 роберта». Я такъ былъ погруженъ въ разсматриваніе не этихъ движеній, но всего, что называютъ *changement*,² который описать нельзя, что мое воображеніе было очень далеко и [*неразобр.*] не успѣло, чтобы облечь слова мои въ форму удачную; я просто сказалъ: «нѣтъ, не могу». Не успѣлъ я сказать этаго, какъ уже сталъ раскаиваться, — т. е. не весь я, а одна какая то частица меня. — Нѣтъ ни одного поступка, который бы не осудила какая нибудь частица души; за то найдется такая, которая скажетъ и въ пользу: что за бѣда, что ты ляжешь послѣ 12, а знаешь ли ты, что будетъ у тебя другой такой удачный вечеръ? — Должно быть, эта частица говорила очень краснорѣчиво и убѣдительно (хотя я не умѣю передать), потому что я испугался и сталъ искать доводовъ. — Во первыхъ, удовольствія большого нѣтъ, сказалъ

¹ Тут при переделке фразы остались зачеркнутыми слова: и сказала:

² [очарование, прелесть.]

я [себѣ]: тебѣ она вовсе не нравится и ты въ неловкомъ положеніи; потомъ ты уже сказалъ, что не можешь, и ты потерялъ во мнѣніи.....

Comme il est aimable, ce jeune homme.¹

Эта фраза, кот[орая] послѣдовала сейчасъ за моею, прервала мои размышленія. — Я сталъ извиняться, что не могу, но такъ [какъ] для этаго не нужно думать, я продолжалъ разсуж[дать] самъ съ собой: Какъ я люблю, что она называетъ меня въ 3-мъ лицѣ. По нѣмецки это грубость, но я бы любилъ и по нѣмецки. Отчего она² не находитъ мнѣ приличнаго названія? За-мѣт[но], какъ ей неловко звать меня по имени, по фамилии и по титулу. Неужели это отъ того, что я..... — «Останься ужинать», сказалъ мужъ. — Такъ какъ я былъ занятъ разсужденіемъ о формулахъ 3-го лица, я не замѣтилъ, какъ тѣло мое, извинившись очень прилично, что не можетъ оставаться, положило опять шляпу и сѣло преспокойно на кресло. Видно было, что умственная сторона моя не участвовала въ этой нелѣпости. Мнѣ очень стало досадно и [я] начиналъ было порядкомъ журить самого себя, когда меня развлекло весьма пріятное обстоятельство. Она съ большимъ вниманіемъ нарисовала что то, чего я не видалъ, подняла мелокъ немного выше, чѣмъ бы было нужно, положила его на столъ, потомъ, упершись руками на диванъ, на которомъ сидѣла, и передвигаясь со стороны на другую, придвинулась къ самой спинкѣ и подняла головку — головку съ тонкимъ и кругловатымъ очеркомъ лица, черными, полузакрытыми, но энергическими глазами, съ узенькимъ и острымъ, острымъ носикомъ и съ такимъ ртомъ, который съ глазами составлялъ одно и всегда выражалъ что нибудь новое. Въ эту минуту, какъ сказать, что онъ выражалъ? Была и задумчивость, и насмѣшка, и болѣзненность, и желаніе удержаться отъ смѣха, и важность, и капризъ, и умъ, и глупость, и страсть, и апатія, и еще мало ли что онъ выражалъ. — Немного погодя мужъ вышелъ, должно быть, приказать ужинъ.

Когда меня оставляютъ одного съ ней, мнѣ всегда дѣлается страшно и тяжело. Когда я провожаю глазами тѣхъ, которые уходятъ, мнѣ также больно, какъ въ 5-й фигурѣ:³ я вижу, какъ дама моя переходитъ на другую сторону и я долженъ оставаться одинъ. Я увѣренъ, что Наполеону не такъ больно было видѣть, какъ Саксон[цы] при Ватерлоо перешли къ непріятелю, какъ мнѣ въ первой юности было больно смотрѣть на эту жестокою эволюцію. Средство, которое я употребляю въ кадрили, употребляю я и при этомъ случаѣ: я дѣлаю [видъ?], какъ будто не замѣчаю, что я одинъ. И даже теперь разговоръ, который б[ылъ] начатъ до его ухода, кончился; я повторилъ

¹ [Как он любезен, этот юноша!]

² *Зачеркнуто*: меня не называетъ ни Графъ, ни Левъ Николаевичъ? она

³ *Подразумевается*: кадрили.

послѣднія слова, сказанныя мною, прибавивъ только: «такъ стало быть», она повторила свои, прибавивъ: «да». Но вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ же завязался другой, неслышный разговоръ.

Она. Я знаю, зачѣмъ вы повторяете то, что уже сказали: вамъ неловко б[ыть] одному и вы видите, что мнѣ неловко, — такъ чтобы казаться намъ занятыми вы заговорили. За это вниманіе васъ очень благодарю, но можно бы сказать чтонибудь поумнѣе». — *Я.* Это правда, ваше замѣчаніе вѣрно, но я не знаю, отчего вамъ неловко; неужели вы думаете, что ежели вы одиѣ, то я стану вамъ говорить такія вещи, которыя будутъ вамъ неприятны? И чтобы доказать вамъ, какъ я готовъ жертвовать своими удовольствіями для васъ, что¹ какъ мнѣ ни пріятенъ² нашъ теперешній разговоръ, я стану говорить громко. Или вы начинайте. — *Она.* Ну, давайте!

Я только что приводилъ ротъ въ порядокъ, чтобы сказать какуюнибудь такую вѣщь, при которой можно бы было думать объ одномъ, а разговаривать о другомъ, какъ она начала разговоръ громкій, который повидимому могъ бы продолжаться долго; но въ такомъ положеніи самые замѣчательные вопросы падаютъ, потому что продолжается *тотъ* разговоръ. Сказавши по фразѣ, мы замолчали, попробовали еще говорить, опять замолчали. *Тотъ разговоръ.* *Я.* — Нѣтъ, никакъ нельзя говорить. Такъ какъ вамъ, я вижу, неловко, лучше бы, еслибъ воротился вашъ мужъ.— *Она* (громко). «Человѣкъ, гдѣ Иванъ Ивановичъ? Попроси ихъ сюда». Ежели бы кто не вѣрилъ, что есть такіе тайные разговоры, то вотъ доказательство.

«Я очень радъ, что мы теперь одни», продолжалъ я тѣмъ же способомъ разговаривать: «я вамъ замѣти[лъ] уже, что вы меня часто оскорбляете своимъ недовѣріемъ. Ежели я нечаянно дотронуся до вашей ножки своей ногой, вы сейчасъ спѣшите извиняться и не даете мнѣ времени сдѣлать того же, когда я только что, разобравъ, что это дѣйствительно ваша нога, хотѣлъ извиниться. Я за вами не могу поспѣть, а вы думаете, что я неделикатенъ».

Мужъ пришелъ. Мы посидѣли, поужинали, поговорили и я поѣхалъ домой въ половинѣ перваго.

Въ саняхъ.

Теперь весна, 25-е Марта. Ночь тихая, ясная; молодой мѣсяцъ виднѣлся напротивъ изъ за красной крыши большого бѣлаго дома; снѣгу уже мало.

«Подавай, N!.....»

¹ Союзы в этой фразе перепутаны; вероятно, это что должно было заменить собою стоящее выше какъ [я готов...].

² В оригинале стоит: неприятенъ в противоречіе смыслу.

Одни мои ночныя санки были у подъязда, да и Дмитрій очень хорошо и безъ возгласа лакея слышалъ, что я выхожу, потому что слышно было его чмоканье, какъ будто онъ цѣловалъ когонибудь въ темнотѣ, и которое по моимъ предположеніямъ имѣло цѣлью заставить маленькую лошадку сдвинуть сани съ каменной мостовой, по которой неприятно скрипѣли и визжали подрѣза. Наконецъ санки подѣхали. Услужливой лакей взялъ меня подъ локоть и повелъ сажать; ежели бы онъ не держалъ меня, я бы прямо прыгнулъ въ сани, теперь же, чтобы не оскорбить его, я пошелъ тихо и продавилъ ледочекъ подернувшейся лужи и замочилъ ноги. — «Благодарствуй, братъ». — Дмитрій, морозить? — Какъ же можно-съ; теперь все по ночамъ заморозки пойдуть-съ. —

— Какъ глупо! Зачѣмъ я спрашиваю? — Не правда, ничего глупаго нѣтъ: тебѣ хочется говорить, быть въ сношен[іяхъ] съ людьми, потому что ты веселъ. Отчего же я веселъ? За полчаса ежели бы я сѣлъ въ сани, я бы не сталъ разговаривать. А оттого, что ты довольно хорошо говорилъ передъ отъѣздомъ, оттого, что ея мужъ тебя вышелъ провожать и сказалъ: «Когда жъ мы опять увидимся?» Оттого, что какъ только лакей тебя увидалъ, онъ сейчасъ встрепенулся и не смотря на то, что пахло отъ него петрушкой, онъ съ удовольствіемъ тебѣ услужилъ. Я ему какъ то далъ полтинникъ. Во всѣхъ нашихъ воспоминаніяхъ середина выпадаетъ, а остается первое и послѣднее впечатлѣніе, особенно послѣднее. Поэтому прекрасный обычай хозяину дома провожать гостя до двери, у которой, обыкновенно устроивъ ноги винтомъ, нельзя хозяину не сказать чегонибудь любезнаго гостю; не смотря ни на какую короткость отношеній, этимъ правиломъ пренебрегать не надо. Т[акъ] н[апримѣръ], «когда мы опять увидимся» ничего не значитъ, но невольно [изъ] самолюбія гость переведетъ такъ: *когда*¹ значитъ: пожалуйста поскорѣе, *мы* значитъ: я и жена, к[оторой] тоже очень пріятно тебя видѣть; *опять* значитъ: мы нынче провели вечеръ вмѣстѣ, но съ тобой нельзя соскучиться; *увидимся* значитъ: еще разъ намъ сдѣлай удовольствіе. И гостю остается пріятное впечатлѣніе. Также необходимо, особенно въ домахъ не хорошо устроенныхъ, гдѣ не всѣ лакеи, особенно швейцаръ (это самое важное лицо, потому что первое и послѣднее впечатлѣніе), учтивы, давать денегъ людямъ. Они васъ встрѣчаютъ и провожаютъ, какъ человѣка домашняго, и услужливость ихъ, источникъ коей полтинникъ, переводись такъ: васъ здѣсь всѣ любятъ и уважаютъ, поэтому мы стараемся, угождая господамъ, угодить вамъ. Можетъ быть, только и любить и уважаетъ лакей, но все таки пріятно. Что за бѣда, что ошибаешься? ежели бы не было ошибокъ, то не было бы.....

«Аль бѣлены объѣлся!.. Чоортъ!..»

¹ Курсив во всей этой фразе поставлен редактором для ясности.

Мы съ Дмитріемъ тихохонько и скромнехонько ѣхали какимъ то бульваромъ и держимся ледочкомъ правой стороной, какъ вдругъ какой то «лѣшій» (Дмитрій такъ назвалъ послѣ его) въ каретѣ парой столкнулся съ нами. Разъѣхались, и только отъѣхавши шаговъ 10, Дмитрій сказалъ: «вишь, лѣшій, правой руки не знаетъ!»

Не думайте, чтобы Дмитрій былъ робкій человѣкъ или не скоръ на отвѣтъ. Нѣтъ, онъ, напротивъ, хотя былъ небольшого роста, съ бритой бородой (но съ усами), онъ глубоко сознавалъ собственное достоинство и строго исполнялъ долгъ свой, но причиной въ этомъ случаѣ его слабости были два обстоятельства. 1) Дмитрій привыкъ ѣздить на экипажахъ, внушающихъ уваженіе, теперь же мы ѣхали на пошевенькахъ, запряженныхъ очень маленькой лошадкой въ весьма длинныхъ оглобляхъ, такъ что даже кнутомъ съ трудомъ можно было достать ее, и лошадка эта заплетала жалко задними ногами, что въ зрителяхъ постороннихъ могло возбудить насмѣшку, поэтому тѣмъ болѣе обстоятельство это было тяжело для Дмитрія и могло уничтожить чувство [*1 неразобр.*] 2) Должно быть вопросъ мой: морозить ли? напомнилъ ему такого же рода вопросы осенью въ отъѣздѣ. Онъ охотникъ; охотнику есть о чемъ замѣчаться — и забыть ругнуть впопадъ кучера, который не держитъ правую руку. У кучеровъ, какъ и у всѣхъ, тотъ правъ, кто съ большей увѣренностью и прежде крикнетъ на другого. Есть исключенія; напримѣръ Ванька никакъ не можетъ крикнуть на карету, одиночка, даже щегольская, съ трудомъ можетъ крикнуть на четверню; впрочемъ все зависитъ отъ характера, отъ обстоятельствъ времени, а главное, отъ личности кучера, отъ направленія, въ которомъ ѣдутъ. Я одинъ разъ видѣлъ въ Тулѣ разительный примѣръ вліянія, которое можетъ имѣть одинъ человѣкъ на другихъ дерзостью.

Было катанье на масляницѣ; сани парами, четвернями, кареты, рысаки, шелковые салоны — всѣ тянулись цѣпью по Кіевской, — пѣшеходовъ кучи. Вдругъ крикъ съ поперечной улицы: «держи, эй, держи лошадь то! Пади, эй!» самоувѣреннымъ голосо[мъ]. Невольно пѣшеходы посторонились, пары и четверни придержали. Чтожъ вы думаете? Оборванный извожикъ, стоячи на избитыхъ санишкахъ, размахивая надъ головой концами возжей, на скверной клячѣ съ крикомъ продралъ на другую сторону, покуда никто не опомнился. Даже буточки и то расохотались.

Дмитрій хотя человѣкъ азартный и ругнуть любитъ, но сердце имѣетъ доброе, скотину жалѣетъ. Кнутъ онъ употребляетъ не какъ средство побужденія, но исправленія, т. е. онъ не погоняетъ кнутомъ: это несообразно съ достоинствомъ городского кучера, но ежели рысакъ не стоитъ у подѣзда, онъ ему дастъ «раза». Я это сейчасъ имѣлъ случай замѣтить: переѣзжая изъ одной улицы на другую, лошадка наша насилу вытащила

насъ и я замѣтилъ по отчаяннымъ движеніямъ его спины и рукъ и [по] чмоканью, что онъ б[ылъ] въ непріятномъ положеніи. Ударить кнутомъ? онъ къ этому не привыкъ. Ну, а что, ежели бы лошади остановилась? Онъ не перенесъ бы этаго, хотя тутъ нельзя было бояться шутника, который бы сказалъ: «Аль кормить?» Вотъ доказательство, что Дмитрій дѣйствуетъ болѣе по сознанію долга, чемъ изъ тщеславія.

Я много еще думалъ объ многораз[лич]ныхъ отношеніяхъ кучеровъ между собою, объ ихъ умѣ, находчивости и гордости. Должно быть, при большихъ сѣздахъ они узнаютъ другъ друга, съ кѣмъ сталкивались, и переходятъ изъ враждебн[ыхъ] въ миролюбныя отношенія. Всѣ интересн[ы] на свѣтѣ, особенно отношенія тѣхъ классовъ, къ к[оторымъ] мы не принадлежимъ.

Ежели ѣдутъ экипажи по одному направленію, то распря бываетъ продолжительнѣе: тотъ, кто обидѣлъ, старает[ся] угнать или отстать, другой же иногда успѣваетъ доказать ему неправоту поступка и беретъ верхъ; впрочемъ, когда ѣдутъ въ одну сторону, то перевѣсъ на сторонѣ того, чьи лошади рѣзвѣе.

Всѣ эти отношенія очень удобно прикладываются къ отношеніямъ вообще въ жизни. Интересно[ы?] тоже для меня отношенія господъ между собою и кучерами при такого рода столкновеніяхъ. — «Эка дрянь, куда прешь?» — Когда это обращается ко всему экипажу, невольно сѣдокъ старается принять видъ серьезной или веселой или беззаботной — однимъ словомъ такой, который онъ прежде не имѣлъ; замѣтно, что ему пріятно бы было, ежели бы было на оборотъ; замѣтилъ я, что г[оспо]да съ усами въ особенности сочувствуютъ обидамъ, нанесеннымъ ихъ экипажу. —

— «Кто ѣдетъ?»

Это прокричалъ буточникъ, который нынче утромъ при мнѣ очень былъ оскорбленъ тоже кучеромъ. У подъѣзда противъ этой самой будки стоя[ла] карета; славный съ рыжей бородой кучеръ, уложивъ подъ себя возжи и опершись локтя[ми] на колѣни, грѣлъ спину на солнцѣ, какъ было видно, съ большимъ удовольствіемъ, потому что даже почти совсѣмъ зажмурился. Напротивъ него буточникъ похаживалъ на площадкѣ передъ будкой и концомъ алебарды поправлялъ доску надъ лужей передъ своимъ балкономъ. — Вдругъ ему не понравилось, или что карета тутъ стоитъ, или завидно стало, что кучеру такъ пріятно грѣться, или хотѣлъ разговориться — онъ прошелъ по своему балкончику, заглянулъ въ переулокъ, потомъ, стукнулъ алебардой по доскѣ: «Эй ты, куда сталъ? дорогу загородилъ». Кучеръ немного отщурилъ лѣвый глазъ, посмотрѣлъ на буточника и опять закрылъ. — «Съѣзжай! тебѣ что ли говорить!» Никакого вниманія. — «Аль не слышишь! сворачивай, говорятъ!» Буточникъ, видя, что нѣтъ отвѣта, прошелъ по

балкончику, еще заглянулъ въ переулокъ и видно собирался сказать что нибудь разительное. Въ это время кучеръ приподнялся, поправилъ подъ собой возжи и, повернувшись съ заспанными глазами къ буточнику: — «Что звѣаешь? Тебѣ, дураку то и ружья въ руки не давали, а туда же кричить!»

— Подай!

Кучеръ проснулся и подалъ.

Я посмотрѣлъ на буточника; онъ что то пробормоталъ и сердито посмотрѣлъ на меня; ему, видно, непріятно было, что я слышалъ и смотрю на не[го]. Я знаю, что ничѣмъ больше нельзя оскорбить человѣка въ глубинѣ, какъ тѣмъ, чтобы дать понять ему, что замѣтилъ, но говорить про это не хочешь; поэтому я сконфузился, пожалѣлъ буточн[ика] и пошелъ прочь.

Люблю я въ Дмитріи тоже способность разомъ назвать человѣка; меня это забавляетъ. «Пади, шапка, — служба, борода, пади, салазки, пади, прачка, пади, коноваль — пади, *фигура*, пади, Мусье». Удивительно умѣетъ русскій человѣкъ найти обидное слово другому, котораго онъ въ первый разъ видитъ, не только человѣку, сословію: мѣщанинъ — «кошатникъ», будто бы мѣщане кошекъ обдираютъ; лакей — «лакало, ливоблюдь»; мужикъ — «Рюрикъ» — отчего, не знаю; кучеръ — «гужеѣдъ» и т. д. — всѣхъ не перечтешь. Повздоръ Ру[сскій] человѣкъ съ человѣкомъ, котораго первый разъ видитъ, онъ сейчасъ окреститъ его такимъ именемъ, которымъ задѣнетъ за живую струну: кривой носъ, косою чертъ, толстогубая бестія, курнос[ый]. Надо испытать, чтобы знать, какъ вѣрно и мѣтко всегда попадаютъ прямо въ больное мѣсто. Я никогда не забуду обиды, которую заочно получилъ. Одинъ Р[усскій] чел[овѣкъ] говори[лъ] про меня: «Ахъ, онъ рѣдковозубый!» — Надо знать, что у меня зубы чрезвычайно дурны, испорчены и рѣдки. —

Дома.

Я пріѣхалъ домой. Дмитрій заторопился слѣзать, чтобы отворить ворота, я тоже, чтобы пройти въ калитку прежде его; это всякій разъ такъ бываетъ: я тороплюсь войти, потому что привыкъ уже, онъ торопится подвести меня къ крыльцу, потому что онъ такъ привыкъ. — Я долго не могъ дозвониться; свѣчка сальная очень нагорѣла и Провъ, мой лакей старичокъ, спалъ. Покуда я звонилъ, вотъ о чемъ я думалъ: Отчего мнѣ противно входить домой, гдѣ и какъ бы я ни жилъ? противно видѣть того же Прова на томъ же мѣстѣ, ту же свѣчку, тѣже пятна на обояхъ, тѣже картины, такъ что даже грустно дѣлается? —

Особенно надоѣдаютъ мнѣ обои и картины, потому что они имѣютъ претензію на разнообразіе, а стоитъ посмотрѣть на нихъ два дня, они хуже бѣлой стѣны. Это непріятное чувство, входя

домой, должно быть, отъ того, что не рожденъ человѣкъ, чтобы въ 22 года жить холостякомъ. То ли [бы] было, ежели бы можно было спросить Прова, который вскочилъ и, стуча сапогами, (вѣрно чтобы показать, что онъ давно слышитъ и исправенъ) отворяетъ дверь: «Барыня почиваетъ?» — Никакъ нѣтъ, въ книжку читають. — То ли бы дѣло: — взялъ бы я обѣими руками за головку, подержалъ бы передъ собой, посмотрѣлъ бы, поцѣловалъ бы и опять посмотрѣлъ и опять поцѣлуй; и не скучно бы было ворочаться домой. Теперь одинъ вопросъ, который я могу сдѣлать Прову, чтобы показать ему, что я замѣтилъ, что онъ никогда не спитъ, когда меня дома нѣтъ, это: «Быль кто нибудь?» — Никого. — Всякій разъ, когда бываетъ такого рода вопросъ, отвѣтъ Провъ дѣлаетъ жалкимъ голосомъ и всякій разъ мнѣ хочется ему сказать: «Зачѣмъ же ты говоришь жалкимъ голосомъ? Я очень радъ, что никто не былъ». Но я удерживаюсь: Провъ могъ бы оскорби[ться], а онъ человѣкъ почтенный. —

Я обыкновенно вечеромъ пишу дневникъ, франклиновскій журналъ и ежедневные счета.

Нынѣшній [день] я ничего не издержалъ, потому что ни гроша нѣту, такъ нечего писать въ счетную книгу. —

Дневникъ и журналъ — другое дѣло: нужно бы было писать, но поздно, отложу до завтра. —

Мнѣ часто случилось слышать слова: «пустой человѣкъ, живетъ безъ цѣли»; и самъ даже я это часто говорилъ и говорю, не отъ того чтобы я повторялъ чужія слова, но я чувствую въ душѣ, что это нехорошо и что нужно имѣть въ жизни *цѣль*.

Но какъ же это сдѣлать, чтобы быть «полнымъ человѣкомъ и жить съ цѣлью»? — Задать себѣ цѣль никакъ нельзя. — Это я пробовалъ, сколько разъ, и не выходило. Надо не выдумывать ее, но найти такую, которая бы была сообразна съ наклонностями человѣка, которая бы и прежде существовала, но которую я только бы созналъ. Такого рода цѣль я, мнѣ кажется, нашелъ: всестороннее образованіе и развитіе всѣхъ способностей. Какъ одно изъ главныхъ сознанныхъ средствъ къ достиженію — дневникъ и франклиновской журналъ. — Въ дневникѣ я каждый день исповѣдуюсь во всемъ, что я сдѣлалъ дурно. Въ журналѣ у меня по графамъ расписаны слабости — лѣнь, ложь, обжорство, нерѣшительность, желаніе себя выказывать, сладострастіе, мало *fierté*¹ и т. д. все вотъ такія мѣлкія страстишки: въ этотъ журналъ я изъ дневника выношу свои преступленія крестиками по графамъ.

Я сталъ раздѣваться и думалъ: «Гдѣ же тутъ всестороннее образованіе и развитіе способностей, добродѣтели, а развѣ этимъ путемъ дойдешь ты до добродѣтели? куда поведетъ тебя это[тъ] журналъ, который служить тебѣ только указателемъ

¹ [достоинства]

слабости, которымъ конца нѣтъ, которыя всякій день прибавляются и которыми, ежели бы ты даже уничтожилъ ихъ, не достигнулъ бы добродѣтели? — Ты только обманываешь себя и играешь этимъ какъ дитя игрушкой. — Развѣ достаточно какому нибудь художнику знать тѣ вѣщи, которыхъ не нужно дѣлать, чтобы быть художникомъ? Развѣ можно отрицательно, удерживаясь только отъ вреднаго, достигнуть чего нибудь полезнаго? Земледѣль[цу] не достаточно вышолотъ поле, надо вспахать и посѣять его. Сдѣлай себѣ правила добродѣтели и слѣдуй имъ. — Это говорила частица ума, которая занимается критикой.

Я задумался. Развѣ достаточно уничтожить причину зла, чтобы было добро? Добро положительно, а не отрицательно. Оттого имянно и достаточно, что добро положительно, а зло отрицательно; зло можно уничтожить, а добро нѣтъ. Добро всегда въ душѣ нашей и душа добро; а зло привитое. Не будь зла, добро разовьется. Сравненіе съ земледѣльцемъ не годится; ему надо посѣять и пахать, а въ душѣ же добро уже посѣяно. Художнику нужно упражняться и онъ достигнетъ искусства, ежели онъ не будетъ сообразоваться съ правилами отрицательными, но ему нужно [*1 неразобр.*] отъ произвола. Для упражненія въ добродѣтели не нужно упражненій — упражненія: жизнь.

Холодъ — отсутствіе тепла. Тьма — отсутствіе свѣта, зло — отсутствіе добра. — Отчего человѣкъ любитъ тепло, свѣтъ, добро? Оттого, что они естественны. — Есть причина тепла, свѣта и добра — солнце, Богъ; но нѣтъ солнца холоднаго и темнаго, нѣтъ злаго Бога. Мы видимъ свѣтъ и лучи свѣта, ищемъ причину и говоримъ, что есть солнце: намъ доказываетъ это и свѣтъ, и тепло, зак[онъ] тягот[енія]. Это въ мірѣ физическомъ. Въ моральномъ мірѣ видимъ добро, видимъ лучи его, видимъ, что такой же зак[онъ] тяготенія добра къ чему то высшему и что источникъ — Богъ. —

Сними грубую кору съ бриліанта, въ немъ будетъ блескъ; откинь оболочку слабостей, будетъ добродѣтель. Но неужели только одни тѣ мелочи, слабости, которыя ты пишешь въ журналѣ, мѣшаютъ тебѣ б[ыть] доб[рымъ]? нѣтъ ли большихъ страстей? И потомъ, откуда такое множество каждый день прибавляется: *то обманъ себя, то трусость и т. д.*, прочно[го] же нѣтъ исправленія, во многомъ никакого хода впередъ. Это замѣтила опять частица, занимающаяся критикой. Правда всѣ слабости, которыя я написалъ, можно привести къ 3 разрядамъ, но такъ какъ каждая имѣетъ много степеней, то комбинаці[ей] можетъ быть безъ числа. 1) гордость, 2) слабость воли, 3) недостат[окъ] ума. — Но нельзя всѣ слабости относить отдѣльно къ каждой, ибо онѣ происходятъ отъ соединенія. Первые два рода уменьшил[ись], послѣдняя, какъ независимая, можетъ подвинуться только со временемъ. Напри-

мѣрь нынче я солгалъ, ка[къ] примѣтно было, безъ причины: меня звали обѣдать, я отказ[ался], потомъ сказаль, что не могу отъ того, что у меня урокъ. — Какой? — Англ[ійскій] яз[ыкъ], когда у меня была гимнастика. Причины: 1) мало ума, что вдругъ не замѣтилъ, что глупо солгать, 2) мало твердости, что не сказаль, поч[ему], 3) гордость глупая, полагая, что агл[ицкій] яз[ыкъ] скорѣе можетъ быть пред[логомъ], чѣмъ гимнастика. —

Развѣ добродѣтель состоитъ въ томъ, чтобы исправляться отъ слабостей, которыя тебѣ въ жизни вредя[тъ]? кажется, добродѣтель есть самоотверженіе. — Неправда. Добродѣтель даетъ счастье потому, что счастье даетъ добродѣтель. — Всякій разъ, когда я пишу дневникъ откровенно, я не испытываю никакой досады на себя за слабости; мнѣ кажется, что ежели я въ нихъ признался, то ихъ уже нѣтъ.

Пріятно. Я помолился и легъ спать. Вечеромъ я лучше молюсь, чѣмъ утромъ. Скорѣе понимаю, что говорю и даже чувствую; вечеромъ я не боюсь себя, утромъ боюсь — много впереди. Прекрасная вещь сонъ во всѣхъ фазахъ: приготовленіе, засыпаніе и самый сонъ. — Только что я легъ, я думаль: какое наслажденіе увернуться потеплѣе и сейчасъ забыться; но только что я сталъ засыпать, я вспомнилъ, что пріятно засыпать, и очнулся. Всѣ наслажденія тѣла уничтожаются сознаниемъ. Не надо сознавать; но я созналъ, что сознаю, и пошло, и пошло, и заснуть не могу. Фу, досада какая! Для чего даль намъ Богъ сознание, когда оно только мѣшаетъ жизни? Для того, что напротивъ моральныя наслажденія глубже чувствуются, когда они сознаны. Разсуждая такъ, я повернулся на другую сторону и раскрылся. Какое непріятное чувство въ темотѣ раскрылся. Все кажется: вотъ схватить меня кто то или что то или тронетъ холоднымъ или горячимъ раскрытую ногу. Я поскорѣ[е] закрылся, подвернулъ подъ себя со всѣхъ сторонъ одѣяло, спряталъ голову и сталъ засыпать, разсуждая вотъ какъ.¹

«Морфей, прими меня въ свои объятія». Это Божество, котораго я охотно бы сдѣлался жрецомъ. А помнишь, какъ обидѣлась барыня, когда ей сказали: «Quand je suis passé chez vous, vous étiez encore dans les bras de Morphée.»² Она думала, что Морфей — Андрей, Малафей. Какое смѣшное имя! А славное выраженіе: dans les bras; я себѣ такъ ясно и изящно предста[вляю] положеніе dans les bras, — особенно же ясно самыя bras — до плечъ голыя руки съ ямочками, складочками и бѣлую, открытую нескромную рубашку. — Какъ хороши руки вообще, особенно ямочка одна есть! Я потянулся. Помнишь, Saint Thomas не велѣлъ вытягиваться. Онъ похожъ на Дид-

¹ Дальше около двухъ страницъ зачеркнуто, но мы даемъ ихъ в ломаныхъ скобкахъ.

² [Когда я пришелъ к вам, вы были еще в объятіяхъ Морфея.]

рих[са]. Верхомъ съ нимъ ѣздили. Славная была травля, какъ подлѣ становаго Гельке атукнулъ и Налетъ ловилъ изъ за всѣхъ, да еще по колот[и?]. Какъ Сережа злился. — Онъ у сестры. — Что за прелесть Маша — вотъ бы такую жену! Морфей на охотѣ хорошъ [?] бы былъ, только нужно голому ѣздить, [а?] то можно найти и жену. — Пфу, какъ катить Saint Thomas — и за всѣхъ на угонкахъ уже барыня пошла; напрасно только вытягивается, а впрочемъ это хорошо dans les bras. Тутъ должно быть я совсѣмъ заснулъ. — Видѣлъ я, какъ хотѣлъ я догонять барыню, вдругъ — гора, я ее руками толкалъ, толкалъ, — свалилась; (подушку сбросилъ) и пріѣхалъ домой обѣдать. Не готово; отчего? — Василій куражится (это за перегородкой хозяйка спрашиваетъ, что за шу[мъ], и ей отвѣча[еть] горнич[ная] дѣвка, я это слушалъ, потому и это приснилось). Василій пришелъ, только что хотѣли всѣ у него спросить, отчего не готово? видятъ — Василій въ камзолѣ и лента черезъ плечо; я испугался, сталъ на колѣни, плакалъ и цѣловалъ у него руки; мнѣ было такъ же пріятно, ежели бы я цѣловалъ руки у нее, — еще больше. Василій не обращалъ на меня вниманія и спросилъ: Заряжено? Кондитеръ Тульскій Дидрихсъ говоритъ: готово! — Ну, стрѣляй! — Дали залпъ. (Ставня стукнула) — и пошли Польской, я съ Василіемъ, который уже не Василій, а она. Вдругъ о ужасъ! я замѣчаю, что у меня панталоны такъ коротки, что видны голыя колѣни. Нельзя описать, какъ я страдалъ (раскрылись гол[ыя] [колѣни?]; я ихъ во снѣ долго не могъ закрыть, наконецъ закрылъ). Но тѣмъ не кончилось; идемъ мы Польской и — Королева Виртем[бергская] тутъ; вдругъ я пляшу казачка. Зачѣмъ? Не могу удержаться. Наконецъ принесли мнѣ шинель, сапоги; еще хуже: панталонъ вовсе нѣтъ. Не можетъ быть, чтобы это было на яву; вѣрно я сплю. Проснулся. — Я засыпалъ — думалъ, потомъ не могъ болѣе, сталъ воображать, но воображалъ связно, картинно, потомъ воображеніе заснуло, остались темныя представленія; потомъ и тѣло заснуло. Сонъ составляется изъ первого и послѣдняго впечатлѣнія.)

Мнѣ казалось, что теперь подъ этимъ одѣяломъ никто и ничто меня достать не можетъ. — Сонъ есть такое положеніе человѣка, въ которомъ онъ совершенно теряетъ сознание; но такъ [какъ] засыпаетъ человѣкъ постепенно, то теряетъ онъ сознание тоже постепенно. — Сознание есть то, что называется душою; но душою называютъ что то единое, между тѣмъ какъ сознаний столько же, сколько отдѣльныхъ частей, изъ которыхъ слагается человѣкъ; мнѣ кажется, что этихъ частей 3. 1) умъ, 2) чувство — 3) тѣло. — 1) есть высшее и это сознание есть принадлежность только людей развитыхъ, животн[ыя] и животноподобные люди не имѣютъ его; оно первое засыпаетъ, 2) сознание чувства, принадлежность тоже однихъ людей, засыпаетъ послѣ. 3) сознание тѣла засыпаетъ послѣднее и рѣдко совер-

шенно. — У животныхъ этой постепенности нѣтъ; также и у людей, когда они въ такомъ положеніи, что теряютъ сознание, послѣ сильныхъ впечатлѣній или пьяные. Сознание сна будитъ сейчасъ. —

Воспоминаніе о времени, которое мы проводимъ во снѣ, не происходитъ изъ того же источника, изъ котораго происходитъ [одятъ] воспом[инанія] о дѣйствительной жизни, — изъ памяти, какъ способности воспроизводить впечатлѣнія наши, но изъ способности группировать впечатлѣнія. Въ минуту пробужденія мы всѣ тѣ впечатлѣнія, которыя имѣли во время засыпанія и во время сна (почти никогда человѣкъ не спитъ совершенно), мы приводимъ къ единству подъ вліяніемъ того впечатлѣнія, которое содѣйствовало пробужденію, которое происходитъ также, какъ засыпаніе: постепенно, начиная съ низшей способности до высшей. — Эта операція происходитъ такъ быстро, что сознать ее слишкомъ трудно, и привычки къ послѣдовательности и къ формѣ времени, въ которой проявляется жизнь, мы принимаемъ эту совокупность впечатлѣній за воспоминаніе проведеннаго времени во снѣ. — Какимъ образомъ объяснить то, что вы видите длинный сонъ, который кончается тѣмъ обстоятельствомъ, которое васъ разбудило: вы видите, что идете на охоту, заряжаете ружье, подымаете дичь, прицѣливаетесь, стрѣляете и шумъ, к[оторый] вы приняли за выстрѣлъ, это графинъ, который вы уронили на полъ во снѣ. Или: вы пріѣзжаете къ вашему пріятелю N, ждете его, на[онець] приходитъ человѣкъ и докладываетъ: N пріѣхалъ; это на яву вамъ говоритъ вашъ человѣкъ чтобы васъ разбудить. Чтобы повѣрить справедливость этаго, избави Богъ вѣрить снамъ, которые вамъ рассказываютъ тѣ, которые всегда что нибудь видѣли и видѣли что нибудь значущее и интересное.

Эти люди отъ привычки выводить заключенія изъ сновъ, на основаніи гадателей, дали себѣ форму извѣстную, къ которой они приводятъ все; добавляютъ изъ воображенія недостающее и выкидываютъ все то, что не подходитъ подъ эту форму. Напримѣръ вамъ будетъ рассказывать мать, что она видѣла [а], какъ ее дочь улетѣла на небо и сказала: «прощай[те], Маминька», я за васъ буду молиться!»! А она просто видѣла, что дочь ее лѣзла на крышу и ничего не говорила, и что эта дочь, когда влезла наверхъ, сдѣлалась вдругъ поваромъ Ивановъ и сказала: «а вы не влѣзете».

А можетъ быть, въ воображеніи ихъ по силѣ привычки [полно?] слагается то, что они рассказываютъ, и тогда это служить еще доказательствомъ моей теоріи о снѣ. . .

Ежели хотите повѣрить, то на себѣ испытайте: вспомните ваши мысли, представленія во время засыпанія и просыпанія и ежели кто нибудь видѣлъ, какъ вы спали, и можетъ рассказать вамъ всѣ обстоятельства, которыя могли подѣйствовать на васъ, то вы поймете, отчего вы видѣли то, а не другое. Об-

стоятельствъ этихъ такъ много, зависящихъ отъ сложенія, отъ желудка, отъ физическихъ причинъ, что всѣхъ не перечесть. Но говорятъ, что когда мы видимъ во снѣ, что мы летаемъ или плаваемъ, это значитъ: мы растемъ. Замѣьте, отчего одинъ день вы плаваете, — другой — летаете; вспомните все, и очень легко объясните.

Ежели бы пришлось видѣть мой сонъ комунибудь изъ тѣхъ, которые, какъ я говорилъ, привыкли толковать сны, вотъ какъ бы рассказанъ былъ мой сонъ. — «Видѣла я, что St. Thomas бѣгаетъ, очень долго бѣгаетъ, и я будто говорю ему: «Отчего вы бѣгаете?» и онъ говоритъ мнѣ: я ищу невѣсту. — Ну вотъ посмотри, что онъ или женится или будетъ отъ него письмо - - -

Замѣьте тоже, что постепенности во времени воспоминаній нѣтъ. Ежели вы вспоминаете сонъ, то вы знаете, что вы видѣли прежде.¹

Во время ночи нѣсколько разъ (почти всегда) просыпаешься, но пробуждаются только два низшія сознанія души: тѣло и чувство. Послѣ этого опять засыпаетъ чувство и тѣло — впечатлѣнія же, которыя были во время этого пробужденія, присоединяются къ общему впечатлѣнію сна, и безъ всякаго порядка и послѣдовательности. — Ежели проснулось и 3-е, высшее сознаніе понятія и послѣ опять засыпаетъ, то сонъ уже раздѣляется на двѣ половины. —

3 Іюня.

Еще день. (На Волгѣ.)

Вздумалъ я изъ Саратова ѣхать до Астрахани по Волгѣ.

Во первыхъ, думалъ я, лучше же, ежели время будетъ не благоприятное, проѣхать долже, но не трясти[сѣ] еще 700 верстъ; притомъ — живописные берега Волги, мечтанія, опасность: все это пріятно и полезно можетъ подѣйствовать; воображалъ я себя поэтомъ, припоминалъ людей и героевъ, которые мнѣ нравились, и ставилъ себя на ихъ мѣсто, — однимъ словомъ думалъ, какъ я всегда думаю, когда затѣваю чтонибудь новое: вотъ теперь только начнется настоящая жизнь, а до сихъ поръ это такъ, предисловіице, которымъ не стоило заниматься. Я знаю, что это вздоръ. Сколько разъ я замѣчалъ, что всегда я остаюсь тотъ же и не больше поэтъ на Волгѣ, чѣмъ на Воронкѣ, а все вѣрю, все ищу, все дожидаясь чего то. Все кажется, когда я въ раздумьи, дѣлать ли что либо или нѣтъ: вотъ ты не сдѣлаешь этого, не поѣдешь туда то, а тамъ то и ждало счастье; теперь упустилъ на вѣки. — Все кажется: вотъ

¹ Противъ этого места на поляхъ стоитъ зачеркнутое:

Я проснулся уже утромъ и сталъ вспоминать, что я видѣлъ во снѣ. — Видѣлъ я, будто мы ѣдили съ братомъ на охоту и затравили въ островѣ жену примѣрной добродѣтели. Нѣтъ; еще прежде, чѣмъ поѣхали на охоту, видѣлъ я, что St. Thomas пришелъ просить меня, чтобы я простилъ.

начнется безъ меня. — Хотя это смѣшно, но это заставило меня ѣхать по Волгѣ въ Астрахань. Я прежде боялся и совѣстно мнѣ было дѣйствовать по такимъ смѣшнымъ поводамъ, но сколько я ни смотрѣлъ въ прошедшую свою жизнь, я большей частью дѣйствовалъ по не менѣе смѣшнымъ поводамъ. Не знаю какъ другіе, но я привыкъ къ этому и для меня слова «мелочное, смѣшное» стали слова безъ смысла. Гдѣ же «крупные, серьезные» поводы?

Пошелъ я къ Московскому перевозу и сталъ похаживать около лодокъ и дощаниковъ. «Что, заняты эти лодки? Есть ли свободная?» спросилъ я совокушности бурлаковъ, которые стояли у берега. «А вашей милости чего требуется?» спросилъ у меня старикъ съ длинной бородой въ сѣромъ ви-пунѣ и поярчатой шляпѣ. — «До Астрахани лодку». «Чтожь, можно-съ!» —

* XVI.

[ОТРЫВОК РАЗГОВОРА ДВУХ ДАМ.]

ГЛАВА I.

— «Вѣрно ли это? У васъ вѣдь любятъ Петербургскіе ложные слухи распускать. И отъ кого вы это слышали, моя милая?»

— «Помилуйте, Марья Ивановна, я вамъ вѣдь говорю, была я у княгини Полянскій, къ ней молодая княгиня вчера только изъ Петербурга пріѣхала и рассказывала, что у нихъ только и разговора, что про эту свадьбу. (*Съ разстановкой.*) La comtesse Lise Bersenieff, la jeune personne la plus recherchée, la plus aimable, le parti le plus brillant de Pétersbourg épouse un какой-то Taramonoff, mauvais genre achevé.¹ Костромскій медвѣдь какой-то. Въ комнату не умѣетъ взойти. Ни родства, ни богатства, ни связей, ничего! И что меня удивляетъ, такъ это то, что, говорятъ, оба дяди этого очень хотятъ: и графъ Александръ и графъ Петръ. —

Старушка подвинула табакерку съ портретомъ и обтерла стеклушко однимъ изъ двухъ батистовыхъ платковъ.

«Incroyable...² Ежели это Костромскіе Тарамоновы, такъ я старика знала; когда мы жили на Мечахъ [?], такъ онъ ѣзжалъ къ покойнику Этіену и дѣтей приваживалъ: босоногіе бѣгали. Покойникъ его любилъ и ласкалъ; однако они хорошей фамиліи, но бѣдно жили; что теперь у нихъ есть, это ужъ старикъ нажилъ, но дѣтямъ никакого воспитанія не далъ. Должны быть тѣ; а то есть Вологодскіе, такъ это не тѣ».

Марья Ивановна Игреньева, урожденная Дамыдова, — почтенная дама. Родилась она 50 лѣтъ тому навадъ въ Москвѣ отъ богатыхъ и знатныхъ родителей; ихъ было двѣ сестры и три брата. Вышла М. И. замужъ за Игреньева, богатаго чело-вѣка и тоже Москвича. Жили они зимы всегда въ Москвѣ,

¹ [Графиня Лиза Берсенѣва, молодая особа в высшей степени изысканная и милая, самая блестящая партія в Петербурге, выходит за какого-то Тарамонова в полном смысле дурного тона.]

² [Невероятно...]

гдѣ имѣли большіе связи не только съ Московскою знатью, но и со всѣмъ, что было знатнаго въ Россіи, лѣтомъ — въ Тульской деревнѣ, [и] жили какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ барски. Покойникъ былъ въ чинахъ и пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Однимъ словомъ, домъ Игреньевыхъ вотъ какой: у пріѣзжаго, котораго почи[тали] достойнымъ, спрашивали: «Вы уже были у Игрень[евыхъ]?» или: «какъ это вы еще не были у Игрень[евыхъ]?».

«Марья Ивановна овдовѣла 16 лѣтъ тому назадъ, съ нѣсколь-ко разстроеннымъ состояніемъ и съ двумя дѣтьми: сыномъ 15 лѣтъ и дочерью, которая была уже замужемъ. М. И. женщина очень умная, или нѣтъ, лучше сказать, хитрая, не смотря на свою доброту и умѣющая имѣть вліяніе на другихъ и пользо-ваться общимъ уваженіемъ. — Она, должно быть, не была хороша собою; большой орлиной носъ въ особенности мѣшалъ красотѣ ея; но она была хороша какъ свѣжая, не столько физически — (Она говаривала: «я удивляюсь себѣ, какъ могла я перенести столько горестей!») — сколько морально, старушка. Она не отставала отъ моды сколько могла, сама придумывала, какъ бы передѣлать чепчикъ или мантилію *«по старушечьи»*. Она любила свѣтъ и свѣтъ любилъ ее, она судила о всемъ и о всѣхъ.....

* XVII.
[СТИХОТВОРЕНИЯ.]

I.

КЪ ЗАПАДНЪ.

Изъ подъ стараго строенья
Средь покинутой земли
Полвъ мышенокъ. Отъ волненья
Онъ дрожалъ и отъ любви.
Онъ сторалъ любовью тайной,
Не любивши никогда,
И искалъ любви случайной,
Какъ на Невскомъ, господа.
Вдругъ услышавъ надъ доскою
Нѣжной мышки голосокъ,
Сокрушенъ ея тоскою,
Онъ владѣть собой не могъ.
Равлетѣлся и, несчастный,
Къ ней на голосъ прибѣжалъ.
Рокъ постигъ его ужасный:
Въ мышеловку онъ попалъ.
Затворилася задвижка,
И мышенокъ въ заперти.
Но и тутъ съумѣлъ воришка
Утѣшеніе найдти.
Къ дамѣ-мышкѣ деликатно
Подскочилъ онъ и такъ рѣкъ:
«Коль любить меня обратно
Захотите, то я рокъ
Проклинать не буду вѣчно,
Сѣмъ огарокъ съ вами весь,
Васъ любить буду сердечно
Въ жизни будущей и днесъ». —

II.

Давно позабылъ я о счастья, —
Мечтъ позабытой души —
Но смолкли ничтожныя страсти
И голосъ проснулся любви.....
На небѣ разсыпаны звѣзды;
Все тихо и темно, все спить,
Огни всѣ потухли: ужъ поздно,
Одна моя свѣчка горить.
Сажу у окна я и въ мысли
Картины былого слѣжу,
Но счастья во всей моей жизни,
Минуту одну нахожу:
Минуту любви, упованья,
Минуту безъ мысли дурной,
Минуту безъ тѣни желанья,
Минуту любви неземной...

.....
<Дитя такъ невольно сказало
Всю душу во взглядѣ одномъ,
Что словъ бы никакъ не достало,
Сказать то, что сказано въ немъ.
И съ сладостнымъ трепетомъ счастья
Значенье его я постигъ;
Но слова любви и участья
Сказать не хотѣлъ я въ тотъ мигъ.
Слова такъ ничтожны въ сравненьи
Съ божественнымъ чувствомъ любви....
Въ ихъ темномъ пустомъ выраженьи
Не същицеш и искры души.>
И тщетно о томъ сожалѣнье
Проснется въ душѣ иногда
И скажетъ: зачѣмъ то мгновенье
Не могъ ты продлить навсегда?

30 Декабря 1852.
Старогладовская.

III.

Эй, Марьяна, брось работу!
Слышишь, палять за горой:
Вѣрно наши изъ походу
Каваки идутъ домой.
Выходи же на мосточикъ
Съ хлѣбомъ солью ихъ встрѣчать.

Теперь будетъ твой побочинъ
 Круглу ночь съ тобой гулять.
 Красной шелковой сорочкой
 Косу русую свяжи,
 Вдѣнь чевяки съ оторочкой
 И со стрѣлками чулки,
 Вдѣнь подшейникъ и монисто
 Изъ серебрянныхъ монетъ,
 Прибери головку чисто
 И надѣнь красный бешметъ.
 Да скорѣе, молодица:
 Вонъ навстрѣчу казакамъ
 Съ чихиремъ ужъ вся станица
 Собралася къ воротамъ.
 Изъ подъ ручки на дорогу
 Глядятъ пристально. Въ пыли
 Вотъ ужъ видно, слава Богу,
 Показалися значки;
 Слышно пѣсню запѣвають:
 «Да не по горамъ-горамъ»,
 Кверху пульками стрѣляютъ,
 Бьютъ плетями по лошадямъ.
 Передъ сотней ѣдетъ браво
 Въ тонкомъ бѣломъ зипунѣ
 Сотникъ Сехинъ; а направо
 На игреневомъ конѣ
 Грунинъ Ванька, вонъ Степанка,
 Вонъ Малашкинъ Родіонъ.
 — Твой побочинъ гдѣ жъ, Марьянка?
 Что такъ свади ѣдетъ онъ?
 Али конь его хромаетъ?
 Али, бедный, онъ ужъ пьянъ?
 Да скажите же, кто знаетъ,
 Гдѣ батяка Купріянь?
 — «Купріяшка душу Богу
 Отдалъ», сотникъ ей сказалъ
 И печально на дорогу
 Головою указалъ.
 У Марьянѣ сердце сжалось,
 Оглянулася она:
 Вслѣдъ за сотней подвигалась
 Шагомъ конная арба.
 На арбѣ покрытый буркой,
 Трупъ убитого лежалъ,
 Купріяшкина винтовка,
 Его пашка и кинжалъ. —

(Гадко). 1853, 16 апрѣля
 Червленая.

IV.

Ей, Марьяна, брось работу!
Слышишь, палать за горой;
Вѣрно наши изъ походу
Казаки идутъ домой.
Нужно выдти на мосточикъ
Съ хлѣбомъ солью ихъ встрѣчать.
Теперь будетъ твой побочинъ
Круглу ночь съ тобой гулять.
Красной шелковой сорочкой
Косу русую свяжи,
Вадѣнь чувяки съ оторочкой
И со стрѣлками чулки,
Вадѣнь на шейку лебедину
Ожерелку изъ монетъ
И обновочку любиму —
— Канаусовый бешметъ.
Да скорѣе убирайся;
Вонъ навстрѣчу казакамъ
Съ чихиремъ ужъ собралася
Вся станица къ воротамъ.
Изъ подъ ручки на дорогу
Глядитъ пристально; въ пыли
Вотъ ужъ видно, слава Богу,
Показались значки.
Слышно пѣсню запѣваютъ:
«Да не по горамъ-горамъ»,
Кверху пульками стрѣляютъ,
Бьютъ плетями по лошадямъ.
Впереди всѣхъ ѣдетъ браво
Въ бѣломъ тонкомъ зипунѣ
Сотникъ Сехинъ, а направо
На игреневомъ конѣ
Юнка Грунинъ, вонъ Степанка,
Вонъ батяка Родіонъ.
Твой побочинъ гдѣ-жъ, Марьянка?
Что такъ сзади ѣдетъ онъ?
Али конь его хромаетъ?
Али бѣдный онъ ужъ пьянъ?
— «Да скажите-же, кто знаетъ,
Гдѣ дружокъ мой Купріянь?»
«Охъ, Марьяна, молись Богу»,
Старый сотникъ ей сказалъ
И печально на дорогу
Головою указалъ.
У Марьянѣ сердце сжалось,
Оглянулася она:

Къ нимъ навстрѣчу подвигалась
Шагомъ конная арба,
На арбѣ покрытый буркой
Трупъ убитого лежалъ,
Купріяшкинъ поясъ узкій
Его шашка и кинжалъ. —

V.

Когда же, когда наконецъ перестану
Безъ цѣли и страсти свой вѣкъ проводить,
И въ сердцѣ глубокую чувствовать рану
И средства не знать какъ ее заживить?
Кто сдѣлалъ ту рану, лишь вѣдаетъ Богъ,
Но мучитъ меня отъ рожденья
Грядущей ничтожности горькій залогъ,
Томящая грусть и сомнѣнья.

КОММЕНТАРИИ

«ДЕТСТВО».

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ.

Начало работы над «Детством» не поддается точному хронологическому приурочиванию. Первое упоминание об этом произведении можно видеть в записи дневника 18 января 1851 г. (в Москве): «Писать историю м. д.»,¹ т. е. «моего детства». Затем, до 9 июня этого года, хотя в записях дневника имеется много указаний на литературную работу, ни в одном из них не названо «Детство». Только в записи от 7 марта: «Занятия для завтра... Гимнастика, обед, роман, гости и дневник» слово «роман», вероятно, указывает на писание романа «Четыре эпохи развития».

В записи от 9 июня (станция Старогладковская) читаем: «Завтра пойду на охоту, да напишу в большую книгу». Так как I редакция «Детства» писалась в «большой книге» (о чем см. дальше), то может быть эта запись говорит о «Детстве», хотя, с другой стороны, нужно заметить, что в «большой книге» писалось не одно только «Детство». Зато о записи под 3 июля (Старый Юрт) можно определенно утверждать, что она говорит о работе над I редакцией «Детства». Под указанным числом между прочим записано: «Завтра буду писать роман». Под «романом» здесь нужно разуметь, конечно, роман «Четыре эпохи развития» («Детство», «Отрочество», «Юность» и «Молодость»), первоначальная редакция которого сохранилась и впервые печатается в настоящем томе. Она существенно отличается от известного текста трилогии. Повествование ведется здесь в виде записок, адресованных очень близкому человеку, которого рассказчик называет во вступлении своим «исповедником и судьей». В основу повествования положена история семьи близких знакомых Толстых, Иславиных, детей Александра Мих. Исленьева и кн. Соф. Петр. Козловской. Текст не разбит на главы и делится на две «части». Первая «часть», представляющая собою описание со многими отступлениями-рассуждениями одного дня в деревне, накануне отъезда в Москву, дает в зачаточном виде первые пятнадцать глав «Детства» общеизвестной редакции. Вторая «часть», начинающаяся с описания жизни в Москве, в Коммер-

¹ Так можно с большей вероятностью прочесть эти буквы в подлиннике, чем напечатанные (по копии) В. Г. Чертковым в «Дневнике молодости Л. Н. Толстого», т. 1. М. 1917, стр. 52: ми... В дальнейшем цитаты из дневников Толстого делаются по рукописям (автографам).

ческом училище, включает в себе период отрочества. За исключением письма маман, ее смерти и поездки в деревню на похороны (что вошло потом в «Детство»), содержание этой части ничего не имеет общего с известным текстом «Отрочества». На последних страницах рукописи речь идет несомненно уже об эпохе юности, но в отрывочных набросках: в этом плане писание романа было оставлено, и автор приступил к радикальной переработке написанного.

Работа над II редакцией «Детства» началась, надо думать, в двадцатых числах августа 1851 года. В дневнике под 22 августа (ст. Старогладковская) записано: «... привести в порядок мысли и начать переписывать первую главу романа». В первой редакции, как мы сказали, нет деления на главы; весь текст разделен лишь на две части, так что под «первой главой романа» записи дневника нужно понимать «первую часть» I редакции. Через день — 24 августа (ст. Старогладковская) — в дневнике запись: «Писать роман до обеда». 26 августа (там же) такая же запись: «С утра писать роман». Записью от 4 сентября 1851 года дневник прерывается до февраля 1852 г., но и за этот месяц сделано только две записи, а затем записей нет до 20 марта. Под этим числом между прочим записано: «Я перестал писать дневник почти уже семь месяцев. Сентябрь провел я в Старогладковской, то в поездках в Грозную и Старый Юрт... немного писал и переводил. В Октябре месяце я с братом поехал в Тифлис для определения на службу. В Тифлисе провел месяц в нерешительности, что делать, и с глупыми тщеславными планами в голове. С Ноября месяца я лечился, сидел целых два месяца, т. е. до Нового года, дома; это время я провел хотя и скучно, но спокойно и полезно: написал всю первую часть. Генварь я провел частью в дороге, частью в Старогладковской, писал, отделявал первую часть, готовился к походу и был спокоен и хорош. Февраль провел в походе... Начало Марта говел и скучаю, и ленюсь. Отправляясь в поход, я до такой степени приготовил себя к смерти, что не только бросил, но и забыл про свои прежние занятия, так что теперь мне труднее, чем когда-нибудь, снова приняться за них».

В этой записи слова «первая часть» нужно понимать как «первая часть I редакции, т. е. «первый день» «Детства».

Таким образом работа над II редакцией «Детства» продолжалась с 20-х чисел августа 1851 по январь 1852 г. От этого времени, кроме записей в дневнике, есть еще указание на работу над «Детством», в письме Толстого к Т. А. Ергольской от 12 ноября 1851 г. из Тифлиса. «Помните, добрая тетенька, — пишет Толстой, — совет, который вы раз мне дали — писать романы. Так вот, я следую вашему совету, и занятия, о которых я вам писал, состоят в литературе. Я еще не знаю, появится ли когда-нибудь в свет то, что я пишу, но это работа, которая меня занимает, и в которой я уже слишком далеко зашел, чтобы ее оставить».¹

От работ этого периода сохранились полностью рукопись «Детства»,² —

¹ Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого под ред. и с прим. П. И. Блюкова. М. 1913, т. XXI стр. 113.

² Описана ниже под № 2. К ней не относятся отдельные листки, описанные под №№ 8 и 9.

две главы «К читателям» и «К критикам», непосредственно примыкавшие к тексту рукописи,¹ и план всех четырех частей романа «Четыре эпохи развития».² План этот сохранился не полностью (сохранившаяся часть начинается со второго дня «Детства»). Так как в большей своей части он относится к «Отрочеству» и «Юности», то и печатается во II томе настоящего издания, здесь же помещаем лишь строки, относящиеся к «Детству»:

Засыпаю. 2-й день, 2 недѣли послѣ приѣзда, именины бабушки. <Валахины, страстная любовь, обѣ[дѣ] гулянье <съ дѣтьми> кондитерск[ая]. Обѣдъ, Валахин[ы], танцы, театр. — Разговоръ съ братомъ о проведенномъ днѣ. — Пьяный Карлъ Ивановичъ. — Дѣтство. (Смерть матери). —

Текст этой (II) редакции «Детства» гораздо ближе к последующим — III и IV ред., чем к предыдущей. Он дает большее количество эпизодов, чем II и IV ред. Так, «прогулка», «кондитерская», характеристика гостей, «секли ли нас в детстве», «обед» имеются лишь в этой редакции. Как видно из приведенного плана, намечался еще «театр», на что есть намеки и в тексте II ред. (см. вар. № 20). Пространные рассуждения, столь характерные для I ред., и здесь занимают еще много места. Дальнейшая работа будет заключаться главным образом в их сокращении. (Более подробные сведения о тексте II ред. см. здесь дальше в «Сравнительном обзоре состава глав всех четырех редакций»).

Записью в дневнике под 21 марта 1852 г. начинают отмечаться работы над III ред. «Детства». Под этим числом записано: «После обеда переписывал первую часть и работал без всякого принуждения. Дай Бог, чтоб это всегда так было... Порядок занятий, который я принял, т. е. утром перевод, после обеда корректура и вечером повесть — очень хороша». «Корректура», это — вероятно, исправления написанного прежде, а слова — «вечером повесть» нужно, очевидно, понимать, как писание вновь, или, вернее, переписывание текста II ред. с новыми изменениями.

Под 22 марта: «Корректур сделал не так много, как вчера, и не так чисто; а, это главное, чтоб не надоедал труд... Не продолжал повесть частью от того, что не успел, а частью от того, что я сильно начинаю сомневаться в достоинствах первой части. Мне кажется слишком подробно, растянуто и мало жизни. Подумаю об этом».

24 марта запись: «Немного поделал корректуру... Завтра праздник, я буду делать только корректуры...»

27 марта, утро: «25-го я встал в 7, читал, делал корректуры... Нынче буду делать корректуры, может быть и писать».

27 марта, 12 ч. ночи: «хоть не совсем здоровилось, я делал корректуры до 11 часов и делал корректуры не совсем чисто и отчетливо; обедал, почитал и продолжал ту же работу; пришел брат, я ему читал писанное в Тифлисе. По его мнению не так хорошо, как прежде, а по моему к чорту не годится. Хотел облегчить свой труд, но писаря переписывать не могут;

¹ Описаны ниже под №№ 4 и 5.

² Описаны ниже под № 6.

следовательно, нужно работать одному... Завтра буду переписывать... и обдумаю 2-ой день, можно ли его исправить или нужно совсем бросить. Нужно без жалости уничтожать все места неясные, растянутые, неуместные, одним словом неудовлетворяющие, хотя бы они были хороши сами по себе».

28 марта, $\frac{1}{2}$ 11-го ночи: «Писал мало под тем предлогом, что болен».

29 марта: «... писал довольно мало... Я писал повесть с охотой; но теперь презираю и самый труд, и себя, и тех, которые будут читать ее; ежели я не бросал этот труд, то только в надежде прогнать скуку, получить навык к работе и сделать удовольствие Татьяне Александровне. Ежели примешивается тут тщеславная мысль, то она так невинна, что я извиняю ее в себе, и приносит пользу — деятельность».

31 марта: «Отделал одну главу... Ванюшка лениво переписывает». Ванюшка, переписывавший главы «Детства», — тот самый Ванюша, о котором Толстой вспоминал в своих «Воспоминаниях детства», говоря о брате Дмитрии — Иване Васильевиче Суворов, скончавшийся в глубокой старости в Ясной поляне.¹ В рукописи III ред. «Детства», главы: 7-я «Приготовления к охоте», 8-я (потом исключенная) «Что же и хорошего в псовой охоте?», 8-я «Охота», 9-я «Что-то в роде первой любви», 11-я «Любочка» и 12-я «Гриша» написаны старательным, похожим на детский, почерком. На основании приведенной и последующих записей дневника можно определенно утверждать, что перечисленные главы переписывались Ванюшей.

1 апреля: «Писал главу о молитве, шло вяло. Ванюшка переписывает дурно и вяло, но не теряю надежды его приучить... Писал, писал, наконец, стал замечать, что рассуждение о молитве имеет претензию на логичность и глубину мыслей, а не последовательно. Решился покончить чем-нибудь, не вставая с места, и сейчас сжег половину — в повесть не помещу, но сохраню, как памятник».

Под главой «о молитве» здесь разумеется глава 12-я «Гриша» (III ред.). Рассуждение, не вошедшее в «Детство» и сохраненное автором, «как памятник», дошло до нас. Оно напечатано в настоящем томе (стр. 247 — 8).

2 апреля: «Встал в 9, читал и писал... После обеда читал и засадил Ванюшку, обещая ему поместить его мать на Грумант.² Он стоит этого... Ужинал и после ужина писал до сих пор, до $\frac{1}{4}$ второго, 2-й день очень плох, *нужно заняться им хорошенько*».

3 апреля: «Писал немного... Работа с Ванюшкой подвигается. Я меньше конфужусь. 1-я глава «Стихи» написана, но я не составил о ней никакого мнения, скорее дурна, чем хороша, ежели я в нерешительно-

¹ См. полн. собр. соч. Толстого под ред. П. И. Бирюкова, М. 1913, т. 1, стр. 285.

² Деревня в трех верстах от Ясной поляны, принадлежавшая Толстым. См. «Воспоминания детства» Толстого в полн. собр. соч. под ред. П. И. Бирюкова, М. 1913, т. I, стр. 291.

«Так как ты очень доволен Ванюшей, — писала Толстому Т. А. Ергольская 20 июня 1852 г., — то передай ему от меня поклон; он лакей и повар, обе должности исполняет хорошо, и это делает ему честь. Ты хорошо сделал, что взял его с собой — это умный малый и годен на все. Его мать устроена в Грумант, чем она очень довольна». Из неопубликованного письма, хранящегося в архиве Л. Толстого. Оригинал по-французски.

сти». 17-я глава (III ред.) «Стихи» — названа здесь 1-й потому, что это — 1-я глава «2-го дня», что и помечено в рукописи III ред.

5 апреля: «... писал очень мало... Завтра встаю со светом и кончаю 1-ый день и пересматриваю его».

6 апреля: «Писал до обеда... Еще писал, но не тщательно, потому что клонил сон... дописал первый день, хотя не тщательно, но слог, кажется, чист, и прибавления не дурны.»

7 апреля: «Перечел и сделал окончательные поправки в 1-ом дне. — Я решительно убежден, что онъ никуда не годится. Слог слишком небрежен и слишком мало мыслей, чтобы можно было простить пустоту содержания. Однако, я решился докончить корректуры всей первой части и завтра примусь за 2-й день. Пошлю ли я или нет это сочинение? Я не решил. Мнение Николеньки решит это дело».

8 апреля: «Обедал, принялся писать, но был не в духе, поэтому, написав две страницы, бросил».

10 апреля: «... принялся за роман, но, написав две страницы — остановился, потому что мне пришла мысль, что второй день не может быть хорош без интересу, что весь роман похож на драму. Не жалею, отброшу завтра все лишнее».

11 апреля: «Думал о переменах, которые нужно сделать в повести, и ежели тоска и апатия, которые я чувствовал нынче — пройдут, завтра примусь за дело.»

12 апреля: «... переводил, потом писал, обедал, еще писал... У меня становится дурная привычка навязываться с чтением моей повести.»

16 апреля: «Писал, но, кажется, нехорошо... Завтра надо рано встать, писать письма, *писать...*»

17 апреля: «Писал новую главу «Ивины», но вышло дурно. Гости у хозяина и их разговоры мешали мнѣ заниматься и занимали меня... Отдал переписывать первый день».

19 апреля: «Я вспомнил эпизоды Осташевского сада и жалею, что не поместил их в повести».¹

Затем отметки о писании «Детства» имеются в записях 20, 21 и 23 апреля.

После последней записи перерыв в работе до 10 мая, когда записано: «Завтра принимаюсь за продолжение «Детства», и может быть за новый роман».

11 мая: «Писал немного без всякого самолюбия и очень легко. Мне пришло на мысль, что я очень был похож в своем литературном направлении этот год на известных людей (в особенности барышень), которые во всем хотят видеть какую-то особенную тонкость и замысловатость».

18 мая: «Встал рано, писал «Детство», оно мне опротивело до крайности, но буду продолжать».

Под 19, 20 и 21 мая записано о работе над «Детством».

22 мая: «... переписывал «Письмо», за второй частью которого придется подумать. Перечитывал главу «Горе» и от души заплакал. Действительно

¹ Об «эпизодах Осташевского сада» см. рассказ Толстого в биогрaфии П. И. Бирюкова «Л. Н. Толстой», т. I, изд. 2-е, стр. 118 — 119.

есть места прекрасные, но есть и очень плохие.— Я становлюсь чрезвычайно небрежен во всем. Надо себя принудить». «Письмо» это — 26-я глава (III ред.), а «Горе» — 27-я.

23 мая: «Докопчил «Письмо» довольно хорошо... *Детство* кажется мне не совсем скверным. Ежели бы достало терпенья переписать его в 4-й раз, вышло бы даже хорошо».

25 мая: «...писал мало, потому что задумался на мистической, мало-смысленной фразе, которую хотел написать красноречиво. Потерял за ней все утро и все-таки не доволен».

26 мая: «Кончаю последнюю главу... Завтра кончаю «Детство», пишу письма и начинаю окончательно пересматривать».

27 мая: «Утром окончил «Детство» и целый день ничего не мог делать. Начало, которое я перечитывал, очень плохо, но все-таки велю переписать и тотчас же пошлю».

Таким образом переработка II ред. в III потребовала с лишним два месяца — с 21 марта по 27 мая 1852 года.

Рукопись и III ред. сохранилась.¹ Текст ее отличается от текста II ред. отсутствием ряда глав (так, здесь исключены главы 18 и 19 II ред.) и значительными сокращениями в ряде глав; сжаты (а некоторые и совсем исключены) отступления-рассуждения; с другой стороны, написана новая глава «Ивины» (20-я III ред.).

Стилистические же изменения, как всегда у Толстого, прошли через все абзацы всех глав, так что трудно указать пять-десять строк, текст которых слово в слово совпадал бы с текстом предыдущей редакции. (Более подробные сведения о тексте III ред. см. здесь дальше в «Сравнительном обзоре состава глав всех четырех редакций».)

С 30 мая 1852 года началась окончательная отделка текста, давшая в результате IV редакцию.

Под этим числом в дневнике записано: «... написал письмо Татьяне Александровне, которое не послал и которым не доволен... Есть ли у меня талант сравнительно с новыми Русскими литераторами? Положительно нету». Письмо к Т. А. Ергольской сохранилось, и в нем есть такие строки о работе над «Детством»: «Мои литературные работы также подвигаются понемногу, хотя я еще не думаю ничего печатать. Я три раза переделал работу, которую начал уже давно, и я рассчитываю еще раз переделать ее, чтобы быть довольным. Быть может, это будет работой Пенелопы, но это не отталкивает меня; я пишу не из тщеславия, но по влечению, мне приятно и полезно работать и я работаю».²

Под 31 мая в дневнике записано: «Был у меня писарь, отдал и прочел ему 1-ую главу. Она решительно никуда не годится. Завтра переделаю вторую, и по мере того, как буду переписывать, буду переделывать».

¹ Описана ниже под № 3

² См. Полное собр. соч. Л. Н. Толстого, под ред. И. И. Бирюкова. Изд. Сытина. 1913 г. т. XXI, стр. 122 Письмо к Т. А. Ергольской Толстой на этих днях все-таки послал, потому что есть ответ на него Ергольской, которая 20 июня писала: «Твои литературные сочинения идут по-прежнему, ты говоришь; ты хорошо делаешь, что не бросаешь работу подобного рода; если ты находишь в ней удовольствие, нужно надеяться, что сделаешь в ней успехи». Из неопубликованного письма, хранящегося в архиве Толстого.

1 июня: «Толковал про всякие глупости с Б. и имел глупость прочесть ему несколько глав из «Детства». Я вижу, что ему не понравилось, и не говорю, чтобы это было потому, что он не понимает, — просто дурно. — Писец переписывал 1-ую главу порядочно; а я был так ленив, что даже не приготовил в целый день следующей. — Завтра переправлю с утра столько глав, сколько успею». Б. — знакомый офицер Буюмский.

2 июня: «...поправляя «Детство», задал работу писарю... Хотя в «Детстве» будут орфогр. ошибки,¹ оно еще будет сносно. Все, что я про него думаю, это то, что есть повести хуже; однако, я еще не убежден, что у меня нет таланта. У меня, мне кажется, нет терпения, навыка и отчетливости, тоже нет ничего великого ни в слоге, ни в чувствах, ни в мыслях. — В последнем я еще сомневаюсь, однако».

Затем записи о работе над «Детством» идут под 4, 6, 7, 8, 11 и 12 июня.

13 июня: «Иван Моисеевич воняет и по рассказам хозяйки пьяница. Пересмотрю завтра не переписанные им главы 1-ой части. Писал довольно...»

14 июня: «Отказал Ивану Моисеевичу».

15 июня: «Писал. Кончил вторую² часть, перечел ее и опять очень недоволен, однако, буду продолжать. После обеда не писал».

16 июня: «Продолжал с большими сокращениями (вторую) 1-ую часть. Хотя как-нибудь покончить».

17 июня: «Переписал дурно и мало».

18 и 19 июня: «Переписывал мало, но за то Б. серьезно принялся».

20 июня: «...потом писал. Прибавил описание уборки порядочно». «Уборка» — это абзац: «Хлебная уборка была во всем разгаре...» в главе II (IV ред.).

22 июня: «Написал недурную главу игры... Начинаю чувствовать необходимость и желание в третий раз переписать «Детство». Может выйти хорошо». Глава «Игры» — VIII глава IV ред., впервые появляющаяся лишь в этой редакции. Слова «в третий раз переписать Детство» — вероятно описка вместо «в четвертый», не считая при этом I ред. (по нашему счету).

25 июня: «Писал до обеда нехорошо, после обеда почувствовал зубную боль и писал еще хуже»... И еще записи под 28, 29 и 30 июня.

1 июля: «Завтра кончу «Детство» и решу его судьбу».

2 июля: «... окончил «Детство» и поправляя его».

3 июля: «...поправляя «Детство»».

На этом кончаются записи в дневнике о работе над «Детством». Таким образом, окончательная отделка заняла с небольшим месяц — с 30 мая по 3 июля 1862 года — во время пребывания Толстого в Пятигорске.³

¹ Здесь под словом «орфографические» (в изд. Черткова неправильно напечатано: «огром») надо очевидно понимать «грамматические»

² Вероятно в этой записи «вторую» описка вместо «первую». См. следующую запись.

³ В записи дневника от 12 июля есть такое место: «Читал М. Д. — плоско». В следующей записи, от 13 июля: «Обедал, слушал, как Б. читал М. Д... Кончил М. Д.». В издании В. Г. Черткова (стр. 143) под буквами «М. Д.» понимается «Мое детство», что неверно. Под «М. Д.» здесь нужно разуметь Михайловского-Данилевского.

Рукопись IV ред., посланная Толстым в редакцию «Современника», не сохранилась, и окончательный текст повести мы имеем в отдельном ее издании 1856 г. (текст «Современника» искажен по цензурным требованиям).

По сравнению с текстом III ред., окончательный текст сокращен. Наиболее существенные сокращения произведены в двенадцати главах — I, IV — VI, X — XII, XVII, XVIII, XX, XXIV и XXV, прибавлено же — одна глава (VIII) и абзац в I гл.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К «ДЕТСТВУ».

В архиве Л. Н. Толстого, хранящемся в Библиотеке Союза ССР им. Ленина, имеются следующие рукописи, относящиеся к «Детству»:

1 (II. IV). Рукопись без заглавия I редакции романа «Четыре эпохи развития», представляющая собою автограф Толстого на 47 листах (94 страницах) форматом в лист плотной белой писчей бумаги (без водяных знаков), исписанных с обеих сторон. Страницы перенумерованы самим Толстым, но в нумерации сделано две ошибки: дважды поставлены номера: «55» и «61», почему оказалось всего 92 страницы, тогда как на самом деле их 94. Нами сохранена нумерация Толстого. Листы вырезаны из переплетенной тетради после написания, причем во многих местах оказались отрезанными последние буквы строк. Последняя страница чистая. Текст писан разными чернилами, но большая часть его рыжеватыми, может быть выцветшими, и испещрен поправками, зачеркиваниями (горизонтальными линиями по словам и крест-на-крест по ряду строк), вставками, написанными на полях и между строк, и пометами, написанными поперек строк текста. Почерк, вообще не очень разборчивый, местами с трудом поддается дешифровке.

Описываемая рукопись дает первоначальный текст романа «Четыре эпохи развития», части которого должны были называться: «Детство», «Отрочество», «Юность» и «Молодость». На стр. 88-ой текст рукописи и знак вноски — крестик перед словом «разговор», указывают, что до нас не дошло какое-то количество строк или страниц, относящихся к этому месту, но тот факт, что в нумерации страниц нет пропуска и что последняя (92-я) страница не исписана, указывает на то, что описываемая рукопись дает в общем полностью то, что было написано Толстым в качестве I редакции задуманного романа.

Текст описываемой рукописи до сих пор не был опубликован ни полностью, ни в частях и впервые печатается в настоящем томе (стр. 103 — 166).

Нами воспроизводится полностью все незачеркнутое Толстым, из зачеркнутого же печатается в *ломаных скобках* все значительное по размерам и представляющее интерес с точки зрения композиции произведения, отдельные же зачеркнутые на ходу письма слова за весьма незначительными случаями не воспроизводятся. О правилах, принятых при воспроизведении текста, см. стр. XXI — XXIII.

2 (II. IV). Рукопись II редакции «Детства» — автограф Толстого на 192-х страницах в 4^о, из которых 176 представляют собою 44 полулиста писчей белой бумаги (без водяных знаков), согнутых пополам, и

16 страниц — 8 четвертушек, исписанных с обеих сторон и не сшитых между собою. Последнее обстоятельство позволяло отдавать отдельные главы в переписку, работая в то же время над отделкой других глав, что и делал Толстой, как видно из его записей дневника, выше нами приведенных.

Полулисты (4 страницы) перенумерованы самим Толстым, но нумерация не соответствует действительности, так как иногда один и тот же номер стоит на двух или даже на трех листах. Последний полулист по счету Толстого — 39-ый. Страницы имеют поля, во многих местах записанные. Чернила — рыжеватые.

В правом верхнем углу первой страницы имеется заглавие: «(1-ый день) Детство». Текст разделен на главы. Нумерованных глав 25, нумерованных — 7. Кроме того, глава 24-я «Горе», можно думать, должна была быть разделенной на две главы, и таким образом всех глав в этой редакции получалось 33. Ни полностью, ни в отрывках текст этой рукописи в печати не появлялся. Нами из него печатается двадцать шесть отрывков (варианты №№ 1, 2, 6, 8, 9, 12—20, 22, 24—34).

3 (П. IV). Рукопись III редакции «Детства» — автограф Толстого, представляющий собою, как и рукопись II ред., пачку полулистов, согнутых пополам и не сшитых между собою. Полных (в 4 страницы) полулистов 72 и 3 четвертушки (по 2 страницы), а всего, таким образом, 294 страницы. Полулисты и страницы нумерованы самим Толстым, но с ошибками: по его счету оказалось 291 страница. На верху первой страницы написано:

⟨Четыре эпохи развития.⟩

⟨Воспоминания о нѣсколькихъ дняхъ.⟩

⟨Первый день.⟩ Дѣтство.

⟨Первый день.⟩

Весь текст написан рукою Толстого, кроме глав: 7-й «Приготовления к охоте», 8-й (потом исключенной) «Что же и хорошего в псовой охоте?», 8-й «Охота», 9-й «Что-то в роде первой любви», 11-й «Любочка» и 12-й «Гриша», которые написаны тщательным почерком по линейкам. Главы эти переписывал крепостной Толстого Ванюша Суворов.¹ Чернила рыжеватые разных оттенков, характерные для писаний кавказского периода. Зачеркиваний и вставок по сравнению с рукописями предыдущих редакций меньше. На последней странице, в большей части занятой текстом, написан рукою Толстого французский ребус: venance, g, France, d, fert, k, Colbert, Paris² и нарисованы трое весов на коромысле; на левых чашках, перевешивающих правые, написано: «хвалить, хвалить, искусство», а на правых чашках — «хулить, хулить, критика». См. снимок с этой страницы между стр. 166 и 167.

Весь текст разделен на 29 нумерованных глав и одну (первоначально бывшую 8-й) потом исключенную; таким образом всего в III ред. было сначала 30 глав.

¹ См. выше «Историю писания Детства».

² Слова написаны одно под другим и читаются: J'ai souvenance des souffrances, qu'a souffert Paris sous Colbert — я вспоминаю о страданиях, которые претерпел Париж при Кольбере.

Текст этой рукописи полностью напечатан С. А. Толстой в ее 12-м издании «Сочинений графа Л. Н. Толстого». М. 1911, часть 1-я. Здесь воспроизведено все, незачеркнутое в рукописи, а из зачеркнутого даны в приложении два отрывка: глава 8-я «Что же и хорошего в псовой охоте?», исключенная автором, и эпизод с пьяным Карлом Ивановичем (из 25-й главы). Текст рукописи напечатан вполне удовлетворительно (орфография и пунктуация оригинала не воспроизведены), но в него сделаны вставки из IV ред. (что обозначено звездочками); таким образом текст получился «сводный», т. е. не Толстого. Нами в вариантах дается из этой рукописи восемь отрывков (варианты №№ 3 — 5, 7, 10, 11, 21 и 23).

4 (II. IV). Рукопись главы «Къ читателямъ» — автограф Толстого, представляющий собою полулист белой писчей бумаги (без водяных знаков), согнутый пополам (4 страницы в 4^о) с цифровой пагинации «40», с текстом, озаглавленным: «Къ читателямъ. Глава (34-я) 1». Цифра «40», бумага, почерк и цвет чернил заставляют видеть в этой рукописи главу II ред. «Детства», которая должна была сначала занимать место после последней (25-й) главы. То обстоятельство, что глава «К читателямъ» сначала была помечена «34-й», указывает на то, что Толстой считал одно время во II ред. 33 главы, к которым он и прибавлял 34-ю, но потом решил поместить ее первой, на что указывает цифра «1», поставленная правее зачеркнутой цифры «34». Но и от этого намерения Толстой отказался, откинув эту главу в III ред. Нами глава печатается в вариантах (№ 33). Впервые эта глава была напечатана в «Полном собрании сочинений Л. Н. Толстого» под ред. П. И. Бирюкова, изд. Сытина, [1912] г., т. I, стр. 7 — 9.

5 (II. IV). Рукопись главы «Къ критикамъ» — автограф Толстого на 8 страницах (два полулиста, согнутые пополам) в 4^о белой писчей бумаги (без водяных знаков) с текстом, озаглавленным: «Глава... Къ тѣмъ Господамъ критикамъ, которые захотятъ принять ее на свой счетъ». После заглавия идет конспект главы «К читателямъ», после чего следует обращение к критикам: «Милостивые Государи!»... и т. д. Из этого видно, что обе эти главы в таком именно порядке должны были заключать собою «Детство» во II ред. И эта глава была откинута в III ред. Текст ее печатается нами впервые, в вариантах. См. вар. № 34.

6 (II. IV). Рукопись плана романа «Четыре эпохи развития» — автограф Толстого на одном листе (2 страницы) в 4^о белой писчей бумаги (без водяных знаков), сверху оборванной. Заглавия никакого нет. В печати не появлялось. Так как в большей своей части текст плана относится к «Отрочеству» и «Юности», то полностью он печатается во II томе настоящего издания. Относящееся к «Детству» печатается в этом томѣ (см. стр. 307).

7 (II. IV). Рукопись второго плана романа «Четыре эпохи развития» — автограф Толстого на одном листе (4 страницы) белой бумаги малого почтового формата (без водяных знаков). Этот план составлен после того, как было написано «Детство» (на что указано в «плане»). И этот «план» в печати не появлялся. Так как «план» почти исключительно относится к «Отрочеству», «Юности» и «Молодости», то нами он помещается во II томе настоящего издания.

8 (II. IV). Рукопись, начинающаяся словами: «Секли ли нас или нет...» — автограф Толстого на одном листке (2 страницы) в 4^о белой писчей бумаги (без водяных знаков), повидимому вырванном из тетради, с цифрой «22». Чернила очень бледные. Текст представляет собою вставку в 16-ю главу II ред. В печати не появлялось. Нами печатается в вариантах. См. вар. № 16.

9 (II. IV). Рукопись, начинающаяся словами: «В числе последних был один...» — автограф Толстого на одном листе (2 страницы) в 4^о белой писчей бумаги (без водяных знаков), представляющий собою вставку в 17-ю главу II ред. В печати не появлялось. Нами печатается в вариантах. См. вар. № 17.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР СОСТАВА ГЛАВ ВСЕХ ЧЕТЫРЕХ РЕДАКЦИЙ «ДЕТСТВА».

Не считая возможным в настоящем издании опубликовать полностью тексты II и III редакций, мы печатаем из них лишь отрывки; для указания же местонахождения их в рукописных текстах дается настоящий обзор, позволяющий вместе с тем следить за тем, как шла работа автора. За основание сравнения взята окончательная (IV ред.), с текстом которой и сравниваются тексты первых трех редакций.

I глава «Учитель Карл Иванович». В I ред. собственно нет соответствующего этой главе места, и лишь на стр. 8 — 11 есть места, вошедшие в состав I главы IV ред.

Во II ред. этой главе соответствует 1-я глава «Учитель Немец». Текст ее близок к тексту IV ред., кроме следующего: 1) Вместо последней фразы четвертого с конца абзаца IV ред. («На другой стене висели...»): «Налево от доски был угол, в который нас ставили на колени...», во II ред. имеется помещенное нами в вариантах. (См. вариант № 1.) 2) После третьего с конца абзаца IV ред. во II ред. имеется помещаемое нами в вариантах (См. вариант № 2), после чего идет то, что в IV ред. со слов: «Вот какой был вид из них...» Остальные отличия текста II ред. от IV более или менее незначительны.

В III ред. этой главе соответствует: «Глава I-я. Учитель Карл Иванович». Текст ее тот же самый, что и II ред. с незначительными отличиями.

II глава «Мама». В I ред. эта глава имеется лишь в зачаточном виде на страницах 11 — 12. С другой стороны, во всех последующих редакциях отсутствует рассказ о ночном эпизоде с Карлом Ивановичем.

Во II ред. этой главе соответствует 2-я глава (не вся). Первоначально она была названа: «Bonjour papa», но это заглавие зачеркнуто, и дано другое: «Bonjour maman». По тексту она близка (с незначительными отличиями) к IV ред.

В III ред. этой главе соответствует: «Глава 2-я. Маман». Текст ее почти ничем не отличается от текста II ред.

III глава «Папа». В I ред. этой главе соответствуют с конца 12-й по 16-ю (включительно) страницы. Текст их в общем довольно близок к тексту IV ред., но несколько пространнее последнего.

Во II ред. этой главе соответствуют: конец 2-й главы; глава без номера, сначала названная: «Bonjour papa», потом: «Портрет папа», и глава без номера «Bonjour papa». Конец 2-й главы II ред. по тексту очень близок (с незначительными отличиями) к первым двум абзацам III главы IV ред. Начало главы «Портрет папа» дает текст, соответствующий тексту III главы IV ред., начиная с третьего абзаца и кончая словами папа: «Оставить в конторе и отнюдь никуда не употреблять без моего приказанія». Во II ред. это место очень близко к тексту IV ред. Затем (во II ред.) идет:

«Яковъ продолжалъ разспрашивать: «какъ прикажете на счетъ того-то и того-то?» и все какъ будто не понималъ; видно было, что ему что-то хотѣлось сказать, но онъ не рѣшался, такъ что совѣщаніе продолжалось довольно долго, и я не слушалъ больше, а смотрѣлъ на лицо и фигуру папа».

После этого идет пространная характеристика папа, вошедшая в несколько переработанном виде в X главу IV ред. Глава «Bonjour papa» соответствует тексту III главы IV ред., начиная с абзаца «Яков помолчал несколько секунд» и до конца главы. Текст во II ред. очень близок к IV ред., имея незначительные отличия.

В III ред. этой главе соответствует «Глава 3-я. Папа», дающая с незначительными отличиями тот же текст, что и в IV ред.

IV глава «Классы». В I ред. этой главе соответствуют страницы 17-я, 25-я и 26-я. Здесь нет еще ни речи Карла Ивановича, обращенной к Николаю, ни диктовки; зато имеется характеристика взаимных отношений татап и папа (стр. 18 — 19), подробно изложенный разговор между ними (конец 19 — 24 страницы) и мечты рассказчика (стр. 26).

Во II ред. этой главе соответствует «Глава 3-я. Классы». Здесь имеется уже все, составившее содержание IV главы IV ред. в тексте, близком к тексту последней; с другой стороны, есть и характеристика взаимных отношений татап и папа (в сокращенном виде по сравнению с I ред.), разговор же между ними передан в виде отрывков фраз и отдельных слов, доносящихся до слуха подслушивающего у окна рассказчика, но и это зачеркнуто крест-на-крест и по написанному помечено: «переминуть». Мечты рассказчика изложены здесь в тексте, очень близком к I ред.

В III ред. этой главе соответствует «Глава 5-я. Классы». Текст ее в общем близок к тексту IV ред., но имеет следующие наиболее значительные отличия: 1) Между абзацом IV главы IV ред.: «Должно быть, Николай хотел» и следующим в III ред. имеются два абзаца, помещаемые нами в вариантах. (См. вариант № 3). 2) Между абзацом IV главы IV ред.: «Много и долго говорил» и следующим в III ред. имеется абзац, помещаемый нами в вариантах. (См. вариант № 4). 3) Характеристика взаимных отношений татап и папа имеется в несколько переработанном виде по сравнению с предыдущими редакциями, а разговор татап с папа изложен в одном коротеньком абзаце:

Володя пересталъ говорить діалоги, и до меня изъ кабинета ясно долетали отрывки нѣкоторыхъ фразъ. По этимъ отрывкамъ я понималъ общій смыслъ разговора. Папа говорилъ, что нынѣш-

ній годъ доходы были такъ малы, а расходы такъ велики, что нельзя было и думать всѣмъ домою жить въ Москвѣ, но что дѣтямъ, особенно Володѣ, которому скоро тринадцать лѣтъ, давно уже пора учиться чему нибудь, кромѣ Тирольскихъ пѣсенъ и дѣялогонъ Карла Ивановича, что на лѣто онъ ихъ привезетъ въ деревню, а будущей зимой, Богъ милостивъ, и всѣ переѣдемъ въ Москву. — «Я знаю, мой другъ; что это для ихъ же пользы, но все-таки мнѣ грустно» — отвѣчала тапан и отошла отъ окошка. —

4) Мечты Николеньки изложены и здесь в тексте, близком к текстам I и II ред., но кончаются фразой, которой нет в этих редакциях:

«Но всѣ эти мечты передать слишкомъ трудно, не потому что онѣ нелѣпы, но потому что онѣ прекрасны».

Всего указанного нет в IV ред.

V глава «Юродивый». В I ред. этой главе соответствуют 27 — 34 стр. Здесь это место изложено пространнее, чем в последующих редакциях.

Во II ред. этой главе соответствует «Глава 4-я. Юродивый». По тексту она ближе к IV ред., чем I ред.: разговор между тапан и папа о странниках более краток, чем в I ред., но несколько пространнее, чем в IV ред.

В III ред. этой главе соответствует «Глава 6-я. Юродивый». И здесь текст, очень близкий к тексту II ред., пространнее текста IV ред.

VI глава «Приготовления к охоте». В I ред. этой главе соответствуют 35 — 38 страницы. Текст их близок к IV ред. и отличается только тем, что заключает в себе небольшое рассуждение об охоте.

Во II ред. этой главе соответствует «Глава <5>¹ 4. Приготовления к охоте», начинающаяся так же, как и соответствующее место в I ред., но здесь (во II ред.) после слов I ред.: «за что мы и принялись с большим нетерпением кончить и бежать наслаждаться у крыльца видом собак, запахом лошадей и разговором с охотниками» идет абзац:

Должно быть съ лѣтами чувство обонянія у меня совсѣмъ перемѣнилось. Отчего, сколько теперь я не приноживаюсь къ запаху лошадей — этотъ запахъ совсѣмъ не имѣетъ для меня того значенія и прелести, которыя прежде имѣлъ.

После этого абзаца во II ред. написано: «Глава 6-я. Что же <дурного> и хорошего-то в псовой охоте?

За что охота с собаками...» Дальше идет как в I ред., кончая словами: «А вот что», после которых идет рассказ о тетушке, ловившей зайца, т. е. эпизод, имеющийся и в I ред. в другом месте (конец 40 — 41 стр.). Здесь (во II ред.) эпизод этот дважды изложен несколько подробнее, чем в I ред. Перечеркнув крест-на-крест первый вариант, Толстой снова написал весь эпизод с незначительными отличиями. Вслед за эпизодом о тетушке во II ред. идет эпизод о купце Подъемщикове на охоте, имеющийся и в I ред. (конец 41 — 42 стр.). Здесь (во II ред.) он изложен несколько подробнее и не зачеркнут. После эпизода с купцом Подъем-

¹ Сначала было написано: «5», но потом переделано на «4»

щиковым идет во II ред. «Глава 7-я. Охота», начинающаяся абзацем: «День был жаркий», который в IV ред. помещен в VI главе.

В III ред. этой главе соответствуют главы: «Глава 7-я. Приготовления к охоте», дающая тот же самый текст, что и <5>4-я глава II ред., и «Глава 8-я. Что же и хорошего в псовой охоте?», дающая тот же текст (с незначительными отличиями), что и 6-я глава II ред., причем эпизод с тетушкой здесь имеется лишь во втором варианте II ред., но глава эта перечеркнута,¹ а над ее заглавием рукой Толстого написано в скобках: «Выпустить». Вследствие этого следующая глава, сначала занумерованная девятой, оказалась восьмой. Это — «Глава 8-я.² Охота», начинающаяся так же, как и 7-я глава II ред. абзацем «День был жаркий», дающим тот же текст, что и во II ред. В вариантах помещаем 8-ю (зачеркнутую) главу III ред. (*См. вариант № 5.*)

VII глава «Охота». В I ред. этой главе соответствуют 38 — 40 и 42 страницы, дающие текст по сравнению с текстом IV ред. более краткий; здесь нет между прочим места, соответствующего абзацу: «Хлебная уборка была» IV ред.

Во II ред. этой главе соответствует 7-я глава, начиная с абзаца: «Доезжачий, прозывавшийся Турка». Текст ее несколько пространнее текста I ред., но короче IV ред. Вместо абзаца IV ред.: «Хлебная уборка была», здесь (во II ред.), только фраза:

А жнивье или зелени въ солнечный день, какой прекрасный фонъ для этой картины!

В III ред. этой главе соответствует 8-я глава, начиная с абзаца: «Доезжачий, прозывавшийся Турка». Текст ее тот же самый, что и текст II ред. с незначительными отличиями. Таким образом, абзац «Хлебная уборка была» был написан лишь в IV ред., что подтверждается и записью в дневнике под 20 июня 1852 г.: «Прибавил описание уборки, порядочно».

VIII глава «Игры». В I ред. соответствующего этой главе места нет.

Во II ред. этой главе соответствует «Глава 8-я. <Катенька.> Что-то в роде первой любви». Здесь первый абзац соответствует первому абзацу IV ред., который пространнее, всей же остальной части VIII главы IV ред. соответствует лишь начало второго абзаца:

Когда насъ одѣлили, сидѣть на коврѣ было незначѣмъ, и мы побѣждали играть въ Робинсона. Игра эта состояла въ представленіи сценъ изъ «Robinson Suisse»,³ котораго мы передѣ этимъ читали. Я былъ Эрнестъ, Любочка была мать.

В III ред. этой главе соответствует первая часть главы: «Глава 9-я.⁴ Что-то в роде первой любви». Текст здесь тот же самый, что и во II ред.

Таким образом, в большей своей части глава эта написана лишь в IV ред., что подтверждается и записью в дневнике по 22 июня 1852 г.: «Написал не дурную главу «Игры».

IX глава «Что-то в роде первой любви». В I ред. этой главе соот-

¹ Зачеркивающая линия прошла через три с половиной первых абзаца.

² Сначала было написано: «9», но потом исправлено на «8».

³ [«Швейцарский Робинзон»]

⁴ Первоначально было «10», но потом переделано на «9».

ветствуют 43 — начало 44 стр. Здесь текст по сравнению с текстом IV ред. более краток.

Во II ред. этой главе соответствует глава 8-я, начиная со слов: «Представляя, что она рвет» второго абзаца. Текст ее в общем близок к тексту IV ред. Даем часть этого текста, имеющего отличия от IV ред.

Катенька, нагнувшись надъ червякомъ, сдѣлала это самое движеніе — я смотрѣлъ ей черезъ плечо. — Въ эту минуту вѣтеръ поднялъ косыночку съ ея бѣленькой шейки. — Я смотрѣлъ уже не на червяка, а на голое плечико, которое было отъ моихъ губъ на два пальца — смотрѣлъ, смотрѣлъ и прижалъ къ нему губы такъ сильно, что Катенька отодвинулась, и съ такимъ наслажденіемъ, что я никогда не пересталъ бы, ежели бы она этаго не сдѣлала. Катенька даже не обернулась; но я замѣтилъ, что не только то мѣсто, въ которое я цѣловалъ, но и вся шея ея покраснѣла. Возлодя, не поднимая головы, презрительно сказалъ: «что за нѣжности!» и продолжалъ заниматься пресмыкающимся — у меня же были слезы на глазахъ отъ удовольствія и стыда. —

Чувство этаго удовольствія было для меня совершенно ново и напоминало только то наслажденіе, которое я одинъ разъ испыталъ — глядя свою голую руку. —

Хотя мнѣ было очень стыдно, но я въ продолженіи всего гулянья послѣ этаго не спускалъ глазъ съ Катеньки.

В III ред. этой главе соответствует вторая часть 9-й главы, дающая тот же текст, что и II ред. (с незначительными изменениями).

X глава «Что за человек был мой отец?» Этой главе в I ред. соответствуют 6 и 7 страницы.

Во II ред. этой главе соответствуют главы без номера: «Портрет папа» и «Воплои рара». Здесь, после приведенных выше слов о совещании папа с Яковом (см. здесь главу III), идет характеристика папа, начинающаяся фразой, взятой в скобки: ¹

(Всегда папа слылъ за пріятнаго человѣка, но для меня, хотя я хорошо изучилъ его, онъ ничего не имѣлъ пріятнаго, должно быть оттого, что я слишкомъ хорошо его зналъ.)

После этого идет самая характеристика, в несколько сокращенном и переработанном виде составляющая X главу IV ред. Наиболее существенным отличием ее во II ред. является место, исключенное в последующих редакциях и находящееся во II ред. после фразы:

Впрочемъ все шло къ его самоувѣреннымъ движеніямъ, большому росту, сильному сложенію и плѣшивой головѣ.²

Помещаем это место в вариантах. (См. вариант № 6.) После этого идет о чувствительности папа (что есть и в IV ред., в указанном абзаце X гл.), а затем идет место, отсутствующее в IV ред. и соответствующее

¹ На полях рукою Толстого помечено: Что въ скобкахъ, того не нужно.

² В X главе IV ред. эта фраза (в несколько измененном виде) находится в абзаце: «Он умел взять верх».

щее абзацам IV главы III ред., начиная с абзаца: «Только тот, кто не жывал...» и до конца главы. (См. вариант № 7.) Оно в общем близко к тексту III ред., но в последней подверглось некоторой переработке — в некоторых местах сокращено, в других — развито подробнее. Далее во II ред. идет абзац о любви папа к музыке, близкий тому, что имеется об этом в IV ред. (в указанном абзаце), с тем лишь отличием, что во II ред. сказано, что папа «напевал, аккомпанируя себе некоторые мотивы из опер: «Роберта», «Цампы» и «Двух Слепцов», ставя на одну доску «Двух Слепцов» и «Роберта», по мнению папа, «лучшую оперу, которую он когда-либо слышал». Кончается характеристика папа во II ред. следующими словами:

Какъ и всѣ люди прошлаго Александровскаго вѣка, — вѣка великихъ переворотовъ и событий, которыя живутъ въ нынѣшнемъ, онъ съ гордостью и даже нѣкоторымъ презрѣніемъ-смотрѣль на спокойствіе нынѣшняго. Онъ носилъ общій имъ характеръ внѣшняго благородства, устарѣлаго волокитства и смѣлости. Жизнь клубная, игорная и помѣщичья тоже оставила на немъ свой отпечатокъ.

Вотъ понятіе, которое я составилъ себѣ объ отцѣ в послѣдствіи.

Этим местом в переработанном виде начинается X глава IV ред.

В III ред. этой главе соответствует «Глава 4-я. Что за человек был мой отец?» Она дает текст более пространный, чем X глава IV ред. Помещаем в вариантах 4-ю главу III ред. полностью. (См. вариант № 7.)

XI глава «Занятия в кабинете и гостиной». В I ред. соответствующего этой главе места нет, но на стр. 45 по написанному наискось написано: «Занятия в кабинете. Запах. Матап играет. Любочка вяжет рагульку», т. е. намечены темы для разработки текста, причем «запах» означает «запах пыли», о чем см. во втором абзаце вар. № 8.

Во II ред. этой главе соответствуют главы: «Глава 9-я. Любочка. Музыка. Отступление.» и «Любочка 12 Г[лава]». Здесь нет того, что сказано в первом абзаце XI главы IV ред., зато, вместо второго абзаца XI гл. IV ред., имеется большое рассуждение. Помещаем 9-ю главу II ред. с начала ее в вариантах. (См. вариант № 8.) В названном Толстым романе Бальзака «Histoire de la grandeur et la décadence de César Birotteau» («История величия и падения Цезаря Биротто») место, о котором говорит Толстой, находится в самом конце I части «César à son apogée» («Цезарь в своем апогее»), только там речь идет не о сонате Бетховена, а об его пятой симфонии.

Сравнение луны над колокольной с точкой над і принадлежит не Ламартину, а Альфреду Мюссе в его «Балладе о луне». Это рассуждение о музыке в рукописи не зачеркнуто, но тем не менее после напечатанного в вариантах (№ 8) идет второй вариант, указывающий на то, что автор, недовольный длинным отступлением, решил сделать краткое. Помещаем и его в вариантах. (См. вариант № 9.) После рассуждения о музыке во II ред. идет:

Мамап играла славно: не стучала изъ всѣхъ силъ, какъ теперешнія музыкантши, не держала педаль при перемѣнѣ гармоніи, не дѣлала *agreggio*¹ тамъ, гдѣ не нужно, не задерживала такту, не прибавляла своихъ фіоритуръ, вообще играла и сидѣла за роялемъ просто, безъ аффектаціи, поэтому-то мнѣ игра ея чрезвычайно нравилась. (У дѣтей чувство прекраснаго вѣрнѣе, чѣмъ у взрослыхъ.)

После этого идет: «Против меня была дверь в кабинет», то есть то, что имеется в третьем абзаце IV ред. (Во II ред. незначительные отличия от текста IV ред.) Затем идет: «Любочка. 12 Г[лава]». Это название вписано позднее, а во время писания этого места оно не составляло отдельной главы. Содержание этой главы составляют рассказ о том, как Любочка расшибла себе нос (этого эпизода в IV ред. нет); приход папа, разговор с мамап о Карле Ивановиче; папа с Любочкой просят прощение и приход Гриши. Из всего этого в IV ред. есть разговор папа с мамап о Карле Ивановиче, его счет (чего нет во II ред.) и приход Гриши.

В III ред. начало 9-й главы II ред. (кончая словами: «меня в покое») находится в самом конце 9-й главы,² а затем идет: «Глава 10-я. (Мамап играет.) Музыка». Помещаем ее полностью в вариантах. (См. вариант № 10.) После этого идет: «Глава 11-я³ Любочка», близкая по тексту соответствующему месту II ред. Помещаем полностью в вариантах и эту главу. (См. вариант № 11.)

XII глава «Гриша». В I ред. этой главе соответствуют 44 — 49 стр., дающие более пространный текст, чем текст IV ред.

Во II ред. этой главе соответствует «Глава 10-я. Гриша» и «Глава 11-я. В чулане». Текст X главы близок к тексту XII главы IV ред., глава же XI гораздо пространнее излагает то, что изложено в последних двух абзацах XII главы IV ред. и, таким образом, ближе к соответствующему месту I ред.

В III ред. этой главе соответствуют также две главы: «Глава 12-я.⁴ Гриша» и «Глава 13-я.⁵ В Чулане». Обе главы очень близки по тексту к главам X и XIII ред. Перед XIII главой (III ред.) имеется помета рукой Толстого: «(Оставить место на 5 строк)», т. е. сократить всю главу до 5 строк, что почти буквально и было сделано в IV ред.

О работе над этой главой (в период работы над III ред.) имеются такие записи в дневнике под 1 апреля: «Писал главу о молитве, шло вяло... Писал, писал, наконец, стал замечать, что рассуждение о молитве имеет претензию на логичность и глубину мыслей, а не последовательно. Решился покончить чем-нибудь, не вставая с места, и сейчас сжег половину — в повесть не помещу, но сохраню, как памятник».

¹ [Арпеджо — звуки аккорда, следующие один за другим.]

² В сочинениях гр. Л. Н. Толстого. Изд. XII. М. 1911. Часть 1-я эта глава разбита на две (9-ю и 10-ю), что не соответствует рукописи, где 10-я глава — «Музыка», а особой главы 10-й издания 1911 г. нет — она составляет в рукописи вторую половину 9-й главы «Что-то в роде первой любви».

³ Первоначально было написано «12», но потом переделано на «11»

⁴ Было сначала написано: «13», но потом исправлено на «12».

⁵ Было сначала написано: «14», но потом исправлено на «13».

Эта запись объясняет вышеприведенную помету в рукописи III ред.

XIII глава «Наталья Савишна». В I ред. нет соответствующего этой главе места.

Во II ред. этой главе соответствует «Глава 13-я. Наталья Савишна», очень близкая к ней по тексту. Здесь (во II ред.) место рождения Натальи Савишны не Хабаровка, а село Андреевское; отец ее кларнетист не Савва, а Савелий, хотя в заглавии главы стоит: «Савишна»; дедушка ссылает Нат. Сав. «в деревню Березовку». В конце главы:

Наталья Савишна скоро вернулась, держа въ рукѣхъ корнетъ, сдѣланный изъ красной бумаги, въ которомъ были двѣ черносливины и одна карамелька. Когда я послѣ показаль этотъ корнетъ мамашѣ, она узнала его и сказала, что онъ былъ съ ѣлки, которую сдѣлалъ для нее дѣдушка, когда ей было 8 лѣтъ.

Слов, начиная со слова «Когда», нет в других редакциях.

В III ред. этой главе соответствует очень близкая к ней по тексту «Глава 14-я.¹ Наталья Савишна». Здесь уже «Хабаровка», кларнетист Савва, но еще есть название деревни «Березовка».

Глава XIV «Разлука». В I ред. этой главе соответствуют 49 — 51 страницы, дающие в зачаточном виде текст XIV главы IV ред.

Во II ред. этой главе соответствует «Глава 12-я Разлука». Здесь нет первых четырех абзацев IV ред.; в остальном текст II ред. близок к тексту IV ред.

В III ред. этой главе соответствует «Глава 15-я.² Разлука», очень близкая по тексту к IV ред.

Глава XV «Детство». В I ред. только последней трети этой главы (начиная с абзаца: «После молитвы») соответствует 10-я страница, где лишь намечено то, что имеется в IV ред.

Во II ред. этой главе соответствует глава без номера: «Отступление. Детство. Глава». По тексту она близка к XV гл. IV ред.

В III ред. этой главе соответствует «Глава 16-я.³ Детство», очень близкая по тексту к IV ред.

Глава XVI «Стихи». В I ред. нет соответствующего этой главе места.

В II ред. этой главе соответствует «Глава 14. Стихи». При этом заглавии есть еще помета: «2-й день». По тексту она близка к XVI гл. IV ред., но между абзацом (IV ред.) «Бабушка была уже в зале» и следующим: «Когда стали подходить к кресту» здесь имеется: «Описание бабушки, ее жизни и страстной любви к татан», как помечено Толстым на полях. Помещаем это место в вариантах. (См. вариант № 12.) Кроме этого, после абзаца IV ред., в конце главы: «Коробочка, рисунок и стихи» во II ред. идет:

Съ этой минуты я поклялся никогда не писать стиховъ. Они поставили меня въ самое ужасное положеніе въ продолженіе

¹ Сначала было написано «15», но потом исправлено «14».

² Сначала было написано «16», но потом исправлено «15».

³ Сначала было написано «17», но потом исправлено «16».

1/4 часа и заставили меня написать ложь, лесть и подлость, за которыхъ совѣсть никогда не перестанетъ мучить меня.

Абзац IV ред.: «В эту минуту я тоже думал» здесь начинается так:

Въ эту минуту я тоже думалъ, что «лучше бы было головку», чѣмъ то, надъ чѣмъ я трудился. Въ тотъ вечеръ, какъ намъ объявили, что будутъ бабушкины именины, и что нужно, чтобы каждый изъ насъ приготовилъ подарокъ, я думалъ о томъ, что пора бы переимѣнить свѣчку, которая догорала въ подсвѣчникѣ, «огарокъ и подарокъ это — стихи, подумалъ я, и я для бабушки напишу стихи». Поэтому я отвѣчалъ, что знаю, что я поднесу бабушкѣ, но не скажу.

Начиная со слов: «я думал о том» и кончая: «напишу стихи» нет в других редакциях.

Во II ред. нет указания (перед стихами Карла Ивановича) на то, что образцов для стихов рассказчик искал у Дмитриева и Державина, но после стихов Карла Ивановича идет:

Прежде, принимая за образецъ стихи изъ «Кавказскаго плѣнника» печатныхъ книгъ, я видѣлъ ясно, что въ тѣхъ, которые я придумывалъ, чего-то недоставало.

В III ред. этой главе соответствует «Глава 17-я.¹ Стихи». При заглавии есть еще зачеркнутая помета: «(Второй день)». Текст III ред. ближе к тексту IV ред., чем текст II ред. Здесь нет характеристики бабушки и других указанных отличий II ред. Вместо сочинений Дмитриева и Державина здесь названы Пушкин и Державин.

Глава XVII «Княгиня Корнакова». В I ред. нет соответствующего этой главе места.

Во II ред. этой главе соответствует «Глава 15-я. Княгиня Корнакова», но перед этой главой имеется глава без номера: «О свете», заключающая в себе рассуждение о «злодеях» романов и характеристику князя Ивана Ивановича. Помещаем в вариантах первую часть этой главы (до характеристики кн. Ив. Ив.) (См. вариант № 13.) Глава XV II ред. начинается иначе, чем XVII IV ред. Помещаем это начало в вариантах. (См. вариант № 14.)

На странице, где находится начало XV главы, поверх написанного, имеются такие пометы:

Переимѣнить описание бабушки — серьезная мина, привычки. Княгиню К[орнакову] — переимѣнить. — А. А., К[нязь] И[ванъ] И[вановичъ]. Краткой очеркъ жизни и характера. Кукурузовъ [—] Новосильцевъ — умной, потому что дурной. Алишкѣва: дама съ Петерб[ургскимъ] рѣзкимъ тономъ. — В. грустная, съ заплаканными глазами. Каратовъ. Сама В. баринъ съ перстнемъ Г. Г. И. «Еще молодой человекъ род.». Родственица — [1 неразобр.] Образъ жизни б[абушк]и и мой. Князя — не злые люди, и описываю но большой свѣтъ. Что такое по моему большой свѣтъ, и что такое хороший и дурной кругъ?

¹ Сначала было написано «18», но потом исправлено «17».

Значение большинства помет делается ясным из дальнейшего текста II ред. (см. вар. № 17 и здесь гл. XXI.) «А. А» вероятно означает: «Александра Алишкеева».

После приведенного в вариантах начала XV главы идет описание наружности княгини Корнаковой, которым начинается XVII глава IV ред., и дальше близко к тексту IV ред., кончая словами папа: «А этот, маленький, с вихрами», — отвечал папа, весело улыбаясь», после чего во II ред. идет:

«А», сказала княгиня и стала спрашивать про тамап. Я посмотрѣлся въ зеркало, и дѣйствительно, <вихры торчали>.

После этого во II ред. идет «Глава 16-я. Что я увидал в зеркале, и секли ли нас в детстве?» Помещаем ее полностью в вариантах. (См. вариант № 15.) Рассуждения «о том, секли ли нас» в рукописи II ред. нет, но оно имеется в автографе на отдельном листке, текст которого и помещаем в вариантах. (См. вариант № 16.)

В III ред. этой главе соответствует «Глава 18-я.¹ Княгиня Корнакова». Текст ее тот же (с незначительными отличиями), что и текст XV и XVI глав II ред., но без рассуждения «о том, секли ли нас».

Глава XVIII «Князь Иван Иванович». В I ред. соответствующего этой главе места нет.

Во II ред. этой главе соответствует «Глава 17-я. Князь Иван Петрович», но с большим отступлением в начале: вместо первых двух абзацов XVIII главы IV ред., во II ред., согласно вышеприведенной помете, выведен ряд лиц, совершенно потом исключенных. Помещаем начало XVII главы II ред. в вариантах. (См. вариант № 17.) В этом варианте текст со слов: «В числе последних был один», кончая: «ежели с таким некрасивым лицом доволен собою» имеется на отдельном листке и представляет собою позднейшую редакцию места, первоначально (в рукописи II ред.) читавшегося:

<Въ числѣ этихъ былъ одинъ среднихъ лѣтъ человекъ, полненькій, розовенькой, съ русыми приглаженными волосами, съ двумя пуговками на одной фалдѣ фрака и съ 2-мя блестящими самодовольтвѣемъ черными глазками и съ чрезвычайно пріятной улыбкой. Онъ поразилъ меня, какъ только взошелъ. Голову онъ держалъ, закинувъ назадъ, ногами нѣсколько шаркалъ, улыбкой ласкалъ. Общій видъ его былъ такой, что онъ, казалось, говорилъ: «вотъ и я взошелъ», но, къ несчастію, во время его появленія бабушка заговорила съ Алишкѣевой, и онъ 2 раза долженъ былъ повторить прѣѣствіе, но улыбка его отъ этаго нисколько не потеряла своей прелести.> Он мнѣ очень понравился.

После приведенного в вариантах (вар. № 17) во II ред. идет: «В это время взошел в комнату маленькими шажками человек в военном мундире, с орденом, высокий, статный, без усов, седой и плешивый», т. е. кн. Иван Иванович. Характеристика кн. Ивана Ивановича, которой

¹ Сначала было написано «19», но потом исправлено «18».

в IV ред. посвящены три абзаца, имеется во II ред. в главе (без номера): «О свете» (см. здесь о XVII гл.), где эта характеристика (в более кратком виде, чем в IV ред.) идет вслед за текстом вар. № 13, в главе же XVII далее идет текст, соответствующий второй части XVIII главы IV ред., начиная с абзаца: «Я не могу наглядеться на князя» и до конца. Текст этого места во II ред. близок к тексту IV ред., кроме конца главы, который помещаем в вариантах и который идет после заключительных слов XVII главы IV ред. (См. вариант № 18.)

В III ред. этой главе соответствует «Глава 19-я.¹ Князь Иван Иванович». Текст ее близок к тексту IV ред., не имея характеристики других гостей бабушки, т. е. текста вар. № 17; характеристика Ив. Ив. из главы II ред. «О свете» введена в текст этой (XIX-ой III ред.) главы, но текст вар. № 18 имеется в несколько другой редакции.

XVIII глава II ред. носит название «Прогулка». Глава эта отсутствует во всех других редакциях. Помещаем ее полностью в вариантах. (См. вариант № 19.)

XIX глава II ред. носит название «Обед» и тоже отсутствует во всех редакциях. Помещаем и ее полностью в вариантах. (См. вариант № 20.)

Глава XIX «Ивины». В I ред. соответствующего этой главе места нет.

Во II ред. тоже нет этой главы, но содержание ее намечено в помете Толстого на странице с текстом XIX главы, где говорится о том чувстве обожания, которое испытывал Николенька к младшему Ивину:

Любовь къ Ивинымъ съ мечтами, надеждами и слезами. Эпизодъ съ И[линк]ою, драка, есть слова, которыя всегда можно говорить, никогда, и одинъ разъ. Злоба II—а тонкія губы, привычка ковырять въ носу.

Характеристика гувернера Ивиных имеется во II ред. в главе XXI.

В III ред. этой главе соответствует близкая к ней по тексту «Глава 20.² Ивины». Существенным отличием ее от текста XIX главы IV ред. является то, что, вместо последних двух абзацов последней, имеется рассуждение о детской психологии, которое даем в вариантах. (См. вариант № 21.)

Глава XX «Собираются гости». В I ред. соответствующего этой главе места нет.

Во II ред. этой главе соответствует «Глава 20-я. Собираются гости». В общем текст ее близок к тексту IV ред., наиболее же существенные отличия такие: 1) В описании, как снимали шубы г-жа Валахина и Сонечка есть такое место:

Она по моимъ догадкамъ должна была быть со мною однихъ лѣтъ и одного роста, но

Bon Dieu, combien elle est jolie,
Et moi je suis, je suis si laid.³

¹ Сначала было написано «20», но потом исправлено «19»

² Сначала было написано «21», но потом исправлено «20».

³ [Мой Бог, как она красива, а я, я так дурен. Стихи из стихотворения Беранже «Qu'elle est jolie» («Как она красива»)].

Я привожу эти два стиха изъ пѣсни Беранже, потому что, при первомъ взглядѣ на нее, мнѣ пришло въ голову именно это грустное сравненіе.

2) После описанія наружности Сонечки было рассужденіе о телосложеніи людей, близкое по мыслямъ к тому, что говорится об этомъ же на стр. 3 — 5 рукописи I ред., но гораздо короче, чемъ в I ред.

3) После словъ бабушки къ Сонечкѣ (абзацъ IV ред.: «Надеюсь, ты не будешь») идетъ о Валахиной, помещаемое нами въ вариантахъ. (*См. вариант № 22.*)

Наконецъ, отметимъ еще, что сынъ Корнаковой во II ред. названъ Сережей.

В III ред. этой главѣ соответствуетъ «Глава 21. Собираются гости», имеющая эпиграфъ:

Bon Dieu, combien elle est jolie
Et moi, je suis, je suis si laid
Beranger.

По тексту она близка къ II и IV ред., кроме начала главы, въ III ред. более разработаннаго, чемъ во II и IV ред.: первому абзацу IV ред. здѣсь соответствуютъ четыре, которые и помещаемъ въ вариантахъ. (*См. вариант № 23.*)

Глава XXI «До мазурки». В I ред. соответствующаго этой главѣ мѣста нетъ.

Во II ред. этой главѣ соответствуетъ первая половина главы XXI «Бал». В общемъ текстъ ея близокъ къ тексту XXI главы IV ред., кроме начала, которое помещаемъ въ вариантахъ. (*См. вариант № 24.*) Вслѣдъ за помещеннымъ въ вариантахъ идетъ характеристика гувернера Ивѣныхъ, близкая по тексту къ той, которая дана въ абзацѣ: «Herr Frost» IV ред. Разговоръ съ Сонечкой во время кадрили здѣсь более развитъ, чемъ въ IV ред.; молодой человекъ, у котораго Николенка отбилъ даму, здѣсь названъ Каратовымъ, а «большая девица», — это — Sachinette Алишкеева, описанная въ XVII главѣ (II ред.); наконецъ, после мѣста, соответствующаго последнему абзацу XXI главы IV ред., во II ред. идетъ абзацъ, который помещаемъ въ вариантахъ. (*См. вариант № 25.*)

В III ред. этой главѣ соответствуетъ «Глава XXII. Бал — до мазурки». По тексту она близка къ II и IV ред., при чемъ начало ея то же, что и во II ред., но характеристики гувернера Ивѣныхъ нетъ (она имеется въ главѣ XX, соответствующей XIX главѣ IV ред.) и вообще нетъ указанныхъ отличій II ред.

Глава XXII «Мазурка». В I ред. нетъ соответствующаго этой главѣ мѣста.

Во II ред. этой главѣ соответствуетъ вторая половина XXI главы, текстъ ея близокъ къ тексту IV ред., но несколько пространнее.

В III ред. этой главѣ соответствуетъ «Глава XXIII. Мазурка». Текстъ ея съ незначительными отличіями тотъ же, что и текстъ второй половины XXI главы II ред.

Глава XXIII «После мазурки». В I ред. нетъ соответствующаго этой главѣ мѣста.

Во II ред. этой главѣ соответствуетъ глава безъ номера «После мазурки». Вместо первыхъ абзацовъ IV ред. (до абзаца «Выпитое вино» исключительно), во II ред. имеется помещаемое нами въ вариантахъ. (*См. вариант*

№ 26.) В остальном текст II ред. близок к тексту IV ред., но пространнее последней.

В III ред. этой главе соответствует «Глава XXIV. После мазурки», с незначительными отличиями дающая тот же текст, что и глава «После мазурки» II ред.

Глава XXIV «В постели». В I ред. нет соответствующего этой главе места.

Во II ред. этой главе соответствует XXII глава «В постели». Текст ее сильно отличается от текста XXIV главы IV ред. Помещаем ее полностью в вариантах. (См. вариант № 27.)

В III ред. этой главе соответствует «Глава XXV. В постеле». Текст ее тот же, с незначительными изменениями, что и XXII главы II ред., но эпизод с Карлом Ивановичем зачеркнут.

Глава XXV «Письмо». В I ред. этой главе соответствуют страницы 50 — 60 и 61а. Здесь текст письма тамапа довольно близок к тексту письма (на русском языке) IV ред., но французского письма нет.

Записка Мими по тексту отлична от IV ред.

Во II ред. этой главе соответствует «глава 23-я. Письмо от 12 апреля. Петровское». Здесь русское письмо значительно обширнее текста IV ред. Наиболее существенным отличием II ред. от IV является место о воспитании детей: двум абзацам IV ред.: «Ты пишешь мне еще о детях» и следующему во II ред. соответствует место, помещаемое нами в вариантах. (См. вариант № 28.) Вслед за письмом на русском языке во II ред. идет текст письма на французском языке. Поперек страницы французского текста помета Толстого: «перевести по-русски». Согласно этой помете, вслед за французским текстом идет перевод письма на русский язык. Текст его в общем довольно близок к тексту (данному только на русском языке) IV ред. После текста перевода письма во II ред. идет глава под заглавием: «Продолжение 23-й главы» Помещаем начало в ее вариантах». (См. вариант № 29.) Помещенное нами в вариантах зачеркнуто. После этого во II ред. идет место, соответствующее последним абзацам XXV главы IV ред. (после записки Мими), а затем еще два абзаца, даваемые нами в вариантах. (См. вариант № 30.)

В III ред. этой главе соответствует «Глава XXVI. <Окончание детства> Письмо». Здесь текст первого письма в общем ближе к тексту II ред., чем IV ред., в частности, место о воспитании детей в учебных заведениях так же пространно, как и во II ред., но несколько отличается от него по тексту. Вслед за письмом на русском языке идет текст перевода французского письма, очень близкий к тексту IV ред.; затем идет записка Мими на французском языке (без перевода). Текст ее тот же, что и IV ред. (где только перевод). Окончание главы такое же, как и в IV ред.

Глава XXVI «Что ожидало нас в деревне». В I ред. этой главе соответствуют страницы 63 — 66. В общем текст здесь близок к тексту IV ред.

Во II ред. этой главе соответствует первая часть главы XXIV «Горе», начинающейся так: «18 Апреля (в большой книге от стр. 63 до стр. 68 и вложенный листок)», т. е. сделана ссылка на рукопись I ред., где на указанных страницах и находится то, что должно было составить первую часть XXIV главы II ред.

В III ред. этой главе соответствует «Глава XXVII. <Горе>. Что

ожидало нас в деревне». Текст ее тот же, с незначительными отличиями, что и текст XXVI главы IV ред.

Глава XXVII «Горе». В I ред. этой главе соответствуют страницы 66 — 68. Текст их является как бы конспектом XXVI главы IV ред.

Во II ред. этой главе соответствует вторая часть XXIV главы, т. е. текст I ред. со слов: «Помню я, как на второй день...» (стр. 66) и кончая словами: «оторвать глаз от него (начало 67 стр.)». Текст же I ред. со слов: «Я смотрел, смотрел...», зачеркнутый в I ред. и дальше, со слов: «Было 12 часов» имеется во II ред. в переработанном виде. Здесь (во II ред.) он соответствует 4-му, 5-му и 6-му абзацам XXVII главы IV ред., будучи к ним близок. Затем во II ред. идет текст тот же, что и в I со слов: «Было 12 часов...» кончая словами: «что не я один бесчувствен». У последнего слова в рукописи I ред. стоит знак вставки, которая имеется в рукописи II ред. Текст этой вставки соответствует тексту в IV ред. со слов: «Мими стояла, присловившись...» (8-й абзац XXVII гл.), кончая 11-м абзацом («Вот кто истинно любил ее!...»). Текст во II ред. близок этому тексту IV ред., но несколько пространнее.

В III ред. этой главе соответствует «Глава XXVIII. Горе». Текст ее тот же, что и XXVII IV ред.

Глава XXVIII «Последние грустные воспоминания». В I ред. соответствующего этой главе места нет.

Во II ред. этой главе соответствует «Глава 25-я. <Что было после>. Некоторые подробности». Текст ее очень близок к тексту XXVIII главы IV ред. Наиболее существенные отличия имеются в начале и в конце. Первым двум абзацам IV ред. соответствуют два абзаца II ред., помещаемые нами в вариантах. (См. вариант № 31.) Вместо последнего абзаца IV ред. во II ред. имеется заключение, помещаемое нами в вариантах. (См. вариант № 32.)

В III ред. этой главе соответствует «Глава XXIX. Еще Наталья Савишна. Еще, но последние грустные воспоминания». Текст ее тот же, что и в IV ред., с незначительными отличиями. Вар. № 32 здесь нет.

Во II ред. было еще две главы: «К читателям» и «К тем Господам критикам, которые захотят принять ее на свой счет». О рукописях этих глав см. в описании рукописей. Текст обеих глав помещаем в вариантах. (См. варианты №№ 33 и 34.)

ИСТОРИЯ ПЕЧАТАНИЯ «ДЕТСТВА» В «СОВРЕМЕННОМ».

В дневнике Толстого от 2 июля 1852 г. записано: «... написал черновое письмо Редактору», т. е. Н. А. Некрасову. На следующий день опять запись: «... написал письмо Редактору». Письмо это сохранилось. Вот что писал Толстой Некрасову, посылая ему «Детство»:

3-го Июля 1852-го года.

Милостивый Государь!

Моя просьба будет стоять вам так мало труда, что я уверен вы не откажетесь исполнить ее. Просмотрите эту рукопись и, ежели она не годна к печатанию, возвратите ее мне. В противном же случае оцените ее, вышлите мне то, что она стоит по вашему мнению, и напечатайте в своем журнале.

Я вперед соглашаюсь на все сокращения, которые вы найдете нужным сделать в ней, но желаю, чтобы она была напечатана без прибавлений и перемен.

В сущности рукопись эта составляет I-ю часть романа — Четыре эпохи развития; появление в свет следующих частей будет зависеть от успеха первой. Ежели по величине своей она не может быть напечатана в одном номере, то прошу разделить ее на три части: от начала до главы 17-ой, от главы 17-ой до 26-ой и от 26-ой до конца.

Ежели бы можно было найти хорошего писца там, где я живу, то рукопись была бы переписана лучше, и я бы не боялся за лишнее предубеждение, которое вы теперь непременно получите против нее.

Я убежден, что опытный и добросовестный редактор — в особенности в России — по своему положению постоянного посредника между сочинителями и читателями всегда может вперед определить успех сочинения и мнения о нем публики. Поэтому я с нетерпением ожидаю вашего приговора. Он или поощрит меня к продолжению любимых занятий, или заставит сжечь все начатое.

С чувством совершенного уважения, имею честь быть,
Милостивый Государь, ваш покорнейший слуга
Л. Н.

Адрес мой: через город Кизляр в станицу Старогладковскую, Поручику артиллерии Графу Николаю Николаевичу Толстому с передачею Л. Н. — Деньги для обратной пересылки — вложены в письмо.¹

Письмо это, написанное тщательным почерком, вероятно, рукою писаря, и рукопись «Детства» были посланы Некрасову не позднее числа 6 июля и вероятно 3-го (дата письма), так как уже 26 июля Т. А. Ергольская писала Толстому: «Наконец, мой милый, *работа Пенелопы* окончена; твой роман написан и отправлен в Петербург. Под каким названием должен он появиться и на каком языке он написан? Горю нетерпением узнать это, еще ббльшим нетерпением горю прочесть его. Желаю тебе полного успеха». (Оригинал, хранящийся в архиве Толстого, по-французски.) Так как письмо с Кавказа шло в Тульскую губернию недели три, то письмо Ергольской от 26 июля служит ответом на письмо Толстого от 4 июля. Под этим числом в дневнике Толстого записано: «... написал письма... Татьяне Александровне».

Получив рукопись и письмо Толстого, Некрасов ответил ему в первых числах августа таким письмом:

Милостивый Государь!

Я прочел Вашу рукопись (Детство). Она имеет в себе настолько интереса, что я ее напечатаю. Не зная продолжения, не могу сказать решительно, но мне кажется, что в авторе ее есть талант. Во всяком случае направление автора, простота и действительность содержания составляют

¹ Печатаем по подлиннику, хранящемуся в Публичной библиотеке им. Ленина в Москве. Впервые письмо напечатано в книге: «Архив села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову». Примечания составил Н. Ашукин. М. Изд. К. Ф. Некрасова. 1916, стр. 185 — 186. В верху письма Некрасовым сделана пометка: «При этом письме прислана повесть «Детство». Автор гр. Лев Толстой». Помета эта сделана Некрасовым значительно позже, как уже указал Н. С. Ашукин (см. указ. книгу, стр. 298).

неотъемлемые достоинства этого произведения. Если в дальнейших частях (как и следует ожидать) будет поболее живости и движения, то это будет хороший роман. Прошу вас прислать мне продолжение. И роман ваш, и талант меня заинтересовали. Еще я посоветовал бы вам не прикрываться буквами, а начать печататься прямо с своей фамилией, если только вы не случайный гость в литературе. Жду вашего ответа.

Примите уверение в истинном моем уважении.

Н. Некрасов.¹

Это письмо Толстой получил 29 августа в Старогладковской, о чем в дневнике записал: «... получил письмо из Петербурга... от Редактора, которое обрадовало меня до глупости. О деньгах ни слова. Завтра писать письма: Некрасову...»

Не дождавшись от Толстого ответа на свое первое письмо, Некрасов послал ему второе (от 5 сентября), в котором, извещая Толстого, что повесть его напечатана в IX книжке «Современника», которая «завтра выйдет», прибавлял, что, «прочитав внимательно в корректуре, а не в слепо написанной рукописи, нашел, что эта повесть гораздо лучше, чем показалось мне с первого раза... Из нее кое-что исключено (немного, впрочем)... Не прибавлено ничего». В приписке Некрасов снова просит сообщить фамилию автора, что нужно «и по правилам нашей цензуры».²

Цензурное разрешение IX книжки «Современника» было подписано В. Н. Бекетовым 31 августа, а 6 сентября, судя по словам Некрасова в приведенном письме, книжка вышла в свет. Текст «Детства» занимает здесь 5 — 104 страницы, имеет заглавие «История моего детства» и подписан буквами: Л. Н.

Некрасову на его первое письмо Толстой ответил 5 сентября, как отмечено в его дневнике под этим числом: «Написал письмо к Некрасову» письмом такого содержания:

Милостивый Государь.

Меня очень порадовало доброе мнение, выраженное Вами о моем романе; тем более, что оно было первое, которое я о нем слышал, и что мнение это было, именно, Ваше. Несмотря на это, повторяю просьбу, с которой обращался к Вам в первом письме моем: оценить рукопись, выслать мне деньги, которые она стоит по вашему мнению, или прямо сказать мне, что она ничего не стоит. —

Принятая мною форма автобиографии и принужденная связь последующих частей с предыдущею так стесняют меня, что я часто чувствую желание бросить их и оставить 1-ую без продолжения. —

Во всяком случае, ежели продолжение будет окончено, и как скоро оно будет окончено, я пришлю его Вам. —

В ожидании Вашего ответа, с истинным уважением, имею честь быть,

Милостивый Государь,

Ваш покорный слуга

Л. Н.

¹ Литературные приложения «Нивы» 1898, № 2 (февраль), стр. 340. Письмо без даты.

² Литер. прил. «Нивы», 1898, № 2, стр. 340 — 341.

Адрес: В г. Кизляр. Графу Николаю Николаевичу Толстому, с передачею Л. Н.

15 сентября
1852.¹

Второе письмо Некрасова (от 5 сентября) Толстой получил 30 сентября, о чем записано в дневнике: «... получил письмо от Некрасова — похвалы, но не деньги».

На второе письмо Толстого, Некрасов ответил лишь 30 октября. В письме этом редактор «Современника» объясняет, почему он умолчал в своих прежних письмах о гонораре: «в лучших наших журналах издавна существует обычай *не платить за первую* повесть начинающему автору, которого журнал впервые рекомендует публике... Я предлагаю Вам то же, с условием, что за дальнейшие Ваши произведения прямо назначу вам лучшую плату, какую получают наши известнейшие (весьма немногие) беллетристы, т. е. 50 р. сер. с печатного листа. Я промешкал писать Вам еще и потому, что не мог сделать Вам этого предложения ранее, не проверив моего впечатления судом публики: этот суд оказался как нельзя более в вашу пользу».

«Я хотел», пишет Некрасов в конце письма, «выслать Вам IX № «Совр.», но, к сожалению, забыл распорядиться, чтобы отпечатали лишний, а у нас весь журнал за этот год в расходе».

Наконец, в приписке к письму Некрасов в третий раз просит сообщить фамилию автора.²

Итак, своего обещания выслать номер «Современника» с «Детством», сейчас же по выходе его в свет, Некрасов не исполнил, и лишь 31 октября Толстой записывает в дневнике: «Прочел свою повесть, изуродованную до крайности».

Изменения в тексте повести, вызванные цензурными требованиями, о чем глухо упоминал Некрасов в своем письме от 5 сентября, возмутили Толстого. Через неделю после прочтения повести, 8 ноября, он в дневнике записывает: «написал письмо Редактору, которое успокоило меня, но которое не пошлю». 17 ноября снова запись: «Еще раз писал письма Дьякову и Редактору, которые опять не пошлю. Редактору слишком жестко, а Дьяков не поймет меня».

Это «слишком жесткое» письмо еще не было опубликовано; оно сохранилось в архиве Толстого. Вот что сгоряча писал Толстой:

18 Ноября
1852.

Милостивый Государь!

С крайним неудовольствием прочел я в IX № Современника *повесть* под заглавием *История моего детства* и узнал в ней *роман «Детство»*, который я послал вам. Первым условием к напечатанию поставлял я, чтобы

¹ Печатаем по подлиннику, хранящемуся в Публичной библиотеке им. Ленина в Москве. Впервые напечатано в книге: «Архив села Карабах», стр. 186 — 187. Дата письма — «15 сентября» расходится с записью дневника 5 сентября и потому означает дату отсылки письма, написанного 5 сентября.

² Литер. прилож. «Нивы», 1898, № 2. стр. 341 — 342.

вы прежде оценили рукопись и выслали мне то, что она стоит по вашему мнению. Это условие не исполнено. Вторым условием — чтобы ничего не изменять в ней. Это условие исполнено еще менее, вы изменили все, начиная с заглавия. Прочитав с самым грустным чувством эту жалкую изуродованную повесть, я старался открыть причины, побудившие редакцию так безжалостно поступить с ней. Или редакция положила себе задачу: как можно хуже изуродовать этот роман, или бесконтрольно поручила корректору его совершенно безграмотному Сотруднику. — Заглавие *Детство* и несколько слов предисловия объясняли мысль сочинения; заглавие же *История моего детства* противоречит с мыслью сочинения. Кому какое дело до истории моего детства?.. *Портрет моей маменьки* вместо *образа моего ангела* на первой странице такая перемена, которая заставит всякого порядочного читателя бросить книгу, не читая далее. Перечеть всех перемен такого рода нет возможности и надобности; но не говоря о бесчисленных обрезках фраз без малейшего смысла, опечатках, неправильно переставленных знаках препинания, дурной орфографии, неудачных перемен слов: *дышать*, вместо *двошать* (о собаках); *в слезах пал на землю*, вместо *повалился* (падает скотина), доказывающих незнание языка, замечу одну непостижимую для меня перемену. Для чего выпущена вся история любви *Натальи Савишны*, история, обрисовывавшая ее, быт старого времени и придававшая возможность и человечность этому лицу. *Она даже подавила любовь к официанту Фоке*. Вот бессмысленная фраза, заменяющая это место. Слово *delire* в записке Мими переведено *горячность*. *Чугунная доска*, в которую бьет караульщик, заменена *медной*. Непостижимо. — Скажу только, что, читая это произведение в печати, я испытал то неприятное чувство, которое испытывает отец при виде своего любимого сына, уродливо и неровно обстриженного самоучкой-парикмахером. «Откуда взялись эти плешины, вихры, когда прежде он был хорошенкии мальчик». Но мое дитя и было не очень красиво, а его еще окорнали и изуродовали. — Я утешаюсь только тем, что имею возможность напечатать с своею фамилиею весь роман отдельно и совершенно отказаться от повести *История моего детства*, которая по справедливости принадлежит не мне, а неизвестному сотруднику вашей редакции.

Имею честь быть, Милостивый Государь, ваш покорнейший слуга Л. Н.

Письмо Некрасова от 30 октября Толстой получил 26 ноября, когда в дневнике записал: «... получил письмо от Некрасова. Мне дают 50 р. сер. за лист, и я хочу, не отлагая, писать рассказы о Кавказе; начал сегодня. Я слишком самолюбив, чтобы написать дурно, а написать еще хорошую вещь, едва ли меня хватит».

В ответ на следующий день Некрасову было написано письмо такого содержания:

Милостивый Государь!

Очень сожалею, что не могу тотчас исполнить вашего желания, прислав что-нибудь новое для напечатания в вашем журнале; тем более, что условия, которые вы мне предлагаете, нахожу для себя слишком выгодными и вполне соглашаюсь на них.

Хотя у меня кое-что и написано, я не могу прислать вам теперь ничего: во-первых, потому, что некоторый успех моего первого сочинения развил мое авторское самолюбие, и я бы желал, чтобы последующие не были хуже первого, во-вторых, вырезки, сделанные цензурой в *Детстве*, заставили меня во избежание подобных переделывать многое снова. — Не упоминая о мелочных изменениях, замечу два, которые в особенности неприятно поразили меня. Это — выпуск истории любви Наталии Савишны, обрисовывавшей в некоторой степени быт старого времени и ее характер и придававшей человечность ее личности, и перемена заглавия. — Заглавие: *Детство* и несколько слов предисловия объясняли мысль сочинения, заглавие же *История Моего Детства*, напротив, противоречит ей. Кому какое дело до истории *моего* детства? Последнее изменение в особенности неприятно мне, потому что, как я писал вам в первом письме моем, я хотел, чтобы *Детство* было первой частью романа, которого следующие — должны были быть: *Отрочество*, *Юность* и *Молодость*.

Я буду просить вас, Милостивый Государь, дать мне обещание насчет будущего моего писания, ежели вам будет угодно продолжать принимать его в свой журнал — не изменять в нем ровно ничего. — Надеюсь, что вы не откажете мне в этом. Что до меня касается, то, повторяю обещание прислать вам первое, что почту достойным напечатания.

Подписываюсь своей фамилией, но прошу, чтобы это было известно одной редакции. — С совершенным уважением имею честь быть,

Милостивый Государь,
Ваш покорнейший слуга
Г. Л. Н. Толстой.

P. S. Будьте так добры, пришлите мне экземпляр моей повести, ежели это возможно.¹

«Написал письмо Некрасову и теперь успокоился на этот счет», записано в дневнике 27 ноября.

ИСТОРИЯ ПЕЧАТАНИЯ «ДЕТСТВА» ОТДЕЛЬНЫМ ИЗДАНИЕМ в 1856 г.

Мысль издать «Детство» отдельной книгой под своей фамилией без искажения текста явилась у Толстого сейчас же по прочтении повести в «Современнике», о чем он и писал Некрасову в неотправленном письме от 18 ноября 1852 г. Но едва ли скоро бы удалось осуществить это, если бы не смерть Николая I 18 февраля 1855 г.

Изменившийся с новым царствованием курс внутренней политики правительства позволял надеяться, что теперь удастся провести через цензуру то, чего не пропускали николаевские цензоры. Во время пребывания своего в Петербурге, по приезде из Севастополя (с 21 ноября 1855 г.), Толстой, вероятно, посоветовавшись со знакомыми литераторами, и решил издать отдельными книгами свои произведения, искаженные цензурой в журналах. Это были «Детство», «Отрочество», «Набег», «Рубна лесу», «Севастополь в декабре», «Севастополь в мае» и «Севастополь в

¹ Печатаем по подлиннику, хранящемуся в Публичной библиотеке им. Ленина в Москве. Впервые напечатано в книге: «Архив с. Карабахи», стр. 187 — 189.

августе». Две первые повести составили одну книгу под заглавием «Детство и Отрочество», остальные рассказы — другую, под заглавием «Военные рассказы».

Сведения о печатании книги «Детство и Отрочество» имеются в дневнике Толстого и в неопубликованных письмах к нему Д. Я. Колбасина, хранящихся в архиве Толстого.

Под 17 мая 1856 г. (день отъезда Толстого из Петербурга в Москву) в дневнике записано: «Утром пришли... Прац и Колбасин 2-ой, последнему отдал из 10 процентов издание «Детства» и «Отрочества». «Прац» это — Эдуард Прац, владелец типографии, в которой должна была печататься книга, а «Колбасин 2-ой» — Дмитрий Яковлевич Колбасин, старший брат начинавшего литератора Елисея Яковл. Колбасина, ведший в то время издательские дела Тургенева.¹

Вскоре после отъезда Толстого из Петербурга, 28 мая было подписано В. Н. Бекетовым цензурное разрешение «Детства и Отрочества», о чем и извещал Толстого Колбасин 2 июня: «Вчера я возвратился из Москвы и нашел, к полному своему удовольствию, что «Детство и Отрочество» уже пропущены обязательным Бекетовым без всяких пропусков... с 6-го числа приступлю к набору «Детства», в котором и *иконка* прошла благополучно.

В следующем письме (без даты) Колбасин сообщает: «Бумага заказана фабриканту, и Некрасова содействие тут не поможет, тем паче, что у него в настоящее время маловато денег, но я как-нибудь улажу — не беда, если с месяц и подождет, тем более, что еще не вся готова. Печатать еще не начал. Прац просит подождать, он скоро кончает другую работу».

Не получив от Толстого ответа на свои два письма, Колбасин шлет третье 21 июня: «Писал я к Вам, Лев Николаевич, два письма, не знаю, получили ли Вы их; если нет, то знайте, что «Детство и Отрочество» Бекетов пропустил без всяких помарок... Поэтому, не получая от Вас известий, я решился приступить к набору только на этой неделе. Бумага заказана и к 28 числу будет вся готова, которой выйдет около 100 стоп, поэтому пришлите рублей 300, чтобы разделаться с поставщиком, а Прац подождет до осени, т. е. к окончанию печатания, потому что раньше сентября печатание не будет кончено, во 1-ых потому что у Праца много работы а во 2-ых, не для чего и торопиться; летом время глухое — книжной торговли никакой — осень же дело другое».

О получении этого или второго письма от Колбасина в дневнике Толстого есть помета в записи от 26 июня: «Вчера получил письма от Колбасина, Некрасова... Надо писать». Из записей дневника не видно, было ли написано письмо Колбасину, но 28 июля в дневнике запись: «С утра написал письмо Колбасину». Это письмо неизвестно. На него Колбасин отвечал 7 августа: «... из сегодня полученных 250 рублей будет уплачено за бумагу 240 руб., следовательно в конце августа или начале сентября потребуются доплатить за бумагу еще 100 руб., которые и прикажите выслать, а также рублей полтора (150 р.) на уплату переплетчикам и другие мелкие расходы. С Працом же я надеюсь рас-

¹ См. «Инструкцию Колбасину» по заданию «Записок Охотника» и «Комедий» Тургенева и «Писем об Испании» Боткина в «Архиве села Нарышкина», стр. 276 — 277.

считаться по выходе книги из первой выручки от продажи издания. Кстати, так как будет всего один том, то я полагаю пустить в продажу по 2 руб. Цена кажется умеренная?... К концу сентября постараюсь окончить наше издание и тогда начнем загребать денежки».¹

В дневнике Толстого под 13 августа имеется запись: «Написал письмо с поправками «Детства и Отрочества» Колбасину». Письмо это неизвестно, как неизвестны и поправки, посылавшиеся Толстым.

В ответ на это письмо Толстого Колбасин пишет 20 августа: «Пишу к Вам, Лев Николаевич, в кратких словах — очень занят. Деньги все получены, поправки тоже, кажется, можно будет обойтись без цензора. Пропуски из Отрочества постараюсь прислать, хотя их очень много. Печатание началось, но я приостановил, ожидая поправок; все издание обойдется нам в 700 руб. сер. или около, мелким шрифтом, т. е. таким, как «Легкое чтение».² В конце августа или в начале сентября пришлите, как я Вам писал, рублей 250, а там посмотрим. Как напечатать в заглавии книги: «История моего Детства и Отрочества», или иначе? — Порошки и мыло Вам высланы. Ваш Д. Колбасин. 26 Августа.»³

Следующее из имеющихся в архиве Толстого писем Колбасина от 20 сентября: «Сегодня, многоуважаемый Лев Николаевич, продержал я корректуру последнего листа нашего издания, и недели через две все будет готово, и книга поступит в продажу. Книга вышла небольшая, но очень милая по наружности. Цена назначается ей 1 р. 50 коп., а с пересылкою 2 рубля, также как и изданная Давыдовым, который тоже окончил печатание.⁴ Дороже пустить нельзя. Пожалуйста вышлите мне рублей 300 для окончательной расплаты, а при первой же выручке денег за книгу, я Вам тотчас вышлю весь капитал, затраченный Вами на издание, с подробным расчетом всей операции. Согласны ли Вы, если случится, продать все издание в одни руки, конечно, с большей уступкой, — или продавать небольшими партиями, т. е. экземпляров по 25-ти и более, с уступкою 20 или 25⁰/₁₀₀? уведомите поскорее об этом и также, как мне поступать с будущими доходами? высылать к Вам или сохранять до Вашего приезда сюда. Кстати — когда Вы приедете? Сколько выслать экземпляров, куда, кому именно и собственно Вам?»

Таким образом, на основании этого письма Колбасина, выход в свет первой книги Толстого «Детство и Отрочество» можно датировать первыми числами (не позднее 6-го) октября 1856 года. Это — книжка в 12 д. л. в зеленой обложке; на заглавном листе ее стоит: Детство и Отрочество. Сочинение Графа Л. Н. Толстого. Санктпетербург. В типографии Эдуарда Праца. 1856. — В книжке 2 нен. и 306 страниц; текст «Детства» занимает 1 — 171 страницы.

Толстой, надо думать, на письмо Колбасина от 20 сентября отвечал

¹ Письмо это Толстой получил 16 августа; под этим числом в дневнике помета: «Получил письмо от Колбасина».

² Сборник «Для легкого чтения. Повести, рассказы, комедии, путешествия»... Изд. А. Давыдова. СПб. 1856 — 59 г.

³ Это письмо приводится целиком, из всех остальных писем Колбасина сделаны извлечения.

⁴ Речь идет о книге Толстого «Военные рассказы».

(это письмо неизвестно) и на вопрос, кому раздать экземпляры книги, назвал, очевидно, между прочими Дружинина, который в большом письме от 6 октября писал: «Детство» и «Военные рассказы» я получил и очень благодарю вас за память».¹ Об этом же писал И. И. Панаев Толстому 13 октября: «У меня на столе лежат ваши *«Военные рассказы»* и *«Детство и Отрочество»*. Последнее издание с большим вкусом, но я уже говорил Колбасину, что цвет обертки неудачен, а обертка придает большую красоту книжки».

Об одной из этих книг в дневнике Толстого есть запись под 13 октября: «Рунич был у меня; он купил мою книгу: она есть въ Туле».

Наконец, есть еще одна запись об этих книгах в дневнике Толстого от 9 ноября 1856 г., сделанная в Петербурге, куда Толстой приехал 7 ноября: «Книги идут плохо».

Об этом же писал он брату С. Н. Толстому 10 ноября: «Книги идут плохо. Продано и тех и других экземпляров 900».

ПЕЧАТНЫЕ ТЕКСТЫ «ДЕТСТВА» (В «СОВРЕМЕННОМ» 1852 г. И В ИЗД. 1856 г.)

В вышеприведенном неотправленном письме к Некрасову от 18 ноября Толстой писал о тексте «Детства» в «Современнике», что «нет возможности перечистить всех перемен: бесчисленных оброек фраз без малейшего смысла, опечаток, неправильно переставленных знаков препинания, чуждой орфографии, неудачных перемен слов. Не зная текста рукописи, посланной Толстым Некрасову, мы не можем судить о том, насколько был искажен этот текст в «Современнике», но, сравнивая последний с текстом издания 1856 г., нужно, пожалуй, отзыв Толстого признать чересчур суровым. В отношении опечаток, например, текст «Современника» не хуже большинства русских книг, вообще, как известно, весьма неисправных по этой части. Но Толстой не ограничился общей оценкой и указал конкретно семь искажений текста рукописи: 1) относительно заглавия в «Современнике» Толстой пишет: «Заглавие *Детство* и несколько слов предисловия объясняли мысль сочинения; заглавие же *История моего детства* противоречит с мыслью сочинения. Кому какое дело до истории моего детства?» Непонятно, о каком «предисловии» говорит здесь Толстой: имеет ли он в виду какое-то свое предисловие, не напечатанное Некрасовым и до нас не дошедшее, или говорит о том, что редактор мог бы сам прибавить предисловие к присланному тексту?

Также неясен и вопрос о заглавии. Несмотря на то, что Толстой определенно был против заглавия «История моего детства», это заглавие имеется и в издании 1856 года, на отдельном листе после заглавного и на первой странице текста, и сделано это, надо думать, с согласия самого Толстого, так как Колбасин, как мы видели, в письме от 20 августа спрашивал о том, какое печатать заглавие. 2) В 1-й главе в «Современнике» вместо «образок моего ангела» напечатано «портрет моей маменьки». Эта перемена была сделана, конечно, по цензурным требованиям. 3) В

¹ Письмо это (не полностью и не указав даты) напечатал П. И. Бюрюков в 1-ом томе биографии Л. Толстого. См. стр. 294 — 296 второго издания.

XII главе, в конце пятого абзаца в «Современнике» напечатано: «На дворе караульщик стучал в медную доску», вместо: «в чугунную». Но «медную» стоит и в издании 1856 г., так что эту поправку или не дал Толстой Колбасину, или последний не доглядел ее в корректуре.¹ 4) В XII главе, в конце третьего с конца абзаца в «Современнике», напечатано: «в слезах пал на землю» вместо «повалился». Так — «повалился» и стоит в изд. 1856 г. 5) В главе XIII, вторая половина первого абзаца, начиная со слов: «Но напудренная голова...» заменена в «Современнике» словами: «Она даже подавила в сердце своем любовь к молодому официанту Фоке». Возможно, что и эта замена сделана по цензурным требованиям. Текст Толстого восстановлен в изд. 1856 г. 6) В XIV главе, в четвертом абзаце, в «Современнике» напечатано: «Несколько борзых собак — одни тяжело дышали, лежа на солнце»... В письме к Некрасову Толстой указывал, что у него в рукописи было «двошали» и утверждал, что замена слова «двошали» словом «дышали» доказывает незнание языка. Тем не менее и в изд. 1856 г. стоит «дышали». Очевидно, Толстой отказался от этого провинциализма. 7) В XXV гл., в записке Мими в «Современнике» слово *délique* переведено «горячности», вместо «бреду», как и стоит в изд. 1856 г.²

После издания 1856 г. текст «Детства» не подвергался никаким *авторским* изменениям, почему нами текст последней (IV) редакции печатается по изданию 1856 г., по новой орфографии, но с сохранением начертаний, передающих особенности произношения (цаловал, пожалуста).

Отличия текста издания 1856 г. от текста «Современника» даны на стр. 97 — 99. Кроме указанных там отступлений от текста изд. 1856 г., нами сделаны две конъектуры в этом тексте.

XXVI гл. первый абзац и в «Совр.» и в изд. 1856 г. начинается: «15 апреля мы выходили». Т. к. предыдущая глава и в «Совр.» и в изд. 1856 г. начинается: «16 апреля...», то число «15» нельзя принять. В изд. 1873 г. поэтому стоит «25 апреля», что тоже нельзя принять. В рукописи III ред. стоит это ошибочное «15 апреля». Мы поставили «18 апреля» на основании рукописи I ред.

XXVIII гл. в абз. «Да мой батюшка», — в «Совр.» и в изд. 1856 г.: «она меня Наташей называла». Нами печатается: «она меня Нашей называла», т. к. так в рукописи III ред.

¹ На основании письма Толстого мы и заменили слово «медную» издания 1856 г. словом «чугунную».

² Из этого явствует, что в посланной Некрасову рукописи записка Мими имела лишь на французском языке, Некрасов же дал один перевод. В изд. 1856 г. дан тоже один перевод.

ЮНОШЕСКИЕ ОПЫТЫ.

I. Отрывок из ученической тетради 1835 г. Оригинал утрачен, сохранился лишь фотографич. снимок в книге «Новые письма Л. Н. Толстого изд. Окто. М. 1912 г.», куда снимок был доставлен П. А. Сергеенко.

II. Детские поздравительные стихи (*П. XXI*) написаны на листе большого формата с водяным знаком 1837 г., лист согнут пополам в большую 4° и вложен в обложку из бумаги другого сорта; оба листа были сшиты. На обложке надпись: «Милой Тетиньке». Сверху вторая обложка, на ней карандашом рукой Т. А. Ергольской надпись: «Детские стихи», сзади верхом вниз той же рукой 4 строки денежных счетов; на 1-й строке можно разобрать: *Serges m'a pris 2 g. arg.* — тоже рука Т. А. Ергольской.

III. *Amour de la patrie (П. XXI)* — 4° 4 лл. (2 л. текста и 2 л. обложки). Детское французское упражнение, старательно написанное, с подписью *Léon Tolstoi*. На обложке: «*A ma chère Tante*». В тексте сохранены авторские особенности языка и орфографии.

IV. *Le présent, le passé et le futur. (П. XXI)* — 4° 1 л. Подобное же упражнение.

V. *Notes sur le second chapitre des «Caractères» de La Bruyère (П. XXI)* — 4°, 2 лл. Тоже упражнение 1840-х гг., несколько более позднее.

VI — XIII. Различные отрывки 1847 — 1852 г. (*П. XXI*). Из них три первые записаны в переплетенной тетради-книге листового формата с завязками. Из 68 лл. этой книги текст занимает в разных местах всего 13 страниц. Разделение на отдельные отрывки установлено нами по содержанию; в оригинале, носящем характер черновых, спешных записей, не везде обозначены границы каждого отрывка. Но весь текст приводится полностью и порядок записей не нарушен. — Первый, № VI, с замечаниями на речь Руссо, занимает в книге первые 4 листа, № VII непосредственно следует за ним, занимая листы 4 — 6; он дает как бы две редакции одного и того же текста (у нас «вариант первый» и «вариант второй»). № VIII — сборный; он начинается на листе 7-м заглавием «О цели философии» и содержит на пяти листах ряд записей с несколькими особыми заглавиями, но к концу все более отрывочных, кратких и беспорядочных. К ним мы присоединяем еще краткую изолированную запись подобного же содержания на л. 28, начатую словами: «Найдя две основные части». В конце этого отрывка (стр. 232, строка 3 сн.) одно слово в три буквы выкинуто, как не принятое в печати.

IX. (П. XXI) (Нач. «Ежели бы человекъ не желалъ») сохранился в особой тетрадке 4°, 20 лл., где текст занимает 1 — 8 лл. Это — последовательное рассуждение о значении воли, хотя набросанное вполне на-черно, частью полусловами, испещренными поправками, где не всегда легко уловить связное изложение, которое местами даже прямо отсутствует.

Все эти отрывки философского характера по бумаге, почерку и чернилам должны быть отнесены к концу 40-х годов. Кроме этих палеографических данных они прикрепляются к Казанскому периоду жизни Толстого (именно к 1847 г.) также указанием дневника, где под 9 апреля 1847 г. говорится о развитии воли телесной и воли умственной (о подобном разделении воли читаем здесь в № IX). Наконец, найденное рукописное продолжение Юности (см. настоящее издание т. II) относит как раз эти философские писания к моменту выхода героя из университета (для Толстого — апрель 1847 г.); здесь мы читаем: «Помню, что основание новой философии состояло в том, что человек состоит из тела, чувств, разума и воли, но что сущность души человека есть воля, а не разум, что Декарт (которого я не читал тогда) напрасно сказал *Cogito ergo sum*, ибо он думал потому, что хотел думать, следовательно, надо было сказать *volo ergo sum*. На этом основании способности человека разделялись на волю умственную, волю чувственную и волю телесную. Из этого вытекали целые системы». Несколькими строками ниже читаем: «Кроме того в это же лето я прочел *Principes philosophiques* Вейса и несколько вещей Руссо и делал на них свои письменные замечания... Рассуждения Руссо о нравственных преимуществах дикого состояния над цивилизованным тоже пришлось мне чрезвычайно по сердцу. Я как будто читал свои мысли и только кое-что мысленно прибавлял к ним».

X. Отрывок об уголовном праве. (П. XXII) Сохранился в сшитой тетрадке 4° из 7 лл. Текст занимает с небольшим 3 лл. По почерку и бумаге автограф следует отнести также к Казанскому пребыванию Толстого. По содержанию он связывается, вероятно, с университетскими его занятиями, представляя или запись профессорских лекций (но во всяком случае перебеленную и отделанную) или, как свидетельствует местами язык и строй фразы, перевод с иностранного языка.

XI. Три отрывка о музыке. (П. XX) Первый «Временная метода для изучения музыки» — записан на 66-м листе той же большой книги, где помещены и философские отрывки; второй (Нач. «Значение музыки — субъективное и объективное») дошел в отдельном автографе на большом листе и третий («Основные начала музыки»), с датой «1850 г. 14 июня», занимает тетрадку 4° на 8 лл. с 7 стран. текста, не сплошь написанного.

Теоретические (и практические) усиленные занятия Толстого музыкой падают на 1848 — 50 годы, когда он увез к себе в Ясную Поляну музыканта Рудольфа. Писания о музыке несколько раз упоминаются в дневнике 1850 г., начиная с июня до конца года (Дневник молодости, изд. Черткова, 1917 г., стр. 37 — 39, 46). — Два первые отрывка печатаются впервые, третий печатался дважды (в «Дневнике Молодости» и в «Толстовском Ежегоднике 1913 г.»), оба раза по копии, не совсем точной.

Помещенный на стр. 243 чертеж — перечерченный чертеж, сделанный неразборчиво Толстым в указанной выше рукописи второго отрывка.

ХII. Для чего пишут люди. (П. VII) Автограф на одном большом листе, вырезанном из тетради в лист, с утратой на обороте концов строк. Текста одна страница с небольшим. Почерк ранний. Подобных рукописей на вырезанных листах сохранилось несколько; почти все из них по различным признакам датируются 1851 г. Повидимому, к этой группе относится и данный отрывок.

ХIII. О молитве. (П. VII) Рукопись 4°, 2 лл. очень старательным почерком ранних лет. Есть основание считать, что это рассуждение должно было первоначально входить в «Детство». В Дневнике молодости, читаем под 1 апреля 1852 г.: «Писал главу о Молитве, шло вяло... Писал, писал, наконец стал замечать, что рассуждение о молитве имеет претензию на логичность и глубину мыслей, а непоследовательно. Решился покончить чемнибудь, не вставая с места, и сейчас сжег половину — в повесть не помещу, но сохраняю, как памятник».

ХIV. «Сантиментальное Путешествие» Стерна. (П. XXI) Сохранились три рукописи этого перевода английского юмориста. Одна из них дает лишь начало (неполную страницу); другие две вместе обнимают около трети всего сочинения. Это — две тетради в 4°; первая — автограф на 28 лл. — содержит перевод с начала до главы «Монтрель», вторая в 42 лл. дает писарскую копию тех же глав с немногими поправками автора, а начиная с 31-го л. — продолжение перевода в автографе, кончая главой о мертвом осле. Ряд мелких разночтений в писарской копии заставляет предполагать утрату еще одного автографа, с которого непосредственно была сделана копия. Перевод печатается по тексту второй тетради, но в сомнительных и явно неисправных местах копии использован автограф первой тетради.

Стерн не только был для юноши Толстого любимым чтением, но и оказал сильное влияние на первые его литературные опыты, не говоря уже о «Детстве». Об этом см. собственные признания Толстого.¹ Влияние Стерновской манеры еще не вполне изучено, отчасти по недостатку до сих пор данных для того;² настоящее издание соч. Толстого, впервые печатающее ряд юношеских опытов и ранних редакций произведений первого периода, дает к этой теме обильный новый материал. Из него видно, что при окончательной обработке своих первых произведений Толстой заботливо устранил следы Стерновской манеры (которой сперва увлекался), быстро заметив ее отрицательные стороны (см., напр., об отступлениях у себя и у Стерна запись в кавказском дневнике 10 авг. 1851 г.³). Новый материал показывает также, что влияние Стерна не ограничивалось «Детством», а легко прослеживается в целом ряде вещей того времени, кончая первыми кавказскими рассказами. (См. особенно «Набег».)

Переводом Стерна Толстой занимался в 1851 г. на Кавказе, о чем есть несколько указаний в его дневнике.⁴ Перевод делался, быть может, с подлинника, но вряд ли без помощи французского текста: в дневнике

¹ Бирюков, Биография. 3-е изд. I, 22, 150, Дневник Молодости. Изд. В. Черткова, стр. 34, 87, 114, 117.

² См. Эйхенбаум, Молодой Толстой, ПБРГ. 1922 г.

³ Изд. Черткова, стр. 87.

⁴ Там же, стр. 63, 70, 73, 114.

приводятся две цитаты из Сентиментального Путешествия, одна по-английски, другая по-французски, затем в начале перевода слово *inch* переведено «палец», очевидно через посредство франц. *rouse*; наконец значительное количество неправильно или неясно переданных мест указывает на недостаточное в то время знакомство Толстого с английским языком. Перевод был задуман, как говорит дневник, «для развития памяти и слога»; и действительно, в нем видна не всегда удачная борьба с языком и строем фразы. Весь перевод сделан очень тяжелой и напряженной речью; с трудом верится, что он исполнялся одновременно с первой редакцией «Детства». Мы не отмечаем неверностей и слабых мест перевода, считая это задачей особого критического этюда, которому не место в настоящем издании.

XV. История вчерашнего дня. (П. VII) — Рукопись-автограф состоит из 13 отдельных листов, вырезанных неправильным волнистым обрезом из тетради или, вернее, переплетенной книги большого листового формата, в роде той, что описана выше при №№ V—VIII. Текст занимает полностью все 26 страниц. Точно такой же обрез, сделанный повидимому после появления текста, но с явной заботой о его сохранности, так что начала строк почти не пострадали, находим в рукописи следующего отрывка № XV и кроме того в листах первой редакции «Детства»; все эти листы были вырезаны из одной и той же большой тетради-книги, причем иногда даже легко наоблести по краям обреза, в каком порядке шли один за другим листы. Таким образом все названные рукописи следует считать одновременными и отнести или к самому концу 1850 г. или к началу следующего года, когда писался первый очерк «Детства»; притом же некоторые из них точно датируются по другим признакам. Так данная рукопись, состоящая из двух частей, приурочивается в той и другой части совершенно точно до месяца и дня. Первая часть (т. е. вся рукопись, кроме последней страницы), содержащая рассказ об игре в карты у знакомых, о возвращении ночью домой и о засыпании, была задумана 24 марта 1851 г. под впечатлением действительного вечера, проведенного у Волконских; под этим числом в дневнике записано: «у Волконск[их] был неестественен и рассеян, и засиделся до часу» — и в конце программы занятий на 25-е число: «Написать нынешний день со всеми впечатлениями и мыслями, которые он породит». Почти теми же словами определяет Толстой в начале очерка свою задачу. Но форма дневниковой записи (глагол *породит* в будущем времени) заставляет думать, что избрано будет для описания 25 марта; и действительно дневник на это число, кратко рассказав, как прошел день, в виде программы на 26-е ставит: «Встать в 5, до 10 писать историю нынешнего дня». 26 марта читаем об исполнении этой программы: «Встал часом позже назначенного, писал хорошо»... Итак, начат очерк 26-го; заглавие дано: «История вчерашнего дня», следовательно мы ожидаем описания того, как проведен был именно этот Благовещенья. По дневнику мы знаем, что автор виделся в течение этого дня с несколькими знакомыми, а вечер провел дома и зачитался «Вертером». Но едва упомянув в описании дня, что встал поздно, потому что накануне играл в карты и лег позже обычного, автор воспользовался этим, чтобы описать собственно только вечер 24-го числа, и этим ограничился,

извинившись перед читателем за это отступление. Неизбежность такого подмена темы впрочем лежала уже отчасти в самом замысле и автор собственно мог ее предвидеть, когда говорил во вступлении, что из картины любого дня получится целая книга, «на которую не хватит всех чернил на свете». Действительно при его детальности описание одного обычного вечера без всяких событий, посвященное более всего движению мыслей и чувств автора, заняло целый печатный лист, а к изображению самого дня еще не было приступлено. Нельзя не отметить этот огромный размах замысла у Толстого на первых же шагах его писательства; 12 лет спустя он также, планируя свою «Войну и Мир», будет мечтать о гигантском романе или ряде романов, обнимающих эпоху от 1805 г. до 1856 г., где война с Наполеоном и декабрьское движение будет лишь частями общего замысла.

Возвращаясь к «Истории вчерашнего дня», начатой, как мы видели, 26 марта, доскажем, что по отметкам дневника она писалась и 27-го, но «торопливо», и на 28-е число было помечено «окончить описание вечера и переписать» на следующий день. Однако 28-го Толстой «писал мало, лень», а 29-го «торопился писать» и 30-го «писал плохо», [больше известий нет;] 2 апреля предположено было «с 5 до 10 [утра] писать на бело», но вместо того Толстой в эти часы занялся чтением, а в тот же день уехал в Ясную Поляну. Очерк остался в черновом виде; на нем есть следы вероятно попутных исправлений и несколько зачеркнутых мест, значительнейшие из которых мы приводим с оговоркой. Тогда листы еще не были вырезаны и Толстой увез с собой в мае на Кавказ всю «большую книгу», как она зовется в дневнике от 2 июня; это подтверждается тем, что последняя страница 13-го листа уцелевшей рукописи носит дату «3 июня» и заглавие «Еще день (на Волге)». В этой второй части нашей рукописи автор хотел рассказать о том, как он по дороге на Кавказ решил ехать из Саратова до Астрахани по Волге; изложение прервано в самом начале переговоров о найме дощаника. Эта страница, судя по дате, писана уже в Старогладковской станице, куда Толстой приехал в самых последних числах мая. О том, что он не продолжал описание своего путешествия, можно только пожалеть; краткие отметки в дневнике перечисляют ряд предметов, обративших на себя его внимание. Толстой не раз упоминает в письмах и дневнике, что это путешествие, начиная от Саратова, принадлежит к лучшим воспоминаниям его жизни.

Как мы видели, «История вчерашнего дня» была вызвана реальным фактом — визитом к Волконским и несомненно правдиво передает впечатления автора; автобиографический материал в этом очерке дан совершенно открыто и до деталей сходится с показаниями дневника (ср., напр., сведения о ведении дневника, счетной книги, франклиновского журнала слабостей и т. п.). О каких Волконских может идти речь в данном случае? К содержанию нашего очерка подходит по нашему убеждению лишь одна семья: А. А. Волконский и жена его Л. И., рожд. Трусов. Привлекательной для 22-х летнего автора хозяйке в то время было 25 лет (род. в 1825 г.), о ней Толстой сохранил прекрасную память. Через год, перечитывая на Кавказе свой дневник, он писал: «Лучшие воспоминания мои относятся к милой Волконской (запись 20 марта 1852 г.)», ее же по уста-

новленному преданию он взял в «Войне и Мире» за основу для своей «маленькой княгини» Л. Болконской, очерченной с очевидной симпатией.¹

В теме очерка и в ее выполнении влияние Стерна сказалось, быть может, ярче, чем где бы то ни было; вся манера рассказа — детальный анализ самых беглых психологических состояний, частые отступления и смена мелких наблюдений общими афоризмами, видное место, отведенное характерной для английского юмориста расшифровке «немого разговора» взглядами (прием, удержанный Толстым и впоследствии и не раз применявшийся им) — все это чисто Стерновское. Заслуживает внимания подробная передача всех неожиданных и запутанных ассоциаций мысли в постели при засыпании с отметкой внешних условий обстановки спящего, определяющих самое содержание сна. Все это — первые опыты тех художественных картин сна, которые мы встречаем в зрелых произведениях Толстого. См. сны в «Войне и Мире».

Присоединяем несколько пояснительных примечаний:

Стр. 280, строка 4-я сн. Здесь видны те же заботы о том, как держать себя в обществе, которым полон дневник 1850 — 51 г. К данному месту близкое отношение имеет запись 7 марта 1851 г. «У Колошинных скверно вышел из гостиной, слишком торопился и хотел сказать что-нибудь очень любезное — не вышло».

Стр. 281, строка 6-я сн. Вертер — герой романа Гете, застрелившийся от несчастной любви. Он пришел на память автору очевидно потому, что он по свидетельству дневника как раз 25 марта читал Вертера.

Стр. 283, строка 9-я сн. Внезапная измена Саксонских войск в битве при Ватерлоо (1815 г.) считалась главной причиной поражения Наполеона.

Стр. 290, строка 2-я сн. Мы сохранили это слово в том виде, как его писал автор, т. е. с французским произношением первого слога (*combination*).

Стр. 291, строка 5-я св. Все место, связанное с ведением журнала, имеет все признаки обычной записи Толстовского дневника; даже пример лжи прямо внят оттуда: 24 марта автор записал, что был на гимнастике и что «солгал у Горчакова».

Стр. 292, строка 7-я св. Сережа — брат автора, С. Н. Толстой.

Там же, строка 8-я св. Маша — сестра М. Н. Толстая.

Стр. 295, строка 1-я св. Воронка — речка в Ясной Поляне.

XVI. Отрывок разговора двух дам. (II. XX) Рукопись представляет один лист, вырезанный из той же большой тетради, что и выше, и притом, как видно по срезам, шедший вслед за № 14-м. Манера изложения совершенно другая: строго выдержанное объективное повествование, где видны уже некоторые особенности, отличающие более зрелого Толстого: манера начинать рассказ сразу из середины (*in medias res*), сжатость и меткость обрисовки лиц, скупой, но яркий выбор бытовых деталей, характерность языка, манера создавать фамилии действующих лиц путем легкой перedelки реальных. (Здесь: Тарамонов — Парамонов, Дамыдова — Давыдова).

XVII. Стихотворения. (II. VI) Здесь собраны сохранившиеся пять стихотворений Толстого, относящихся к 1852 — 54 гг. (Севастопольские

¹ Дагеротипный портрет Л. И. Волконской до сих пор висит в кабинете Л. Толстого в Ясной Поляне с надписью саади рукой С. А. Толстой: «маленькая княгиня в Войне и Мире».

песни помещены особо, вместе с другими материалами, связанными с Крымской войной.) Первые четыре записаны в тетрадке 4°, 16 лл. (с текстом 6 лл.). Они печатаются в том порядке, в котором их дает рукопись. Время написания их определяется датой при втором из них: «30 дек. 1852 г. Старогладовская». Дневник под этим числом говорит: «Вечером написал стишков 30, порядочно». Датировано также третье «Эй, Марьяна, брось работу», под которым читаем: «Гадко. 1853. 16 апреля Червленная».

Четвертое стихотворение написано на отдельном листке бумаги другого сорта и есть лишь черновая редакция предыдущего. 3-е и 4-е стих. вместе представляют интереснейшую попытку закрепить, в необычайной для Толстого форме стиха, вероятно, самое первое зерно замысла «Казаков». В сложной истории создания «Казаков», которые, вместе с обильными дошедшими до нас новыми материалами, составляют шестой том, указана роль этого стихотворения в общем замысле повести; скажем здесь лишь одно, что основное его содержание (возвращение казаков из похода и встреча их станицей) было вскоре же обработано Толстым в особой главе повести, не вошедшей в окончательный текст.

Наконец последнее стихотворение, где так ясно Лермонтовское настроение, найдено записанным в дневнике 1854 г. под 20 ноября.

СЛОВАРЬ ТРУДНЫХ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ СЛОВ.¹

Агрегат — смесь, соединение — 237.

Алебарда — копьё с топориком в виде полумесяца — 287.

Антропофаг — людоед — 269.

Беляк — вид зайца — зимой совершенно белой, а летом серобурой шерсти. Беляк по резвости тупее русака, но много изворотливее — 129, 170.

Бирка — палочка или дощечка, на которой зарубками, надрезами или краской кладутся знаки для счета, меры или приметы — 23.

Борзая — порода поджарая, на высоких ногах, с длинной мордой и хвостом для травли, особенно зайцев — 13, 169.

Борзятник — охотник при борзых — 126, 127.

Варить варом — скакать частыми скачками — 24.

Вена (от французского слова *veine*) — удача, счастье в игре — 119, 139.

Вериги — разного вида железные цепи, полосы, кольца, носимые «спасающимися» на голом теле, для «смирения плоти» — 19.

Второчить — подвязывать позади седла что-нибудь — 23.

Выжлятник — старший псарь, который водит стаю гончих, напускает и съзывает ее — 22, 126.

Гинья — английская золотая монета в 21 шиллинг — 268.

Гончая — особая порода головастых и вислоухих собак, приученных гнать по зверю стаей, с громким лаем — 128.

Гросфатер — «старинная немецкая пляска, где за журавлиной проходкой следует резвое бешеное прыганье» (Даль) — 73.

Деконфигура — поражение, банкротство — 202.

Доезжачий — служитель, обучающий гончих собак, заведывающий стаей; в его ведении псаря — 22, 126, 129, || 318.

Доминанта — муз., пятый тон — 163.

Егерь — охотник — 6.

Екзекютировать — исполнять — 162.

Ерыга — пьяница, беспутный — 171.

Заотукалить — заотунать собакам — произносить учащенно вполголоса: «Ото, то, то», указывая арапником вперед на зайца, при травле зайца — 129.

Застукать — застать, захватить врасплох — 26.

Каннибал — людоед — 269.

Клепер — порода маленьких, быстрых, крепко сложенных лошадей — 21, 126.

Кблот — мерзлая грязь по дороге — 292.

Контрпункт — искусство подбора созвучий к данному напеву — 162.

¹ В этом «словаре» указываются не все страницы, на которых имеется данное слово.

К о р н е т — рожок, конусообразный бумажный сверток — 38.

М а л и к — небольшой след зайца, т. е. след поздних — прибылых (от слова малый) — 128, 169.

М а л ь т р е т и р о в а т ь — плохо обходиться, обижать — 174.

М и х а й л и н д е н ь — 8 ноября — 128, 169.

Н и з о в а я — лошадь с нижнего течения Волги, м. б. башкирская — 127.

О с т р о в — большое лесистое или болотистое место, окруженное со всех сторон полями, самое удобное для охоты с борзыми и гончими — 23, 24, 294.

О т р ы с к а т ь — кончить рыскать, перестать производить поиски-погоню — 22.

«**О т ь е з д**» (охотн.) — охота вдали от дома — 286.

П е р и п а т е т и ч е с к и е ф и л о с о ф ы — последователи аристотелевской философии — 253.

П о б о ч и н — у казаков: возлюбленный — 299.

П о р с к а н ь е — возгласы и речитативы охотника, возбуждающие собак на травлю — 24.

П о р о ш а — такое время первозимья, когда снег, падая на землю, укрывает ее ровным слоем, толщиной от 1-го до 4-х вершков, и затем перестает итти — 169.

П о ш е в ё н ь к и — небольшие сани для городской езды — 286.

Р а з о м к н у т ь — отделить одну собаку от другой, сняв двойной ошейник, смычок — 23.

Р у с а к — вид зайца — зимой серебристо-серый, а летом изжелто-буро-серой шерсти. Русак бежит очень резко — 128, 169.

С а р а ч и н с к о е п ш е н о — рис — 91.

С в о р а — соединение 1—4 борзых, рыскающих за одним охотником — 22.

С д в о и т ь — вернуться своим следом (о зайце) — 169.

С д в о й к а — двойной след зайца взад и вперед. «Двойками» и «тройками» заяц желает затерять

след от преследователя и потому «двойки» верные предвестники близости «логова» — 169.

С м е т к а (смет) — след от четырех заячьих ног, собранных вместе, как бы в кучу — в виде большой ямки, видимой на снегу в полутора саженом, а иногда и более расстоянии от заячьего следа (вернее от «двойки»). Сметнуть, скинуть — дать большой прыжок в сторону — 169.

С м ы ч к и — вид двух ошейников, раздвижные погончики которых должны быть соединены между собой прочным железным кольцом — 23.

С о м к н у т ь — соединять ошейниками (смычками) собак — 22.

С о р о ч к а — головной убор у казаков — 300.

С п е к у л я ц и я — умозрение — 279.

С п е р м а ц е т о в ы е с в е ч и — свечи, сделанные из спермацета (жидкой массы черепных костей китообразных животных) — 200.

С п е т ь — «спеть» к волку, лисце, зайцу — бежать (о борзых) — 169.

С т р е м я н н ы й — тот борзятник, который смотрит за сворой собак владельца охоты — 22.

Т ó н и к а — первый звук каждой гаммы, с которого она начинается и которым кончается — 163.

У г о н к а — настижение зверя собаками и поворот его в сторону — 292.

Ф и о р и т у р ы — украшение мелодии — 176.

Ф у х т е л ь — плоская сторона сабли или тесака; удар клинком плашмя — 194.

Ч е р е п е н и к — жареное в постном масле тесто, в виде стопки; шляпа в виде стопки — 39.

Э к и в о к а — двусмысленность, двоякость, обиняк — 271.

Э п а н ь о л к а — длинношерстная французская лягавая собака, будто бы испанского происхождения (от этого слова ее название) — 272.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

В настоящий указатель введены имена личные и географические; названия исторических событий (войн, революций и т. п.), учреждений, издательств; заглавия книг, названия статей, журналов, газет, произведений (слова, живописи; скульптуры, музыки); имена героев художественных произведений не Толстого и Толстого, когда последний упоминает их не в тех произведениях, где они выведены. Знак || означает, что цифры страниц, стоящие после него, указывают на страницы текста не Толстого.

- А, см. А л я б ь е в А. А.
А б д е р а — город во Фракии — 273.
А б е р д е н — город в Сев. Шотландии — 254.
А л б и ц к и й — композитор — 162.
А л я б ь е в Александр Александрович (1787 — 1851) — композитор, автор весьма популярных в свое время романсов — 30, 173.
А м и е н — город во Франции — 263.
А н г л и я — 249, || XI.
«А н д р о м е д а» — трагедия Эврипида (V век до нашей эры) — 273.
«А н е к д о т ы Ф р и д р и х а», см. «Anekdoten».
А п о с т о л о в Николай Николаевич — || XIV-XV.
А р р а с — город во Франции — 265.
«А р х и в с е л а К а р а б и х и» — Письма Н. А. Некрасова и К. Некрасову. Изд. К. Ф. Некрасова. М. 1916. — || 329, 331, 333.
«А с к о л ь д о в а м о г и л а» — опера (1835 г.) А. Н. Верстовского — 199.
А с т р а х а н ь — 294, 295, || 349.
А ш у к и н Николай Сергеевич — || 329.
Б а й р о н (1788 — 1824) — английский поэт — 55.
Б а л ь з а к Онопере (1799—1850) — французский писатель — 177 («César Birotteau»), 320 (idem).
Б а х Иоганн-Себастьян (1685 — 1750) — немецкий композитор — 163.
Б е к е т о в Владимир Николаевич — цензор — || 330, 334.
Б е р а н ж е Пьер-Жан (1780 — 1857) — французский поэт — 97 («Feux follets»), 200 («Qu'elle est jolie»), 326 (id.).
Б е р л и н — город — 269.
Б е р с С. А. См. Толстая гр. С. А.
Б е р с е б а (Бершеба) — город в Палестине — 268.
Б е р ш е б а, см. Берсеба.
Б е т х о в е н Людвиг (1770 — 1827) — немецкий композитор — 30 (сонаты), 163 (id.), 173 (id.), 176 («Патетическая соната»), 177 (id.), 179 (id.), 180 («Sonate patétique»), 182 («Патетическая соната»), || 320 (id. и V симфония).
Б и б л и о т е к а А к а д е м и и Н а у к СССР — || XII.
Б и б л и о т е к а С о ю з а С С Р имени Ленина (б. Румянцевский Музей) — || XI, XII, 329, 331, 333.
Б и б л и я — 108.
Б и р ю к о в Павел Иванович — || XV, 306, 308, 310, 336.
Б и р ю к о в П. И. «Биография Л. Н. Толстого» — || 309.
Б о а л о, см. Буало.
Б о л о н ь я — город в Италии — 268.

Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич — || III.

Боткин В. П. — «Письма об Испании» — || 334.

Брат тетушки, см. Ергольский Д. А.

Бродский Николай Леонтьевич — || XV.

Брюссель — город — 265.

Буало-Депрео Николай (1636 — 1711) — французский поэт и критик — 54.

Бумский Николай Иванович — офицер — || 311.

Бурбоны — французская королевская фамилия — 250

Бургмюллер Норберт (1810 — 1836) — немецкий композитор — 176.

Бургмюллер, см. Бургмюллер.

Ванюша, Ванюшка, см. Суворов Иван Васильевич.

Варфоломей — святой — 269.

Ватерлоо — деревня под Брюсселем, где 18 июня 1815 г. коалиционные войска одержали победу над Наполеоном I — 283, || 343.

Вейс Франциск-Рудольф (1751 — 1797) — швейцарский генерал и писатель — || 339 («Principes philosophiques»).

Вена — город — 269.

Венера Медицейская — статуя эллинистической эпохи — 268, 269.

Венеция — город в Италии — 191, 269.

Верстовский Алексей Николаевич (1799 — 1862) — композитор — 199 («Аскольдова могила»).

Вертер — герой произведения Гете «Страдания молодого Вертера» — 281, || 341, 343.

Волга — 294, 295, || 342.

Волконская кн. Луиза Ивановна, рожд. Трузон (1825 — 1890) — жена кн. Александра Алексеевича Волконского — || 342, 343.

Волконский кн. Александр Алексеевич (1818 — 1865) — || 341, 342.

Волконский кн. Николай Сергеевич (1753 — 1821) — дед по матери Л. Толстого — 36 (дедушка), 60 (дед, дедушка), 89 (старый барин, дедушка), 94 (id).

Вологда — город — 296.

Воронка — речка в Ясной Поляне — 294, 295.

Второй концерт Фильда — 175, 181.

Гвидо Рени (1575 — 1646) — итальянский художник — 251.

Гельке — 292.

Гент — город в Бельгии — 265.

Германия — 278.

Гете Иоганн-Вольфганг (1749 — 1832) — немецкий поэт — 55, || 343.

Глазгоф — город в Шотландии — 254.

Гоголь Николай Васильевич (1809 — 1852) — 210.

Гончаров Иван Александрович (1812 — 1891) — писатель — 210.

Горбунов-Посадов Иван Иванович — || XV.

Горчаков кн. Сергей Дмитриевич (1794 — 1873) — знакомый Толстого — || 343.

Госиздат — || XII.

Государственная редакционная комиссия юбилейного издания первого полного собрания сочинений Л. Н. Толстого — || V.

Государь, см. Николай I.

Готье (Gautier или Gauthier de Sibert) (1725 — 1798) — французский эрудит — 223.

Григорович Дмитрий Васильевич (1822 — 1899) — писатель — 210.

Грозная — станица — || 306.

Гроссман Леонид Петрович — || XV.

Грузинский Алексей Евгеньевич — || XII, XV, XVII, XIX.

Грумант — деревня около Ясной Поляны — || 308.

Гудзий Николай Калининич — || XV.

Гунгль Иосиф (1810 — 1889) — композитор и дирижер, автор преимущественно танцев — 176.

Гуревич Любовь Яковлевна — || XV.

Гусев Николай Николаевич — || XII, XV.

Давыдов Алексей Иванович — книгопродавец и издатель — || 335.

Давыдова — || 343.

Дан — город в Палестине — 268.

«Два слепа» — точнее «Два слепа из Толедо» — опера (1806 г.)

французского композитора Этьена Мегюля (1763 — 1817) — || 320.

«Дева Дуная» — опера Кауэра (1751 — 1831) — 69.

Дед, дедушка — см. кн. Н. С. Волконский.

Декарт Рене (1596 — 1650) — французский философ — || 339.

Демокрит (460 — 360 до нашей эры) — греческий философ — 273.

Державин Гавриил Романович (1743 — 1816) — поэт — 46, 55, 323.

Дидрихс — тульский кондитер — 292.

«Для легкого чтения. Повести, рассказы, комедии, путешествия», изд. А. Давыдова. СПб.: 1856 — 1859 — || 335.

Дмитриев Иван Иванович (1760 — 1837) — писатель — 46, || 323.

Добряя Надежда — мыс на юге Африки — 255.

Доницетти Гаэтано (1797 — 1848) — итальянский композитор — 176.

Дон Кихот — герой романа Сервантеса — 256.

Дрезден — город — 269.

Дружинин Александр Васильевич (1824 — 1864) — критик и беллетрист — 210, || 336.

Дувр — город в Англии — 249.

Еврипид (V в. до нашей эры) — греческий драматург — 273 («Андромеда»).

Европа — 256, 257.

Ергольская Татьяна Александровна (1792 — 1874) — 128 (тетушка), 169 (г-жа Н.), || 306, 308, 310, 329, 338.

Ергольский Дмитрий Александрович (р. 1797) 128, 169 (брат тетушки).

Женева — город в Швейцарии — 222.

Завадовская гр. С. П., см. Козловская кн. С. П.

«Записки охотника» Тургенева — || 334.

Иаго — святой, см. Сант-Яго де Компостела.

Иван Моисеевич — || 311.

Индостан — 251.

«Инструкция» Колбасину — || 334.

Иславины — || 305.

Исленьев Александр Михайлович (1794 — 1882) — || 305.

Испания — 278.

«История величия и падения Цезаря Биротто» («Histoire de la grandeur et de la décadence de César Birotteau») роман О. Бальзака — 177, || 320.

«История Государства Российского» — сочинение в 12-ти томах (1803 — 1826) Н. М. Карамзина — 108.

История семилетней войны — или Archengoltz «Geschichte des Siebenjährigen Krieges in Deutschland», Berlin, 1789 — или Gen. Sloyd «Geschichte des 7-jährigen Krieges in Deutschland», Berlin, 1783 — 1801, немецкий перевод с английского — 5.

Италия — 192, 249, 253, 271, 272.

Кавказ — || XIV, 329, 340, 342.

«Кавказский пленник» — поэма (1820 г.) Пушкина — || 323.

Казань — || 339.

Кале — город во Франции — 249 — 269.

Каллиостро гр. Алессандро — псевдоним авантюриста Джузеппе Бальзамо (1743 — 1795) — 124.

Камбри — город во Фландрии — 265.

Карамзин Николай Михайлович (1766 — 1826) — писатель — 108 («История Государства Российского»).

Карр Жан-Альфонс (1808 — 1890) — французский писатель — 114 («остроумный французский писатель»).

Киевская улица — в Туле — 286.

Кизляр — город — || 329; 331.

Киселев Николай Петрович — || XV.

Клементи Муцио (1752 — 1832) — итальянский композитор и пианист — 8.

Козловская кн. Софья Петровна, рожд. гр. Завадовская (ум. 1830) — || 305.

Колбасин Дмитрий Яковлевич — || 334 — 336.

Колбасин Елисей Яковлевич — литератор — || 334.

Колошины — знакомые Толстого — || 343.

«Комедии» Тургенева изд. 1856 г. — || 334.

Коммерческое училище в Москве — 116, 135, 137, || 306.

Концерт Фильда, см. Второй концерт Фильда.

Кооперативное товарищество по изучению и распространению произведений Л. Н. Толстого — || XI, XII.

Корнель Пьер (1606—1684) — французский драматург — 54.

Королева Виртембергская — 292.

Король Польский — см. Станислав I Лещинский.

Корпус законов гражданского права (Corpus Iuris Civilis) — 240.

Кострома — город — 296.

Красное — село Тульской губернии — 104, 112, 119, 141, 145.

Крымская война — || 344.

Купидон — бог любви у римлян — 266, 273.

Кутузов - Голенищев Михаил Илларионович (1745 — 1813) — генерал-фельдмаршал — 215, 216.

Лабрюйер Жан (1645 — 1696) — французский писатель, автор сочинения «Характеры» — 218, 219, 220, || 338.

Ламартин Альфонс (1790 — 1869) — французский поэт и политический деятель — 177 («Confidences») 178, || 320.

«Лексикон Французской Академии» Татищева — 61, 62, 202.

Ленорман (Lenormand) Мария-Анна-Аделаида (1772 — 1843) — известная предскавательница — 124.

Леонид — спартанский царь (V век до нашей эры) — 215, 226.

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814 — 1841) — поэт — || 344.

Лилль — город во Франции — 265.

Лион — город во Франции — 249.

Литературные приложения «Нивы» — см. Нива.

Лондон — город — 265.

Людовик XV (1710 — 1774) — французский король — 250.

Лябрюйер — см. Лабрюйер.

Мендельсон - Бартольд и Феликс (1809 — 1847) — немецкий композитор — 162.

Мендельсон Николай Михайлович — || XV.

Минин Кузьма Захарьев-Сухорук (ум. 1616) — торговец мясом, выступивший в 1611 г. с призывом за освобождение Москвы от поляков — 215, 216.

Михайловский - Данилевский — Александр Иванович (1790 — 1848) — || 311.

Мольер Жан-Батист (1622 — 1673) — французский комедийный писатель — 54.

Монтень Мишель (1533 — 1592) — французский философ — 54.

Монреаль - Су-Буа — город во Франции — 269, 274, || 340.

Морфей — бог сна в греческой мифологии — 291, 292.

Москва — 12, 14, 44, 55, 56, 57, 69, 82, 92, 104, 113, 116, 118, 135, 141, 186, 192, 203, 296, 297, || 305, 329, 331, 333.

«Московские Ведомости» — газета, издававшаяся в 1756 — 1918 гг. — 64.

Московский перевоз — в Саратове — 295.

Мундунгус — прозвище, данное Стерном хирургу Шарпу. См. Шарп.

Муратов Михаил Васильевич — || XV.

Мюссе де Альфред (1810 — 1857) — французский поэт — || 320 («Баллада о луне»).

Мясницкая улица — в Москве — 199.

Нампонт — город во Франции — 277, 278.

Наполеон I (1769 — 1821) — французский император (1804—1814 гг.) — 141, 283, || 343.

Неаполь — город в Италии — 269.

«Не будите меня молодую» — народная песня — 30, 173.

Невский проспект в Петербурге — 298.

Некрасов Константин Федорович — издатель — || 329.

Некрасов Николай Алексеевич (1821 — 1877) — поэт — || 329, 330, 331, 332, 333, 334, 336, 337.

«Не одна во поле доро-

женька» — народная песня — 30, 173.

Нечаева Вера Степановна — || XV.

«Нива» журнал — 330, 331.

Нижний - Новгород — 215, 216.

Никитский бульвар — в Москве — 193.

Никофоров Александр Исакович — || XV.

Николай I (1796 — 1855) (государь) — 118, || 333.

«Огонек» — журнал — || XII.

Оксфорд — город в Англии — 254.

Орден de la Merçi или de la Rédemption — религиозный орден, основанный в 1223 году, посвящавший себя выкупу пленников у неверных — 252.

Орден св. Франциска — монашеский орден, основанный св. Франциском Ассизским (1182 — 1226) — 250, 251, 252.

Орловская губерния — || XII.

«Остроумный французский писатель» — см. Карр Жан-Альфонс.

Отелло — герой трагедии Шекспира — 269.

Отец — герой «Швейцарского Робинзона» Рудольфа Вейса — 26.

Очаков — город — 37.

Панаев Иван Иванович (1812 — 1862) — беллетрист и журналист — || 336.

Пантеон — храм в Риме, посвященный всем богам — 268.

Парамонов — || 343.

Париж — 263, 265, 266, 268, 270.

«Патетическая соната» Бетховена — 176, 177, 179, 180, 182, || 321.

Пенелопа — героиня «Одиссеи» — || 310, 329.

Персеус — герой трагедии Еврипида «Андромеда» — 273.

Петербург — 79, 120, 141, 192, 296, || 334, 336, 336.

Петр I — (1672—1725) — || XIII.

Петровский Алексей Сергеевич — || XV.

Пиксанов Николай Кирикович — || XII, XV.

Пиренеи — горная цепь, от-

деляющая Францию от Испании — 278.

«Письма об Испании» Боткина — || 334.

Пожарский кн. Дмитрий Михайлович (1578 — 1641) — деятель смутного времени — 215, 216.

Покровский Михаил Николаевич — || II, III.

Прац Эдуард — владелец типографии — || 334 — 336.

Пречистенский бульвар в Москве — 193, 199, 200.

«Просвещение» — издательство — || XII.

Публичная библиотека РСФСР в Ленинграде — || XII.

Псалтырь — книга Ветхого Завета — 84.

Пушкин Александр Сергеевич (1799 — 1837) — || 323.

«Пятая симфония» Бетховена — || 320.

Пятигорск — город — 311.

Расин Жан-Батист (1639 — 1699) — французский драматург — 54.

Рим — 268, 269.

«Роберт - Дьявол» — опера Мейербера — || 320.

Робинзон — герой «Швейцарского Робинзона» Рудольфа Вейса — 26, 318.

Российский Исторический Музей в Москве — || XI, XII.

Россия — 116, 215, 216, 297, || XI, XII, 329.

Рудольф — музыкант — || 339.

Рукописное Отделение Академии Наук — || XI.

Рунич — || 336.

Руссо Жан-Жак (1712 — 1778) — французский писатель, философ — 221 («Речи»), 222 (Великий гражданин Женевы), 223 — 225, 279, || 338, 339.

Саводник Владимир Федорович — || XV.

Саксония — 15, 37, 119.

Сакулин Павел Никитич — || XII, XV.

«Сантиментальное путешествие через Францию и Италию» Стерна — 249 — 278, 340, 341, 343

Сант-Яго де Компостела — город в Испании, с гробницей апостола Иакова (испански Яго) — 278.

Санхо-Пансо — оруженосец из романа Сервантеса «Дон Кихот» — 256, 277.

Саратов — 294, || 342.

«Свободное Слово» — издательство — || XI.

Севастополь — || XIV, 333.

«Северная пчела» — газета, издававшаяся в Петербурге в 1825 — 1864 гг. — 5.

Сегюр гр. Жозеф-Александр (1756 — 1805) — французский писатель — 54.

Семенова Нимфодора Семеновна (1787 — 1876) — певица — 30, 173.

Сенковский Осип Иванович (1800 — 1858) — критик и журналист — 212.

Сергеенко Петр Алексеевич — || 338.

Смельфунгус — прозвище, данное Стерном Смоллету. См. Смоллет.

Смоллет Тобиас - Джордж (1721 — 1771) — известный английский романист — 268 («История Англии»), 269.

Совет Опекунский — высшее учреждение ведомства «Учреждений имп. Марии», управлявшее Воспитательными домами и состоявшими при них кредитными установлениями, принимавшими под залог имущества — 11, 112, 115.

«Современник» — журнал — || 312, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 336, 337.

Соната Патетическая Бетховена, см. Патетическая соната.

Соната «Quasi una fantasia» Бетховена — 180.

Сонаты Бетховена — 31, 163, 173, || 320.

Срезневский Всеволод Иванович — || XV.

Станислав I Лещинский (1677 — 1766) — король польский. Автор сочинения «Oeuvre du philosophe bienfaisant» — 223.

Старогладковская станция — 299, || 305, 306, 329, 330, 342, 344.

Старый Юрт — аул в Терской области — || 305, 306.

Степанов - Скворцов Иван Иванович — II, III.

Стерн Лауренс (1713 — 1768) — английский писатель — 249 — 278, || XIX, 340, 341, 343 («Сантименталь-

ное путешествие через Францию и Италию»).

Суворов Александр Васильевич (1730 — 1800) — полководец — 215, 216.

Суворов Иван Васильевич — крепостной Л. Н. Толстого — || 308 (Ванюша, Ванюшка, Иван Васильевич Суворов), 313 (Ванюша Суворов).

Суворова — мать Ивана Васильевича Суворова — || 308.

Сухарева башня в Москве — 199.

Сытин Иван Дмитриевич — || XII (издательство).

Танюша — цыганка, певица — 30, 173.

Тартюф — герой комедии Мольера «Тартюф» (1667) — 264.

Татищев Иван Иванович (1743 — 1802) — 61, 62, 202 («Лексикон»).

Тверская губерния — 186.

Тверская площадь в Москве — 195.

Тверская улица — в Москве — 74, 195.

Тверской бульвар в Москве — 193.

Тетушка, см. Ергольская Т. А.

Тибр — река в Италии — 260.

Тифлис — город — || 306, 307.

Толстая Александра Львовна — дочь Л. Н. Толстого — || IX, XII.

Толстая гр. Мария Николаевна (1830 — 1912) — сестра Л. Н. Толстого — || 343.

Толстая гр. Софья Андреевна рожд. Берс (1844 — 1919) — жена Л. Н. Толстого — || XII, 314, 343.

Толстой гр. Дмитрий Николаевич (1827 — 1856) — брат Л. Н. Толстого — || 308.

«Толстовский Ежегодник» 1913 г. Изд. О-ва Толстовского Музея — || 339.

Толстой Л. «Amour de la patrie» — 215, 216, || 338.

— «Военные рассказы». Спб. 1856 — || 335, 336.

— «Война и мир» — || 343.

— «Воспоминания детства» — || 308.

— «Детские поздравительные стихи» — 214, 338.

Т о л с т о й Л. «Детство» 3—99, 167—212, || XIII, XIX, 305—337.
 — «Детство и отрочество». Сочинение гр. Л. Н. Толстого. Санкт-Петербург. В типографии Эдуарда Праца. 1856 — || 333—337.
 — «Для чего пишут люди» — 246, || 340.
 — «Дневник молодости». Изд. Черткова. М. 1917. — || 305, 340.
 — «Ежели б человек не желал» — || 339.
 — «История вчерашнего дня» — || 341.
 — «Казачи» — || 344.
 — «Le présent, le passé, et le futur» — 217 || 338.
 — «Молодость» — || 305, 314, 333.
 — «Набег» — || 333, 340.
 — «Новый сборник писем». Изд. Окто. М. 1912 — || 338.
 — «Notes sur le second chapitre des «Caractères» de la Bruyère» — 218, || 338.
 — «О молитве» — 247, || 340.
 — «Отрочество» — || XIX, 305, 307, 312, 314, 333, 334, 335, 336.
 — «Отрывок из ученической тетради 1835 г.» — 213, || 338.
 — «Отрывок об уголовном праве» — 237—240, || 339.
 — «Отрывок разговора двух дам» — 296—297, || 343.
 — Полное собрание произведений в 90 томах. ГИЗ. 1928. М.-Л. — || XIII—XV.
 — Полное собрание сочинений под редакцией П. И. Бирюкова. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1912 — 1913 — || XII, 306, 308, 310, 314.
 — Полное собрание художественных произведений; приложение к журналу «Огонек» за 1928 г. ГИЗ. М.-Л. — || XII.
 — Полное собрание художественных произведений в 15-ти томах. ГИЗ. 1928. М.-Л. — || XII.
 — «Посмертные художественные произведения» под редакцией В. Черткова. Изд. А. Толстой. 1912 — || XI.
 — Различные отрывки 1847—1852 гг. — || 338.
 — Роман из эпохи Петра I — || XIII.
 — «Рубка леса» — || 333.
 — «Севастополь в августе» — || 333, 334.
 — «Севастополь в декабре» — || 333.

Т о л с т о й Л. «Севастополь в мае» — || 333.
 — «Севастопольские песни» — || 343, 344.
 — Собрание сочинений под редакцией Хирьякова. Изд. Т-ва Провсвещение — || XII.
 — Сочинения графа Л. Н. Толстого. Изд. С. А. Толстой. М. 1911 — || XII.
 — «Стихотворения» — 298—302, || 343.
 — «Три отрывка о музыке» — 241—245, || 339.
 — «Четыре эпохи развития» — 103—166, || 305, 307, 314, 329.
 — «Юность» — || XIX, 305, 307, 312, 314, 333.
 — «Юношеские опыты» — || XIX, 338—344.
 Т о л с т о в с к и й М у з е й в Ленинграде — || XII.
 Т о л с т о в с к и й М у з е й в Москве — || XI, XII.
 Т о л с т о й гр. Николай Николаевич (1823—1860) — брат Л. Н. Толстого — || 329, 331.
 Т о л с т о й гр. Сергей Николаевич (1826—1904) — брат Л. Н. Толстого — || 336, 343.
 Т о л с т ы е гр. — || 305.
 Т р у з с о н Луиза Ивановна, см. Волконская кн. Л. И.
 Т у л а — 286, || 336.
 Т у л ь с к а я г у б е р н и я — 104, || XIV, 329.
 Т у л ь с к а я д е р е в н я — 297.
 Т у р г е н е в Иван Сергеевич (1818—1883) — писатель — 210, || 334 («Комедии» изд. 1856 г.).
 Т у р и н — город в Италии — 269.

Ф е н е л о н Франсуа (1651—1715) — французский писатель — 54.
 Ф и л ь д Джон (1782—1837) — пианист, с 1804 года живший в России — 175, 181.
 Ф л о р е н ц и я — город в Италии — 269.
 Ф р а к и я — греческая область — 273.
 Ф р а н к л и н о в с к и й ж у р н а л — дневник, который вел политический деятель Вениамин Франклин (1706—1790). В дневнике отмечались проступки, совершенные за день — 289.
 Ф р а н к о н и я — провинция в Баварии — 278.

Франциск Ассизский, см. Орден св. Франциска.

Франция — 54, 249, 250, 253, 271, 272.

Французский король, см. Людовик XV.

Фридрих II Великий (1712—1786) — Прусский король — 108, 109.

Хирьяков Александр Модестович — || XII.

Хум (Hume) Джон (1722—1808) — английский поэт и драматург — 270.

«Цампа» — опера Герольда (1791—1833) — || 320.

«Цезарь Биротто» («César Birotteau»), см. «История величия и падения Цезаря Биротто».

Цяловский Мстислав Александрович — || XII, XV, XVII, XIX.

Червленая — станица — 300, || 344.

Чертков Владимир Григорьевич — || II, III, V, VII—XII, XV, XIII, 305, 311, 340.

Шарль — герой «Швейцарского Робинзона» — 26.

Шарп — английский хирург — 269.

«Швейцарский Робинзон» Рудольфа Вейса («Le Robison Suisse ou le prédicateur suisse naufragé avec sa famille») — 26, || 318.

Шекспир Вильям (1564—1616) — английский драматург — 269 («Отелло»).

Шеллинг Фридрих-Вильгельм-Иоганн (1775—1854) — немецкий философ — 162.

Шилинг, см. Шеллинг.

Шиллер Фридрих (1759—1805) — немецкий поэт — 55.

Шохор-Троцкий Константин Семенович — || XII, XV.

Эзра — лицо священнического сана в Библии — 260.

Эйхенбаум Борис Михайлович — || XV.

Эрнест — герой «Швейцарского Робинзона» — 26, 318.

Юм Давид (1711—1776) — английский философ и историк — 270.

Ясная Поляна — || 308, 339, 342, 343.

«Anekdoten von Friedrich II» 6 Hefte. 1788—1792. Friedrich Nicolai — 108, 109.

«César Birotteau», см. «История величия и падения Цезаря Биротто». Charles. См. Шарль.

Clementi. См. Клементи.

«Confidences» Ламартина — 177.

Ernest, см. Эрнест.

«Feux follets» — стихотворение Беранже — 97.

«Histoire des voyages» — «Histoire générale des voyages ou nouvelle collection de toutes les relations des voyages» в 19 томах, изданных в Париже у Дидо в 1746—1770 гг. — 5.

Hume. См. Хум Джон.

Hume. См. Юм Давид.

Hyde Park — парк в Лондоне. 258.

N, брат. См. Ергольский.

N, г-жа. См. Ергольская.

Normant M-le. См. Ленорман.

Quasi una fantasia. См. Соната Quasi una fantasia.

«Qu'elle est jolie» — стихотворение Беранже — 200, || 325.

Robinson Suisse. См. «Швейцарский Робинзон».

Septuor Бетховена — произведение для струнных и духовых инструментов (op. 20) 1799—1800—180.

St. Thomas — гувернер у Толстых, выведенный в «Отрочестве» и «Юности» в лице St. Jérôme'a — 292.

СО Д Е Р Ж А Н И Е.

	Стр.
От Государственной редакционной комиссии	V
От главного редактора	VII
От редакторского комитета	XI
Предисловие к первому тому	XIX
От редакции	XXI

ДЕТСТВО.

Глава I.	Учитель Карл Иванович	3
Глава II.	Мама	8
Глава III.	Папа	10
Глава IV.	Классы	13
Глава V.	Юродивый	16
Глава VI.	Приготовления к охоте	20
Глава VII.	Охота	22
Глава VIII.	Игры	26
Глава IX.	Что-то в роде первой любви	27
Глава X.	Что за человек был мой отец?	28
Глава XI.	Занятия в кабинете и гостиной	30
Глава XII.	Гриша	33
Глава XIII.	Наталья Савишна	35
Глава XIV.	Разлука	39
Глава XV.	Детство	43
Глава XVI.	Стихи	45
Глава XVII.	Княгиня Корнакова	50
Глава XVIII.	Князь Иван Иванович	53
Глава XIX.	Ивины	57
Глава XX.	Собираются гости	63
Глава XXI.	До мазурки	67
Глава XXII.	Мазурка	70
Глава XXIII.	После мазурки	72
Глава XXIV.	В постели	75
Глава XXV.	Письмо	77
Глава XXVI.	Что ожидало нас в деревне	82
Глава XXVII.	Горе	84
Глава XXVIII.	Последние грустные воспоминания	88
Печатные варианты		97

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ, НЕОТДЕЛАННЫЕ И НЕОКОНЧЕННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ.

	Стр.
Черновые тексты «Детства»	103
*I. Четыре эпохи развития.	—
II. Варианты из *второй и **третьей редакций «Детства» . .	167
Юношеские опыты	213
Детские упражнения	—
I. Из ученической тетради 1835 г.	—
*II. Поздравительные стихи	214
*III. Amour de la patrie	215
*IV. Le présent, le passé et le futur	217
*V. Notes sur le second chapitre des caractères de la Bruyère.	218
Различные отрывки 1847 — 1852 гг.	221
*VI. Философические замечания на речи Ж. Ж. Руссо.	—
*VII. Отрывок без заглавия	226
*VIII. О цели философии.	229
*IX. Отрывок без заглавия	233
*X. Отрывок об уголовном праве.	237
XI. Три отрывка о музыке.	241
*Отрывок I	—
*Отрывок II	242
**Отрывок III	244
*XII. Для чего пишут люди	246
*XIII. О молитве	247
Опыты художественного характера	249
*XIV. Сантиментальное путешествие через Францию и Италию	—
**XV. История вчерашнего дня	279
*XVI. Отрывок разговора двух дам.	296
*XVII. Стихотворения	298

КОММЕНТАРИИ.

М. А. Цявловский. Комментарии к «Детству»	303
История писания	305
Описание рукописей, относящихся к «Детству»	312
Сравнительный обзор состава глав всех четырех редакций «Детства»	315
История печатания «Детства» в «Современнике»	328
История печатания «Детства» отдельным изданием в 1856 году. Печатные тексты «Детства» (в «Современнике» 1852 г. и в изд. 1856 г.)	333
1856 г.)	336
А. Е. Грузинский. Комментарии к «юношеским опытам»	338
Словарь трудных для понимания слов	345
Указатель имен	347

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

Снимок с дагеротипного портрета Л. Н. Толстого 1848 г. работы Шенфельда в Петербурге (размер подлинника) — между XVI и XVII стр.

Снимок с первой страницы рукописи «Четыре эпохи развития» (размер подлинника) — между 102 и 103 стр.

Снимок с последней страницы рукописи III редакции «Детства» (размер подлинника) — между 166 и 167 стр.

Снимок с части страницы ученической тетради Л. Н. Толстого 1835 г. (размер подлинника) — между 212 и 213 стр.

Настоящее юбилейное издание первого полного собрания произведений Л. Н. Толстого печатается на основании постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 24 июня 1925 г. и проводится под руководством Государственной редакционной комиссии в составе А. В. Луначарского, М. Н. Покровского, В. Д. Бонч-Бруевича и И. И. Степанова-Скворцова.

Напечатано в типографии
Государственного издатель-
ства «Печатный Двор», Ле-
нинград, Гатчинская, 26, в
количестве 5000 экз. X, 20.
Гиз № 27408/м. Ленинград-
ский Областлит № 14499.
24 листа.

